

СТЕФАН АНЖЕМ

ПОСЛЕДНИЙ ГВОЗДЬ

НАСТОЯЩИЙ ПОДАРОК ДЛЯ ПОКЛОННИКОВ
СКАНДИНАВСКОГО НУАРА.

PUBLISHERS WEEKLY

18+

Annotation

Он шел по трупам, чтобы добраться до самой вершины. Он шантажировал и подставлял, не боясь замараться. Его зовут Ким Слейзнер, и он начальник полиции Копенгагена. Комиссар Фабиан Риск готов пойти на все, чтобы его заклятый враг наконец оказался за решеткой. Его бывшая коллега Дуня Хугор ушла в подполье, в отношении ее бывшего босса Слейзнера ведется расследование, но она надеется добраться до него первой. Фабиан Риск поддерживает ее в поисках улик. Но когда высокопоставленный сотрудник датской разведки и неизвестная женщина найдены мертвыми на дне озера недалеко от Копенгагена, кажется, что ловушка сработала и развязка уже близка. Наверняка за этим стоит Слейзнер.

Но все не так просто, и, возможно, в силки попался не тот, кого хотели поймать.

-
- [Стефан Анхем](#)
 -
 -
 - [Пролог](#)
 - [Часть 1](#)
 -
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)

- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [Часть 2](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)

- [49](#)
 - [50](#)
 - [51](#)
 - [52](#)
 - [53](#)
 - [54](#)
 - [55](#)
 - [56](#)
 - [57](#)
 - [58](#)
 - [59](#)
 - [60](#)
 - [61](#)
 - [62](#)
 - [63](#)
 - [64](#)
 - [65](#)
 - [66](#)
 - [67](#)
 - [68](#)
 - [69](#)
 - [Эпилог](#)
 - [Спасибо](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
-

Стефан Анхем

Последний гвоздь

© Stefan Ahnhem, 2021

© Шаболтас А., 2022

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

В память о Теодоре Риске

** 25 марта 1996 года*

† 31 июля 2012

Пролог

3 августа 2012 года

Эрика Андерссон всегда недолюбливала воду. С душем проблем не было. Как и с тем, чтобы час-другой провести в ванне с хорошей книгой. Напротив. А вот что она никогда не любила, так это *купаться*. То есть плескаться, плавать или чем еще люди занимаются в воде, когда не греются и не моются.

Дело было не в том, что Эрика не умела плавать, хоть она и не хвасталась всем подряд своим умением. Когда кто-то говорит, что умеет плавать, то обычно предполагается, что человеку не составит труда проплыть двести метров, не сильно наглотавшись воды, а до такого ей было далеко. Тем более на холодной открытой воде, с волнами, медузами и мерзкими рыбами.

Все же она поддалась уговорам и запихнула все свои килограммы в маленький каяк, такой узкий и неустойчивый, что она чудом до сих пор оставалась на плаву. Она буквально сидела в воде. В холодной темной воде, которая бурными волнами будто подступала к ней со всех сторон, перехлестывая через борта.

Миккель утверждал, что на каяке почти невозможно промокнуть. Он на полном серьезе, глядя ей в глаза, уверял, что ей максимум немного забрызгает руки до локтя.

В его словах не было, конечно, ни грамма правды – типично для Миккеля, особенно когда ему в голову приходила блестящая, по его мнению, идея. В последний месяц он только и нудел о том, как было бы прекрасно выбраться и встретить рассвет на каналах Копенгагена, слиться с водой.

Слиться с водой. Боже...

Но чего не сделаешь ради любви. Ведь за Эрикой не стоит очередь из желающих, да и, если честно, Миккель был совсем из другой лиги. Он не только хорош собой, но и успешен: программист с зарплатой, о которой большинство может лишь мечтать.

Единственная трудность заключалась в том, что он датчанин, и ей пришлось покинуть Хельсингборг. Хотя на самом деле это не

проблема. По сравнению с ее попытками поставить каяк на ровный киль.

Казалось, он мог перевернуться от малейшей ряби, и у нее уже болели мышцы корпуса. О руках и плечах даже думать не хотелось. Вопрос в том, останутся ли они вообще на своих местах после гребли по сверхамбициозному маршруту Миккеля.

– Ты что, не видишь, как здесь красиво? – прокричал он спереди.

Она кивнула. И правда красиво. Она действительно увидела Копенгаген с совершенно другой стороны. Но наслаждаться видами ей все-таки было непросто. Особенно после того, как они оставили позади спокойный, идиллический канал Вилдерс и вышли в самую гавань, где было совсем другое движение и, соответственно, другие волны.

Она не понимала, зачем он тащит ее на открытую воду. Но, конечно, теперь он хочет воспользоваться случаем и показать ей все, раз им наконец удалось выбраться куда-то вместе. А может, на самом деле у него совсем другие планы?

Такой ход мыслей ей не нравился, но она, очевидно, не могла его контролировать. Мысли жили своей жизнью и уже раскручивались в полную силу.

В последнее время Миккель стал необычайно раздражительным, и они уже почти месяц не занимались сексом. Сначала она воспринимала это как временный кризис. Но все только усугублялось. Честно говоря, никогда еще их отношения не были настолько плохими как сейчас, в разгар отпуска.

Что, если он от нее устал? Поэтому задумал это все? Поэтому вытащил ее на эту чертову прогулку? Чтобы ей стало до такой степени некомфортно, и она сама прервала отношения. Потому что ему не хватало решимости. Фу, как трусливо!

Да и он к тому же слишком хорош, чтобы их отношения были правдой. Ей так казалось с самого начала. Как странно, что он выбрал именно ее.

Она могла действовать на нервы. И прекрасно это осознавала. Особенно когда вбивала себе что-то в голову. И у нее не получалось переключиться, пока не становилось слишком поздно. Как в тот раз, когда она была твердо уверена, что он ей изменяет, и при первой

возможности прошерстила его компьютер и мобильный, не найдя ничего подозрительного.

Если бы только она смогла успокоиться, то все было бы нормально. Но нет, конечно, она посчитала блестящей идеей два дня спустя устроить за ним слежку, как в старом шпионском кино, чтобы убедиться, действительно ли он отправился на встречу с тем приятелем. И, естественно, она себя выдала, а он, естественно, ужасно обиделся. Нет, даже впал в ярость. Точно как тогда, когда она слишком много расспрашивала о его бывшей девушке, погибшей в автокатастрофе.

– А вот новое здание Оперы! – сказал он и указал в сторону массивного здания.

– Очень красиво, – прокричала она в ответ. – Слушай, может, повернем назад?

– Нет, ты что, не видишь, какая вода – спокойная и умиротворяющая?

– Да, но, может, хватит на сегодня? У меня уже устают руки.

– Ну, вот ты их и потренируешь.

– Но Миккель, я не чувствую себя безопасно. Понимаешь? Мне страшно, и я больше не хочу. Я только хочу на берег.

– Эрика, обещаю тебе. Здесь нечего бояться.

Затем последовала та самая улыбка, от которой Эрика таяла и была готова на что угодно. На ее волю это действовало как криптонит на Супермена, и ей ничего не оставалось, как, вздохнув, продолжать грести мимо Оперы и дальше, в гавань.

Точно так же он улыбался в тот раз, когда подошел и предложил ей выпить. Они с приятелями отдыхали на вечеринке в Копенгагене, и она сразу так влюбилась, что через две недели уволилась и переехала в датскую столицу.

Она не прислушалась к маминым причитаниям о том, что, наверное, все случилось как-то быстро, и предупреждениям о том, что они едва знакомы. По крайней мере, тогда.

– Доплывем только до Реффена^[1] и повернем назад, – крикнул он еще через пару сотен метров, – о'кей?

– Не знаю, хочу ли, – ответила она. – Seriously, Миккель. Он все время норовит перевернуться и...

– Нет, он не перевернется. Тебе нужно просто расслабиться и продолжать грести, спокойно и ритмично.

Почему он не может просто с ней расстаться и попросить съехать, если ему правда так этого хочется? Да, она бы расстроилась и совершенно точно разозлилась. Начала бы кричать и обвинять его во всем подряд. Вероятно, даже разбросала бы вещи вокруг.

Но в конце концов она бы смирилась и вернулась домой в Хельсингборг, даже если и связалась бы с ним еще пару раз, прежде чем окончательно опустить руки. Ничего более страшного не случилось бы, если ему нужно от нее именно избавиться.

Он просто боится. Другого объяснения нет. Конечно, она – человек с характером, с этим не поспоришь. Но это все ничто по сравнению с его темпераментом.

К тому же некоторые случаи ее не на шутку напугали. Особенно тот раз, когда она грозилась подать на него заявление об изнасиловании, если он не даст ей спать. Тогда он так сильно ударил кулаком в стену всего в нескольких сантиметрах над ее головой, что там образовалась дыра.

Но это в прошлом. В настоящем он перестал проявлять желание.

Озарение, зачем это все затевалось, настигло ее пару минут спустя, когда в нескольких километрах впереди она увидела направлявшийся в порт круизный лайнер. Внезапно она ясно поняла, в чем заключался его план.

Вместе с озарением пришла паника.

– Смотри! – закричал он, в то время как она пыталась найти выход, прочь от этого кошмара. Прочь от него, назад в Швецию. – Белые скульптуры! – Он показал на белоснежные скульптуры, расположенные в ряд вдоль пристани.

Конечно, он заметил, что она его раскусила, и теперь изо всех сил старался ее отвлечь. Действительно скульптуры были очень красивы, во всем своем великолепии взиравшие на воду и бросающие вызов погоде и ветрам. Но она только бегло на них взглянула. Ее внимание было направлено на круизный лайнер.

Скорее всего, далеко он не пойдет, а встанет на якорь у пристани Лангелиние. Но волны от него разойдутся и по гавани, и хоть она их пока не видела, но была убеждена, что прямо сейчас они направляются к ней.

Она точно перевернется, она чувствовала это всем телом, а в таком случае шансов у нее не останется. И он прекрасно об этом знал. С каким же психопатом она встречается? Неужели вот так он поступал каждый раз, когда от них уставал? Подстраивал все так, чтобы они сгинули при странных обстоятельствах?

Вот почему им нужно было оказаться на более-менее открытой воде с не более чем одним свидетелем поблизости. Все должно выглядеть просто как очередной несчастный случай. Еще один едва умеющий плавать беспечный идиот, который стал цифрой в статистике.

– Помогите! – закричала она и начала грести к берегу. – Помогите!

– Эрика, что ты делаешь?

Не переставая грести, она посмотрела через плечо и впервые увидела волну. Вернее, волны. Она разглядела три штуки – в десятках метров друг от друга. На таком расстоянии они не казались разрушительными, но двигались быстро и приближались с такой скоростью, что та пугала сама по себе.

– Эрика!

Она гребла изо всех сил, но каяк не слушался. Вместо того, чтобы скользить вперед, его упорно поворачивало то вправо, то влево. Черт, черт, черт! Почему только она не послушала свою мать? Почему не замечала знаки, которые сейчас стали такими очевидными? Как она могла быть такой наивной?

А вот и она.

Точно как Эрика и ожидала.

Теперь она почувствовала, какая волна на самом деле большая, когда их притопило вместе с кормой каяка, наклонив вбок, чтобы спустя мгновение поднять на дыбы. Ах, черт, – последнее, что она успела подумать, прежде чем все завертелось.

Она зажмурилась. Будто никакой опасности нет, пока ничего не видишь. Но как бы сильно она сейчас ни жмурилась, она была под водой, темной и холодной, вниз головой, висела в каяке. Она слышала, как можно выбраться, сделав эскимосский переворот^[2], но ей хватило одной попытки, чтобы осознать его невозможность. К тому же у нее застряли колени.

Значит, так все кончится. В подвешенном состоянии вниз головой под водой. Станным образом она была довольно спокойна. Как будто паника, которую она раньше испытывала, отпустила ее. Наверное, потому что она перестала надеяться и в каком-то смысле приняла свою судьбу.

Она не знала, сколько провела под водой, но явно всего секунды, раз ей до сих пор не хотелось вдохнуть. Может, так бывает перед концом. Секунды идут медленно и время как будто тянется.

И вот впервые в жизни она открыла под водой глаза. Раньше она никогда не решалась, но сейчас терять уже было нечего. Если она скоро умрет, то почему бы не сделать это с открытыми глазами.

Глазам было совсем не так больно, как она ожидала. Вообще почти ничего не ощущалось. И было не так уж темно. Скорее даже светло. Вокруг все светло-зеленое. Мутное.

Тут ей стало не хватать воздуха. В тот момент, когда она запрокинула голову назад, чтобы посмотреть вниз, и увидела в паре метров внизу наискосок от себя машину, ей захотелось вдохнуть, и вернулась паника.

Задняя часть машины лежала на большом бетонном блоке, в то время как передняя часть свисала в полуметре от морского дна. Стекла были опущены, и на заднем сиденье качалась обнаженная женщина с длинными темными волосами, как в рекламном ролике, если бы не ее раскрытый рот и выпученные глаза.

В это мгновение далеко над ней из-за тучи вышло солнце, видимость улучшилась, и она разглядела мужчину в смокинге с опущенной на руль головой.

Больше она толком ничего не успела рассмотреть – ее вытащило обратно на поверхность. Почти ничего, кроме того, что от затылка у мужчины осталась по большей части дыра с кровавой массой.

Часть 1

3–5 августа 2012 года

Нас много – тех, кто надеется, что в конце концов победит добро, и мы осознаем, что вместе мы сильнее всего. Что несмотря на разный цвет кожи, культуру и религию мы одно целое и сообща сможем победить несправедливость, спасти климат и в перспективе достичь того, чтобы на Земле наступил мир.

Увы, это утопия. Тот мир, который нам знаком, не строится на мечте о счастливом конце. Протянуть руку и помочь слабому – привлекательная мысль. В теории.

На самом деле в мире действуют совсем другие силы. Как только у нас появляется что-то ценное, кто-то другой хочет у нас это отобрать. Когда что-то здорово, что-то другое стремится сделать это больным. Это работает везде: от борьбы клеток в вашем теле до звезд, которые взрываются и превращаются в черные дыры.

Согласно китайским исследователям, деструктивное поведение человека объясняется размером мозга. Говоря по-простому, он достаточно большой, чтобы изобрести атомную бомбу. В то же время он слишком мал, чтобы осознать последствия этого.

Другая теория говорит, что не добро в целом является гарантией существования и выживания. Не оно отвечает за естественный отбор, постоянное развитие и совершенствование, что, в свою очередь, позволяют льву выжить в саванне, а дереву вытянуться еще чуть выше к солнцу.

Другими словами, не добру мы обязаны тем, что прошли путь от планктона к рыбам и дальше до человека.

А злу.

Это его нам нужно за все благодарить.

Зло в его абсолютной форме.

Старый, ветхий кирпичный дом на западном берегу озера Санкт Йоргенс в самом центре Копенгагена был полон парадоксов. С одной стороны, он был настолько непримечателен, что мало кто из жителей Копенгагена, когда-либо прогуливавшихся вокруг озер, вообще его замечал. С другой стороны, несмотря на скромные размеры, его выделяло своеобразное величие и стремление привлечь внимание.

В частности, выделялся он выкрашенным в черный, смотрящим на юг фасадом, с барельефом в виде большой белой пешки. И железной крышей, которую по углам тоже украшали черные пешки. Никто не знал, почему и что это значит. В доме никогда не существовало никакого шахматного клуба. Да и никто сильно заинтересованный в шахматах им не владел. Возможно, пешки символизировали, что даже самый слабый вопреки всему может стать достаточно сильным, чтобы однажды превратиться в ферзя.

Внутреннее убранство дома тоже производило противоречивое впечатление. Помимо пары ниш, ванной комнаты и кухоньки, он состоял из одной комнаты. Комната эта, благодаря белому деревянному полу, открытой светлой планировке, чрезмерно высокому потолку и большим витринным окнам, в свои самые удачные моменты могла показаться крупнее самого здания.

Но уже месяц, как она вызывала скорее клаустрофобию – набитая таким количеством электрического оборудования, комната больше напоминала студию электронной музыки, втиснутую в кабину самолета, чем просторное ателье.

Вдоль всей передней стены, под окном с мелкой расстекловкой на потолке, вплотную стояли рабочие столы, заставленные компьютерами, мониторами, несчетным количеством рэковых стоек с мигающими светодиодами и электроплатами, соединенными с другими приборами тонкими разноцветными проводами.

Стены по бокам были завешаны большими белыми досками. На одной из них крупные буквы гласили: «Ким Слейзнер». Под ними висели фотографии, все сделаны издали, на всех увеличенное изображение мужчины – как он направляется в полицейское

управление в Копенгагене и покидает его, как стоит и разговаривает по мобильному или сидит в машине, ожидая зеленого света.

На другой доске располагались разные диаграммы в виде столбиков и линий, а еще множество помеченных буквами телефонных номеров с указанием времени. Рядом к большой карте Копенгагена были прикреплены разные флажки, также помеченные буквами.

Для непосвященного все это наверняка выглядело как сплошной хаос. Но там была система, структура того, как пользоваться всеми пометками со стрелками, сокращениями и символами, и как для достижения наилучшего охвата и контроля должны быть расположены и подсоединены электронные устройства.

Как всегда, в такое раннее время суток здесь царило своего рода контролируемое спокойствие. Будто все вместе образовывало один большой спящий организм с таким редким пульсом в покое, что его едва можно было зафиксировать. Безусловно, многие из сотен диодов мигали, но в довольно неспешном ритме. Они медленно увеличивали и уменьшали силу свечения, как будто находились в какой-то электрической медитации, где вместе с экранными заставками они погружались в сны, один фантастичнее другого.

Все пребывало в режиме ожидания, готовое к тому, что может случиться все что угодно.

Что угодно, когда угодно.

В том же помещении, в нескольких метрах над горой перевернутых деревянных стульев, вися на стальной трубе, которая держалась на потолочных балках, медленно, на одной руке, подтягивалась Дуня Хугор. Загонять себя только ради того, чтобы поставить галочку, – бессмысленно. Тут важна выносливость. Без нее она бы сдалась и отказалась от проекта еще давно. Тогда ей бы пришлось уговорить себя, что, может, и нет тут ничего, что стоит критиковать и разоблачать, чтобы отправить под суд Кима Слейзнера, начальника полиции Копенгагена.

Но ничто не могло заставить ее сдаться. Не только потому что он был полной противоположностью тому, кем должен быть высокопоставленный полицейский. И не потому что он долгие годы препятствовал ее работе в качестве следователя, плевать, что это стоило жизни невинным людям. Внутри у Дуни горел огонь, не потому что он засовывал в нее свои грязные жирные пальцы, пытался

изнасиловать, а потом выставил на улицу. Толкало ее вперед все то, что они пока не обнаружили. Все то, в существовании чего она уверена – оставалось только найти это и вытащить на свет.

Подтянувшись так, чтобы подбородок оказался над трубой, она начала медленно, насколько позволяла выбрасываемая в мышцы молочная кислота, опускаться. Было больно, но этого она и добивалась. Проходила весь путь до пика боли, когда девяносто восемь процентов ее существа хотели отпустить хватку, а оставшиеся два процента держались за мысль, что падение с трех метров прямо на перевернутые стулья будет гораздо болезненнее.

Она перехватила трубу другой рукой и снова начала подтягиваться с минимально возможной скоростью. Ей пришлось выполнить четыре медленных подтягивания, прежде чем завершить свою двухчасовую тренировку.

Она была сильнее, чем когда-либо. Вдобавок с прошлой весны она каждый день проводила две длинные силовые тренировки и часовую йогу. Всего за пару месяцев ее тело изменилось так, как она и представить не могла. Она набрала вес, но в то же время стала стройнее. Но в первую очередь она стала выносливее. Она точно знала, где проходит граница того, что может выдержать ее тело, и каждый день сдвигала ее еще немного.

Изначально тренировки были необходимым злом. Чтобы иметь какие-то шансы против Слейзнера, ей нужно быть и сильнее, и быстрее его. Один из пунктов она, вероятно, уже выполнила, если опираться на сделанные ими снимки Слейзнера. По ним четко видно, как он, увлеченный охотой за ней, забросил собственное здоровье.

Теперь он возобновил занятия йогой по утрам, но в любом случае он был точно не тем человеком, которого стоило недооценивать. По этой причине она смирилась с тем, что тренировки превратились в нечто для нее необходимое, чтобы не лезть на стены от ломки.

Другое дело – сама слежка. С ней пока был полный провал. Им не удалось найти ничего представляющего интерес. Ничего достаточно однозначного, чтобы раз и навсегда его потопить.

И все-таки последние недели он находился под более-менее постоянным наблюдением. Они прослушивали все его разговоры. Прочитали и проанализировали все отправленные им и принятые СМС и мейлы. Они детально изучили его финансовые дела, а с помощью

GPS-датчика у него в мобильном зафиксировали карту его перемещений, так что за редким исключением могли до мельчайших подробностей узнать, что он делал, где и, прежде всего, когда. Кроме того, часто они с высокой точностью могли предсказать все три составляющие еще до самого события.

Другими словами, старый подонок был у них как на ладони, и ее поражало, насколько однообразно и скучно он жил. Самое интересное, что он регулярно посещал Йенни Нильсен, вернее Йенни Мокрую Киску Нильсен, как она себя называла, по адресу Нейсомхедсвей, 4.

С этой же проституткой он встречался у себя на заднем сиденье автомобиля три года назад около улицы Лилле Истедгаде. В тот раз вышел небольшой скандал, когда об этом пронюхали журналисты. Тем более оказалось, что это происходило в рабочее время, из-за чего он пропустил важный звонок из шведской полиции в Хельсингборге.

По собственной инициативе, полностью независимо от нее Фарид Черукури слил информацию таблоиду «Экстра бладет», который в свою очередь запустил кампанию, где в последующие недели Слейзнера полоскали и унижали в прайм-тайм и фактически во всех газетах. Помимо прочего это привело к тому, что от него ушла жена, а сам комиссар национальной полиции Хенрик Хаммерстен приказал ему взять перерыв.

Не нужно быть Эйнштейном, чтобы понять, как унижительно это было для такого жадного до внимания петуха как Слейзнер, и по какой-то причине он решил во всем обвинить именно ее, и с тех пор делал все, что в его власти, чтобы ее уничтожить.

А власть его только росла, с того времени как он чудесным образом сумел пробраться обратно на теплое местечко, где теперь, пару лет спустя, имел лояльных друзей из фактически всей элиты Дании. Он во всех смыслах совершил невероятное возвращение, и как ему это удалось, по-прежнему оставалось для нее большой загадкой.

Тот факт, что вне работы он посещал выдающую виды проститутку, не являлся, однако, ничем скандальным, удивительным или запрещенным в этой стране. Возможно, жалким и низким, но этого было совершенно недостаточно, чтобы с ним расквитаться. Скорее в глазах многих это делало его более человечным.

Если честно, она ожидала чего-то совсем иного масштаба – более вызывающего и декадентского. Чего-то вроде двойной жизни с одной

ногой в полиции, а с другой в... И вот в этом-то и заключалась основная проблема. Она ничего не знала. Единственное, что у нее было – четкое ощущение, что где-то что-то не так. Что несмотря на все затраченные силы и время, не говоря уже о купленной технике, они едва сумели поскрести поверхность.

Однако она не сомневалась в том, что Ким Слейзнер был абсолютным злом до мозга костей. Не важно, сколько бы он ни выкручивался и ни пытался разыгрывать из себя достойного полицейского. Она смотрела сквозь облагороженный фасад и в полной мере осознавала, что это была лишь актерская игра.

Поэтому им ничего не оставалось, как продолжать поиски, пока они не выйдут на след. Продолжать прослушку, наблюдение и анализ каждого малейшего его шага. Ведь где-то там есть целый шкаф такого, что не проживет и секунды при свете дня.

Но надо спешить. Слейзнер даром времени не теряет. Все часы бодрствования он тратил на то, чтобы усилить оборону и стать настолько сильным, чтобы в конце концов ни один скандал в мире не смог бы его сломить, и, судя по всему, был близок к успеху.

Она снова подтянулась, пересилив кричащую в мышцах боль, – она не знала, что происходит в паре метров внизу.

Это началось несколько минут назад со светодиода на одном из патч-модулей. Его мигание внезапно поменялось. Не сильно, но достаточно, чтобы его можно было отличить от остальных. Прерывистое и нерегулярное. Как будто размеренный сон кончился, и он вдруг понял, что проспал.

И словно заразный вирус, беспокойное мигание вскоре распространилось на еще пятьдесят диодов, а вскоре проснулись и многие мониторы, выключилась заставка, заработали программы с линиями звуковых волн, регулировкой громкости и временными отрезками и начали вести запись.

На одном из мониторов появилось изображение, на котором над незастеленной двуспальной кроватью висит громоздкая люстра. На краю кровати сидел голый Ким Слейзнер с зарождающейся на макушке лысиной и потягивался.

Из динамика около монитора было слышно, как он зевнул, хрустнул шеей и позвоночником, а затем встал и исчез из виду.

Дуня среагировала на звук, качнулась вперед и приземлилась на четвереньки рядом с горой стульев. Направляясь к мониторам, она взглянула на наручные часы и отметила, что они показывали всего десять минут шестого утра.

За все время слежки Слейзнер никогда не вставал так рано, а значит, наконец случилось нечто неординарное.

Издали болтающийся в воздухе белый «Мерседес», который вот-вот опустится на бетонную пристань, выглядел практически новым. Как будто его только что доставили с завода и он готов покорять дороги. Но вытекающая из окон с опущенными стеклами вода и клещи, сжимавшие капот, а также силуэты двух тел выдавали совсем другое.

Ян Хеск был тем, кого это зрелище обрадовало, когда он выехал на гравийную дорогу вдоль пристани в районе Рефсхалееэн и припарковался на безопасном расстоянии от крана.

Часы показывали немилосердную рань, а ему пришлось прервать отпуск, как раз когда они с семьей паковали вещи для путешествия на машине в Ютландию и, к большой радости детей, в парк развлечений Леголенд. Они никогда там не были, и вот наконец это должно было случиться, поэтому он прекрасно понимал их разочарование. Хуже оказалось с Лоне, которая завелась не на шутку и устроила громкий скандал прямо на выезде из дома.

Ему же удалось сохранить спокойствие и подыграть им в их разочаровании, возложив вину на обстоятельства и ни словом не обмолвившись о том, что в глубине души он только и ждал окончания отпуска.

Еще на первой неделе, когда он отвечал за домашнее хозяйство, пока Лоне проводила инвентаризацию детских товаров без пластика, у него чесались руки вернуться в управление и снова приступить к работе. Но он держал это при себе, в то время как продолжал мастерить шалаш, жарить блины и кататься на велике в парке Амагер Странд-парк, когда дома Беньямину становилось невмоготу.

Теперь он наконец вернулся, да еще и в совершенно новом качестве. Об этой позиции он мечтал с первых дней работы в отделе криминальной полиции. Причиной послужила террористическая атака в парке аттракционов Тиволи месяц назад. После нее изменилось почти все. Внешнему наблюдателю все это виделось огромной трагедией, и все близкие жертв по понятным причинам пребывали в таком мраке, который он не мог себе представить.

В его случае события, напротив, стали поворотным моментом. Никогда он не переживал такого – ни до, ни после. Внезапно он заработал уважение своего шефа, Кима Слейзнера, который раньше относился к нему как к собаке, которую можно только ко всему понукать.

Слейзнер так впечатлился его подходом и действиями в разгар кризиса, что не только повысил ему зарплату и предоставил отдельный кабинет – прежде всего, у него появилось больше ответственности. Наконец у него появилась возможность собрать и возглавить собственную команду.

Криминалист Торбен Хеммер уже прибыл и всю выгружал сумки с оборудованием из фургона, хотя машинист крана еще не успел ослабить ремни на капающей машине.

Пока они с Хеммером только однажды разговаривали по телефону, но он уже был убежден, что новый криминалист – ценное приобретение. Они как раз нуждались в этой концентрированной энергии, которую он излучал, когда разбирал оборудование и подготавливал его для осмотра. Он приехал сюда работать, а не болтать или пить кофе.

А вот в Юли Берн сторфф он не был так уверен. Он не мог сформулировать почему. Может, она была просто слишком красива, когда вышла ему навстречу с близкими к неестественным аккуратными чертами, темными вьющимися, как в рекламе, волосами и длинными ногами.

Она выглядела как человек, работающий в индустрии моды или в другой подобной сфере, а не здесь, где, чуть оступившись на высоких каблуках, рисковала упасть и травмироваться. То, что, к тому же, именно Слейзнер изначально нанял ее и предложил ему включить ее в команду, не упрощало ситуацию.

– Здравствуйте, Юли Берн сторфф, – представилась она, одной рукой заправляя волосы за ухо и протягивая вперед другую. – Это я, кто...

– Я знаю, – прервал он, кивая. – Мы уже встречались.

– Ах да, помню, – сказала она, и глаза у нее забегали, что выдавало очевидную ложь.

– Прошлой весной, когда вы проходили собеседование у Кима Слейзнера, – помог он ей. – Мы встретились в коридоре, но тогда вы

наверняка думали о чем-то другом. – По крайней мере он собирался дать ей шанс, прежде чем закрепится на своей позиции и найдет другого работника.

– Точно, вы правы. – Ее лицо осветила улыбка.

– В любом случае, добро пожаловать в команду! – Он коротко пожал ей руку и направился к «Мерседесу». Она может быть сколько угодно красивой – у него в команде это не дает никаких преимуществ.

– Извините, но я бы хотела кое-что...

– Вероятно, это может подождать до того момента, как мы разберемся с самым срочным, – перебил он, не останавливаясь.

– Не знаю, дело в том, что...

Он остановился и повернулся к ней.

– Послушайте, Юли. Я человек прямой. Единственное, что я требую, чтобы все делали свое дело, а когда речь идет о вас, как я понял, полном новичке, то для начала ваше дело – держаться на заднем плане. Слушать и запоминать, не привлекая внимания.

Он натянуто ей улыбнулся и пошел дальше.

Чего ему совсем не хотелось, так это быть как Слейзнер, невыносимым начальником, которому все улыбаются и заискивают, а в душе ненавидят больше всего на свете. Но прямо сейчас нет времени на разговоры с коллегами, разрешения на отпуск и все то, что тоже входило в его обязанности. Прямо сейчас на первом месте – расследование с двумя выловленными в гавани телами.

На данный момент, по тому немногому, что он знал, дело не выглядело каким-то особенно сложным. Он считал это большим преимуществом. Они только выиграют, если как можно быстрее и эффективнее его раскроют и продемонстрируют себе, а прежде всего Слейзнеру, что полностью готовы брать на себя ответственность. Что являлось необходимым этапом для получения в дальнейшем более сложных дел.

– Здравствуйте, Торбен! – протянул он руку Хеммеру, который как раз застегивал закрывающий все тело защитный комбинезон. – Вижу, вы уже приступили к работе, хотел просто поприветствовать вас в команде.

– Спасибо, но нет, спасибо. – Хеммер кивнул на его протянутую руку. – Не знаю, где вы с ней бывали, а уж чего мне не хочется, так это загрязнений в разгар осмотра места происшествия.

– Без вопросов, – кивнул Хеск, поднимая обе руки в воздух. – Но можете быть спокойны. Они так проспиртованы, что на них бы сработал датчик при проверке на дорогах. – Он рассмеялся. – Ну, по количеству промилле.

– Понятно, но, может, поговорим чуть позже, когда у нас не будет двух разлагающихся тел, которые, кстати, вон те ребята хотят забрать поскорее. – Хеммер кивнул на приближающуюся к ним скорую.

– Конечно, конечно, – Хеск отступил на шаг назад и почувствовал, как по телу прошла волна ненависти к себе. – Делайте то, что необходимо. Поэтому мы здесь. Я пока поговорю со свидетелями.

Он огляделся.

– Но где они? – Он повернулся к Берн сторфф. – Их разве не двое должно быть? Мужчина и женщина.

– Да, верно. – Берн сторфф кивнула. – Об этом я и хотела сообщить ранее. Я уже поговорила с ними.

– О'кей, то есть вы провели допрос по собственной инициативе, не посоветовавшись, и даже меня не проинформировав?

Бернсторфф кивнула.

– Я приехала первой, а они очень замерзли и находились в шоке. Особенно женщина, которая была на грани срыва, так что я оценила, что ей нужна помощь и скорейшая госпитализация с седативными препаратами.

– О'кей. – Он кивнул и наконец почувствовал себя увереннее, теперь, когда внимание сместилось с неловкого разговора с Хеммером. – Но в следующий раз я бы попросил вас сначала связаться со мной.

– Я так и сделала. Пыталась дозвониться.

– Ах вот как.

– Да, но вы не отвечали.

Наверное, она звонила в разгар скандала с Лоне около дома. Черт возьми!

– Хорошо, ну, давайте к делу. Выяснили что-то достойное внимания?

– Ничего особенного кроме того, что мужчина пригласил свою девушку на раннюю прогулку на каяке, где она перевернулась как раз здесь из-за волн от круизного лайнера.

Хеск кивнул. Похоже, она права. Тут и правда больше ничего интересного.

– Да, ничего особенного. Надеюсь, вы не забыли взять их контактные данные.

– Нет, конечно. Я отправила вам по мейлу все данные вместе с конспектом допроса.

Значит, и это она уже успела. Ничего не скажешь, впечатляет.

– Отлично! – сказал он, пытаясь начать заново, когда дверь машины за ними закрылась. Он обернулся и увидел идущего типичной для него скованной и слегка нервной походкой Мортена Хейнесена.

Хейнесен был без сомнения тем коллегой, с которым он больше всех работал за годы в полиции. К тому же он был одним из немногих, кому он по ощущениям мог полностью доверять. Хейнесен не сплетничал за спиной и не вел какую-то тайную игру, чтобы подняться по карьерной лестнице. Единственное, что его заботило, это четко следовать всем правилам и выполнять работу как можно лучше.

И все-таки в нем всегда было что-то нервное. Будто над ним всю жизнь издевались и теперь ему нужно быть готовым в любой момент получить оплеуху. Из-за этого он незаслуженно получил репутацию одного из самых недалеких, хотя в реальности он просто боялся конфликтов и предпочитал держать свое мнение при себе, чем рисковать столкновением с кем-либо.

– Доброе утро, Мортен! – сказал Хеск с улыбкой, радуясь, что кто-то прибыл на место еще позже. – А тут у нас кое-кто, кому точно был необходим живительный сон.

– На самом деле он приехал сразу после меня, – заметила Бернсторфф.

– Да? Но как получилось, что...

– Я только что отвез свидетелей в больницу, – сказал Хейнесен.

– А, вот оно что! – Хеску захотелось провалиться сквозь землю. Утро началось хуже некуда. Он, кто никогда не умел шутить, дважды попробовал быть забавным, и оба раза закончились катастрофой. Чем он вообще занят? – Прости, я подумал, что ты тоже опоздал, как и я.

– Ничего страшного, – сказал Хейнесен, улыбнувшись. – Как дела тут? Нашли что-то интересное?

– Не знаю, – ответил он, надевая перчатки. – Хотел дать Торбену возможность спокойно начать работу. Но давай сходим туда и

посмотрим.

Хейнесен кивнул и вместе с Берн сторфф они подошли к машине, у которой, наклонившись над поднятым капотом, стоял Хеммер и делал снимки.

Хеск в свою очередь обошел машину, открыл правую заднюю дверь и посмотрел на обнаженную женщину, лежавшую на спине на откиннутом сиденье. Наконец к нему снова начало возвращаться спокойствие. Вот чем он должен заниматься. Концентрироваться на расследовании. Именно в этом он хорошо разбирается и чувствует себя уверенно. Лидерство придет со временем.

Женщина оказалась моложе, чем он думал. Возраст было определить сложно. Этнически она не была датчанкой, и ее гладкая золотистая кожа могла принадлежать как пятнадцатилетней, так и двадцатипятилетней. Если не тридцатилетней. В любом случае имело место удушение. На это указывали темно-синие пятна вокруг шеи.

Как человек с опытом, он знал, что практически любое расследование нужно начинать с самого очевидного. Что в 9,9 случая из 10 нет причин все усложнять и запутывать без необходимости. На самом деле реальность не похожа на кино, где сценарист из кожи вон лезет, придумывая один невероятный поворот за другим исключительно ради развлечения.

Конечно, бывают и исключения, подтверждающие правило. Как в случае с делами, которые за последние годы доставались тому Фабиану Риску с коллегами на шведской стороне пролива. Но в более широкой картине они представляли лишь отклонение в графике.

В реальности большинство мест преступления выглядели точно так, как и совершались. Крайне редко убийству предшествовал продуманный план или план в принципе, а когда трагедия уже случилась, исполнитель почти никогда не тратил время на заметание следов. В тех редких случаях, когда он все-таки это делал, чаще всего он оставлял новые, которые было еще проще расшифровать.

Он повернулся к Хеску, когда тот, раздвинув женщине ноги, делал серию снимков. Сам он ощущал себя всегда немного грязным, когда видел мертвую женщину с оголенными половыми органами. Хеммер, напротив, на вид не особо размышлял об этом, а наклонился еще ближе и продолжил заполнять карту памяти фотоаппарата.

– Доброе утро, доброе, как у вас тут дела?

Хеск выглянул над крышей автомобиля и увидел идущую в компании двух работников скорой женщину с короткими рыжими волосами, в белом медицинском халате.

– Меня зовут Трин Блад, я из отделения судмедэкспертизы, – продолжила она и подняла руку в знак коллективного приветствия.

– Так вы временно замещаете Оскара Педерсена? – спросил Хейнесен.

– Нет, скорее я его новая коллега. Я бы передала от него привет, если бы он знал, что мы будем здесь. Но что скажете? Не против, если мы займемся телами?

– Чуть позже, – ответил Хеск. – Дайте нам пару минут.

– О'кей. Пара минут меня устроит. Но будьте добры, не дольше. Понимаете, так как они находились в воде, каждая минута на счету.

Он мог бы засыпать ее едкими комментариями о том, кто отвечает за расследование. Но не собирался так низко опускаться. Он был выше этого, так что пусть эта маленькая лекция растворится в утреннем бризе. Он открыл переднюю дверь и увидел склонившегося вперед одетого в смокинг, белую рубашку и бабочку мужчину. Голова опущена на руль, с которого, как сдутый шарик, свисает подушка безопасности.

Кровавая дыра на затылке мужчины была велика, из-за чего Хеск поймал себя на мысли, что забыл, что на самом деле смотрит на человека. Но именно так оно и было, и кто угодно пришел бы к выводу, что темные пятна на шее женщины с высокой долей вероятности – следы рук мужчины. В целом Хеск уже видел достаточно, чтобы вся сцена стала для него очевидной.

– Ну, на первый взгляд все, в общем, понятно, что думаешь? – Он повернулся к Хейнесену, который кивнул, пожимая плечами.

– Да, все в целом говорит о том, что он перегнул палку и случайно задушил женщину, а потом совершил самоубийство.

– В точности мои мысли.

– Вопрос в том, занимались ли они в машине сексом.

Хеск пожал плечами.

– Ее одежды, насколько я вижу, здесь нет, так что предположу, что они были либо у него, либо у нее дома, как вариант – в каком-то неизвестном отеле.

– Другими словами, где угодно, – сказала Берн сторфф.

Хеск повернулся к ней, собираясь напомнить, чтобы она держалась в тени, пока ее не спросят. Но сумел удержаться и вместо этого улыбнулся.

– Нуу, не совсем. Я хотел сказать, что у него должна была быть возможность незаметно ее вынести и погрузить в машину. Она ведь не завернута в черный пакет или в ковер. Кстати, нам удалось обнаружить оружие?

Он повернулся к Хеммеру, приступившему к сбору образцов волос, остатков крови и мозгов со стен машины.

– Оно лежало внизу, у педалей.

– А где оно сейчас?

– На столе у тебя за спиной.

Хеск повернулся к разложенному походному столу, где находились пакеты с уликами. Он поднял один из пакетов и увидел пистолет – полуавтоматический CZ 75. Распространенная модель, производилась в Чехии и использовалась по всему миру.

– Юли, пробейте DK556919B.

Берн сторфф кивнула и отошла в сторону с телефоном.

Если не считать ляпов в начале, то все на самом деле шло гладко, как он и надеялся. Если так пойдет и дальше, то может они управятся за пару дней, и в итоге Леголенд станет для семьи приятным сюрпризом.

Единственное, что беспокоило – это вон тот рыболов, стоявший в тридцати метрах от них, за оцеплением, и то и дело забрасывавший удочку. Хеск точно не мог объяснить, в чем дело, но что-то заставило его взять у Хеммера камеру, увеличить изображение зумом и сделать с десяток снимков мускулистого мужчины, одетого в рыболовный жилет с множеством карманов и шляпу с пришитыми завязками.

– Торбен, – услышал он голос Хейнесена за спиной. – У вас есть представление о том, сколько машина могла там пролежать?

– Максимум пару суток, – ответил Хеммер. – Если хотите более точную оценку, то подождите, пока я изучу электронику автомобиля.

Стоявший на пристани рыбак сам по себе не был необычным зрелищем. Особенно в такие ранние часы. Но в объектив Хеск отчетливо видел, что этот мужчина не знал, как держать удочку, а тем более как ее забрасывать. Это, конечно, могло ничего не значить. Все бывает в первый раз.

Он отдал камеру Хеммеру и обратился к Трин Блад.

– О'кей, тела в вашем распоряжении.

При самом хорошем раскладе она сможет найти доказательства того, что они уже знали. Тогда останется лишь установить личности, а с этим проблем быть не должно.

– Прошу прощения, но у меня есть еще кое-что, – сказал Хейнесен, по обыкновению поднимая палец вверх. – Скорее всего, это не так уж и важно, но просто чтобы быть...

– Ничего страшного, – ответил Хеск. – Только давай вкратце, чтобы судмедэксперты приступили к работе.

– Как я уже сказал, ничего такого важного. Но я думаю о том сценарии, который мы обсуждали.

– Да, что такое?

Хейнесен сглотнул.

– Я не уверен в том, что все сходится. Особенно тот момент, что он совершил самоубийство. Вернее, то, как он его совершил.

– Он сунул в рот дуло и спустил курок. – Хеск дернул плечами. – Что в этом такого удивительного?

– Ничего. Удивительно то, что он должен был это сделать, одновременно падая с пристани, что, как мне кажется, не самый простой маневр. К тому же все это представляется немного избыточным.

Хеск хотел было что-то сказать, скорее для того, чтобы двигаться дальше. Но в словах Хейнесена действительно что-то было. Все это и правда немного удивительно.

– Не может ли это быть комбинацией и того, и другого? – наконец сказал он. – С одной стороны, он хотел умереть как можно быстрее и безболезненнее, с другой, просто-напросто хотел исчезнуть и в лучшем случае никогда не быть найденным.

– Может. – Хейнесен кивнул. – Наверняка ты прав. Конечно, так оно и есть.

Это была всего лишь теория, которую он из себя исторг. Необязательно ей быть плохой или неподходящей. И все же Хейнесен сейчас стоял и кивал, хотя явно был не согласен. Все всегда так делали, когда за расследование отвечал Слейзнер.

– Но ты так не думаешь, верно? – спросил Хеск.

– Почему же, вполне вероятно могло быть так, как ты и говоришь. Абсолютно.

– Мортен. – Хеск обошел машину и подошел к нему. – Сейчас меня интересует только то, что ты думаешь. Плевать на то, что по-твоему я ожидаю услышать.

– Что-то не сходится.

Это он хотел услышать меньше всего.

Не такая картина рисовалась ему. Дело, которое едва успело набрать скорость, затормозило и пошло в обратном направлении. Ему хотелось расквитаться с этим быстрее, чем ожидал Слейзнер. Показать всем, что единственная проблема с его повышением – в том, что с ним слишком долго тянули.

Но Хейнесен был прав. Что-то портило весь сценарий. А больше всего он не хотел ошибиться. Умудриться пропустить ту самую мелкую деталь, которая позднее оказалась бы ключом к раскрытию.

Он обратился к Хеммеру.

– Что скажете, Торбен? По шкале. Насколько странно, что он застрелился и одновременно вылетел в воду?

– Я бы сказал, что это в принципе возможно. Например, он мог сначала приземлиться в воду, и только потом застрелиться. Все-таки машина быстро набирает воду и тонет.

– Там же еще все стекла были опущены, – заметил Хейнесен.

– Да, но все равно нужно минимум двадцать секунд, а ему хватило бы и не больше одной.

– Но? – спросил Хеск, выжидая.

Хеммер посмотрел ему в глаза.

– В принципе возможно – не то же самое, что вероятно.

– Так вы думаете, дело обстояло по-другому?

– Не важно, что я думаю. Значение имеет только то, что я вижу, и мало что указывает на то, что он застрелился здесь, в машине.

– А много ли указывает на противоположное?

– Довольно много. Самое очевидное – здесь нет ни пули, ни следов от нее.

– Но опять же, стекла ведь были опущены. Не могла ли она выскочить где-то наружу и оказаться на дне?

– Вряд ли. Возможно, через какое-нибудь из задних окон. Но в таком случае она бы пробила подголовник, а там нет никаких следов.

– А почему не через переднее?

– Слишком большой и неудобный угол. Зачем поворачиваться на девяносто градусов за секунду до нажатия на курок?

– Я вам, конечно, верю, – сказал Хейнесен. – Но наверняка машину сильно наклоняло в разные стороны, пока она заполнялась водой.

– Да, правда. – Хеммер кивнул, потирая мочку уха. – На самом деле, вы правы.

– В любом случае нам нужно вызвать водолаза и обследовать дно, – сказал Хеск.

– Но еще ситуация с кровью. Кроме небольших образцов с внутренней стороны стен, в общем-то, больше ничего и нет. Даже наверху, на крыше, где кровь, конечно, должна быть, если он не лежал на спине, когда стрелял. – Хеммер наклонился и показал на крышу. – Видите? Совершенно чисто.

– Но погодите-ка, – Хеск снова почувствовал возвращение головной боли, которая последний раз посещала его утром во время ссоры. – Машина ведь была заполнена водой. Не так уж удивительно, если содержимое головы и все остальное частично смылось в некоторых местах, а где-то и полностью?

– По большей части вы правы. Но не наверху, под крышей. Там на самом деле был большой пузырь воздуха, вытеснивший всю воду. Вот, смотрите сами.

Хеммер показал на извилистую границу влаги, которая образовывала большой круг на мягкой внутренней стороне крыши.

Хеск кивнул, не сумев сдержать глубокий вздох.

– О'кей, но как ни крути, здесь есть явные следы крови, что, по моему, достаточно серьезное доказательство того, что он застрелился именно в машине. Альтернативный вариант: он умер совсем в другом месте, после чего некое третье лицо должно было поместить его за руль. Это лицо к тому же должно было собрать кровь и мозги на первоначальном месте, не спрашивайте меня, как, чтобы потом в меру сил и возможностей распределить это по автомобилю. Затем оно устроило все так, чтобы машина выехала за пределы пристани, само в ней не находясь. – Он развел руками. – Ну, вы сами все понимаете.

– Этот последний этап с машиной на самом деле не так уж сложен. – сказал Хейнесен, в фирменном стиле подняв палец вверх, –

Нужно просто стоять прямо у водительской двери и просунуть в окно с опущенным стеклом палку или зонтик и нажать на газ.

– Возможно. Но если вы спросите меня, то это не прокатит даже для плохой серии «Убийств в Мидсомере».

– Тут я, кстати, склонен с вами согласиться, – сказал Хеммер, рассмеявшись. – И у меня еще много работы. Кто знает? Может, найду что-то указывающее совершенно в другом направлении.

Разрозненные предположения и вопросы без ответов. Следы и зацепки, которые друг другу противоречат, вместо того чтобы указывать в одну и ту же сторону. Если все так будет продолжаться, то мигрень скоро наберет полную силу.

– Да, я слушаю, – сказала Берн сторфф по телефону, направляясь обратно к ним.

Хеск обернулся и понял, что совершенно забыл об ее присутствии.

– Верно. DK556919B, – продолжала она. – О'кей, спасибо! – Она закончила разговор и повернулась к остальным. – У нас есть имя того, на кого зарегистрировано оружие.

– Отлично! Хотя бы какая-то определенность. Говорите. – Она еще не успела ответить, а он уже заметил по ней, что тут было не просто имя, а когда услышал слова «Могенс Клинге», исчезло то небольшое, что у него оставалось от уверенности в себе. – Вы же не хотите сказать, что это тот Могенс Клинге? – решил спросить Хеск, хотя и он, и мигрень понимали, что именно это она и хотела сказать.

– Не знаю. А сколько их?

– Но подождите. – Хейнесен показал на мертвого мужчину за рулем. – Это тот самый начальник оперативного управления РЕТ^[3]?

Бернсторфф кивнула.

– У него есть лицензия на разное оружие.

– Но только тот факт, что это его оружие, не значит, что это он сам.

– Нет, но автомобиль я тоже пробила – и он записан на него.

– О'кей, – сказал Хеск, кивая, чтобы выиграть немного времени. – Дело теперь очевидно предстает в другом свете. Мортен, позаботьтесь о том, чтобы расширить оцепление, пока обо всем не пронюхали журналисты. – Он подошел к водительскому месту. – Чем дольше нам удастся удерживать это в тайне, тем лучше.

Пока Хейнесен спешил к оцеплению, Хеск открыл водительскую дверь и посмотрел на склонившееся вперед, с лицом на руле, тело. Для полной уверенности судмедэксперты, конечно, должны будут провести идентификацию личности. Это займет время, а пока он мог довольствоваться тем, что прислонил тело к спинке сиденья.

Лицо практически не пострадало. Единственное, что выдавало что-то неладное, – открытый рот и удивленное выражение лица. Как будто он совсем не понимал, что с его затылком сделает пуля. Но, без всяких сомнений, он был одной из самых крупных шишек в полицейской разведке.

Хеск выпрямился и отвернулся от автомобиля и от всех остальных. Потом он пошел – мимо оцепления, до самого края пристани, где окинул взглядом блестящую от солнца воду, посмотрел на другую сторону, куда, чтобы увидеть памятник Русалочке, пришли первые туристы-жаворонки.

Он вспомнил, как впервые ее увидел. Как расстроился, когда ее размер совершенно не совпал с его ожиданиями. То же случилось и сейчас. Ничего из того, что он предполагал и видел перед собой этим утром, не оправдалось, ничего, и как бы они ни сдерживали поток информации, новость о Могенсе Клинге скоро просочится наружу, и развернется пропасть.

За одним из трех рабочих столов за мониторами сидел Фарид Черукури и писал команды на одном из компьютеров. Во времена, когда он работал на мобильного оператора «ТДС», чтобы не умереть от скуки, он тратил все свободное время на то, чтобы пробираться через сетевую защиту и прослушивать разговоры разных знаменитостей.

Рядом сидел его друг, Цян Ху, тоже бывший недооцененный талант программирования, трудившийся в поддержке клиентов «ТДС», и наблюдал за монитором с трансляцией люстры в спальне Слейзнера.

Обоих наняла Дуня, чтобы за скромную зарплату дать им возможность заниматься чем-то другим, а не отвечать на вопросы, почему так дорого обходится оставлять детей один на один с телефоном в отпуске.

– Не понимаю, – сказал Цян, не отводя взгляд от экрана. – Когда он проснулся?

– В пять часов восемь минут, если верить приложению для сна у него на телефоне. То есть семнадцать минут назад.

Из колонок послышался отдаленный шум слива в унитазе.

– И он не собирается на какой-нибудь ранний рейс или что-то подобное? – спросила у них за спиной Дуня, пока Цян отодвигал ползунок перемотки, чтобы еще раз посмотреть видео.

– У него в календаре ничего такого не указано. – Фарид щелкал по иконкам на экране, выглядящем как рабочий стол на мобильном, и открыл длинный список будильников на разное время. – Никакой из будильников не телефоне тоже, похоже, не был включен, кроме обычного на полседьмого.

– И никаких СМС? – Цян зевнул и потянулся. – Звонков?

– Сейчас у него включен беззвучный режим, и он находился в фазе глубокого сна. Но погоди, сейчас посмотрим. – Фарид зашел в приложение с сообщениями. – Нет. И здесь ничего.

На мониторе Цяна теперь было видно, как Ким Слейзнер спит на спине с закрытыми глазами и открытым ртом, обложенный постельным бельем.

– Похоже, что спал он беспокойно. – Цян указал на беспорядок в кровати.

– Он так спит в последнее время, – сказала Дуня и в этот же момент Слейзнер проснулся, дернувшись, и огляделся, как будто сначала не понимал, где находится.

– Но, может, в этот раз он спал совсем плохо. Возможно, именно сейчас тревога достигла максимума.

– Но ты всерьез думаешь, что он мучается угрызениями совести?

– Почему бы и нет? – Цян пожал плечами. – И у плохого слона бывает...

– Пожалуйста... – перебил Фарид. – Еще слишком рано для твоих сравнений со слоном.

– Для них всегда рано, – сказала Дуня.

– Мне рассказать, для чего еще слишком рано? – спросил Цян. – А? Рассказать?

– Нет, уж избавь нас от этого, – ответил Фарид.

– Лучше разберись в том, что случилось, – Дуня кивнула на монитор, где Слейзнер перевернулся на бок и исчез из кадра.

Цян покачал головой.

– Я уже начинаю подозревать, что он узнал, что мы взломали его мобильник, и теперь водит нас за нос.

Дуня приложила палец к губам и увеличила громкость на одной из колонок, и после непродолжительной тишины они услышали, как Слейзнер медленно и тяжело вздохнул: «Твою мать, твою мать...»

– Так не говорит тот, кто водит за нос, – сказала она, повернувшись в Фариду. – Как думаешь?

– Да, я согласен. Ничего из этого не является нормой для этого мужчины.

На экране снова показался Слейзнер, перекатившийся обратно в кадр и севший на край кровати. Там он потянулся, так что хрустнули шея и костяшки, а затем встал и снова исчез из виду.

– Попробуй вернуться в режим реального времени, – сказала Дуня, и Цян щелкнул на одно из выпадающих меню.

Изображение на экране с люстрой в зеркале на потолке осталось прежним, но из динамиков послышалось, как Слейзнер возвращается в спальню.

– А теперь будь хорошим мальчиком и прихвати с собой мобильный, – сказал Цян.

Но единственное, что он увидел, – это тень, которая прошла мимо края кровати и так же быстро исчезла.

– Вот об этом я и говорю. Этот черт издевается над нами.

– Я отправлю от «TDC» СМС с информацией о новых настройках оператора, – произнес Фарид и приступил к делу.

– Разве у него не беззвучный режим? – спросила Дуня.

– Уже нет. – Фарид поставил громкость на мобильном Слейзнера на максимум и отправил техническое сообщение, которое заставило телефон издать прерывистый писк, напоминающий пожарную сигнализацию.

Вскоре Слейзнер вернулся в кадр и поднял мобильный, после чего весь монитор заполнило его сонное лицо, пока он читал сообщение. Закончив, он положил телефон на тумбочку и исчез.

Фарид вздохнул и повернулся к Цяну.

– Может, попробуем ТС 5, чтобы удостовериться, что имеем дело не с обычной утренней йогой?

– Почему бы и нет? – пожал плечами Цян. – Хуже точно не будет, сказал слон и сунул свой хобот в...

– Цян... – перебила его Дуня и многозначительно улыбнулась, после чего он, вздохнув, включил еще один компьютер и подключил модуль управления с двумя джойстиком.

На экране начало расти изображение, которое вскоре заполнило его целиком. Но единственное, что можно было разглядеть, – нечто бесформенное, серое, переходящее в голубое в верхней части монитора. Только когда все изображение начало сдвигаться вверх, а объектив камеры навел фокус, стало понятно, что серое – это рубероид на крыше дома в форме знака бесконечности с двумя возвышающимися стеклянными куполами посередине.

Перед зданием виднелась бирюзовая вода, а на другой стороне – разные офисные строения с фасадами из стекла и стали. За ними на горизонте вырастал силуэт моста Вестербро, а справа можно было увидеть позолоченную башню цепочной карусели в «Тиволи».

С помощью джойстика Цян повернул камеру обратно к зданию, одновременно с этим изображение опустилось к изогнутому фасаду

дома и его верхнему этажу, целиком состоявшему из большого балкона с панорамными окнами от пола до потолка.

В окнах отражался дрон, но как только Цян изменил его позицию и четкость изображения, они смогли заглянуть прямо в гостиную Слейзнера, изысканно обставленную уютным мебельным гарнитуром по центру, обеденным столом и огромным плоским телевизором рядом с картиной, наводящей на мысли о «давайте что-нибудь порисуем» в детском саду. Однако самого Слейзнера они не видели.

– Похоже, мы правы, – сказал Фарид, пока Цян вел дрон вдоль фасада. – Никаких приветствий голышом и нудистской йоги в поле зрения. Точно что-то случилось.

– Да, тут ничего интересного, – кивнул Цян. – Но вот он, хотя бы здесь.

В примыкающем к гостиной кабинете шторы были опущены и частично закрывали вид. Но сомнений не было в том, что там, наклонившись перед компьютером, сидел именно Слейзнер.

– И насколько я могу судить, – продолжал Цян и приблизил руки Слейзнера, которые не двигались, – Он не просто сидит и расслабленно лазает утром по интернету.

– Что-то в новостях? – Дуня села за один из компьютеров. – Что-то, что...

– Твою мать! – внезапно выпалил Слейзнер. – Долбаная гребаная херня! – И на экране они увидели, как он закрыл руками лицо и покачал головой. – Не может быть! Да такого блин не может быть!

Когда Ян Хеск впервые увидел женщину в машине, он об этом не задумывался. Но войдя в кабинет для осмотра отделения судмедэкспертизы и разглядев ее в ярком свете лампы, он поразился, насколько она красива. Густые кудрявые волосы, строгие, но вместе с тем мягкие черты, и золотисто-коричневая, почти сияющая кожа.

И все же внимание его привлекло тело, лежащее на соседнем смотровом столе. Тело, которое никак нельзя назвать красивым, смотреть на которое больно, хоть простреленная голова и закрыта зеленой тканью.

С Могенсом Клинге они оказались ровесниками. Всегда, когда Хеск видел интервью с ним по телевизору, Клинге выглядел бодрым и был в хорошей физической форме, одевался свободно, обычно в джинсы и пуловер. Теперь он лежал тут голышом, без джинсов, пуловера и смокинга, в которых его нашли, и в глаза бросалось разложение.

Тело было не просто бледным, оно было розоватым, поросячьего оттенка, и хоть Клинге точно старался удерживать вес в рамках нормального ИМТ, складки около талии свисали, словно свежее тесто. Вдобавок растительность на теле отросла неравномерно, но это было скорее всего связано с тем, что он неаккуратно поработал триммером. И словно всего выше перечисленного было недостаточно, еще и пенис съезжился до невидимых размеров под густыми лобковыми волосами.

А сам он выглядел бы так же непривлекательно? Хоть он никогда не был толстым, но в последние годы у него появился живот, несмотря на то, что он бегал дважды в неделю. Купил домой и гантели, и доску для балансирования, и коврик. Будет ли он вот так же лежать, когда придет время, и вызывать у того, кто стоит и смотрит, тошноту?

Он повернулся к судмедэксперту Трин Блад, которая стояла, наклонившись над раздвинутыми ногами женщины, и в лупу разглядывала что-то на внутренней стороне ее бедер. Она так сконцентрировалась на работе, что не заметила его, стоящего тут уже около двух минут, поэтому ему в конце концов пришлось откашляться, приложив ладонь ко рту.

– А вы нетерпеливый, – произнесла она без малейшего намерения прервать осмотр.

– Простите, понимаю, что вы едва приступили к работе. Но я всего лишь хотел узнать...

– Ничего страшного. – Она повернулась к нему. – Нетерпеливость – это просто слово, придуманное теми, кто никогда ничего не доводит до конца.

Он кивнул.

– Понимаете, это первое расследование, которое я веду совершенно самостоятельно.

– Я знаю.

– Правда? Я разве вам говорил? Или кто-то другой...

– Единственные, кто что-то говорит, – капли пота у вас на лбу и ваш скованный, немного нервный тон.

– Я не нервничаю. Я просто хочу все сделать правильно.

– Конечно. И вы так этого хотите, что нервничаете, боясь ошибиться.

Она видела его насквозь.

– Вы мертвых так же хорошо анализируете, как живых?

– Посмотрим. – Она повернулась к телу женщины. – Надеюсь, вон тот шрам ускорит идентификацию.

Хеск шагнул вперед, наклонился к раздвинутым ногам женщины и стал изучать шрам на внутренней стороне правого бедра. Он был длиной в несколько сантиметров и представлял собой крест, Хеск подумал, что, должно быть, именно его Торбен Хеммер так внимательно фотографировал утром.

– Сначала я предположила, что это просто травма, от которой остался след в виде креста, – продолжала судмедэксперт.

– Но?

– Во-первых, это очень необычное место для травмы. Во-вторых, не вижу, что там когда-либо накладывались швы, а это указывает на то, что это было сделано осознанно.

– Вы имеете в виду некую форму пыток?

– Можно предположить и такое, но если цель заключалась в том, чтобы причинить боль, есть гораздо более простые и эффективные методы. Кроме того, если мы исходим из того, что она занималась проституцией, то это как испортить товар, который хочешь продать.

Хеск кивнул. Такая точка зрения выводила шрам в центр внимания.

– Если спросите меня, то думаю, что она сама его сделала. Как татуировку. Но это всего лишь догадки.

– Татуировку. – Хеск повернулся к судмедэксперту. – Вы имеете в виду, что она хотела что-то сказать?

– Нет, я ничего не имею в виду. Просто предполагаю.

– Но крест, это ведь символ смерти?

– Да, но еще и массы всего другого, и наряду с черепом это, прежде всего, один из самых популярных символов у желающих сделать татуировку. Не спрашивайте почему. Для меня это так же непостижимо, как и зачем вообще люди делают татуировки. Но это мое мнение. – Она пожала плечами. – Теперь я хотела бы продолжить осмотр, если вы не против.

– Еще кое-что, и обещаю оставить вас в покое. Что вы думаете о сценарии, который мы разрабатывали утром? Вы нашли что-нибудь его подтверждающее, или нам нужно все полностью пересмотреть?

– Вы имеете в виду сценарий, где Клинге случайно задушил женщину во время полового акта, а потом застрелился и одновременно упал на машине в воду?

– Что-то в таком духе, да.

– Пока я только начала работу, но на данный момент не нашла ничего противоречащего этому.

Хеск сразу почувствовал, как часть груза свалилась с плеч. Может, все-таки это расследование пройдет относительно гладко.

– Так вы смогли установить, что они занимались сексом?

Судмедэксперт кивнула.

– Да. Но только вагинальным, и в этом смысле все, похоже, прошло нормально. Я увидела шрамы только от более давних травм.

– А что насчет следов удушения? Возможно ли удостовериться, что они остались именно от его рук?

– Думаю, это будет нелегко. – Она подошла к другому краю смотрового стола и начала рассматривать следы на шее женщины. – Если бы у него был какой-нибудь развернутый внутрь перстень или что-то вроде того, это было бы другое дело. Такие следы могут, в общем, остаться от того, кто... – Она замолчала и стала надавливать сильнее. – Странно, – через некоторое время проговорила она себе под

нос, а затем открыла рот женщины и посветила прямо в горло маленьким фонариком.

– Вы что-то нашли? – спросил он, не подходя слишком близко. Он совсем не хотел мешать.

Ответа он не получил. Как будто вообще его не услышав, она продолжила осмотр, засунув указательный и средний палец женщине в рот так глубоко, что у него сработал рвотный рефлекс.

Тут открылась дверь, и в помещение вошел широкоплечий вахтер в голубом комбинезоне с тележкой, набитой лампами дневного света и лампочками разных форм и размеров.

– Здравствуйте, – сказал он с восточно-европейским акцентом. – Только заменю лампы.

– Без проблем. – Судмедэксперт вынула пальцы из горла женщины и повернулась к столу, занятому инструментами для осмотра, взяв оттуда пинцет длиной в пару десятков сантиметров.

Хоть Хеска больше интересовало, чем занимается судмедэксперт, что-то заставило его приглядеться к вахтеру, который разложил стремянку, поднялся к одной из ламп и начал откручивать защитный короб. Хеск не понимал, что конкретно. Единственное, что бросалось в глаза, – отсутствие у мужчины безымянного пальца.

Спустя некоторое время Хеск повернулся обратно к судмедэксперту, которая все глубже засовывала пинцет в горло женщины, а когда в итоге начала что-то вытаскивать из распахнутого рта, он подошел к ней, чтобы рассмотреть поближе.

Он не знал, что это. Только то, что это разноцветный кусочек ткани, блестящий от слизи и слюны. Золотистый, оранжевый, розовый и зеленый цвета. Узкие полоски всевозможных оттенков продолжали выходить изо рта женщины, как будто им не было конца.

– Похоже на носовой платок? – спросил он, когда она развернула квадратный кусок ткани на одном из боковых столов.

– Да, – кивнула судмедэксперт. – И так мы видим, что как минимум половина вашего сценария больше не актуальна.

– Что вы хотите сказать?

– Тут дело совсем не в зашедшем слишком далеко сексе с удушением. А в другом, и это другое – преднамеренное убийство.

Хеск кивнул, пытаясь совместить новую деталь пазла с остальными, и тут заметил, что вахтер стоит на стремянке с лампой в

руках и смотрит прямо на них и их находку.

– Простите, вы разве не лампы пришли менять? – спросил Хеск и подошел к нему.

– Так точно, лампы и лампочки. – Вахтер опомнился и открутил одну из ламп дневного света.

– Может, глупый вопрос, но в чем смысл их менять? Они ведь работают.

– Смысл? – Вахтер пожал плечами.

– Да, зачем их менять, если они еще работают?

– Я не знаю, – вахтер вдруг перешел на английский. Вы хотите поговорить с моим начальником? Так будет лучше. Я позвоню ему.

– Нет, не нужно. Но я хочу увидеть ваши документы, – Хеск тоже ответил по-английски.

– Что?

– Ваши документы. Могу я увидеть их? – повторил он. Как и с тем рыбаком, что-то тут его смущало.

– Зачем? Я не понимаю. – Вахтер спустился со стремянки. – Я ничего не сделал. Ничего.

– Я вас ни в чем не обвиняю. Но у нас тут расследование идет полным ходом, и я хочу убедиться, что все в порядке.

– У меня нет с собой документом.

– Хорошо, тогда где же они?

– В нашем офисе.

Дверь открылась и в помещение заглянул еще один мужчина.

– Вратлов, что ты тут возишься? Мы не можем потратить на это целый день.

– Это все он. Требуется документы, а у меня нет с собой.

– Нам нужно просто поменять пару ламп. – Мужчина подошел к Хеску. – В чем проблема?

– Мне кажется немного странным, что вам нужно менять явно работающие лампы, как раз когда мы здесь.

– Мы меняем все лампы дневного света на более энергосберегающие. Мы просто следуем регламенту.

– А мой регламент – это знать, с кем я нахожусь в одном помещении во время следствия. Так что либо покажите свои удостоверения, либо покиньте помещение.

– О'кей. – Мужчина кивнул. – Поработаем здесь позже. Когда вы закончите?

– Об этом вам нужно спрашивать не меня, а ее. – Он кивнул на судмедэксперта, которая теперь через лупу изучала покрашенные красным лаком ногти женщины. – Думаю, сейчас она слишком занята, чтобы отвечать на вопросы.

Мужчина кивнул коллеге, монтировавшему обратно лампу и короб, после чего тот спустился и сложил стремянку.

– А как вас зовут? – спросил мужчина, пока помогал коллеге с оборудованием.

– Хеск. Ян Хеск.

– Отлично, – сказала судмедэксперт, как только те двое покинули помещение и закрыли дверь. – Начинаете осваиваться.

– Я бы так не сказал, – произнес он, хотя на самом деле именно так себя и чувствовал. – Просто не хочу никаких посторонних...

– Надеюсь, освоились вы достаточно, чтобы посмотреть вот на это, – перебила она, в то время как зацепила щипцами ноготь на среднем пальце правой руки женщины и подняла его перпендикулярно пальцу.

– Что вы обнаружили? – спросил он, подходя к ней.

– Вот. – Она поскребла внутреннюю сторону сломанного ногтя длинным узким инструментом и показала кровяные частицы. – То есть это принадлежит не ей.

– Да, она ведь его царапала.

– Да, может показаться и так. – Она перенесла частицы кожи и крови на предметное стекло и поднесла его к свету. – Проблема в том, что у Могенса Клинге всего одна царапина.

Время уже перевалило за девять, прошло чуть больше четырех часов с того момента, как Ким Слейзнер проснулся и вылез из кровати значительно раньше обычного. После первого утреннего посещения туалета он полчаса провел за компьютером у себя в кабинете.

К сожалению, они не знали точно, чем он там занимался. Для этого им пришлось бы проникнуть в квартиру и установить ему на компьютер программу для взлома клавиатуры, что, по их оценкам, несло слишком высокие риски.

Затем он быстро принял душ, оделся и приехал в офис примерно на час пятнадцать раньше обычного без привычного пятничного смузи со спирулиной, морской капустой и шпинатом, а самое главное, без обязательной утренней йоги под аккомпанемент насколько одухотворенной, настолько и безликой музыки чил-аут.

Другими словами, утро Слейзнера получилось каким угодно, кроме привычного.

Только в своем кабинете в полиции он начал коммуницировать по мейлу и СМС. Однако ничего из перехваченного ими не пролило свет на то, почему он встал так рано.

Обыкновенная административная тягомотина, которая занимала львиную долю его рабочего времени. Обсуждение бюджета, расписание найма новых сотрудников, а также разговоры о том, когда обнародовать статистику раскрываемости.

Все это оказалось настолько скучным, что Цян начал иронизировать, мол, интереснее смотреть на то, как растет дерево. Но их энергия никуда не делась, и последние часы они работали интенсивнее, чем когда-либо.

Что можно было сказать и о Слейзнере, который сегодня утром демонстрировал необычную продуктивность за рабочим столом.

Многие из мейлов, на которые он ответил, пришли давно, а некоторые даже две недели назад. Вдобавок он отменил участие во всех запланированных на сегодня встречах и находился в процессе отмены встреч и на всю предстоящую неделю.

Единственное объяснение, которое устраивало их всех, – он подчищал хвосты. В свою очередь это могло означать, что он готовит себе пути отхода или случившееся настолько серьезно, что требует отложить все остальное. Что бы это ни было, его сильно прижало в угол.

Дуня подошла к Фариду, который с дымящейся кружкой чая в руке смотрел то на один, то на другой монитор.

– Нашел что-то?

– Не уверен. Возможно. Что думаешь вот об этом? – Он показал на один из мониторов с электронной перепиской Слейзнера. – Он получил это письмо на один из личных адресов три минуты назад.

От: bordsreservation@restaurantzeleste.dk

Кому: kim.sleizner001@gmail.com

Тема: Бронирование столика

Здравствуйте, Ким,

Спасибо за ваше бронирование на 3 человек в ресторане Zeleste.

Ждем вас в пятницу, 3 августа 2012 года, время 14:30 – 17:00.

Номер брони: 15962897

Если хотите снять бронь, нажмите сюда.

С уважением, Ресторан Zeleste

– Это же уже сегодня вечером, – сказала Дуня. – Он заносил это в календарь?

– Пока нет. Сейчас свободна вся вторая половина дня, он убрал и встречу по бюджету с половины первого до двух, и ту встречу о концепции развития с отделом кадров, которая должна была занять остаток дня. Ну, помнишь, они там собирались обсуждать новые этические нормы в полиции, чтобы улучшить атмосферу на работе.

Дуня кивнула. Как раз над этой встречей они долго смеялись. Сам Слейзнер инициировал ее пару недель назад, несомненно, для того

чтобы очистить себе карму и показать всем, какой он хороший и сознательный шеф. Но в данную минуту у него явно было что-то важнее уважения, сострадания, равноправия и разнообразия.

– У нас есть предположения, с кем он может встречаться?

Фарид покачал головой.

– Цян сейчас этим занимается. Но судя по его плохой осанке, дела идут не очень хорошо.

– Ну, не я же постоянно жалуюсь на боль в спине, – сказал Цян, который, казалось, сейчас стечет со стула, перемещая курсор по одному из мониторов.

– Ты проверял Фейсбук? – спросила Дуня.

– Да. И Твиттер, и Вордфьюд.

– Вордфьюд? – переспросил Фарид.

– Да, он скачал его пару недель назад, а там есть еще функция чата. Но кроме тех мейлов, которые вы читали, не похоже, что он с кем-то связывался. Он даже не выходил из кабинета, чтобы взять кофе и поговорить с коллегами. – Раздался сигнал, и Цян выпрямился на стуле. – Хотя погодите, что-то происходит.

– Что такое? – Дуня подошла к нему.

– Он только что отправил СМС.

– Кому?

– Яну Хеску.

– Хеску? – Дуня обернулась к Фариду. – Он разве не в отпуске?

Фарид кивнул.

– Да, вернется не раньше понедельника, тринадцатого.

– Прочитай, что он написал.

– *Привет, Ян, просто хочу, чтобы ты знал, что я тебе полностью доверяю,* – прочитал Цян. – *Не представляю никого более подходящего для этого расследования.* И в конце поставил смайлик.

– Расследование? Что еще за расследование? Ничего не понимаю. Ему что-нибудь ответили?

– Да, *спасибо.*

– А дальше? Больше ничего?

– Ну, кажется, Слейзнер пишет что-то прямо сейчас. Но ты знаешь, как быстро обычно печатают его пухлые пальцы. – Цян воспользовался моментом, подошел к кофеварке и долил в чашку кофе.

Когда он снова сел, раздался еще один сигнал. – Он спрашивает, как идет расследование и когда у команды будет встреча.

Дуня подошла к одному из свободных компьютеров, зашла на страницу таблоида «Экстра бладет» и стала искать что-то настолько масштабное, что потребовало бы подключить весь полицейский штат. Но ей удалось найти лишь благодатную смесь из слухов о звездах и советов по похудению и отпуску. Утренняя газета «Политикен» оказалась не сильно лучше, хоть они и не поленились организовать большое летнее тестирование круглых грилей.

– А вот и ответ от Хеска. – продолжил Цян. – *Все идет как по маслу. Мы с командой встречаемся в четверть первого. Я заказал ланч на всех.* – Цян покачал головой. – Одновременно работать и есть. Хуже не бывает.

– Кстати, Слейзнер как раз записал в календарь свой поздний ланч. – сказал Фарид, обернувшись к остальным. – Сегодня между 14:30 и 17:00 он отправится к «стоматологу».

Дуня ничего не понимала. Что они упустили? Что такое судьбоносное заставило Хеска прервать отпуск, а Слейзнера отменить все встречи и отправиться на дорогой ланч, притворяясь, что идет к зубному? С уверенностью она знала только одно – она ждала этого дня.

Темнота походила на большую глубокую дыру, появлявшуюся из ниоткуда. Так происходило каждый раз. Как будто внезапно срабатывал предохранитель, и вокруг него все гасло и останавливалось.

Замолкало.

А вместе с ней приходил холод. Холод, с груди растекавшийся по всему телу, которое начинало дрожать. Несмотря на это он потел. Так сильно, что капли превращались в струйки, из-за которых простыня под ним прилипала к спине.

Когда Фабиан испытал это впервые, он полагал, что ему просто приснился кошмар. Теперь он знал лучше. Здесь не было никаких жутких картин, которые пыталось побороть его подсознание. Никакого десятисантиметрового павлина, шагающего у него по руке в роли не поддающегося расшифровке символа.

Он не спал, бодрствовал, но единственное, что испытывал, – давящую на грудь, не дающую дышать темноту.

Так происходило каждое утро со вторника, когда он проснулся в холодном поту, запыхавшись, как будто только что пробежал много километров. Сейчас уже успела наступить пятница, но он все еще продолжал беспомощно проваливаться в эту бездонную дыру, обволакивающую его холодной и вместе с тем разъедающей тревогой.

Трое суток, превратившиеся в вечность.

Тогда, во вторник, в полшестого утра, когда он находился в разгаре той, другой, жизни, которая никогда не вернется, он понятия не имел, в чем дело. Откуда пришли черная дыра, нехватка воздуха и тревога.

Напротив, в целом после успехов последних лет все начало двигаться в том направлении, которое при сопутствующей удаче, прочило более светлое будущее – и для него, и для его семьи.

Прошел месяц, с тех пор как он задержал своего коллегу, криминалиста Ингвара Муландера, за пять убийств и два покушения на убийство. В тот же день, несколько часов спустя, с помощью игральные кубиков ему удалось поймать Хао Викхольма, в народе

получившего прозвище *Убийца с кубиками*. Оба теперь сидели в надежном месте, ожидая пожизненного наказания.

Впервые с прошлой весны в отделе воцарилось спокойствие, а ему наконец удалось без угрызений совести взять отпуск. К тому же их с Соне́й отношения давно не были такими хорошими. Конечно, между ними сохранялась дистанция, но она уменьшалась с каждым проведенным вместе днем. С каждой ночью, которую они проводили лежа в обнимку.

Дела наладились и у Матильды, и она стала возвращаться к привычной себе, снова называла его *папой*, а не *Фабрианом*. Даже ситуация с Теодором в датской тюрьме похоже шла к своему разрешению.

После того, как суд по делу об убийстве бездомной женщины по неизвестным мотивам раз за разом откладывался, сейчас, после выходных, он должен был наконец возобновиться. По словам адвоката Теодора, Ядви́ги Коморовски, исход был непредсказуем. В то же время было ясно, что суд посчитает участие его сына крайне незначительным в сравнении с другими исполнителями, и в случае обвинительного заключения наказание составит максимум пару лет.

Это, конечно, сильно отбросило их назад, но здесь не было ничего, с чем они не могли бы справиться. Все-таки Теодор только стоял на страже, к чему его принудили остальные. В целом в текущих обстоятельствах дела шли как нельзя лучше. Несмотря на это он чувствовал боль в груди, как будто в комнате заканчивался кислород. С тех пор он чувствовал это каждое утро.

Он повернулся к Соне, которая скинула с себя одеяло и лежала на спине, дыша так спокойно, что, только близко к ней наклонившись, он мог почувствовать теплое влажное дыхание. Он осторожно поцеловал ее в щеку. Но, словно не желая ни при каких обстоятельствах рискнуть заразиться его тьмой, она отдернула голову и оттолкнула его от себя.

Трое суток, и они никогда не были так далеки друг от друга.

Часы уже показывали без четверти десять, и если так будет продолжаться, то вскоре ночь и день поменяются у них местами. Как и три последних дня, он не стал ее будить и как можно тише покинул спальню.

Из-за адреналина сна не было ни в одном глазу, и он с тем же успехом мог сейчас выполнить тренировочную программу, которую получил от физиотерапевта. Она занимала не более получаса и состояла из равных промежутков с растяжкой, силовыми упражнениями и упражнениями на равновесие. Он никогда не любил заниматься дома, но все-таки в последний месяц ежедневно слепо выполнял все упражнения, что значительно ускорило заживление бедра.

Но он по-прежнему хромал, и как только отправлялся на более длительную прогулку, боль давала о себе знать и простреливала ногу. Однако он больше не пользовался коляской и уже две недели как не брал костыли. Это считалось хорошим прогрессом, учитывая, что Ким Слейзнер всего месяц назад выстрелил ему в ногу.

Выстрел этот был во всех смыслах немотивированным, в то время как он сам был невооружен и только что поймал одного из самых страшных серийных убийц Скандинавии. Из-за всей ситуации его шеф Астрид Тувессон связалась с комиссаром национальной полиции Швеции, чтобы составить официальное заявление на Слейзнера и датскую полицию. Но он отказался и не стал подписывать заявление, аргументируя это тем, что отношения с датчанами уже и так достаточно напряженные. Кроме того, результатом стали бы только официальные извинения.

В общем и целом, пуля у него в ноге являлась не чем иным, как мстостью за то, что он не стал помогать Слейзнеру в обнаружении Дуни Хугор. Учитывая, что он понятия не имел, где она находится, все становилось еще более абсурдным. Несмотря на это, он решил перечеркнуть случившееся и впредь, насколько возможно, не иметь дел с датским комиссаром полиции.

Проведя несколько минут у собрания пластинок, он решил поставить «Ancient Future» Кристофера Виллитса и Рюити Сакомото. Он заказал этот альбом на прошлой неделе, потому что алгоритмы были убеждены, что эта музыка ему подойдет.

О Виллитсе он никогда не слышал, а вот Сакомото он ценил со времен «Yellow Magic Orchestra» начала восьмидесятых, а когда они вместе с Дэвидом Силвианом записали «Forbidden Colours», то имя Сакомото навсегда заняло место среди звезд в его коллекции пластинок.

Сначала музыка зазвучала обволакивающе и атмосферно, точно как он и ожидал, – он немного прибавил громкости, развернул на полу гостиной коврик и начал разогреваться. Но покой не приходил. Несмотря на медитативную музыку, расслабляющие упражнения и то, что он всячески старался ни о чем не думать, адреналин не отпускал.

Вероятно, причина в том, что это должно случиться именно сегодня. То, чего они с Соней и Матильдой ждали с момента получения известий, должно наконец состояться. Они надеялись, что это поставит точку в той неопределенности, в которой они оказались, а в лучшем случае даст начало чему-то новому. Чему-то, что поможет им снова сблизиться. Сблизиться в горе, пока лишь отдаляющем их друг от друга.

В конце концов он бросил упражнения и подошел к кухонной столешнице, где заряжался мобильный. Точно так, как он сделал во вторник. Сейчас там ничего не было. Ни СМС, ни пропущенных звонков. Но тогда на автоответчике висело сообщение от Коморовски. Она пыталась до него дозвониться в 5:32, именно в это время, как он позже заметил, он впервые провалился в черную дыру.

Здравствуйте, Фабиан, это Ядвига Коморовски, – сказала она ровным, почти искусственным, тоном. – Прошу прощения, что звоню так рано, но было бы здорово, если бы вы мне перезвонили при первой возможности. Так, будто это была не она, а какой-то компьютерный голос, запрограммированный на сходство с ее настоящим.

С барабаниющим в ушах пульсом он нашел ее номер и позвонил, и словно и для мобильных сигналов утро было еще слишком ранним, им понадобилось время, чтобы поймать ближайшую вышку и соединить абонентов.

– Здравствуйте, Фабиан, – произнесла она тогда. В этот раз даже не пытаюсь говорить ровным тоном. – Думаю, лучше, если вы сядете, прежде чем мы...

Где-то в тот момент мобильный выскользнул у него из руки, как будто стал вдруг слишком тяжелым, и ударился об пол, перед тем как упасть в паре метров от него. Но этих слов ему хватило. Он уже понял больше, чем ему когда-нибудь могло понадобиться. Больше, чем кому-либо когда-нибудь могло понадобиться.

От осознания ноги подкосились, и он сполз на пол рядом с телефоном.

– *Фабриан, что случилось?* – услышал он крик. Но раздавался он не из мобильного, а с лестницы, и, подняв глаза, он увидел закутанную в халат Соню в компании с Матильдой. – *Что ты тут делаешь? На часах всего без четверти шесть.*

– *Мама, ты что, не понимаешь?* – сказала Матильда. – *Это Теодор. Да, папа? Это же Теодор?*

Он попытался ответить, но камень в груди лишил его голоса.

– *Фабриан, это правда?* – спросила Соня с текущими по щекам слезами. – *Матильда права? А? Фабриан, ответь! Правда, что Тео...*

Он смотрел то на Соню, то на Матильду, не в силах сказать хоть слово.

– *Я знала!* – закричала Матильда и разрыдалась. – *Я же говорила! Я же это все время говорила!*

Сам он не мог ни кричать, ни плакать. Он пытался, но был не в силах. Не пролил ни слезинки. Как будто был не в состоянии осознать, что Теодора больше нет. Что его сын свел счеты с жизнью.

В то же время часть его все время боялась именно этого. Будто слабое предчувствие. Подсознательное понимание, что по-другому это закончиться не может. Что как бы он ни пытался бороться и направить цепочку событий в другое русло, все дороги вели именно сюда. Будто в черную дыру, гравитацию которой ничто не могло преодолеть.

Но, возможно, сегодня все изменится. Через несколько часов они впервые отправятся туда и встретятся с ним.

Увидят собственными глазами.

Увидят невообразимое.

Именно этот коридор был одним из самых безликих во всем треугольном здании полиции Копенгагена. Длинный, без дверей или окон. Даже стены не удостоились никаких украшений помимо скучной бежевой краски, чуть светлее, чем коричневый линолеум на полу.

Но, без сомнения, именно по этому коридору Ян Хеск ходил чаще всего. Не только за годы работы в полиции, а, вероятно, за всю жизнь, от школьных коридоров до прихожей в его собственном доме. Диарейный ход, как его называли из-за цвета, вел от кабинетов и рабочих мест к переговорным, и Хеск частенько проходил по нему по двадцать раз за день.

Но никогда еще он не направлялся по нему в переговорную, чтобы в одиночку вести рабочее совещание и никогда так часто не оглядывался.

Он не мог по-другому. Ему казалось, что все следят за ним и отмечают каждый его шаг. Как заметила Трин Блад, видимо, он просто боялся совершить ошибку. Боялся, что в нем увидят самозванца, которому просто до сих пор везло.

В сомнениях он колебался между тем, чтобы ускорить шаг, не потеряв еще одну драгоценную минуту, и тем, чтобы развернуться и просто убежать отсюда.

В некотором роде его удивляла собственная амбивалентность. Ведь именно этого он так ждал все годы. Расследование убийства, которое могло пойти по какому угодно пути и уж точно разбавить серые будни жизни.

Конечно, удобнее было бы начать с чего-то более простого, и да, именно в этом деле действительно чувствовалось что-то тревожащее. Что-то, что заставляло его быть начеку.

Но все это эмоции и беспокойные мысли, для которых сейчас нет места. Чтобы суметь довести расследование до победного конца, ему нужно сохранять хладнокровие, концентрироваться на необходимых вещах и не погружаться в себя.

Он завернул за угол, вошел в недавно отремонтированный отдел переговоров и увидел, что остальные члены команды уже сидят и

разговаривают за столом позади одной из отполированных стеклянных стен. Коллеги не производили впечатление спокойно беседующих, а это означало, что они начали встречу без него.

Ладно, он опаздывал, действительно опаздывал. Почти на четверть часа. Но все же. Это ведь его расследование. Ведь это он должен вести дискуссию и координировать работу остальных. Немного уважения, неужели он многого требует? Да, очевидно. Четверть часа достаточно для них, чтобы начать плясать на столе.

Он заходил в туалет. Он чувствовал необходимость посидеть там и собраться с мыслями, в отсутствие посторонних взглядов. Без коллективного оценивания. Это был его первый с утра перерыв.

В обычных обстоятельствах четверть часа за закрытой дверью туалета приносила ему удовольствие. Но в этот раз тело намертво заклинило, и оно судорожно удерживало то, что следовало отпустить. И вместо того, чтобы собраться с силами перед предстоящими событиями, он тужился, пока со лба не закапал пот, и проклинал себя за неспособность справиться даже с самым элементарным занятием.

В конце концов он сдался, помыл руки, стер пот со лба и поспешил в переговорную. Однако свои сомнения ему смыть не удалось, и в то же мгновение, как он взялся за ручку стеклянной двери, стало очевидно, что вся команда чувствует то же самое. Никто в него не верил.

– Если повезет, я, может быть, смогу восстановить работу GPS, – обратился Торбен Хеммер к Юли Берн сторфф и Мортену Хейнесену. – Он смог бы показать нам, где автомобиль находился последние сутки.

– Привет, Ян, – сказал Хейнесен, улыбнувшись ему.

– Привет, – ответил он и закрыл за собой дверь. – Простите, что немного задержался.

– Ничего страшного, – сказал Хеммер, не выказав даже намерения повернуться. – Так вот, предлагаю взять паузу и посмотреть, даст ли результат мое маленькое купание в рисе.

– Это помогло, когда мой телефон оказался в ванне, – заметила Берн сторфф.

– Да, но еще зависит от модели и от того, какие у него стояли настройки.

– Как здорово! Другими словами, время покажет, – начал Хеск, пытаясь взять слово. – Значит, с этим разобрались. Давайте начнем!

– Как видите, мы уже начали. – Хеммер встретился с ним взглядом и улыбнулся. – Кстати, что насчет ланча?

Хеска осенило, что он совершенно забыл забрать заказанные бутерброды.

– Странно. Его должны были принести еще двадцать минут назад, – произнес он и посмотрел на наручные часы, стараясь выкрутиться.

– О'кей, а то мне на самом деле через час нужно обратно на пристань на встречу с водолазами. – Хеммер направил пульт на проектор у потолка, и на опущенном экране появилось изображение интерьера автомобиля. – Так вот, я хотел обратить внимание на...

– Торбен, при всем уважении, но я думаю, это может немного подождать, – перебил Хеск и подошел к экрану. – У меня на повестке есть другие вещи, которые мы должны...

– Увы, я тороплюсь, – перебил Хеммер в ответ. – Как я уже сказал, мне нужно уходить.

– Но теперь говорю я, это подождет до момента, пока я...

– Торбен, сколько тебе нужно времени? – перебила Юли Бернсторфф.

– Двадцать минут максимум.

– Тогда предлагаю тебе выступить сейчас, а мы потом продолжим, когда тебе нужно будет уйти. Разве так не лучше всего? Что скажешь, Мортен?

– Предлагаю, чтобы решение принял Ян, поскольку расследованием руководит он.

– Спасибо, Мортен, – сказал Хеск, повернувшись к Хеммеру. – Торбен, не могли бы вы быть так любезны и выключить проектор?

– Но чтобы я успел осветить свои вопросы, я должен...

– Единственное, что вы сейчас должны, это выключить проектор, сесть и послушать, – перебил он с удивившим его самого спокойствием. – Больше ничего. Все понятно?

Хеммер остолбенел с пультом в руках, будто прилип к полу, и бросил взгляд на Бернсторфф, которая пожала плечами.

– Понятно ли прозвучал мой вопрос?

Хеммер наконец кивнул, выключил проектор и сел.

– Вот и хорошо. Благодарю. – Хеск обвел взглядом всех за столом и встретился глазами с Хеммером, Бернсторфф и Хейнесеном. – Как

вам всем известно, я впервые руковожу расследованием, и не буду скрывать от вас, что нервничаю, и последние часы по-настоящему сомневаюсь, что подхожу на эту роль.

– Ну, Ян, ты чего, – сказал Хейнесен. – Почему ты не...

Хеск поднял руку, останавливая его, и продолжил.

– Я надеялся, что наше первое расследование окажется более-менее простым. Возможностью узнать друг друга и сработаться. Проще говоря, стать командой. – Он подошел к одной из стеклянных стен и начал опускать жалюзи и одну за одной разворачивать их лопасти. – Но когда одной из жертв оказался начальник оперативного управления нашей разведки, я понял, что все будет ровно наоборот, а заглянув к судмедэкспертам, могу сказать, что все гораздо серьезнее.

– Простите, но что вы такого узнали? – спросила Бернсторфф.

– Об этом чуть позже. Но сначала мне нужно убедиться, что вы мне полностью доверяете. Без доверия это дело никуда не сдвинется.

– В смысле доверия? – пожал плечами Хеммер. – Мы ведь только что встретились и едва знакомы.

– Совершенно верно. Как и то, что работой руковожу я. Так что либо вы дадите мне работать, либо пишите заявление об увольнении.

– Нет, нет, я понял. Я с вами. – Хеммер поднял руки и сел.

– А что скажут остальные? – Хеск повернулся к Бернсторфф и Хейнесену.

– Конечно, я тебе доверяю, – сказал Хейнесен. – И всегда доверял.

– Я тоже, – ответила Бернсторфф.

– Отлично! Меня это радует. – С новой энергией он опустил и развернул последние жалюзи. – Тогда предлагаю нам приступить к делу. – Он взял пульт и нажал на кнопку сворачивания экрана. Затем подошел к висевшей за экраном белой доске и зажег свет. – Ах, точно, еще одно. Хочу попросить вас, чтобы вы уже сейчас отменили все личные мероприятия на грядущей неделе, поскольку, вероятно, будет много переработок.

– Можно спросить, почему расследование должно оказаться таким сложным? – спросил Хеммер.

– Прежде всего, дело в двух вещах. Во-первых, как нам уже известно, одной из жертв оказался начальник оперативного управления полицейской разведки. Как только эта информация станет публичной, все внимание будет приковано к нам. Именно поэтому я не предал

огласке ничего, кроме совсем необходимого, и буду пытаться как можно дольше откладывать пресс-конференцию.

– Так мы не будем ничего заявлять публично? – спросила Бернсторфф.

– Будем, но пока в минимальном объеме. Во-вторых, теперь совершенно понятно, что мы на самом деле имеем дело с третьим человеком. С человеком, который не только упал в воду на машине, но еще и убил девушку, что в свою очередь рушит всю теорию об удушении во время секса и самоубийстве.

– У нас есть предположения, кто это? – спросила Бернсторфф.

– Нет, но многое указывает на то, что вот это принадлежит ему, – Хеск поднял прозрачный вакуумный пакет с разноцветным платком-паше в тонкую полоску и пустил его по кругу.

– Где вы его нашли? – Хеммер осмотрел его с разных сторон, прежде чем передать Бернсторфф. – У нее во рту?

– Я бы сказал, у нее в горле. Он находился довольно глубоко.

– Классический узор от «Пола Смита», – сказала Бернсторфф. – Но я не понимаю, как это указывает на третьего человека.

– Позвольте мне подчеркнуть, что под третьим я подразумеваю кого-либо помимо двух жертв. Их, конечно, может быть и несколько. Возвращаясь к вашему вопросу. Не знаю, насколько хорошо вы знакомы со стилем одежды Могенса Клинге, но шелковый платок «Пол Смит» – как раз совершенно не свойственная ему вещь.

– Но на нем ведь был смокинг.

– Да, он арендовал его в «Амарине» во Фредриксберге, а у них там нет платков «Пол Смит».

– Но все равно Юли высказывает здравые мысли, – заметил Хеммер. – В любом случае это не доказательство наличия третьего человека.

– Это правда. Но вот это, смею утверждать, доказательство. – Хеск послал по кругу снимок с близкого расстояния одного из ногтей убитой, где под ним четко просматривалось что-то темное. – По словам Трин Блад, руки жертвы вымыты. Несмотря на это у нее под ногтями было столько следов крови и фрагментов кожи, что она должна была серьезно поцарапать нападавшего. – Он передал еще один снимок сломанного ногтя. – Естественно, образцы ушли на анализ. Но все дело в том, что на теле Клинге нет никаких царапин.

Хеск наблюдал, как в переговорной воцаряется тишина, и с удовольствием смотрел на кивающего Хеммера и остальных, пока они разглядывали снимки. Может, они и справятся, несмотря ни на что.

– Опа, какие люди! Что у нас тут такое?

Хеск перевел взгляд на заходящего в переговорную Кима Слейзнера.

– Привет, Ким, – сказал он с улыбкой, хотя именно Слейзнер был последним человеком, кого он хотел бы видеть. – Как видишь, мы в самом разгаре встречи. – Конечно, он не мог не зайти и не попытаться перетянуть одеяло на себя. – Что-то срочное?

– Ой-ой, какие мы, однако, дерзкие, с тех пор как получили собственный кабинет.

– Прошу прощения, не хотел таким показаться. Просто если есть что-то важное, что нам нужно включить в расписание, то...

– Нет, нет. Все нормально. Ничего серьезного. – Слейзнер поднял руки вверх. – Просто продолжайте и не обращайтесь на меня внимания. Я хотел взглянуть, как идут дела.

– Мы только что начали, но все идет довольно хорошо, надо сказать.

– О, как здорово! – кивнул Слейзнер. – Ну, другого я и не ожидал. С тобой во главе.

– Спасибо!

– Благодарить должен я. И да, я действительно так считаю. Все-таки к такому делу будет приковано немало внимания, и поэтому приятно осознавать, что оно в надежных руках. – Слейзнер повернулся к остальным. – Что касается всех вас, слушайте, пожалуйста, внимательно. Не меня, а вот этого человека. – Он показал на Хеска. – Он действительно знает, о чем говорит. А мне сегодня нужно к зубному чинить пломбу, так что меня не будет до конца дня.

Хейнесен и остальные кивнули. Сам Хеск старался сохранять лицо, хоть не верил ни одному слову, сказанному Слейзнером.

– Ну что, отлично. Не буду больше мешать, – продолжил Слейзнер и повернулся к двери. – А, еще кое-что. – Он снова обратился к Хеску. – Как ты думаешь, когда вы сможете что-то представить? Я имею в виду, помимо того, что этот Клинге, похоже, сильно заигрался.

– Ну, мы пока работаем всего пару часов. Постараемся действовать максимально эффективно.

– Звучит супер! Главное, чтобы я был в курсе того, на каком этапе расследования вы находитесь, хоть и не нужно быть космическим инженером, чтобы просчитать, что произошло. Как считаешь?

Хеск точно знал, как следует ответить. Но молчал. Он не понимал, смущало ли его что-то во взгляде или тоне Слейзнера. Он спокойно относился к тому, что его начальник не уверен, справится ли он с расследованием. Сам Хеск точно сомневался еще больше.

Но это не означало, что он собирался просто сдать и залечь на дно. Это было его расследование, шанс показать всем, что он не только достоин повышения, но на него можно рассчитывать и в будущих делах, а чтобы в этом преуспеть, нужно держать Слейзнера на максимальном расстоянии от расследования.

– О'кей, Ян, я понял, – наконец сказал Слейзнер. – Ты тут всем заправляешь и, конечно, тебе необходимо рассмотреть все варианты, прежде чем ты захочешь о чем-либо заявить. Просто хочу сказать, что это не то дело, которое нужно затягивать без необходимости. Нам не нужно сейчас допрашивать всех его одноклассников в начальной школе и анализировать содержимое каждой урны в радиусе многих миль от места обнаружения. Чем быстрее мы раскроем дело, тем лучше.

– Конечно. Как раз к этому мы и стремимся в работе, и как только у нас появится что-то интересное, я тебе сообщу, – произнес он, взвешивая каждое слово.

Их проводили к лифту. Его, Соню и Матильду. И их адвоката Ядвигу Комаровски. Никто не произнес ни слова, и пока лифт все глубже опускался в шахту, в нем царила тишина. Каждый из них пребывал в собственной тьме. Взгляды были направлены куда угодно, но только не друг на друга – на след на стене, мигающую лампу или скопление кружащих пылинок. В никуда.

Он и его действия привели их сюда. Невозможно смотреть на эту ситуацию по-другому. Именно он вынудил Теодора связаться с полицией в Хельсингере, вызваться свидетелем и рассказать правду. Такое давление привело его сына к попытке прыгнуть под поезд в лесу Польше. В последний момент он сумел помешать сыну. Все-таки он настоял на своем, и через несколько дней они вместе поехали в Данию.

Он тогда пытался убедить себя, будто не мог знать, что Теодора арестуют. Будто даже в своих самых диких фантазиях он не мог представить такое развитие событий. Но он себя обманывал. Все указывало на такую возможность. Все, что было необходимо ему, чтобы предотвратить катастрофу.

Двери лифта открылись, и их встретила женщина с убранными вверх волосами и в белом медицинском халате. Одним кивком она показала на коридор со сверкающим полом и грязными стенами. Тут и там встречались больничные кровати. Большинство пустовало, но на некоторых виднелись силуэты тел под тонкими простынями.

Очевидно, это место не предназначалось для посторонних посетителей. Поэтому им сначала предложили увидеть Теодора в одном из похоронных бюро Хельсингера, где должно было найтись более приличное помещение. Но только сама транспортировка тела и его подготовка означали бы, что им пришлось бы ждать возможности его увидеть еще сутки, а что он сейчас точно не мог, так это ждать еще больше.

Ему нужно было немедленно увидеть Теодора. Чтобы раз и навсегда избавиться от мысли, что все-таки он что-то не так понял, и принять, что ему остается только горевать.

Он собирался поехать в Хельсингер еще в прошлый вторник. Без какого-либо плана, он думал без предупреждения объявиться в тюрьме, предъявить свое полицейское удостоверение и добиться возможности его увидеть. Но ради Сони с Матильдой он себя сдержал. Его роль заключалась в сохранении покоя и стабильности в семье: шли дни, а он старался объяснить, что в Дании другие правила, и им ничего не остается делать, как ждать, пока датчане дадут официальные разъяснения.

Но в глубине души он чувствовал всепоглощающую ярость, не понимая, почему все так затягивается. Без ведома Сони он давил на Комаровски, а она, в свою очередь, на датчан, но никто из них не мог дать хоть какое-то внятное объяснение, кроме того, что необходимо много дополнительной административной работы, так как он не гражданин Дании, а это больше походило на взятую с потолка отговорку.

Женщина остановилась перед дверью и три раза постучала, прежде чем провести карточкой через считыватель, ввела код из четырех цифр и провела их в помещение, где зажженные свечи, цветы в вазе и прилепленные к стенам простыни пытались замаскировать тот факт, что они находились в морге.

Перед ним Комаровски пожала руку мужчине в белом халате, а также невысокому упитанному мужчине в очках и свободном пиджаке с заплатами на локтях. Он слышал, что они перекинулись парой слов, но не мог их разобрать, да это и не играло большой роли.

Ведь там, в дальнем конце помещения, лежало тело. Оно лежало совершенно неподвижно на разложенных носилках под белой тканью, и с каждым шагом в его сторону в нем все сильнее росла надежда. Надежда, которой, как он в глубине души понимал, не суждено оправдаться, и от которой он всеми силами старался избавиться.

Но сейчас, когда он находился здесь, он не мог отогнать от себя мысль, что, может быть, это все-таки не Теодор. Что хоть и маленький, но шанс есть. Что его шведский номер удостоверения личности перепутали с датским. Или что это просто кошмарный сон, который должен закончиться в ту же секунду, как он взялся за ткань, собрался с духом и откинул ее в сторону.

Теодор выглядел так, как всегда во сне. Закрытые глаза и то самое умиротворенное сияние, от которого все мышцы у него на лице

расслабились. От которого ему захотелось разбудить его, осторожно поцеловав в лоб. Как ему всегда хотелось делать, с тех пор как он стал отцом. Черт с ним, что маленький организм мучился от коликов, и каждый час бодрствования превращался в пытку.

И сейчас он тоже хотел его разбудить, и так, будто это движение настолько укоренилось в его сознании, что не поддавалось контролю, он наклонился к Теодору, который, точно как в детстве, выглядел, словно во сне освободился от всякой боли.

После ничто уже не могло быть как раньше. Холод, который ощутили его губы, разлился по нему и изменил все. Все сомнения исчезли, осталось только осознание, что его сына, его собственного любимого сына больше нет.

Слез, однако, не было. Как он ни пытался их вызвать, горе как будто было заблокировано и не впускало его к себе. Но Соня с Матильдой плакали. Он видел блестящие у них на щеках слезы и где-то очень отдаленно мог его слышать. Горе – перелившееся через край и хлынувшее наружу.

Он подошел и обнял их. Прижал к себе как можно ближе, чтобы утешить, но и чтобы попытаться почувствовать то же, что и они. Ничего не вышло. Он совершенно отсутствовал. Теперь он ощущал это. Сильнее, чем когда-либо. Он должен узнать. Как полицейский, он должен точно узнать, что произошло.

– Как он умер? – спросил он, выпустив из объятий Соню с Матильдой.

– Фабиан, ты же все знаешь, – сказала Комаровски. – Я тебе рассказала по телефону.

– Да. Но я хочу услышать это от него. – Он подошел к врачу. – Ведь, наверное, вы проводили осмотр?

– Да, это так. Меня зовут Франк Бент Нильсен, и я судмедэксперт здесь, в больнице.

– И мой очень простой вопрос таков: как умер Теодор?

– Фабиан, это правда так необходимо? – спросила Соня.

– Да, – ответил он. – Увы, – и затем снова повернулся к врачу.

– Ваш сын повесился.

– Где? Где он повесился?

– Ну, папа, хватит!

– Матильда, я сам разберусь. Я спросил, где конкретно повесился мой сын?

– В своей камере, – ответил плотный мужчина и протянул руку. – Флемминг Фриис. Я отвечаю за изолятор в Хельсингере, и хочу сначала выразить вам свои глубочайшие соболезнования. То, что произошло, – ужасная трагедия. Не только для вас, но и для всех нас, кто здесь работает.

– Значит, он повесился у себя в камере. А как конкретно это произошло?

– Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду, что он использовал. Как я понимаю, вы не пропускаете веревки или что-то подобное, что...

– Фабиан, вот сейчас уже хватит! – перебила Соня.

– Любимая, прости, но я должен знать, что произошло. Как так могло получиться, что молодой мужчина, за которым велось наблюдение, как будто он уже осужден за убийство, мог повеситься у себя в камере.

– Фабиан, мы конечно получим ответы на все вопросы. – Коморовски подошла к нему. – Но сейчас не подходящий момент. Мы здесь, только чтобы...

– Ядвига, я знаю, зачем мы здесь.

– Простите, – Флемминг Фриис поправил очки и шагнул к нему. – Я хорошо понимаю, вам нужно знать, что произошло. Вы полицейский и, конечно, должны знать все. Проблема в том, что мы еще не закончили наше расследование.

– Нам пришлось ждать больше трех суток, чтобы нам просто разрешили приехать и увидеть его, целая вечность в нынешних обстоятельствах, а вы все еще не знаете, что произошло?

– Что нам точно известно – он разорвал свою простыню на длинные полоски и сплел из них веревку.

– Пожалуйста, – покачала головой Соня. – Неужели мы должны об этом слушать?

– Дорогая, можете выйти и подождать снаружи. Так будет лучше. Я приду, как только закончу. – Он снова повернулся к Флеммингу Фриису. – Продолжайте.

– Затем связал два конца вместе, поднял кровать и прислонил ее к стене, после чего...

– Подождите. Поднял кровать? Как он мог это сделать? Она же, наверняка, как в других тюрьмах, прикреплена к стене.

– Это верно, и это правда должно быть невозможно. Но каким-то образом он завладел гаечным ключом. Таким шведским ключом.

– Он имеет в виду разводной ключ, – сказала Коморовски.

– Совершенно верно, и как это произошло, нам пока неизвестно, – пожал плечами Фриис.

– А потом? Что он сделал потом?

– Ну, он привязал веревку к одной из верхних ножек кровати и вокруг своей шеи. В конце он просто сел, и в таком положении мы его и нашли.

Несмотря на то, что это было совершенно немыслимо, объяснение звучало довольно правдоподобно. Да и почему такое действительно не могло случиться? Что ему на самом деле взбрело в голову? Что кто-то что-то скрывает? Все они знали, что Теодору долгое время было плохо. Но то, что он настолько отчаялся, что втайне совершил все приготовления, чтобы наконец довести дело до конца, стало для всех в тюрьме шоком.

– У вас есть еще вопросы? – продолжил Фриис.

Фабиан покачал головой. Его переполняли вопросы, но он не мог сформулировать ни один, поэтому взял за руку Соню с Матильдой и повернулся к двери.

– Мы узнаем больше после самого вскрытия, если есть еще что-то. Так вот обстоит дело. Так что лучше дождаться его результатов.

– Конечно. – Коморовски пожала Фриису руку. – Договорились.

То ли дело было в руке Флемминга Фрииса, которая начала трястись, или в немного нервном взгляде врача. Или в едва заметном изменении тона голоса.

– Хорошо, тогда договорились.

Так или иначе, внутри него включились все сигналы тревоги и призвали его остановиться и вновь обернуться.

– Дорогой, что такое? – услышал он за спиной голос Сони. – Нам пора.

Но он был не в силах реагировать на ее слова. Сейчас. Это слишком важно.

– Извините, но разве вскрытие еще не проводилось? Ведь прошло больше трех суток.

– Проводилось, но только клиническое. Для полной уверенности нужна еще судмедэкспертиза.

– О'кей, – перебил Фабиан. – Но в таком случае считаю, что лучше ее провести в Швеции. Так что мое предложение – мы забираем Теодора.

– Увы, это невозможно, – покачал головой Фриис и снова поправил очки. – Его экспертиза должна быть проведена здесь в...

– Нет, он пробыл у вас уже достаточно долго. – Он зашел обратно в помещение. – И я говорю не только о последних сутках, а о последнем месяце целиком. Целый месяц, когда вы не могли предъявить ни одного конкретного аргумента, почему суд откладывается. Не так ли, Ядвига, разве не так? – Он повернулся к Коморовски, которая кивнула в ответ.

– Да, но тут дело больше в прокуроре. Не в...

– Прошу прощения, но мне насрать на то, в ком тут дело. С меня хватит. Слышите? Все, хватит! – Он направился к носилкам и услышал, как заплакала Матильда, а Соня стала ее утешать. Но несмотря на то, что уже слишком поздно, другого пути не было.

– Но послушайте, – сказал Фриис, идя за ним. – Трагедия произошла в Дании...

– Нет, это вы меня послушайте. – Фабиан повернулся к Фриису. – Мой сын прибыл сюда добровольно в качестве свидетеля. Чтобы помочь вам вынести приговор исполнителям. Вы отблагодарили тем, что схватили его и обращались с ним, как с еще одним подозреваемым. Теперь пришло время, чтобы он отправился домой с нами.

– Я вас понял, но это невозможно. Мы должны содержать его здесь, пока не будем полностью...

– Говорите, что хотите, мне все равно. Я больше его здесь не оставляю. Я понятно объясняю? – Фабиан схватился за каталку и ногой разблокировал тормоз.

– Фабиан, послушайте. – подошла к нему Коморовски. – Вы же понимаете, что мы не можем просто так мешать им проводить свое расследование.

– Я им не доверяю. Здесь что-то не так, и я собираюсь разобраться, что конкретно.

– Пойдем, Матильда, – Соня приобняла плачущую Матильду. – Пойдем. – Они вместе вышли в коридор.

– Фабиан, прошу вас. – Коморовски положила руку ему на плечо. – Попробуйте успокоиться. Это ни к чему не приведет. Вы сами знаете не хуже меня.

Фабиан покачал головой. Успокаиваться он не собирался. Нельзя сдавать назад даже на миллиметр. Ему это очевидно как никогда. Их реакции, их неуверенные взгляды. Что они так же, как он, знают, несмотря на все правила и регламенты, что правда на его стороне.

Новость появилась на домашней странице «Экстра бладет» всего пару минут назад. Однако она не преподносилась как нечто масштабное. Опубликовали ее скорее неохотно. Как будто на самом деле это не серьезная новость, а просто очередное событие, о котором они вынуждены проинформировать.

«Два тела найдены у полуострова Рефсхалеен», гласил сухой заголовок. Далее короткий текст сообщал, как ранее сегодня утром женщина, отправившаяся на водную прогулку на каяке со своим парнем, обнаружила на дне машину с мертвыми женщиной и мужчиной. Единственный снимок был сделан с большого расстояния, на нем – белый автомобиль, оцепленный следственной группой.

Дуня хорошо понимала, почему в «Экстра бладет» предпочли отдать настолько больше места материалу о том, как избежать развода во время отпуска в кэмпинге. Новость про найденные тела в Копенгагене представляла примерно такой же интерес, как Химмельбьергет – одна из высочайших точек Дании высотой 147 метров над уровнем моря.

Все же что-то внутри нее откликнулось на новость. Что-то, что заставило ее много раз перечитывать немногословный текст и внимательно рассматривать фотографию в попытках добыть больше информации. Но единственное, что ей удалось выудить, это то, что один из мужчин на снимке напоминал Яна Хеска, а также то, что расстояние от машины до оцепления было необычайно огромным.

Та же картина наблюдалась и на других сайтах. Размытая фотография с большого расстояния и два коротких абзаца. Можно подумать, что новостные сайты соревнуются в аскетизме.

На самом деле все это прозрачно намекало на полицейскую секретность – тактику, которую они использовали, когда по какой-либо причине дело оказывалось особенно щекотливым. Но Дуню не обманешь. Само собой разумеется, поэтому-то Слейзнер так рано проснулся и отменил все встречи.

– О'кей, объект в пути, – произнес Фарид, не спуская глаз с одного из мониторов, где по карте двигалась красная точка.

– Объект, – покачал головой Цян. – Почему бы нам не называть его просто Слейзнер?

– Потому что так не делают. Особенно когда речь идет о нескольких людях. Тогда необходимо обозначать их как объекты 1, 2, 3 или А, В, С, чтобы окончательно не запутаться.

– Но сейчас здесь же только один.

– Откуда ты знаешь? Почти все говорит о том, что появятся еще как минимум двое и, кто знает, может, еще больше.

– Да, поэтому нам невероятно повезло, что у него есть имя. Конкретно – Слейзнер.

Фарид вздохнул и покачал головой.

– Фарид, – обратилась к нему Дуня. – Лучше расскажи, где он находится.

– Он только что припарковался на улице Амалиегаде и теперь направляется пешком через площадь Санкт Аннэ Пладс в сторону ресторана Zeleste.

– Один или с кем-то?

– Сложно сказать, когда он движется. С точностью до метра можно локализовать только его мобильный.

– Во всяком случае, он ни с кем не разговаривает, – сказал Цян в наушниках. – Ни с человеком, ни с объектом. – Он смотрел на темный монитор, где свет слабо мелькал только в верхнем левом углу.

– Можно послушать? – спросила Дуня.

– Конечно! Но там ничего интересного. – Цян поднял ползунок регулировки звука, и затем стал слышен шипящий звук, указывающий на то, что мобильник Слейзнера лежал в кармане.

– Теперь он в ресторане. – Фарид увеличил карту, на которой продолжала двигаться красная точка. – И, похоже, его провожают к столику во внутреннем дворике.

– Отлично! В таком случае можно надеяться, что связь будет ловить, – сказал Цян.

– А что у него с зарядкой на телефоне? – спросила Дуня.

– Семнадцать процентов, но насколько этого хватит...

– Сейчас он, по крайней мере, остановился, – перебил Фарид.

– О'кей, значит, видимо, сел, – сказала Дуня, нетерпеливо переводя взгляд с одного монитора на другой.

Красная точка на карте теперь полностью остановилась, а в углу монитора перед Цяном пропали слабые проблески света. Даже шипение больше не раздавалось из колонок. Другими словами, не происходило ничего – только секунды превращались в минуты.

С тех пор, как они обнаружили у Слейзнера бронь столика на троих, она ждала именно этого момента. Но только сейчас она поняла, что понятия не имеет, чего ожидать, кроме того, что что-то должно произойти. Зачем еще тогда ему понадобилось бы помечать это в рабочем календаре как визит к стоматологу?

– Нет, так дело не пойдет, – сказала она через пару минут. – Нужно что-то делать. Фарид, насколько точно мы можем определить расположение других мобильных вокруг него?

– Учитывая, что, в отличие от мобильного Слейзнера, у них нет GPS-приемника, то я бы предположил точность примерно в десять-двадцать метров.

– О'кей, сделай список всех, кто неподвижен, в радиусе пятнадцати метров от слизняка.

Фарид кивнул и откатился на соседнее рабочее место, где включил еще один компьютер.

– Слизняка, – повторил Цян, настраивая звук, – Может, нам его так и называть?

Он прибавил громкости, и теперь в колонках были различимы голоса. Правда только тихое бормотание без возможности уловить конкретные слова.

Дуня подошла к Цяну и наклонилась к колонке.

– Ты слышишь, о чем они говорят?

Цян покачал головой.

– Но ведь так не пойдет. Нам нужно вынудить его достать телефон из кармана, иначе мы все пропустим.

– И как ты собираешься это устроить? – спросил Фарид, сидевший перед монитором, где на увеличенной карте территории вокруг ресторана Zeleste располагалось большое количество мобильных номеров. – Позвонить ему и попросить положить телефон на стол? Привет, Ким, это Дуня. Не мог бы ты...

– Есть идея! – перебил Цян, переведя взгляд на верхний монитор, где транслировался экран мобильного Слейзнера. С помощью мышки

он вошел в контакты, отыскал имя Вивеки Слейзнер и щелкнул на номер, после чего на него пошел звонок.

– Ты в этом уверен? – спросила Дуня, пока из колонок раздавались гудки.

– Не-а, – ответил Цян, качая головой.

– *Да, что ты хотел?* – послышался усталый голос экс-супруги Слейзнера, пока Цян подключал на мобильнике громкую связь. – *Алло?* – продолжала Вивека. – *Ким, я знаю, что это ты, а ты знаешь, что я предпочитаю вести с тобой коммуникацию через наших адвокатов.*

– *Вивека, это ты?* – через некоторое время услышали они разборчиво и четко голос Слейзнера. – *Что ты хотела? Мне не очень удобно...*

– *Что я хотела? Это же ты мне звонишь!*

– *Правда? Извини, видимо, случайно нажал в кармане. Пока!*

Раздался щелчок и разговор закончился.

На экране, который раньше был абсолютно темным, теперь появились части фахверкового фасада внутреннего двора и защищавший от солнца раскрытый парус. Вдобавок в колонках стал четко различим гул ресторана и голоса.

– И вот мобильник – на столе! – воскликнул Цян и встал с места для маленького победного танца.

– Очень круто! – сказала Дуня. – Ну, не танец, а...

Фарид шикнул на нее, прося тишины, и прибавил громкости.

– *Прошу прощения, на чем мы остановились?* – услышали они голос Слейзнера.

– *Ты сказал, что назначил Яна Хеска руководить расследованием,* – послышался мужской голос. – *Если быть совсем честным, я бы предпочел, чтобы ты сам...* Звук затрещал, а затем исчез полностью.

– Нет, только не сейчас. – Дуня повернулась к Цяну. – Пожалуйста, сделай что-нибудь.

– У него осталось всего семь процентов заряда на телефоне.

– Семь? Ты же только что говорил про семнадцать?

– Да, но сейчас семь. – Цян открыл приложение камеры. – Попробую выключить камеру.

Монитор с желтым фахверковым фасадом и кусочками неба потемнел.

– *Еще в прошлый раз был перебор, – снова раздался голос Слейзнера. – Даже одно только намерение это повторить означало бы слишком высокие риски. Так просто нельзя. С учетом сказанного, можешь быть совершенно спокоен. Я полностью доверяю Хеску и уверен, что он сработает тонко.*

– *Как мне, черт возьми, быть спокойным после...*

– *Но послушай меня сейчас, – перебил Слейзнер. – То, что совершил, или не совершил Клинге, не имеет к нам никакого отношения, о'кей? Это на его совести. Обещаю, что как только расследование завершится, все сможет вернуться на круги своя.*

– *Клинге, – повторила Дуня. – Слышите звоночки?*

Фарид и Цян покачали головами.

– *Проблема в том, что им нужно лишь немного поскрести по поверхности... – продолжил третий голос, прежде чем снова появились помехи. – ... тесные контакты Могенса не только с полицией, но и со всей судебной системой.*

– *Могенс. Могенс Клинге, – повернулся к остальным Фарид. – Это не он работал в полицейской разведке?*

– *Это объясняло бы, почему они все засекретили, – сказала Дуня.*

– *В сухом остатке мы всего лишь полицейская организация, которая должна выяснить, что произошло, – раздался голос Слейзнера. – Если спросите меня, то тут все довольно очевидно, и уверяю вас, так же будет и для Яна Хеска.*

– *Ты много чего обещаешь. Иногда даже слишком много. Вспомни, как все прошло тогда...*

– *Послушай, я знаю Хеска, – перебил Слейзнер. – Он исполнительный дурак, который сделает все так, как от него ожидают. Один плюс один равно два. Не больше, не меньше. Поверь мне.*

– *Да, это твои слова. Ты их повторяешь снова и снова, как будто так они станут убедительнее. Но ты должен зарубить на носу одну вещь... – голос снова прервался и стал неразборчивым, утонув в цифровых помехах.*

– *Ну, ээй, можно что-нибудь сделать? – Дуня повернулась к Цяну. – Мы же все пропустим!*

– Что я могу сделать? Мобильник почти сел. На нем меньше двух процентов, и он может выключиться в любой момент.

– Откуда мне знать. Попробуй выключить все остальные приложения.

– Это не поможет. Это только...

– Плевать, все равно выключи. Главное, сделай что-нибудь.

– *Якоб, я уже спасал тебя однажды и не буду...* – внезапно послышался голос Слейзнера, а потом снова исчез.

Дуня обернулась к Фариду.

– У нас есть какой-нибудь Якоб в радиусе пятнадцати метров?

Фарид открыл поиск в растущем списке мобильных номеров и имен.

– *Он отчитывается мне напрямую, так что у меня все под полным контролем, о'кей? Под полным контролем,* – стал различим голос Слейзнера сквозь треск. – *Все устаканится.*

– Здесь их на самом деле трое, – сказал Фарид. – Один Якоб Ларсен, один Санд и один Бреннум.

– Якоб Санд – это не тот сказочно богатый предприниматель? – спросил Цян.

Дуня кивнула. Для нее не было ничего удивительного в том, что Слейзнер водил дружбу со свиньей-нуворишем, походившим на женщин, которых он обыгрывал в покер.

– *Еще кое-что, прежде чем мы закончим,* – снова услышали они более-менее разборчивый голос Слейзнера.

– Сколько зарядки осталось?

– Все еще два процента, так что, может, это все-таки помогло.

– *То, о чем мы говорили в последний раз. Ты разобрался с этим?* – И голос снова исчез. Но не из-за треска. Звук заглушила компания по соседству, разразившаяся громким смехом. – *Ну, знаешь, то, чтобы обнародовать...* – Очередной приступ смеха помешал что-либо расслышать.

– Так не пойдет, – Дуня достала телефон и позвонила.

– Что ты делаешь? – спросил Цян, пока шли гудки. Но она успела только приложить палец к губам.

– Добро пожаловать в ресторан Zeleste! – поприветствовал женский голос на другом конце трубки. – Чем могу помочь?

– Как я понимаю, у вас тихий элитный ресторан. По крайней мере, чего-то подобного я ожидала, когда сюда пришла.

– То есть вы сейчас сидите здесь, за столиком?

– Что я делаю не важно. Речь о компании в паре столиков от нас во дворике. Учитывая, как они шумят и ведут себя, должна сказать – странно, что вы еще не вышли и не проинформировали их, что здесь не какой-нибудь палаточный лагерь на фестивале в Роскильде.

– Хорошо, я выйду и поговорю с ними.

– Отлично! Значит, возможно, скоро я смогу снова прислушаться к собственным мыслям. – Дуня закончила разговор и услышала, как соседняя компания стала менее шумной.

– *Дело в том, что должны быть готовы все документы,* – стал различим голос, который они все еще не могли идентифицировать. – *Ты ведь просишь не о маленькой бумажке.* – Вопрос заключался в том, много ли и, прежде всего, что конкретно они пропустили.

– *Я бы предпочел, чтобы это было обнародовано как можно скорее.*

– *Да, я понял. Но тебе придется набраться терпения до полуночи завтра. Раньше никак не получится. Чтобы это не ударило по нам самим, нужно все сделать аккуратно.*

– *Само собой. Я только беспокоюсь, что...* – И звук снова исчез.

Дуня вздохнула и повернулась к Цяну.

– Не смотри так на меня. Что я блин должен сделать? – воскликнул Цян. – Это все аккумулятор...

Дуня закрыла ему рот рукой.

– *... может стать значительно более серьезной проблемой, чем Клинге,* – услышали они Слейзнера сквозь треск.

– *Ким, мне все это уже поперек горла, и если хочешь знать мое мнение, ты одержим. Но дело твое. Завтра в полночь это будет обнародовано. Ни раньше, ни позже.*

Голос снова пропал в помехах.

Потом исчезли и они.

Осталась только тишина.

Горе было необъятным. Черной, всепоглощающей бездной, которая делала его таким хрупким, что он мог сломаться от легкого удара по больному месту. Но прежде всего оно было высохшим. Горе, лишенное тех эмоций, которых от него ожидали. Которые он должен был чувствовать.

Он предпринимал попытки их разблокировать, вспоминая все совместные приятные моменты с Теодором. Как когда он учился кататься на велосипеде и делал первые шаги в плавании. Или забирался к ним в кровать, когда ему снились кошмары с Дартом Вейдером. Совместные игры и веселье. Все, что у них было до того, как стало плохо. Но ничего не помогало.

Даже тогда, когда он сидел в той датской скорой, положив руку на холодную грудь Теодора и глядя на его лицо, взявшее лучшие черты от него и Сони. Даже тогда он не чувствовал ничего, кроме желания разобраться в том, что на самом деле произошло в датской тюрьме.

Он прекрасно осознавал, что поступает неправильно. Что ему следовало бы поддаться естественному и логичному ходу вещей, остаться дома, позаботившись о Соне с Матильдой. Уже сейчас у него не было иллюзий о том, что позже он пожалеет об этом. Когда будет поздно и все будет потеряно. Но, несмотря на свои желания, больше ни на что он не был способен.

Скорая затормозила перед зданием из красного кирпича с выходящим на улицу фронтоном.

– Так, вот мы и на месте. Улица Трактерсгатан, 38, – сказал датский водитель скорой, выглянув в окно на стоявшие вдоль дороги старые коттеджи. – Правда, не похоже на больницу.

– Нам нужно сначала забрать судмедэксперта, – ответил Фабиан и нашел в мобильном номер.

После долгой дискуссии с угрозами отдать их всех под суд в Швеции ему удалось уговорить датчан провести вскрытие для судмедэкспертизы в Хельсингборге вместо Хельсингера.

– Эйнар Грейде, судмедэкспертиза, – произнес автоответчик Косы. – И да, вы все правильно поняли. У меня сейчас нет времени

разговаривать с вами по телефону. И нет, слушать ваше сообщение тоже.

Фабиан вышел из скорой и потянулся. В двадцати метрах стояли парни, ровесники Теодора, со скейтбордом под мышкой, и смотрели то на него, то на датскую скорую. Он кивнул им и пошел к дому Косы.

Однажды он уже там бывал, и точно как тогда, его вдруг осенило, как он на самом деле мало знал о своем коллеге из отделения судмедэкспертизы. То, что он особенный, Фабиан понял сразу, при первой встрече. Вязаные штаны в красно-белую полоску и косички, каждая из которых олицетворяла жертву в актуальном расследовании. Один из лучших патологоанатомов Швеции, специалист высочайшего класса.

Больше он о нем практически ничего не знал, потому что Эйнар «Коса» Грейде прежде всего обладал железной принципиальностью. Он как никто умел отделять работу от частной жизни. Там проходил водораздел, и два мира не должны были сталкиваться ни при каких обстоятельствах. Поэтому ему без проблем удавалось выключать мобильный на время всего отпуска.

За калиткой, а также на въезде в гараж были припаркованы три десятка велосипедов. Всякие разные: от грузовых с тремя колесами и пачками до удлиненных лежачих велосипедов. До него доходили слухи, что в свободное время Коса много катается на велосипеде и что десять лет назад он доехал до Дюссельдорфа, чтобы поучаствовать в велогонке. Но все равно казалось маловероятным, что он владеет таким количеством разных велосипедов.

Он прошел в калитку, преодолел грунтовую дорожку и, подойдя к входной двери, позвонил в нее. За густой листвой послышались разрозненные голоса, и он задумался, что, может, стоило подождать, пока гости разойдутся, а Коса останется в одиночестве.

Дальше размышлений это зайти не успело. Дверь открыл мужчина с голым торсом и разноцветным напитком в руке. В то же время включилась ритмичная электронная музыка, басами пробиваясь сквозь растительность и дальше по кварталу. Полуденный час очевидно не мешал веселью.

– Коса дома? – спросил он.

– Что? – спросил мужчина по-английски.

– Коса, – повторил Фабиан. – Дома?

– Да заходи уже, – перебил мужчина и скрылся в толпе.

Фабиан направился вслед за ним и начал разглядывать празднующих мужчин и женщин от двадцати до чуть ли не старше восьмидесяти. В другой реальности все это могло бы его захватить. Сейчас давка под аккомпанемент тяжелых басов вызывала у него клаустрофобию.

Он протиснулся сквозь танцующую толпу, мимо барной стойки, где мужчина и женщина с одинаковыми прическами, одетые в обтягивающие и не менее блестящие комбинезоны, смешивали напитки. Тут и там на диванах и на островках из напольных подушек полулежали гости в бикини и плавках, они либо смеялись, либо целовались, либо спали.

Он не понимал, как они могут смеяться. Как кто-то мог позволить себе в чем-либо находить радость. Ему хотелось отыскать рубильник и отключить ток. Крикнуть им, чтобы они оставили его в покое и укатили отсюда на своих велосипедах, чтобы он в тишине и покое смог найти Косу.

В саду за домом из замаскированных колонок тоже пульсировал ритмичный электронный твист. Но здесь громкость была чуть ниже и дышать было значительно легче, хоть и на газоне гостей было немало.

Тут он увидел Косу. В сандалиях, объемных, цвета слоновой кости, штанах алладинах, длинной рубахе и в розовом боа из перьев на шее он стоял за диджейским пультом и размахивал длинными до плеч седыми волосами, в которых, редкий случай, не было ни одной косички.

Фабиан направился к нему, но не успел до него добраться, как Коса обернулся, чтобы выбрать пластинку из своего собрания винила, и увидел его.

– Фабиан? – замер он на полпути.

– Коса, знаю, что у тебя...

– Фабиан, Фабиан, – перебил Коса и его лицо озарила улыбка. – Все в порядке. Не помню, чтобы приглашал тебя, но из всех членов команды тебе я всегда рад. Так что просто расслабься, разденься и выпей что-нибудь.

– Спасибо, но... Коса, прости, но я здесь не для того чтобы...

– Хочешь составить компанию и побренчать? Мм? Маленький баттл. Ты же меломан, насколько я понимаю. Кстати, а эту знаешь? –

Он повернулся к пультам и прибавил громкости. – «2 hearts» от «Digitalism»^[4]. Потрясающе!

– Коса, – Фабиан подошел к нему. – Я здесь, потому что мне нужна твоя...

– Подожди, мне нужно только... – Коса наклонил голову так, чтобы прижать одно ухо к висевшим на шее наушникам, в то время как привычным движением поставил иглу в нужное положение и включил сингл «Musique Non Stop» группы «Kraftwerk»^[5].

– Ну, вот это ты должен знать. – Коса вновь обернулся к Фабиану. – Знаешь, что я приятельствую с Ральфом Хуттером, и я один из немногих людей со стороны, кто бывал в студии «Клинг Кланг»? – Он покачал головой. – Скажи, гений.

– Коса. – Фабиан взял его за плечи и заглянул в глаза. – Я здесь, потому что мне нужна твоя помощь.

Улыбка исчезла с лица Косы.

– И почему я даже не удивлен? Конечно же, тот факт, что у меня разгар отпуска и что в честь этого я устроил вечеринку, роли не играет.

– Если бы были другие варианты, я бы не стал тебя спрашивать. Надеюсь, ты понимаешь. Ты выпивал?

– Что, алкоголь? – Коса взглянул на него с отвращением. – Ты с ума сошел? Я не пил с четырнадцати лет. Фабиан, в чем там дело? Нельзя спросить Арне Грувессона? О'кей, может, он не самый ритмичный на свете барабанщик. Но он на месте, и, поверь мне, только и ждет чего-то интересного, чтобы...

– Коса, прошу тебя, – перебил Фабиан. – Это не новое дело. Речь о моем сыне. Понимаешь? Моем родном сыне.

Коса остолбенел и не спускал глаз с Фабиана, силясь понять, серьезен ли он. Потом кивнул и стянул с себя боа.

– Давай, поехали.

Ян Хеск никогда не понимал, почему чуть ли не каждый житель Копенгагена в определенный момент жизни мечтал пожить в Картоффельрэккерне – районе с почти пятью сотнями краснокирпичных коттеджей в самом центре города. Изначально дома здесь строились для рабочих с больших картофельных полей, отсюда название. Теперь дома там стоили целое состояние и были мало кому доступны, хотя комнаты в них оставались такими же тесными, а потолки такими низкими, что из чувства самосохранения приходилось нагибаться всем, чей рост превышал 185 сантиметров.

Но там, несомненно, царил идиллическая атмосфера маленького города, и это он был вынужден признать, когда вышел на улицу Йенс Юельс гаде, припарковав машину за углом. Одни дети пинали мяч посреди улицы, другие – играли в классики, а за накрытыми столами с тортом и кофе в тени раскрытых зонтиков большая компания отмечала день рождения.

Этот район больше всего славился добрососедскими отношениями. Тем, как жители ладили и жили одной большой семьей, состоящей из успешных художников, журналистов и разных высокопоставленных людей, таких как, например, Могенс Клинге.

Хеск прошел мимо празднующих день рождения, гул голосов которых стих как по команде и сменился удивленными взглядами ему вслед. Вероятно, Клинге тоже был приглашен, а теперь, когда он не пришел, они начали подозревать неладное. И кто знает? Может, кто-то из них имел свои интересы. Как только он закончит осмотр дома, ему нужно будет обязательно поговорить с каждым по отдельности.

Пять лет назад жена Клинге скончалась от рака груди. Он узнал это из найденных интервью с Клинге. В газете «Остербро Авис» он рассказывал, как ему одиноко со своим горем, так как у него нет ни детей, ни сестер с братьями, и что он никогда бы не пережил эти тяжелые времена, если бы не потрясающие соседи.

В одиночку или нет, но так или иначе он продолжил ухаживать за маленьким участком перед домом под номером 38. В противоположность многим соседским участкам, где обветшавшая

уличная мебель давно требовала смазки, а природа уже частично захватила фасады, у него было чисто и красиво. Вдобавок дерево перед домом было подстрижено, а забор недавно покрашен белой краской.

Надев перчатки, он достал связку ключей, найденную Хеммером в автомобиле, открыл дверь и вошел в дом. Внутри стоял затхлый запах, так что он оставил дверь приоткрытой и прошел в гостиную, которая олицетворяла то, почему он никогда бы не смог здесь жить.

Хотя, вероятно, это была самая большая комната в доме, на маленькой площади располагалось слишком много вещей. Там было по-своему мило и уютно, но он не мог избавиться от ощущения, что попал в кукольный дом.

Мортен Хейнесен предлагал поехать вместе, но он хотел сам с этим разобраться. Не потому что они не были командой или не могли друг другу помогать. Он был бы только рад. Дело было в том, что в этот день он, в общем и целом, ничем не отличился. Ему нужно что-то, чем он мог бы завоевать их доверие.

Хейнесен уже доверял ему. Но вот другие, Хеммер и Бернсторфф, – не важно, что они говорят, и сколько кивают. Если ему не удастся в скором времени найти интересную зацепку или, по крайней мере, предложить теорию, которая еще никому не приходила в голову, то не пройдет много времени, как они перестанут слушать и начнут принимать собственные решения у него за спиной.

Проблема заключалась в том, что у него было совсем плохо с идеями. Он понятия не имел, что ищет. В глубине души он надеялся получить ответы на блюдечке, едва войдя в дом. Обратив внимание на что-то, что помогло бы ему быстро продвинуться вперед в расследовании так, как они все того желали.

Но обводя взглядом комнату, он ничего такого не замечал. Ничего, кроме горы книг в книжном шкафу, пары пейзажей на стенах, стопки газет, темно-синего тканевого дивана, просиженного кресла перед телевизором и цветочных горшков на подоконниках.

Может, с ним что-то не так. Может, тут полно зацепок и ответов, если просто обладаешь способностью анализировать увиденное.

Как то обстоятельство, что в книжном шкафу по большей части стояла публицистическая литература и биографии и не было практически ничего художественного. Хорошо известно, что женщины читают больше художественной литературы, чем мужчины. Но знак ли

это того, что Клинге избавился от всех книг жены? И значило ли это, что он горевал о ней не так сильно, как хотел продемонстрировать? Вел ли он просто-напросто двойную жизнь с другими женщинами? Или так вышло, что его жена не интересовалась художественной литературой? А прежде всего – имело ли это хоть какое-то значение для расследования?

Ответ состоял в том, что он понятия не имел. Все представляло собой лишь большой поток информации, который только усиливал его головную боль и вводил в еще больший стресс.

В глубине души так он ощущал себя на протяжении всей карьеры в полиции, но еще никогда это не проявлялось настолько ярко. То, как, например, в отличие от шведского следователя Фабиана Риска, в нем отсутствовало стремление любой ценой раскрыть дело и добиться ареста преступника. Конечно, он тоже хотел, чтобы виновный получил наказание. Но не это было в центре его внимания все годы. Вместо этого он был озабочен тем, чтобы сделать все правильно и постараться никому не перейти дорогу, чтобы в будущем добиться повышения.

Другими словами, он был фейком. Фальшивкой, которой удавалось обманом продвигаться вперед из одного расследования в другое. Единственным его талантом было сидеть на встречах и делать вид, что все под контролем, и что он знает, о чем говорит. Это умение достигло такого совершенства, что иногда он даже сам в это верил.

А теперь он стоял здесь, в углу, куда сам себя загнал, не важно, фейк он или нет, но только он мог продвинуться дальше, и по пути обратно в коридор и на второй этаж по лестнице, он пытался убедить себя, что все-таки расследование не стоит на месте.

Они установили личность Могенса Клинге и нашли множество зацепок, указывавших на то, что кто-то третий или даже несколько человек замешаны в убийствах. Женщину они пока не идентифицировали, но благодаря ее шраму в форме креста это было лишь вопросом времени. Вдобавок они вели расследование всего один рабочий день. Он сам, конечно, надеялся на более быстрое развитие событий. Так он думал утром. Сейчас он разобрался, и, в отличие от Слейзнера, осознавал, что это займет время.

Он открыл одну из дверей в коридоре на втором этаже и вошел в спальню, меблированную двуспальной кроватью с тумбочками по обеим сторонам, парой шкафов и настенным телевизором.

Следов, что именно здесь Клинге занимался с той женщиной сексом, прежде чем засунуть себе в рот дуло пистолета, не наблюдалось. Крови не было ни на стенах, ни на ковролине или покрывале.

Он ничего такого и не ожидал увидеть. Картоффельрэккерне с его великолепными добрососедскими отношениями был не тем местом, где домой приводят проституток. Также он не был местом, где посреди ночи можно избавиться от двух тел и остаться незамеченным. Нет, убийства могли произойти, где угодно, но точно не здесь.

Он покинул спальню и зашел в соседнюю комнату. Как и прочие, она была перегружена мебелью, но при этом располагала к себе уютным креслом с подставкой для ног. Одну из стен полностью закрывали книги, которые, в свою очередь, обрамляли рабочее место, представлявшее собой старый письменный стол, где стоял лишь стакан с ручками и лежал магнит со скрепками.

Как и внизу в гостиной, на подоконнике стояли цветочные горшки. Здесь в них росли цветущие розовые и красные гибискусы. Не самые простые в уходе цветы, и в Клинге ему было трудно увидеть такого садовода.

Правда, у большинства людей есть стороны, о которых они не распространяются, и на самом деле он сам всегда любил именно цветы во всех их проявлениях. Он имел обыкновение раз в месяц тратить на внушительный букет для Лоне. Предлогом являлось оказать ей внимание и обрадовать, что, как правило, срабатывало, хотя, прежде всего, цветы он покупал для себя.

Он подошел к креслу и выглянул в окно, посмотрел вниз на небольшой закрытый двор, где стоял накрытый гриль, уличная мебель и сложенная сушилка для белья. От соседней участок отделяла высокая кирпичная стена. Но дверь в углу позволяла беспрепятственно попасть к соседу, и на всякий случай он решил узнать его имя.

На самом деле, его внимание привлек не задний двор, а подоконник. Вернее, серый пластиковый наконечник, выглядывавший из-за цветочного горшка. Ему в голову пришел акулий плавник. Как будто ничем не примечательный кусочек пластика воскресил у него в памяти воспоминания, о которых он даже не подозревал.

Только отодвинув горшок в сторону и увидев старый мобильник «Эрикссон» ярко-желтого цвета, он понял почему. Просто в нулевых

его в народе называли не «Эрикссон 310s», а именно «Акулий плавник». Он сам пользовался таким несколько лет и отчетливо помнил, как был им недоволен: слишком большая антенна, из-за которой он не помещался в карман.

Всего десять лет назад он считался шедевром технологий с аккумулятором, заряда которого хватало больше чем на неделю, а еще лет через десять он наверняка станет достаточно ретро, чтобы его стоимость на вторичном рынке превысила первоначальную. Но сегодня он представлял собой лишь некрасивый бесполезный кусок пластика, который если еще не оказался на помойке, в большинстве случаев лежал в каком-нибудь ящике и пылился. Поэтому странно было, что Клинге держал его на видном месте. Особенно учитывая то, что в машине у него был с собой новый «Самсунг Гэлэкси».

Хеск взял мобильный и отметил, что на нем даже нет пыли. Затем попытался его включить. Движение сохранилось у него в мышечной памяти. Оказалось, что телефон уже включен, и, когда экран загорелся, по символу батареи справа он заключил, что осталась примерно четверть заряда. Кроме того, четыре полоски слева указывали на то, что в мобильном стояла работающая сим-карта.

Телефон был из времен без паролей на всем подряд, поэтому можно было просто переключаться с иконки на иконку и осматриваться.

Помимо множества сервисных номеров в контактах было всего одно имя – Контакт1. Он устоял перед искушением нажать на зеленую кнопку и узнать, на кого он попадет, и вместо этого переключился на список звонков, но там ему оставалось лишь констатировать, что если список не чистили, то с телефона звонили лишь по одному номеру. А вот СМС отправляли в большом количестве.

Первое сообщение со словом «Тест» пришло от Контактa1. А конкретно – 16 апреля в 11:23. Шесть минут спустя Клинге отправил ответную СМС со словом «ОК».

Затем прошло пять с половиной часов, прежде чем он получил целый ряд сообщений.

– Не спрашивай, – внезапно раздался голос с первого этажа. Говорили по-английски. – Может, он просто забыл закрыть за собой.

– Нельзя же вот так просто оставить все нараспашку, – слышалось в ответ.

Хеск огляделся в поисках возможных путей бегства. Балкон отсутствовал, да и его колени и бедра не пережили бы прыжок на плитку. На самом деле, ему следовало просто достать полицейское удостоверение, спуститься вниз и выяснить, что это за люди. Но он был слишком напуган. Впервые за долгое время его тревожило то, чем могла закончиться конфронтация.

И не успев толком поразмыслить, он вернулся в соседнюю спальню и закрылся в одном из шкафов. Он никогда не делал ничего подобного, за исключением игры в прятки с детьми, и сейчас чувствовал полную абсурдность своих действий. Но ничего лучше придумать не мог.

К тому же, он был без оружия. Пистолет, как всегда, лежал в сейфе в управлении, а последний раз он им пользовался в тире прошлой зимой. В действительности он пока ни разу не применял его в поле. Но сейчас ему его очень не доставало. Сейчас, когда он сидел в темноте на корточках под вешалками с рубашками и брюками и слышал, как двое мужчин поднимаются по лестнице.

– Мы, должно быть, уже близко, очень близко, – сказал один из них.

– Надеюсь, ты прав, – ответил другой и зашел в спальню. – Это и так уже слишком затянулось.

Сам Хеск задержал дыхание, размышляя, не выскочить ли ему наружу и не попытаться ли побороть посетителя. Ему на руку играл эффект неожиданности. Но это было единственным преимуществом. Все остальное было не в его пользу. Физическое состояние, координация, скорость. Все это у него отсутствовало. Другими словами, шансов у него не было.

Ситуация усложнялась тем, что мужчина подошел ближе. Так близко, что Хеск слышал слабое посвистывание проходящего через ноздри воздуха. Когда мужчина тут же открыл шкаф, сделал он это не аккуратно, а резко дернув, будто ожидая, что кто-то сидит внутри и давит на дверцу.

Не важно, что это оказался соседний шкаф. Через пару секунд распахнут и дверь Хеска, и единственное, что он сможет сделать, – броситься наружу и надеяться на лучшее.

– Здесь, – закричал второй, что заставило первого покинуть спальню. – По крайней мере, так на экране. Это где-то в этой комнате.

– Так ищи. Не стой просто так. Шевелись.

Он слышал, как в соседней комнате выдвигают и опустошают ящики стола, как подвинули кресло и один из цветочных горшков упал на пол.

– Он точно все еще здесь?

– Да. Сам посмотри.

– Ладно, я звоню на него.

– Уверен?

– Есть идея получше? У нас нет на это времени.

Его руки дрожали от страха и не слушались. Но в конце концов ему удалось выудить из кармана старую трубку «Эрикссон» как раз в тот момент, когда она вот-вот должна была пробудиться к жизни. Однако никакого звука издать она не успела, до того как он нажал на красную кнопку и не отпускал ее, пока экран снова не погас.

Коса на беглом датском представился водителю скорой и показал ему дорогу в отделение судмедэкспертизы Хельсингборга. Там на месте он подписал ряд документов, затем они вдвоем подняли черный пакет с телом на одну из каталок, принадлежащих судмедэкспертизе.

Но последние полчаса Фабиан помнил обрывочно. Возможно, он пару раз кивнул в машине скорой. Возможно, нет. Что-то внутри него выключилось и мешало установить любую форму контакта с окружающим миром, а прежде всего, с самим собой.

Когда Коса подошел к своему коллеге, Арне Грувессону, Фабиан видел, что они разговаривают. Но ничего не слышал, кроме обрывков предложений, в которых Грувессон удивлялся, что Косе здесь понадобилось посреди отпуска.

– Просто маленький осмотр, – улыбнулся Коса. – Тебе не о чем беспокоиться. Так что можешь дальше пить кофе и играть в своих «Улиток-убийц» или чем ты там занимался.

В обычной ситуации он бы подошел к ним и взял дело на себя, хорошо понимая несовместимость Косы и Грувессона. Сейчас сил у него не было ни на что, кроме как стоять и наблюдать за коллегами, как будто он медленно проезжает мимо автомобильной аварии.

Как они прошли в помещение для осмотра – он не помнил. Внезапно они оказались в освещенном зале с кафелем на полу и дренажными колодцами, гладкими сверкающими секционными столами под яркими лампами и продезинфицированными инструментами.

Только когда он сунул руки под мешок для трупа и ощутил тяжесть ног Теодора на своих руках, реальность смогла пробиться сквозь все слои защиты.

Его сын мертв.

Он действительно мертв, и ничто никогда не сможет его вернуть.

В морге в Хельсингере его голову наполняли вопросы, на которые он хотел получить ответы. Он был убежден в том, что что-то было не так. Теперь все это улетучилось. Его сына больше нет. Точка, не

запятая и не расплывчатый ответ, предполагающий уточняющие вопросы.

На этом история Теодора закончилась.

– Не буду мешать тебе работать. – Он был слишком уязвим, чтобы остаться и наблюдать за осмотром тела своего сына. – Подожду снаружи.

– Забудь. Ты остаешься. – Коса расстегнул молнию на мешке до самого низа, так что тело Теодора стало видно целиком – он лежал на спине с закрытыми глазами и руками на животе. – Обычно со мной здесь работает ассистентка. Но она в отпуске. – Он протянул зеленый рабочий халат.

Фабиан колебался, но надел халат и помог стянуть мешок, пока Коса приподнимал тело.

Фабиан точно не знал, сможет ли выдержать все вскрытие. Но возможно именно это ему и было нужно. Чтобы принять, что от него больше ничего не зависит. Что ему больше ничего не остается, как поехать домой и позаботиться об оставшейся у него части семьи.

Коса с помощью массивных ножниц уже начал избавляться от одежды на теле. Сначала свитер, затем брюки, каждая нога по очереди, и наконец носки и трусы.

Сам Фабиан сделал бы все, чтобы поменяться местами. Что угодно, чтобы оказаться тем, кто лежит здесь, на холодной металлической поверхности. Вместо того чтобы стоять сейчас рядом и винить себя за каждый вдох.

Если бы не заметные синяки на груди и ниже на корпусе, он бы извинился перед Косой и предложил бы оплатить ему такси обратно на вечеринку. Но что-то внутри него пробудилось.

Он уже знал, что Теодор участвовал в драке, – об этом его проинформировала Коморовски. Они сообщили ей, что его сын немотивированно набросился в столовой на одного из заключенных и оказался виновным в тяжелых увечьях. Но эти серо-синие отметины рассказывали о чем-то совершенно другом. О том, что ему тоже досталось.

Он как раз собирался спросить о них Косу. Когда они появились и насколько сильными должны были быть удары. Можно ли по ним определить, сколько человек их наносили, били ли они ногами или

даже использовали какие-то предметы. Но Коса был занят тем, что через лупу рассматривал что-то на правой ладони Теодора.

– Что-то нашел?

Вместо ответа он увидел протянутую руку.

– Пинцет, пожалуйста.

Фабиан подошел к разложенным в ряд на зеленой ткани инструментам, взял один из пинцетов и протянул Косе.

– Видишь? – Коса поднял пинцет между ними. – Видишь острие?

Фабиан кивнул и наклонился, чтобы рассмотреть полусантиметровое металлическое острие.

– А что это?

– Если тебя устроит догадка, то я бы сказал, что это острие от канцелярской кнопки.

– От кнопки? Как она у него оказалась?

– Меня это тоже беспокоит, должен сказать, что тут все немного странно. – сказал Коса, разглядывая ладонь. – Кроме того, вокруг раны есть следы крови, а это говорит о том, что он получил ее, когда был жив. Но давай перейдем к синякам. – Он убрал острие в закрывающийся пластиковый пакетик.

Фабиан кивнул.

– Они сказали... сказали, что он кого-то избил. Они так сказали. Что он инициатор. Так что я сам на него давил... говорил, что он должен взять себя в руки, чтобы иметь шансы в суде.

– Ты делал то, что считал правильным.

– Только не понимаю, почему все молчали. Почему не рассказали, как есть. Даже он сам. Я же туда приезжал и виделся с разными...

– Слушай... – Коса положил руку ему на плечо. – Наверное, лучше будет, если ты поедешь домой, к семье, а я продолжу работу и сообщу тебе, когда закончу.

– Нет, я останусь. Все равно уже слишком поздно, так что лучше я останусь здесь, и я хочу, чтобы ты рассказывал о том, что видишь. О'кей? Ничего не утаивая. Хочу знать все.

Коса со вздохом неохотно согласился и начал изучать синяки на бедрах, корпусе и груди. Затем обеими руками приподнял тело сбоку и перевернул его набок, чтобы обследовать спину, которую тоже покрывали сильные синяки.

– Как видишь, нет сомнений в том, что его били. Вероятно, он лежал на полу и получал удары как ногами, так и руками.

– Орудия были?

– Сложно сказать. Здесь много кровяных подтеков, но они с той же вероятностью могли появиться от обуви со стальными носами. Однако действительно странно, что на предплечьях и голенях никаких следов нет.

– Почему странно?

– Сам посуди. Ты лежишь на земле, тебя пинают и бьют. Твои действия?

– Пытаюсь защититься.

– Вот именно. Сворачиваешься в позу эмбриона и уменьшаешься в размерах, насколько возможно, что в результате так или иначе всегда приводит к травмам как раз предплечий и голеней. Проблема для преступника в том, что следы заметны, если, как в изоляторе Хельсингера, заключенные там носят рубашки с коротким рукавом.

– То есть их было больше одного.

– Я бы сказал, минимум трое.

– Двое держали за руки и ноги, а третий бил ногами. – Картинки мелькали у него в мозгу словно мухи, не желавшие покидать падаль.

Возможно, это дело рук ожидавших суда остальных участников группы «Смайл». Они были чертовски заинтересованы в том, чтобы Теодор отказался свидетельствовать против них, и, судя по тому, что Фабиан видел в записях, где они до смерти избивали бездомных, похоже на их почерк. Правда, именно по этой причине, их должны были содержать в разных отделениях.

– Еще кое-что. – Коса показал пальцем. – Видишь, коричневые пятна тут, сверху? Им около двух недель, желтым и зеленым здесь внизу – около недели.

– То есть это происходило больше одного раза?

Коса кивнул.

– Все иссиня-черное в разных местах появилось всего четыре-пять дней назад.

Другими словами, это были практически систематические избиения. Все равно никто ничего не рассказал. Ни Коморовски, ни прокурор, ни надзиратели. Они что, не знали об этом или просто проворачивали большую операцию по сокрытию?

– Они что-нибудь говорили о том, как так получилось, что он смог повеситься? – продолжал Коса, перейдя к обследованию следов вокруг шеи Теодора.

– Да, по-видимому, он сумел открутить койку от стены и поставить ее на дыбы, так что смог обвязать веревку вокруг одной из верхних ножек.

– А сама веревка, что они о ней рассказали?

– Он порвал простыню на полоски и заплел их в косичку.

– Заплел? – Коса повернулся к Фабиану, который кивнул и пожал плечами. – Интересно, – пробормотал он и вернулся к осмотру, осторожно наклонив голову Теодора в сторону, чтобы детальнее изучить следы с помощью лупы. – Я бы удивился, если бы это оказались следы от косички из простыни. Все, что я могу сказать.

– Мне так сказали.

– Ясное дело. Чтобы быть абсолютно уверенным, мне нужно осмотреть эту косичку и проверить, соответствует ли она следам. Но на это лучше не надеяться.

– Это и правда видно через одну лупу?

– Поверь мне. Видно достаточно, а как раз о косичках я кое-что знаю. Допустим, все так и было. Что он порвал простыню на полоски и сплел их. Тогда он, вероятно, сплел косичку из трех полосок, которая никак бы не смогла удержать вес его тела. Это говорит о том, что он изготовил как минимум три такие косички, из которых, в свою очередь, сплел одну побольше, а она бы никогда не оставила подобный след. Как вариант, ему нужно было сплести девять полосок в одну косичку, которая в таком случае имела бы более гладкую поверхность. Но поскольку твой сын не был фанатом плетения, то такое видится мне совершенно неправдоподобным.

– Так что он использовал?

– Настоящую веревку или какой-то электрический провод. Что-то с достаточно гладкой поверхностью.

Обманули ли они его сознательно или просто сочинили какое-то более-менее вероятное объяснение, чтобы сказать хоть что-то и угодить ему? Он кричал и требовал от них ответов, так что, наверное, не так уж и странно, что в накаленной обстановке они сказали что-то совершенно не то.

Он повернулся к Косе, который стоял, наклонившись над головой Теодора, и отодвигал черные кудри в сторону, чтобы рассмотреть кожу головы. Эти непослушные кудри, которые всегда были отличительной чертой его сына, сколько бы Соня ни старалась пригладить их мокрой расческой, когда он был маленьким. Ничего не могло помешать им жить своей жизнью. Даже смерть.

Что-то отлетело и упало на белый кафельный пол. Что-то застрявшее в волосах у Теодора.

Он подошел и сел на корточки, чтобы ближе рассмотреть, и увидел кусочек краски размером со старую монету в двадцать пять эре. Подняв его пинцетом и положив в прозрачный пакет для улик, он стал рассматривать его на свету от одной из ламп для осмотра.

Кусочек был довольно толстым, шире миллиметра, и темно-зеленым, что само по себе вызывало вопросы. Камеру Теодора он не видел, но ему было сложно представить, что потолок или стены могли быть такими темными. Но где-то существовало помещение именно такого цвета. Помещение, в котором по какой-то причине находился Теодор.

Жужжание машинки для стрижки заставило его обернуться к Косе, который занимался тем, что сбривал кудри Теодора, и те бесшумно падали на пол. Он хотел попросить его перестать. Закричать «хватит». Что больше не хочет ничего знать. Что пусть оставит хотя бы кудри.

Но большая их часть уже лежала на полу, будто темный пушистый ковер, и когда он поднял глаза, все встало на свои места. И кусочек темно-зеленой краски, застрявший у Теодора в волосах, и сине-желтые следы, которые, как странная болезнь кожи, покрывали большие участки свежесбрившей головы.

Царапая маленьким чемоданом по тротуару, Микаэль Реннинг спешил мимо пары проституток и группы бранящихся наркоманов рядом с приютом для бездомных «Мэнненс Йем» на улице Истедгаде. Он сделал еще пару шагов, чтобы с небольшим запасом не наступить прямо в блевотину.

Другими словами, обычная история для самой центральной части изнанки Копенгагена. Здесь он прожил больше десяти лет и давно сбился со счета, сколько раз его спрашивали, как за пределами своей квартиры он выносил всю эту нищету.

На самом деле, он это любил. Местные кварталы как раз служили противовесом новой застройке с гладкими, блестящими фасадами и добропорядочными гражданами, которые платили налоги и вовремя приходили на работу. Такой противовес был необходим, чтобы все остальное в Копенгагене работало. Без наполненной всяким мерзким, грязным и опасным изнанки нет и обложки.

Но сейчас ему некогда было о таком думать. Ему даже некогда было раздражаться на то, что ни «Самсонит», ни «Римова» или какой-нибудь другой производитель чемоданов в мире не смог создать чемодан, способный более-менее бесшумно перемещаться по красивым, но неровным тротуарам.

Еще он нервничал. Стресс не отпускал его, с того момента как он помог Дуне Хугор установить прослушку на мобильный Кима Слейзнера. С тех пор прошел месяц, и атмосфера на работе изменилась. Как будто Слейзнер в глубине души подозревал его связь с Дуней. Будучи хорошо осведомленным об их знакомстве, он не упускал случая к месту и не к месту упомянуть ее имя, как будто хотел проверить его лояльность. Кроме того, в большей степени его беспокоило гнетущее чувство, что за ним постоянно наблюдают.

Он был убежден в том, что кто-то побывал у него в квартире. Ничего не пропало, и все вещи лежали почти как обычно. Почти. То же и с мобильным. Хотя он привык каждый день возвращать его к заводским настройкам, чтобы убедиться, что телефон не взломан, он слышал странные щелчки, которых раньше не было.

Как дела у Дуни, он не знал. Да его это и не волновало. Хотя нет, на самом деле волновало. В действительности он пытался заставить себя перестать беспокоиться. Обрезать связь и превратить ее в некое слабое размытое воспоминание, которое можно было бы вытащить только под гипнозом.

Правда давалось это тяжело. Несколько раз он пытался до нее дозвониться, чтобы убедиться, что с ней все в порядке. Однако она не ответила. Ни разу в жизни не удосужилась поднять трубку для простого приветствия. Кроме тех моментов, когда ей нужна его помощь.

А уж если он когда-либо и помогал кому-то, то именно ей. Он нарушил столько правил и взял на себя столько рисков, что ему становилось нехорошо. Но он считал ее другом, одним из самых близких, а для друзей он был готов на все.

Но это было давно, а сейчас пришло время расплачиваться.

Поэтому он решил прервать с ней все контакты. Неважно, что она много раз пыталась дозвониться до него вчера вечером. Он больше не хотел принимать в этом участие. Хватит с него ее самой и ее нездоровой ненависти к Слейзнеру. Теперь он собирался уехать как минимум на две недели к своему новому парню Бальтазару из Мальме. Мобильный, конечно, был при нем, но выключенный, и он не собирался его включать весь отпуск.

И все-таки он не мог избавиться от ощущения постоянного преследования. От чувства, что за ним следят. Следит кто-то, кто старается держаться на достаточном расстоянии, чтобы отвести от себя всякие подозрения.

Как минуто назад, когда он оглянулся через плечо в последний раз, перед тем как пересечь улицу Ревентслоусгаде и пойти дальше через боковой вход центрального вокзала, где из динамиков для отпугивания наркоманов играла оперная музыка.

На это раз ему не удалось хорошо разглядеть мужчину с закрывавшим большую часть лица капюшоном, прежде чем тот исчез из виду за стоявшей у входа тележкой с хотдогами. Но он не сомневался, что это тот же самый коренастый мужчина, который стоял и ждал его на другой стороне улицы, когда он выходил из своих ворот.

Пройдя на нервах по залу отправления до большого информационного табло, он обнаружил, что поезд в Мальме через

пролив Оресунд отходит уже через две минуты с пятого пути. Следующий отправлялся через целых двадцать шесть минут.

Он бросил взгляд через плечо, но не увидел ни мужчину в капюшоне, ни кого-либо еще подозрительного. Сейчас у него появился шанс. Именно сейчас он должен оторваться от того, кто его преследует, кто бы это ни был. Даже не пытаться купить билет в автомате, а просто успеть на тот поезд.

Правильное ли это решение, будет ясно позже. В любом случае, он побежал, на пределе своих возможностей, вперед к лестнице и вниз, навстречу поднимавшемуся потоку пассажиров, и дальше по перрону к поезду с закрывающимися дверями.

Хоть это было безрассудно и незаконно, он без колебаний протолкнул чемодан в двери, которые запищали, протестуя, когда он пролез через них и под раздраженными взглядами других пассажиров наконец сумел выдернуть чемодан, дав дверям закрыться.

Пусть смотрят, сколько влезет. Важно то, что он в поезде и что тот тронулся со станции. Если придет кондуктор и потребует у него билет, то будь что будет. Что такое штраф по сравнению с тем, чтобы полчаса стоять на платформе и ждать, что тот коренастый тип снова его настигнет.

Он вытер пот со лба, приподнял чемодан и осторожно протиснулся вперед в узкий проход рядом с туалетом к сидячим местам, многие из которых пустовали.

За спиной у него послышался всасывающий гул туалетного слива, а затем звук открывающейся двери. Но только когда чья-то рука оказалась у него на плече, он среагировал.

Он успел лишь повернуться, как его схватила вторая рука, а затем его втокнули в тесное пространство туалета и прижали лицом к стене, в то время как дверь за ним закрыли и заперли. Затем руки ослабили хватку, и он сумел обернуться к коренастому мужчине. Который оказался совсем не мужчиной.

В первые мгновения следующей секунды он был так охвачен растерянностью, что ему пришлось найти что-то, за что можно ухватиться, чтобы не потерять равновесие. Только убедившись, что глаза его не обманывают, что дело обстоит именно так, хоть он и не мог в это поверить, только тогда он отпустил опору.

– Дуня? – выдавил он из себя еще через пару секунд. – Какого черта? Это что ты все время...

– Микаэль, – перебила она и прижала указательный палец к его губам. – Не сейчас. Время поджигает. – Она сняла капюшон, так что он увидел ее лицо и короткие серебристые волосы целиком. – Обещаю все объяснить, как только это закончится. Но сейчас мне нужна твоя помощь. О'кей?

– Помощь? – Он рассмеялся. – Ну, теперь хотя бы все сходится. Опять. – Конечно, Дуня следила за ним. – Правда, у меня плохие новости. Больше я на это не ведусь. – Он покачал головой. – Так что будь так добра отойди в сторону и выпусти меня. Знаешь, вся эта тема с общественными туалетами – не мое.

Он попытался протиснуться рядом с ней, но попытка провалилась, когда Дуня схватила его еще раз и прижала к зеркалу над раковиной.

– Я здесь не в игры играю, – посмотрела она ему в глаза. – Все серьезно, Микаэль. Серьезно – мама не горюй.

Он встретился с ней взглядом и покачал головой.

– Ты в хорошей форме, наверняка это полезно для твоего здоровья и самоощущения. Но если ты сейчас не отпустишь мою выглаженную рубашку, я буду звать на помощь. Уверю тебя, кричать уж я умею.

Дуня заколебалась, но в конце концов отпустила его.

– Прости. Но нам нужно поговорить наедине, и я не придумала другого способа, раз ты не отвечаешь на звонки.

– Поговорить нужно тебе. Нам ничего не нужно.

– Микаэль, понимаю, что ты обижен. В последние месяцы друг из меня был никакой. Но как только все закончится, обещаю сделать все, чтобы...

– Дуня, я уже давно не обижаюсь, – перебил он. – Сейчас я просто боюсь. Что потеряю работу. Что ты играешь с огнем. Боюсь того, чем это может закончиться. И тебе стоит бояться. Так что лучше бросай всю эту фигню и возвращайся к нормальной жизни.

– Какой жизни? Мне не к чему возвращаться. Пока Слейзнер на свободе. Либо он, либо я, ты что не понимаешь? Стоит ему меня найти, все точно будет кончено.

– Да, мы все знаем, что Слейзнер не святой. Дуня, но ты преувеличиваешь. Ты на нем зациклилась. Ты совершенно одержима.

Дуня покачала головой.

– Мне незачем преувеличивать. В этом и проблема. Лжец ли он? Да. Мерзкий, распускающий руки насильник? Угадай с трех раз. Эталонный психопат? Без сомнений. И это только начало. Если хочешь как следует его описать, нужно придумывать совершенно новые слова. Так что нет, я не могу просто сдаться и прикинуться, что все зашибись. На самом деле, на мне это все не кончится. Забудь. Этот человек будет продолжать и продолжать, пока кто-нибудь его не отправит на пожизненное. Даже не сомневайся.

– Так что у тебя есть? Что такое невероятно страшное я пропустил? И не надо про то, как он пытался тебя изнасиловать, выставил на улицу и делал все, чтобы помешать твоим расследованиям, потому что это мне...

– Микаэль, – перебила Дуня. – Речь тут идет в последнюю очередь про то, в чем он виновен в отношении меня. Мне, честно говоря, плевать. На что мне не плевать, так это на все то, что нам еще неизвестно, и все то, что он пока не совершил, но совершит. Например, сейчас мне удалось узнать, что он готовит что-то масштабное, и вот тут ты мне и нужен.

– Готовит что-то масштабное? Ты что шутишь? Это все, что у тебя есть? За целый месяц доступа к его телефону.

– Конечно, мы нашли много всякого более конкретного, но...

– Дуня, – перебил он. – Давай хоть раз поговорим начистоту. Из того что я слышу – у тебя ни хрена нет. Даже теории, чем он таким настолько чудовищным занимается, что его нужно расстрелять на рассвете.

– О'кей, он и правда последнее время вел себя нетипично осторожно. Но сейчас он снова в деле: со вчерашнего утра все изменилось. Только послушай. – Она протянула свой мобильный и включила ряд отредактированных аудиофайлов.

– *Дело в том, что должны быть готовы все документы, – произнес мужской голос. – Ты ведь просишь не о маленькой бумажке.*

– *Само собой. Я только беспокоюсь, что...* – раздался голос Слейзнера. – *... значительно более серьезной проблемой, чем Клинге.*

– *Ким, мне все это уже поперек горла, и если хочешь знать мое мнение, ты одержим. Но дело твое. Завтра в полночь это будет обнародовано. Ни раньше, ни позже.*

Дуня остановила запись.

– Если ты еще не знаешь, то могу рассказать, что Могенс Клинге – начальник оперативного управления полицейской разведки, одна из двух жертв, найденных в машине в гавани.

– О'кей, – кивнул он.

– И как мы поняли, это большая проблема для этих господ. Мы пока не знаем почему, и здесь я не поэтому.

– А и правда, почему же?

– Я здесь, чтобы узнать, что такое представляет *значительно более серьезную проблему, чем Клинге*, и вот тут на сцену выходишь ты и тот документ, который будет обнародован в полночь. Вероятно, он уже готов и висит где-то у вас в интранете и ожидает одобрения, прежде чем будет разослан.

Реннинг пожал плечами.

– Он может находиться где угодно и совершенно точно зашифрован.

– Шифрование – не проблема. С ним мы разберемся. Помощь нам нужна в том, чтобы преодолеть файервол, и мы сможем внедрить наших поисковых роботов, а когда они закончат работу, нам нужен инсайдер, который заметет следы.

Реннинг посмотрел на Дуню и легко прикоснулся к ее щеке.

– Мне кажется, ты не понимаешь, как ты мне дорога. Какой важной для меня была и остаешься. И какую боль я испытал, когда ты просто исчезла.

– Микаэль, я все это знаю, но сейчас...

– Нет, теперь моя очередь говорить, и я хочу, чтобы ты выслушала, потому что ты, похоже, так и не поняла, в чем тут, черт побери, дело. – Он замолчал и помассировал виски, прежде чем продолжить. – Конечно, я хочу тебе помочь. Конечно, хочу сделать для тебя все, что угодно. Но тебе меньше всего сейчас нужна помощь в том, чтобы преодолеть файервол полицейского интранета.

– И это то, что ты мне хочешь сказать?

– Дуня. Все это, чем бы ты сейчас ни занималась, зашло слишком далеко.

– Спустя столько лет. После всего, что мы вместе пережили.

– Но, черт возьми, ты что не видишь, что ты делаешь? Что тебе нужно обратиться за помощью, пока не поздно.

– О'кей, я поняла. – Дуня обиженно кивнула. – Хорошо, теперь я знаю твою позицию и могу только пожелать тебе и твоему новому бойфренду в Мальме охренительно прекрасной совместной жизни. Что тут еще сказать?

– Да, видимо, нечего.

– Значит, тебе остается только уйти. Чего ты ждешь? Объятий? Или чего-то вроде «все нормально, я все понимаю давай поужинаем, когда все закончится»?

– Нет, я жду, что ты отдашь ключи от моей квартиры.

Дуня взглянула на его протянутую руку, а потом подняла взгляд и, глядя ему в глаза, достала из внутреннего кармана связку ключей и передала ему с намеком на улыбку. – И кто теперь будет поливать цветы, когда тебя нет дома?

Реннинг не ответил на улыбку, а только, покачав головой, протиснулся мимо нее, отомкнул замок и открыл дверь. Но, выходя, остановился и снова к ней обернулся.

– Я правда надеюсь, что ты послушаешься моего совета и обратишься за помощью. Но... – Он замолчал, колеблясь, стоит ли продолжать. – Насколько я тебя знаю, завтра вечером ты предпочтешь подцепить какого-нибудь молоденького полицейского с рацией. Конечно, это суббота, а не вторник, но что поделаешь.

Ян Хеск не стал подъезжать к дому. Он решил припарковаться в квартале от него и заглушил двигатель в восточном конце улицы Уралвей на острове Амагер к югу от Копенгагена. Затем он остался сидеть за рулем, пытаясь унять дыхание до состояния, которое при некоторой доле фантазии можно назвать спокойным.

Но ничего не выходило. В крови циркулировало столько адреналина, что Хеск был совершенно не в себе – чувствовал восторг и тревогу одновременно.

Наконец он напал на чей-то след. Он. Не они. Не вся команда общими усилиями, а именно он. И именно это ему и нужно, чтобы показать не только Хейнесену и остальным, а прежде всего Слейзнеру, что он достоин повышения. Что все-таки на него можно положиться.

В то же время он никогда так не боялся, как тогда, когда, стараясь не дышать, сидел в том шкафу с выключенным мобильным в руке.

Он понятия не имел, кто те мужчины, которые зашли в дом к Клинге и стали его обыскивать. Он предполагал некий вариант наемной службы безопасности. Однако без сомнения это те самые двое, которые меняли лампы в разгар вскрытия в отделе судмедэкспертизы.

В обоих случаях они общались между собой на английском. Один с выраженным восточно-европейским акцентом, а второй, очевидно более высокого статуса, разговаривал на свободном датском. Но он по-прежнему не знал, кто им платит.

Без сомнений, спрятаться было верным решением. Всего через минуту после того как он отключил мобильный, одному из мужчин позвонили, и затем они внезапно исчезли так же стремительно, как появились.

Однако дальше скрываться не получится. Вероятно, они уже выяснили, что он отвечает за расследование, и если судить по их методам, то визит к нему – только вопрос времени.

В качестве решения нужно использовать совершенно противоположную стратегию той, которой он следовал до настоящего момента, держа максимально возможное количество информации о

деле за закрытыми дверями. С сегодняшнего дня они начнут выходить на публику и сообщать детали. На самом деле, ему этого совсем не хотелось, но чем больше людей будут знать, к чему они пришли и как продвигается расследование, тем более неинтересной и непримечательной будет им казаться его фигура.

Первым делом он проведет пресс-конференцию. Уже завтра в первой половине дня позовет все новостные газеты, радио и телеканалы и сообщит им большую часть того, что ему известно.

Уже по дороге домой он закинул эту идею Хейнесену, и тот ожидаемо стал настаивать, чтобы они проинформировали Слейзнера, который прямым текстом просил сообщать ему о текущей ситуации. Игнорирование этого, по словам Хейнесена, могло быть расценено как прямое неповиновение.

В его словах была доля здравого смысла, но Хеск стоял на своем. Проинформировать Слейзнера означало отдать ему инициативу в проведении пресс-конференции. Хейнесен, конечно, ничего против не имел. В любом случае, он никогда не имел амбиций стать начальником и, казалось, хорошо себя чувствовал, находясь в тени.

Но Хеска такой вариант не устраивал. Стоит ему попасть в тень Слейзнера, как он навсегда застрянет в роли жалкого мелкого начальника без права на самостоятельные мысли. То, что вдобавок они перестанут понимать, что кому известно, – еще один аргумент против привлечения Слейзнера.

Он достал старый «Эрикссон» и взвесил в руке. Без сомнений, двое мужчин охотились именно за ним. Они имели доступ к достаточно сложному оборудованию, чтобы определить местоположение с точностью до комнаты, и меньше чем через полторы минуты после того, как он выключил телефон, они поняли, что контакт с ним потерян.

В соседней комнате возникла явная растерянность. Вначале они предполагали, что их подвело собственное оборудование, и датскоговорящий не сдерживал себя в критике. Затем они склонялись к теории, что в мобильном сел аккумулятор, после чего на протяжении получаса переворачивали кабинет вверх дном, пока внезапно не ответили на звонок и не покинули дом.

Сам Хеск оставался в шкафу еще полчаса, прежде чем решился открыть дверь и выйти наружу. Ни внутри, ни снаружи дома никого не

оказалось. Даже улица перед домом была пустынна. Никаких играющих детей и празднующих день рождения взрослых.

Затем он поспешил к своему автомобилю, поехал на юг в сторону Амагера и припарковался в квартале от дома, и вот здесь он сидел уже двадцать минут, пытаясь убедить себя в том, что идти домой неопасно.

Он все равно переждал еще пять минут, прежде чем наконец покинул автомобиль, закрыл его и пошел на юг по улице Суматравей до Япанвей, где, выглянув через плечо, вошел на участок, пройдя мимо разбросанных по газону детских игрушек.

Входная дверь, как всегда, была не заперта, но к его облегчению, ни Лоне, ни детей в прихожей не оказалось. Не то чтобы он не хотел их видеть. Наоборот. Просто не прямо сейчас. Лоне по его лицу тут же заметила бы, что что-то не так, и забеспокоилась бы. Поэтому он закрыл и как можно тише запер дверь и спустился в подвальный этаж.

В ванной он снял с себя все еще влажную от пота одежду. Понюхал ее и как будто ощутил запах собственного страха, что заставило его засунуть все в черный мусорный мешок.

В душе он впервые за день почувствовал, как по телу разливается спокойствие. В каплях, падавших ему на голову, и стекавших по телу струйках воды было что-то особенное. Вода смыла с него не только пот, но и частично забрала с собой тревогу, и когда он вытерся, почистил зубы и переделся в мягкую домашнюю одежду, то был готов подняться наверх и встретиться с семьей.

В этот момент он впервые задумался о том, что их не слышал. Обычно они шумели, как целый детский сад, а с того момента, как он пришел домой, не издали ни звука. Этому могло быть много объяснений, но гонимый беспокойством из-за того, что те двое могли его опередить, он поспешил подняться по подвальной лестнице и оказаться около закрытой двери на кухню.

Только заметив их на кухне, он понял, что эта картина навсегда останется с ним. словно фотография в альбоме, которую не получилось сжечь, она будет первой являться ему после пробуждения до конца жизни. Вот они, все трое, как кажется, в полной гармонии.

Катрин спокойно играла на полу с Беньямином. Одно то, что они находились в одном помещении и не выцарапывали друг другу глаза, было из ряда вон выходящим. Лоне же стояла к ним спиной и мыла посуду.

Другими словами, все было так, как должно быть, и он смог выдохнуть, зайти на кухню и со спины обнять Лоне.

– Привет, любимая, – сказал он, слегка поцеловав ее в мочку уха.

– Да ты что делаешь? – спросила она, высвободившись из его объятий.

– Что такое, разве нельзя немного пообниматься, придя домой после тяжелого рабочего дня?

– Может, сегодня не самый подходящий момент. – Лоне сняла перчатки и отошла, чтобы повесить передник. – Я не знала, когда ты будешь дома, так что мы все уже поели, к сожалению, тебе ничего не осталось.

Точно, конечно, она обиделась.

– Хорошо, ничего страшного, – сказал он. Он совсем об этом забыл. – Не беспокойся. Я что-нибудь закажу. – Казалось, что с утра, когда им пришлось прервать поездку в отпуск в Леголенд, прошла целая жизнь.

– Есть бутерброды и нарезка. Я пойду на вечернюю прогулку.

– Конечно, иди. Без проблем.

– И еще, – сказала она, направляясь в прихожую. – Я, пожалуй, сделаю большой круг, так что хорошо бы, чтобы ты уложил Беньямина.

– Конечно! Не волнуйся. – Он подошел к Беньямину и взял его на руки. – Что скажешь, малыш? Все будет отлично.

– Не папа, – Беньямин покачал головой.

– Ну, папа обещает, что будет здорово.

– Не папа! – повторил Беньямин и ударил его по лицу. – Не папа! Не хочу!

– Отлично, – вздохнув, поднялась с пола Катрин, – Только я его успокоила!

Сорок пять минут спустя Беньямин уснул, после чего Хеск закрылся в спальне и, взяв «Эрикссон», сел за письменный стол.

Больше всего ему хотелось включить его и прочитать последнюю переписку Могенса Клинге с единственным контактом. Но он боялся. Слишком высок риск, что если он подключится к ближайшим мобильным вышкам, то через секунду в виде красной мигающей точки появится на экранах у тех двоих.

Невозможно предсказать, когда они нагрянули бы к нему домой. Через несколько часов, через сутки или четверть часа? Роли это не играло – они бы точно пришли.

Вместо этого он открутил заднюю крышку, открыл отсек с аккумулятором и вытащил его, потянув за торчащий резиновый язычок. Он как вчера помнил разные нюансы и без проблем смог выдвинуть маленький металлический держатель, раскрыть его и вытащить сим-карту.

Вернув аккумулятор на место, он нажал и удерживал красную кнопку, пока не включилась фоновая подсветка экрана. Раньше он никогда не задумывался о том, как долго нужно ждать, пока телефон заработает. Сейчас казалось, что прошла вечность, прежде чем на экране высветилось сообщение.

NO SIM

Он попытался пропустить сообщение, но на какие бы кнопки ни нажимал, ничего не помогало. Без активной симкарты телефон отказывался работать. Он еще раз вынул аккумулятор, чтобы добраться до держателя сим-карты. На этот раз он вставил сим-карту из своего телефона.

Загорелась подсветка экрана и сразу после телефон подключился к мобильным вышкам и был готов к использованию. Для начала Хеск зашел в список контактов, и вскоре убедился в том, что там записан только один-единственный номер. Та же картина предстала перед ним, когда он зашел в звонки и сообщения. Там не было ничего, как будто кто-то зашел в телефон и удалил всю информацию.

Дома у Клинге он увидел там кучу СМС, перед тем как ему пришлось спрятаться, а сейчас они все вдруг исчезли. Что-то не сходилось, и если он сам случайно их не удалил, информация должна была где-то остаться.

Вопрос – где.

Ответ нашелся, когда он закрыл глаза и перенесся назад в то время, когда сам владел старым «Эрикссоном», и он оказался простым, но при этом неутешительным. Точно как у всех других мобильных того времени, когда размер памяти телефона определял стоимость, можно

было выбирать, сохранять информацию на телефоне или на сим-карте. Конечно, вся информация осталась на ней.

Он в третий раз вытащил аккумулятор, а затем вытащил свою сим-карту и вернул на место сим-карту Клинге. Но прежде чем поставить батарею на место, он с помощью отвертки открутил два винтика, крепящие похожую на акулий плавник антенну, и затем отсоединил ее.

Однако он точно не знал, поможет ли это. Не было никакой информации о том, что мобильный не попытается подключиться к ближайшей вышке без плавника. Возможно, он представлял собой всего лишь усилитель, улучшавший соединение.

На самом деле, прежде чем включать телефон, ему следовало бы сесть в машину и отъехать на приличное расстояние. Но Лоне пока не вернулась, а он не мог просто оставить детей дома одних. В качестве альтернативы мог служить дальний угол подвала, рядом с зимними шинами – он знал, что сигнал там очень слабый.

Когда экран в очередной раз загорелся, Хеск был наготове и не спускал глаз с мигающего символа сети, держа большой палец над красной кнопкой, чтобы быстро выключить телефон, если тот начнет подсоединяться к мобильной сети. Когда наконец на экране появилось сообщение «Нет сети», он выдохнул и начал изучать меню.

Как и раньше, первое сообщение от Контакт1 содержало текст «Тест». Его отправили 16 апреля этого года в 11:23. Клинге мгновенно ответил лаконичным «ОК». Почти шесть часов спустя тот же Контакт1 отправил друг за другом пять отдельных сообщений.

Правило 1: Мы связываемся с вами. Никогда наоборот.

Правило 2: Вся коммуникация происходит по СМС.

Правило 3: Решения президиума не подлежат обжалованию.

Правило 4: В случае отказа любой контакт прерывается, мобильный уничтожается.

Правило 5: Назначенная дата/время не подлежит обсуждению/изменению.

Решение президиума. Ничего непонятно.

Через шесть дней, 22 апреля, от Контакт1 пришло следующее сообщение.

Думал, что я достаточно ясно выразился. Никаких звонков. Нарушение правил 1 и 2.

Клинге ответил буквально через несколько минут.

Извините. Просто очень интересно узнать, как идет дело.

Чтобы это больше не повторялось. Вернусь, когда будет о чем сообщить.

После от Контакт1 ничего не было слышно почти три месяца до следующей группы сообщений, присланных 4 июля между 03:46 и 04:02.

Президиум принял решение. Вас избрали. Мои поздравления.

Что это за собрание, которое заседало в четыре часа утра, и куда избрали Клинге? От всего разило какой-то сектой или тайным орденом. Может, секс-клубом. В Копенгагене полно подобных клубов, на любой вкус и для любой ориентации. Ясно одно. Более-менее известный человек предпочитал наиболее закрытые сообщества.

Церемония посвящения состоится 28 июля в 20:00 – гласило следующее сообщение.

Это было в прошлую субботу, шесть дней назад. То есть тогда что-то пошло катастрофически не так и закончилось двумя мертвыми телами в автомобиле под водой.

Дрескод: смокинг, белая рубашка и бабочка.

Все сходится. Но его не покидало чувство, что он, вероятно, не зацепил даже вершину айсберга.

Вас заберут в 19:30 на 55.692378, 12.586963.

Единственное, в чем он практически был уверен, – за Контакт1 скрывался человек или люди, которых они ищут.

Правила на церемонии: никаких правил.

Он зашел в контакты и щелкнул на Контакт1, чтобы выйти на номер телефона. Затем подбежал к рабочему месту и, покопавшись в ящике с инструментами, достал ручку и начал записывать: 26 58...

Больше он записать не успел – мобильный погас.

Сумерки уже почти уступили место ночи, когда Фабиан заплатил водителю такси, открыл дверь пассажирского сиденья и вышел на улице Польшегатан. Вдобавок начался дождь, но он представлял собой лишь отдельные неприкаянные капли. Такси развернулось и уехало обратно в сторону центра. Он же остался стоять, глядя на их дом.

В детстве он всегда мечтал пожить именно в таких таун-хаусах из красного кирпича. На сегодняшний день они жили здесь чуть больше двух лет, но ощущалось как будто все двадцать. Двадцать кошмарных лет, когда не сложилось ничего из того, на что он надеялся, когда они переезжали из Стокгольма.

Он тогда надеялся залечить раны и укрепить семью. Теперь он стоял здесь, более одинокий и оторванный от всех, чем когда-либо. В окне гостиной угадывался профиль Сони. Она шла из кухни, неся что-то перед собой в обеих руках, вероятно, поднос с чайником, медом и чашками, а затем исчезла из виду, сев на диван.

Но когда загорелись три греющие свечи, она вернулась в виде трех прыгающих на потолке теней. От нее и сидящей рядом Матильды. На самом деле, тени были слишком блеклыми и размытыми, чтобы что-то различить. Однако он четко видел, как Соня разливает чай, сначала в большую сиреневую кружку без ручки, а затем в кружку с мумитроллями Матильды, и как потом поднимает двумя руками свою кружку и подносит к губам.

Ему нужно просто пересечь улицу, подняться по лестнице и войти в дом. Домой к семье, сесть на диван и составить им компанию. Больше от него ничего не требовалось. Они хотели только этого, и он сам именно этого хотел.

Но он стоял будто приклеенный к асфальту, глядя на тени на потолке и надеясь, что заблудшие капли превратятся в настоящий дождь. В ливень, который превратил бы водоемы в фонтаны и смысл бы все на своем пути. Который очистил бы все и превратился бы в град. В большие увесистые градины, которые избили бы его до синяков, искалечили и заставили что-то почувствовать. Боль. Горе. Что угодно, но хотя бы что-то.

Но капли ни во что не превратились. Они испарялись, как только приземлялись на теплый асфальт, и в конце концов он поймал себя на том, что переходит дорогу, поворачивает ключ в замке и открывает дверь.

Из квартиры доносилась спокойная музыка со звуками пианино, скрипки и трубы с сурдиной. Это была последняя композиция из «Closing time» Тома Уэйтса^[6], самого любимого Сониного альбома, и когда заиграла «Ol' 55» с той же пластинки, он понял, что она весь вечер играет на повторе.

Он снял обувь, повесил пиджак на свободную вешалку и прошел в гостиную, где остановился, скользя взглядом по Соне и Матильде, которые сидели точно так, как он себе представлял: близко друг к другу, среди подушек, попивая горячий чай.

– Привет, – сказал он, подняв руку.

– Привет, – ответила Соня и от незаданного вопроса, где он был, между ними выросла невидимая стена.

– Пойду ложиться, – сказала Матильда и после долгих объятий с Соней встала с дивана и пошла ему навстречу.

– Спокойной ночи, – произнес он, намереваясь ее обнять, но это так и осталось намерением, потому что она просто прошла мимо, не сказав ни слова и не взглянув на него. Просто мимо.

Он смотрел ей вслед, когда она поднялась по лестнице на второй этаж. Конечно, она на него злилась.

– Слушай, думаю, я тоже пойду, лягу, – сказал он через некоторое время и собрался повернуться.

– Никуда ты не пойдешь. – Соня долила себе чай в чашку. – Иди сюда и сядь. Хочешь, есть чай.

– Любимая, – произнес он, протяжно выдыхая. – Я совсем замучен и...

– Сядь, – прошипела она, стараясь скрыть, как сильно на самом деле злится. – Думаешь, ты один устал? Что на первом месте только ты и твои потребности? Нам нужно поговорить, тебе и мне, прямо сейчас.

Он кивнул и сел в кресло. Она права. Конечно, им надо поговорить. Вероятно, им понадобилось бы разговаривать много часов, чтобы друг друга услышать. Но этот разговор не приведет к взаимопониманию. Он почувствовал это сразу, как увидел играющие на потолке тени.

– Я понятия не имею, что ты делал и где был целый день, – начала она, стараясь не расплакаться. – Но одно я знаю – твое поведение сегодня, когда мы должны были увидеть Теодора, это что-то...

– Любимая, – перебил он. – Я могу объяснить. Как я и подозревал, там что-то не...

– Нет, слышать не хочу... – она протянула вперед руку, закрываясь от него. – Мне совершенно неинтересны твои подозрения и объяснения.

– Соня, послушай. Речь идет о нашем...

– Нет, сейчас твоя очередь слушать и дать мне сказать.

Он не прореагировал ни словом, ни кивком.

– Наш сын покончил с собой, – продолжила она. – Никому такого не пожелаешь. Это противоестественно и немислимо просто принять, как часть жизни. Нет никаких инструментов, методов, чтобы пойти дальше. К тому же, прошло всего несколько дней, так что мы все по-прежнему в шоке и, наверняка, реагируем совершенно по-разному. Но взрослые тут мы с тобой. Как бы мы ни реагировали. Что бы ни происходило, это мы отвечаем за то, чтобы мы все это пережили, и в таком случае мы не можем позволить себе сцены, как сегодня утром. Понимаешь? Так нельзя. Мы должны держаться вместе и поддерживать друг друга. Только так мы можем со всем этим справиться. Все остальное может подождать. – Она искала подтверждение в его взгляде.

– Проблема в том, что это подождать не может, – сказал он, удостоверившись, что она закончила. – Я понимаю, что вы, должно быть, ужасно себя почувствовали. Но если бы я не устроил тогда сцену, не сделал именно то, что сделал, если бы кто-то другой, а не Коса провел вскрытие, то, что я подозревал, не всплыло бы на поверхность. Понимаешь? Просто что-то не сходится. Хотя бы если взять, как долго нам пришлось ждать, прежде чем мы его увидели.

– Пожалуйста, не хочу это слушать.

– Соня, они нас обманывают. Ты же была там и слышала – они говорят, что он разорвал простыню и сплел из нее веревку. Ведь так? Но, по словам Косы, следы вокруг шеи указывают на то, что это было что-то гораздо более гладкое, как электрический провод или подобное...

– Ты меня слышишь? Я правда не хочу.

– Ты разве не понимаешь? Они что-то скрывают.

– Нет, это ты не понимаешь. Я не хочу слушать про вскрытие моего сына. Не хочу слушать, что что-то не сходится. Не хочу. Теодор мертв. Этого не достаточно? Тебе правда нужно что-то еще?

– Мне нужно знать, что случилось.

– Что случилось. О'кей, – Соня кивнула. – А что потом? К чему это должно привести? Он вернется к жизни и приедет домой? Да? Ты так думаешь? Что все вернется на круги своя?

– Нет, но...

– Так почему ты все равно продолжаешь? К чему все это приведет?

– К тому, что мы узнаем, что на самом деле произошло. Что мы вместе сможем прожить горе, зная правду, а не какую-то пересказанную историю, которая...

– Правду? – Соня закрыла глаза и покачала головой. – То есть эта чертова правда. Ты только о ней и говоришь. Правда, правда, правда. Кроме нее для тебя больше ничего нет? Она важнее всего и стоит выше всего?

– Нет, но если мы ее не узнаем... Если не узнаем, что произошло на самом деле, это останется открытой раной на всю нашу оставшуюся...

– Но ведь, черт побери, именно правда отняла у него жизнь! Ты что, уже забыл? Как заставил его поехать в Данию, сдать и обо всем рассказать. Если бы не твоя навязчивая охота за правдой, он бы сейчас сидел здесь с нами!

– Сидел бы? Ты что, в это веришь? Что он бы просто мог сидеть здесь и пить с нами чай и притворяться, что все нормально, после того, что он пережил? Ты вообще видела те видео? Когда они до смерти пытаются бездомных самым ужасным и невыносимым образом.

– Ты так говоришь, как будто он в этом участвовал. Единственное, что он делал, это один раз постоял и покарнул. Ты забыл? Потому что его заставили.

– Нет, не забыл, и никогда не забуду. Просто я не верю, что что-то исчезнет, если об этом не разговаривать и делать вид, что этого нет. Что оно куда-нибудь денется, если долго его замалчивать. А ты, очевидно, веришь. Хрен с ним, что это привело бы к освобождению настоящих преступников, чтобы они продолжили свои маленькие

игры. Это не имеет отношения ни к нам, ни к Теодору, – он покачал головой. – Может, тебя, Соня, такое устраивает. Жить во лжи, носить улыбку как маску и надеяться, что никто не заглянет за нее. Меня не устраивает. Я не могу просто смириться с тем, что со смертью Теодора что-то не так. Я не могу просто притвориться, что ошибок и злоупотреблений против него не было. Я просто не могу.

– В одном ты прав, – сказала Соня, кивнув. – Я бы сделала все, чтобы он сейчас был здесь, со мной. Все что угодно. Если бы это означало жизнь во лжи с искусственной улыбкой, то я бы это сделала.

– А вся та несправедливость, направленная против него? На это тебе просто плевать. Классно.

Соня посмотрела ему в глаза с чернотой, которая напомнила ему дыру, разверзавшуюся под ним во сне.

– Фабиан, самая большая несправедливость в жизни нашего сына – в том, что его отцом оказался ты. – Затем она встала, вышла на кухню, поставила чашку и ушла наверх.

– Да, это так, – ответил Хеск на прямой вопрос о том, может ли он подтвердить, что именно начальника оперативного управления полицейской разведки Могенса Клинге обнаружили мертвым в машине у полуострова Рефсхалеен. – Однако мы все еще работаем над идентификацией находившейся вместе с ним в машине женщины.

Он окинул взглядом многоголовую толпу слушателей – представителей всех крупных газет, новостных каналов и радиостанций – и поймал себя на том, что совершенно спокоен. В то время как обычно, когда Слейзнер приглашал его выступить публично, он сидел, потел и теребил галстук. Вдобавок он был очень доволен тем, что пришло так много людей, хотя они получили приглашение всего за час до мероприятия.

Причина, в первую очередь, заключалась в тех двух мужчинах, которые вчера его выслеживали и искали мобильный. Многие указывало на то, что у них есть связи в полиции, поскольку они, очевидно, знали о месте и времени проведения вскрытия Могенса Клинге.

– Это правда, что он выстрелил себе в рот? – спросил кто-то из задних рядов.

– Он действительно был застрелен на момент обнаружения. Пуля вошла в рот и дальше через затылок. Больше мы сейчас сказать не можем.

– Означает ли это, что вы можете подтвердить самоубийство Могенса Клинге?

– Нет, единственное, что мы сейчас можем подтвердить, это то, что он был застрелен, когда мы его обнаружили, – он отвел глаза от журналиста и обратился ко всем присутствующим. – В целом мы еще на слишком ранней стадии расследования, чтобы подводить какие-то итоги и делать далеко идущие выводы.

– Что вы можете рассказать о женщине? – спросил кто-то другой.

– К сожалению, не так много, как хотелось бы.

– Она занималась проституцией?

– Вполне вероятно, но мы пока не можем делать никаких выводов, поскольку ее личность все еще не установлена.

– Она датчанка?

– Если вы под датчанкой понимаете гражданку Дании, то очень вероятно, она ей была. Однако она не выглядит как этническая датчанка. Но тут мы уже имеем дело с более или менее обоснованными догадками. Но мы надеемся, что на большую часть вопросов найдутся ответы, как только мы установим ее личность. Поэтому мы приняли решение выйти на публику и попросить общественность о помощи.

С помощью пульта он вывел на экран у себя над головой все сделанные Хеммером снимки лица молодой женщины, после чего сразу услышал, как скопление фотокамер разразилось очередью снимков.

– Можете не беспокоиться. Они будут доступны для скачивания в высоком разрешении на нашем сайте, – сказал он и вывел на экран снимок шрама женщины. – И вот этот тоже.

– Что это такое? – спросил кто-то из первых рядов.

– Шрам в форме креста на внутренней стороне ее правого бедра, и я хочу призвать всех, кто, возможно, узнал ее или этот шрам, связаться с полицией, так чтобы мы смогли... – Он запнулся, услышав волну щелчков, прокатившуюся по фотокамерам. Но в этот раз они были направлены не на него, а на боковую часть помещения.

В чем дело, он понял сразу, как только увидел, как на сцену идет Ким Слейзнер и подходит к подиуму с бутылкой минеральной воды, двумя стаканами и, прежде всего, с широкой улыбкой, обращенной к собравшимся.

– Здравствуйте, здравствуйте, уважаемые. Не буду вам мешать.

Слейзнер слукавил. Хеск не знал, смеяться ему или плакать, но не придумал ничего лучше, чем выдавить из себя улыбку, когда Слейзнер поставил бутылку с водой и два стакана на трибуну, наклонился к нему, выставив одну руку перед микрофонами.

– Интересно, – шепнул он ему на ухо. – Я тебе даю палец, а ты сразу же у меня за спиной начинаешь пожирать всю чертову руку с хрящами, пигментными пятнами и прочей хренью.

– Ким, я готов все объяснить. Как только тут все закончится, могу рассказать подробно.

– Не переживай. – Слейзнер похлопал его по плечу. – Я, пожалуй, подержу тебя за руку и удостоверюсь, что все идет хорошо. Никому не пойдет на пользу сидеть здесь в одиночку под огнем.

– Спасибо, – прошептал он в ответ. – Но все-таки я считаю, что лучше будет, если я целиком возьму это...

– Ким! – крикнула женщина-репортер далеко с краю. – Что вы думаете по поводу смерти Могенса Клинге?

– Привет, Метте! – Слейзнер поднял руку, приветствуя ее. – Спасибо за вопрос, но отвечу вам то же, что и отвечаю всем. Если вы думаете, что я здесь, чтобы рулить этой пресс-конференцией, то вы ошибаетесь, – затем он уселся на стул справа от Хеска, открыл бутылку и налил воду в оба стакана. – Я здесь только ради того, чтобы подчеркнуть и дать понять, что полностью доверяю Яну Хеску в руководстве этим невероятно важным расследованием. На самом деле, я бы даже хотел заявить, что не знаю никого, кто бы лучше подходил на эту роль.

– Но насколько вы сами включены в расследование?

– Как я только что сказал, за него полностью отвечает Ян. Но принимая во внимание значимость дела, он, конечно, держит меня в курсе. Другие действия рассматривались бы как неповиновение, – Слейзнер с улыбкой повернулся к Хеску и глотнул воды.

– Все-таки у вас наверняка есть какие-то соображения.

– Конечно, есть. У меня их полно. Но ради вас и всех остальных в этом зале я стараюсь большую часть из них держать при себе.

Многие собравшиеся рассмеялись, а Слейзнер улыбался в свете софитов, прекрасно себя чувствуя.

Состояние Хеска оставляло желать лучшего. Пульс поднялся уже слишком сильно, а на коже начал проступать пот, ладони стали такими влажными, что ситуация вот-вот могла выскользнуть у него из рук, если он в скором времени не отреагирует и что-нибудь не предпримет.

– Но что вы думаете о Могенсе Клинге? – крикнул кто-то.

– Я? – Слейзнер указал на себя. – Что я думаю о Клинге?

– Да. Он покончил с собой?

– Могу сказать, что нет никаких сомнений в том, что он...

– Ким, извини, – перебил Хеск, хотя вот чего он точно не хотел, так это конфликта со Слейзнером на публике. – Думаю, лучше я возьму это на себя. – Он сделал несколько больших глотков

прохладной минеральной воды и наклонился к микрофонам. – Этот вопрос мы уже обсуждали сегодня. И как я уже говорил, мы пока не можем ничего подтвердить.

– Меня не интересует, что вы можете подтвердить. Я просто хочу узнать ваше мнение, а в данном конкретном случае, мнение Кима Слейзнера, и что он считает наиболее вероятным.

– Однако речь идет о полицейском расследовании, а не об игре-угадайка. Так что во что бы ни верили имеющие отношение к полиции люди – этому не место на пресс-конференции.

– Ян хочет сказать, – заговорил Слейзнер, – что мы сейчас параллельно разрабатываем разные теории и не можем сосредоточиться на одном конкретном сценарии. Принимая все это во внимание, мы не можем игнорировать то, что по многим признакам Клинге стрелял сам.

– А какова другая теория? – спросил один из репортеров. – Если это все-таки не самоубийство?

– Что замешаны еще один или несколько человек, – ответил Хеск.

– Правда, что еще это может быть? – всплеснул руками Слейзнер и рассмеялся. – Дело в том, что пока мало что говорит о таком сценарии. Осмелюсь сказать, что вообще ничего. Но как уже было сказано, все двери для нас пока только немного приоткрыты.

На этот раз новых вопросов не последовало, и, не считая шелеста блокнотов, куда репортеры бросились все записывать, воцарилась тишина. Сложно сказать, сколько это продолжалось. Но достаточно долго, чтобы Слейзнер успел наклониться к Хеску.

– Как насчет закруглиться и закончить конференцию? – прошептал он. – Сейчас ведь мало что еще можно рассказать.

Хеск повернулся к публике, которая под ослепляющими софитами выглядела как большая темная масса из неотделимых друг от друга голов. Несмотря на это, он как никогда четко видел перед собой это.

Развилку.

Промолчать и кивнуть в знак согласия завершить конференцию на самом деле означало бы, что он смирился с тем, что Слейзнер неформально возглавил расследование и тем самым увел его со следа, указывающего на причастность других людей. Со следа, который постепенно бы поблек, а затем был бы совершенно забыт.

Тогда бы расследование быстро завершилось, что, вероятно, привело бы к тому, что двое преследовавших его мужчин устали бы и оставили его в покое, так что он спокойно смог бы поехать с семьей в Леголенд с очередным липовым достижением в копилке.

Но сможет ли он с этим жить?

С самим собой.

И где-то там и крылся ответ. Раз у него вообще возникли сомнения.

– Увы, это не так, – услышал он собственный голос, в тот момент, как со лба упала первая капля.

– Что? – Слейзнер повернулся к нему. – Что ты сказал?

– Я сказал, что, к сожалению, это не так, – громко повторил он, вытирая лоб рукавом. – Наоборот, многое указывает на то, что один или несколько человек были в той или иной степени замешаны. – Пот упорно выступал из пор.

– Например, что? – выкрикнул один из репортеров.

– Разные вещи: в первую очередь, под ногтями женщины мы обнаружили кровь и кусочки кожи, не принадлежащие ни ей, ни Могенсу Клинге. – Спина у него уже промокла насквозь, и он допил остатки воды.

– У вас есть подозреваемые? – крикнул кто-то.

– Об этом мы тоже сейчас не можем... – он запнулся и понял, что забыл, о чем говорил. – Простите, какой был вопрос?

– Вы кого-нибудь подозреваете? Предполагаете какие-то политические мотивы?

– Нет, единственное, что я могу сказать, – мы разрабатываем сценарий, в котором есть... – он снова запнулся. Может, ему все-таки стоило договорить. Хотя бы чтобы уйти отсюда. От горячих софитов. От вопросов.

Он видел, как Слейзнер наклонился к микрофонам и обратился к публике, но не мог разобрать ничего кроме приглушенного бормотания.

Ему нужно больше воды. Гораздо больше. Но и стакан, и бутылка на трибуне были пусты. Он попытался слотнуть, но горло резало, будто наждачной бумагой. Он не мог там оставаться, он встал, немного поспешно, так что стул за ним опрокинулся.

Потом все почернело.

Фабиан не успел договорить, как по охраннику в форме заметил, что решение уже принято. Ничего не менял тот факт, что мужчина кивал и пытался улыбаться. Глаза говорили более чем красноречиво. Зрачки сузились, и удивленное выражение глаз моментально сменилось жестким и враждебным.

Он прекрасно понимал почему. Конечно, его запрос на посещение камеры Теодора противоречил правилам тюрьмы и, конечно, они не могли просто пропускать кого угодно, когда угодно. Особенно после сцены, которую он устроил в морге накануне.

Тут он увидел то, что и ожидал, – обязательное качание головой.

– Нет, к сожалению, это невозможно, – охранник гладил усы, продолжая качать головой. – Сожалею, но ничем не могу помочь.

Реакция была совершенно такой, какую он и ожидал, поскольку не было ни иска, ни официального расследования, на которые можно опереться. Для стороннего наблюдателя ничего противозаконного не случилось.

Коса посоветовал ему подать заявление в полицию, чтобы попытаться инициировать расследование. Но это в лучшем случае займет месяцы, и за это время следы успеют исчезнуть. Кроме того, ему никогда не позволят самому участвовать в следственной группе. По этой причине он решил оставить свой полицейский статус дома и приехать сюда в роли того, кем он был на самом деле. В роли отца, потерявшего сына.

– Так что прошу вас покинуть изолятор, – добавил охранник.

В какой-то степени в такой роли ему было легче отказать. Если бы он не обладал тем, что сильнее оружия, регламента и подписанных документов. Своим горем. Если бы он только смог установить с ним контакт, они бы не смогли отказать ему в посещении.

Правда, он не знал, как это сделать. Как будто потерял ключ и утратил доступ именно к этой части себя. Как ни старался, он чувствовал не горе, а злость, которая сейчас никак не могла ему помочь.

– Пожалуйста, – сказал он и зажмурился, пытаясь выдавить из глаз хоть немного влаги. – Я прошу только о том, чтобы посетить место, где мой сын провел последние минуты жизни. Разве я многого прошу? Десять минут, больше мне не нужно.

– Сожалею, – постарался ответить охранник на шведском. – Так не получится. Должен попросить вас уйти.

– Позвольте у вас кое-что спросить? – он посмотрел охраннику в глаза. – У вас есть дети?

– Не понимаю, какое это имеет отношение к делу...

– Пожалуйста, просто ответьте на мой вопрос. У вас есть дети? Мм? Есть?

– Да, есть, – в конце концов ответил охранник, поглаживая усы. – Двое пацанов.

– Значит, вы меня понимаете. Правда? – Он продолжал смотреть охраннику в глаза. – Представьте, что там умер один из ваших детей и вас туда не пропустили. Представьте, что...

– Привет, Деннис, что происходит? – Из комнаты персонала за стойкой выглянул другой охранник.

– Тут этот шведский полицейский Фабиан Риск, который хотел бы увидеть камеру.

– Нет, нет, нет. Это не так, – сказал Фабиан. – Я здесь совсем не как полицейский. Важно, чтобы вы это понимали. Мой визит исключительно частный, и я преследую только личные цели.

– И что конкретно вы хотите? – Второй охранник подошел к стойке.

– Просто немного посидеть там. На койке в камере, где завершился его жизненный путь. Больше ничего. Просто посидеть там в одиночестве десять минут и попрощаться.

Второй охранник повернулся к первому.

– Десять минут, пятнадцать, особо нет разницы.

– Но по регламенту нам нельзя...

– Да-да, и что теперь? У человека горе, и я это хорошо понимаю, – второй охранник повернулся к Фабиану. – Знаете что? На самом деле у меня перерыв, но черт с ним, идите за мной.

– Но, Петер, нам ведь нельзя...

– Деннис, расслабься. Я займусь этим.

Через пару минут его проводили в пустую камеру.

– Так что когда будете готовы, просто нажмите вон там на кнопку, и я вас заберу.

Фабриан кивнул, зашел внутрь и сел на койку.

В этой камере он был впервые. В его прошлые визиты они с Теодором всегда встречались в одной из комнат для свиданий.

Это помещение было значительно меньше. Привинченная к стене койка, шкаф и маленький письменный стол, стул и туалет с раковиной. Больше ничего – нигде не просматривалось следов того, что именно здесь Теодор провел последние недели жизни.

Может, поэтому он ничего не чувствовал? Потому что камера была уже настолько вычищена от малейших следов его сына, что в голову приходил только дешевый отель, где, чтобы избавиться от насекомых, используют слишком сильные чистящие средства.

Но сейчас он здесь не для того чтобы чувствовать разные вещи. Не поэтому он сидел здесь, пытаясь увидеть перед собой, как в ночь на прошлый вторник Теодор лежал вот на этой койке, один на один с тревогой, смотрел в потолок, прежде чем в конце концов принял решение.

Причина была совершенно в другом.

Из внутреннего кармана пиджака он достал прозрачный пакетик для улик с темно-зеленым кусочком краски, выпавшим из волос Теодора. У него даже не было необходимости доставать его и прикладывать к светло-голубой стене, чтобы констатировать, что кусочек краски не имеет к ней отношения. То же относилось и к побеленному потолку.

Он встал и огляделся, но нигде не увидел темно-зеленого цвета. Значило ли это что-либо, было, однако, не ясно. Краска могла застрять у него в волосах в каком-нибудь другом помещении – столовой, тренажерном зале или вообще где угодно. Другое объяснение заключалось в том, что на самом деле он был не здесь, когда...

Он прервал ход собственных мыслей и отбросил их как совершенно неправдоподобные. Конечно, самоубийство он совершил здесь. Но мысли, словно упрямая мышь, нашли другой ход и в конце концов заставили его поднять глаза к потолку.

Там располагалась осветительная арматура, но провод был не виден. Вероятно, его спрятали за потолком, как раз чтобы его нельзя было вытянуть достаточно, сунуть туда голову и повиснуть. Но если

верить Косе, Теодор использовал именно провод или готовую веревку с более-менее гладкой поверхностью.

Он подошел к местному телефону, которым должен был воспользоваться, когда закончит визит, и в каком-то смысле он его закончил. Больше в камере рассматривать ему было нечего.

Все же на пункт охраны он не позвонил.

Коридор снаружи был широким и длинным, точно не меньше пятнадцати метров, а по обеим сторонам располагались двери в камеры. Двери не запирались, и заключенные могли свободно перемещаться. В разных местах стояли надзиратели и разговаривали друг с другом или с заключенными. Там царил покой, и, кажется, никто не обращал на него внимания.

Не имея конкретного плана или понимания, куда идти, он пошел налево вдоль вереницы камер, которые хоть в основе своей были одинаковы, выглядели как отдельные мирки, в зависимости от того, кто там жил.

Коридор, расширяясь, перетекал в общее помещение с мягкой мебелью, где играли в карты, пили кофе и читали газеты. Он вспомнил о молодежи из так называемой группы «Смайл», которые все еще ожидали суда. Узнал бы он их, если бы они там сидели и играли? И как бы повел себя в такой ситуации?

В отдалении открылась дверь, и оттуда вышел мужчина в белой рабочей одежде с пятнами краски и с висящим на шее респиратором. Он поставил два ведерка с краской между черными мусорными мешками, стоявшими вдоль стены вместе с завернутым в полиэтилен матрасом и парой поддонов с темно-зеленой краской.

Возможно, это ничего не значит, возможно, просто совпадение. А может, и нет. Так или иначе он поспешил к двери, откуда вышел маляр, посмотрел через плечо и открыл ее.

Внутри, там, что в темноте напоминало кладовку с пустыми приделанными к одной стене полками, сильно пахло свежей краской. Закрыв дверь, он провел по стене рукой, пока не нашел выключатель и не смог включить свет.

Зрелище заставило его схватиться за живот, как будто он получил сильный удар. Тот завернутый в полиэтилен матрас, прислоненный к стене в коридоре. Толстый провод, идущий по потолку к слишком яркой лампе, и приделанные к стене полки, достигающие до потолка. А

еще краска. Темно-зеленая краска, на стенах и на потолке, местами свежая, от резкого жгучего запаха которой становилось все труднее дышать.

Он перетерпел испарения и замер, пытаясь осознать тот факт, что Теодора содержали не в камере, а в холодном помещении без окон с голыми темно-зелеными стенами, где компанию ему составлял один грязный матрас на полу. У него, похоже, даже не было постельного белья. Ничего.

Осознание давалось ему тяжело – часть внутри него сопротивлялась и судорожно выискивала альтернативные объяснения, в то время как другая часть уже осознала, что их не существует. Все необходимые доказательства есть тут.

Именно здесь, в этом помещении Теодор подвергался тому, что фактически можно назвать пытками, час за часом, день за днем, пока все не слилось в одну темно-зеленую массу без начала, середины и конца.

Но за что? Что сделал его сын, чтобы заслужить такое? Как это вообще возможно? В то время как насилию подвергся он, а не наоборот. Жертвой был он. Он приехал, чтобы рассказать правду. Поступить по правде.

Он не знал, от резких ли испарений или чего-то другого, но его качнуло, и он чуть не потерял равновесие. Так же он не знал, давно ли здесь стоит с раскалывающейся головой и разбредающимися повсюду, без конкретного направления мыслями.

Взгляд зацепился за участок посреди стены прямо перед ним. Участок на высоте пояса, где оттенок зеленой краски чуть отличался от остальной стены. Он подошел, потрогал рукой и констатировал, что краска еще влажная. После скинул с себя пиджак и с его помощью стер со стены столько, сколько смог, краски.

Из-под нее проступило множество пятен шпательки разного размера. Для полной картины ему этого хватило. Он увидел, что стену отремонтировали и выровняли, перед тем как нанести свежий слой краски, что в свою очередь означало, что стена имела повреждения в тех местах, где отвалилась старая краска.

Кусок за куском.

Удар за ударом.

Синяк за синяком.

Ему хотелось заорать, и на этот раз он так и поступил. Он больше не мог сдерживаться и просто выпустил все из себя, пока подходил к полкам на стене и начинал по ним карабкаться. Он не обратил внимания на то, что ладонью наткнулся на лежавшую на предпоследней полке кнопку.

Вот так, вероятно, все и происходило. Он теперь так четко видел это перед собой. Как действовал Теодор. Других объяснений нет. Как он сидел здесь взаперти. В кладовке. Почему – неизвестно, но все встало на свои места. Насилие, изоляция и затягивание судебного процесса. Все, чтобы его сломать. Заставить в конце концов пасть под тяжестью собственных демонов.

Все вдруг встало на свои места – ответы один за одним сыпались на него, пока он, все сильнее потея и задыхаясь, лез к потолку, где к осветительной арматуре в центре комнаты тянулся провод.

Все его внимание было направлено на участок, где провод тоже покрасили свежей, еще не успевшей высохнуть, темно-зеленой краской, и как наверняка было и у Теодора, провод легко поддался, когда Фабиан за него потянул. Вскоре петля уже была достаточно большой, чтобы он без проблем мог просунуть туда голову и отпустить полки.

– Эй, какого хрена здесь происходит?

Фабиан посмотрел вниз и увидел, как быстрым шагом к нему идут те двое охранников в компании Флемминга Фрииса.

– Вот у меня точно такой же вопрос. – Он спрыгнул на пол и подошел к ним. – Что здесь, черт возьми, происходит? А? Отвечайте? – Он ткнул пальцем в грудь Фрииса. – Что здесь делал мой сын?

– Давайте обсудим все тихо и спокойно, – Фриис шагнул назад и поправил очки.

– Тихо и спокойно? Да пошло оно все! Я требую ответов, прямо сейчас! – Фабиан пошел на него. – Расскажите мне, что такого сделал Теодор, что заслужил сидеть взаперти в этой кладовке, хотя сам был жертвой насилия!

– Послушайте, – попытался перейти на шведский Фриис. – Не знаю, с чего вы это взяли, но ваш сын, он здесь никогда не находился, – он всплеснул руками. – Никогда!

Фабиан закрыл глаза и глубоко вздохнул, качая головой.

– Вот что я сейчас больше не вынесу, так это очередную ложь. Поэтому окажите мне, а в первую очередь себе, услугу и ответьте, почему он содержался здесь.

– Ваш сын никогда...

– Да твою мать! – Фабиан достал прозрачный пакетик с кусочком темно-зеленой краски. – Видите? – Он поднес его к лицу Фрииса. – Знаете, где я его нашел? А? Знаете?

– Нет, откуда я могу...

– В волосах у Теодора. Хотите знать, почему он там застрял? Я сказал, хотите знать?

Фриис посмотрел на охранников и кивком дал им сигнал действовать.

– Вот, потому что кто-то так сильно избил его именно в этом помещении, что вам пришлось ремонтировать стену, – Фабиан показал на пятна шпатлевки. – Так что теперь я требую информации о том, кто это сделал, и как так вышло, что никто... Его речь прервалась из-за того, что охранники схватили его под руки и оттащили назад.

– Фабиан, я прекрасно понимаю, что вы расстроены, – Фриис снова поправил очки. – Поверьте мне. Но ваш сын...

– Прекрасно понимаете?

– Я хочу сказать, что...

– Знаете, что я думаю? – перебил он, пока охранники продолжали его удерживать. – Я думаю, что вы вообще ничего не понимаете. Что все это ваша ответственность. Все, что произошло, и все, что происходит прямо сейчас. Вы ответите за каждую ложь.

Он вырвался из рук охраны, развернулся к двери и покинул помещение.

Хеск не понимал, как за такое короткое время плотная темнота могла превратиться в такой яркий до головной боли свет. Еще меньше он понимал, где находится. Как будто последние часы, если не дни, он провел в вакууме, где время остановилось.

Вероятно, он спал, потому что сейчас бодрствовал – хотя бы в этом он был уверен. К тому же он лежал на спине, по ощущениям на чем-то твердом, а также где-то только что закрылась или открылась дверь. Кто-то направлялся сюда, отчетливо слышал он, и раздавшийся следом голос показался знакомым.

– Ну, Ян? Вот где ты лежишь и прячешься?

Настолько знакомым, что его неспособность вспомнить имя казалась абсурдной. Превозмогая мигрень, он открыл глаза и увидел, как на него сверху вниз смотрит Ким Слейзнер.

– Что это, черт возьми, значит? – всплеснул руками Слейзнер. – Серьезно? Ты не придумал ничего лучше?

– Что? – выдавил он наконец из себя, и пока прояснялось зрение, осознал, что лежит на большом столе со стульями вокруг.

– Что значит что? – Слейзнер наклонился к нему и сделал вид, как будто стучит ему по голове. – Тук-тук, есть кто дома? Ты вообще понимаешь, что делаешь? Потому что я не понимаю.

На одной из стен висела большая белая доска, на другой были опущены шторы, а на потолке над ним висел проектор.

– Здесь для тебя сделали все и дали тебе все, что ты просил. И вот она благодарность, – покачал головой Слейзнер.

Конференц-зал...? Хеск ничего не понимал.

– Я думал, что ясно дал понять: это расследование слишком чувствительное, чтобы вот так просто выходить на публику и палить из всех орудий. И что делаешь ты? Организуешь долбаную пресс-конференцию! Еще и у меня за спиной. Ты хоть понимаешь, в какое положение это меня ставит?

Точно, пресс-конференция, на которой внезапно появился Слейзнер и начал всем рулить. После нее и до настоящего момента в голове была лишь пустота.

– Ким, я не хотел как-то тебя унижать. Правда, не хотел, – хотя голова продолжала кружиться, он с трудом сел. – Но многое указывает на то, что есть еще люди, которые могли быть замешаны. – Наверное, он потерял сознание. Это было единственное объяснение. И на сцене было жарко, теперь он вспомнил, как вспотел и опустошил стакан с водой, которую принес Слейзнер, но все равно чувствовал жажду.

– Вот как? – пожал плечами Слейзнер. – И?

Хеск попытался сглотнуть сухость во рту.

– Просто хочу сказать, что нам нельзя закрывать глаза на зацепки и следы, которые мы...

– Да кто блин говорил, что нужно закрыть глаза? Я, по крайней мере, не говорил. Или говорил?

Он уже не в первый раз терял сознание. На самом деле это случалось чаще, чем ему хотелось бы признавать. Иногда достаточно было слишком резко встать с кровати. Но, то, что это случилось во время пресс-конференции, казалось странным.

– Ян, я задал вопрос, – продолжал Слейзнер. – Я когда-нибудь говорил, что нам нужно закрывать глаза на всплывающие во время следствия обстоятельства? Что мы должны скрывать правду?

– Нет, но...

– Нет, вот именно. А говорил я, чтобы ты держал меня в курсе. Как раз чтобы избежать таких вот эксцессов. Я что, многого прошу?

Одна мысль казалась ему совершенно неуместной, но все равно никуда не девалась.

– О'кей, похоже, ты совсем потерял дар речи, – продолжал Слейзнер. – Но вот как обстоит дело. Мне лично глубоко плевать на то, замешан ли кто-то третий или целое долбаное правительство. Единственное, что имеет какое-то значение, – все это должно закончиться как можно скорее.

– Ким, мы уже работаем на максимальной...

– Теперь заткнись и слушай!

Ему что-то подсыпали? Поэтому он вдруг начал потеть и испытывать неутолимую жажду?

– Этот шанс дал тебе я, – Слейзнер поднял вверх указательный палец. – Я тот фундамент, на котором ты стоишь. Для твоего же блага, ради всего святого, никогда не забывай об этом.

Могла это быть вода, которую принес Слейзнер? Нет, бутылка была новая. Или он принес две бутылки?

– Ау? – Слейзнер схватил его за плечи и потряс как сломанную игрушку. – Что за хрень с тобой? Ты как будто отсутствуешь, – он слегка хлопнул его по щеке. – Ты хоть слушаешь, что я говорю?

Хеск посмотрел Слейзнеру в глаза.

– Меня преследуют.

– Что значит преследуют? О чем ты?

– Их двое. Двое мужчин. Разговаривают по-английски, но мне кажется, что один из них – датчанин. – Он достал телефон и долистал до присланных Хеммером фотографий рыбака. – Вот один из них.

Слейзнер взял телефон и долго смотрел, как будто не сразу мог осознать происходящее.

– Проклятье... – Он отдал мобильный и отвел взгляд, глядя в никуда. Потом закивал, будто в ответ на собственный ход мыслей. – Вот этого я и боялся. Должно быть, это они. Других объяснений нет. Должно быть, они.

– Так ты их знаешь?

– Ну как сказать. Начальник оперативного управления нашей разведки мертв, возможно, даже убит. Думаешь, они станут просто сидеть в стороне и бить баклуши в ожидании того, как мы выполним свою работу?

– Так ты хочешь сказать, что это...

– Кто еще это может быть, – перебил Слейзнер. – Поэтому предпочтительно быстрее закрыть дело. Конечно, их беспокоит, что всплывет на поверхность, когда расследование ведем мы. Только я не думал, что они пойдут так далеко.

– А что? Что еще они сделали?

Слейзнер положил руку на плечо Хеску и сглотнул.

– Точно не знаю, но предполагаю, что они могли тебе что-то подсыпать. Поэтому ты потерял сознание и очнулся только сейчас.

– Но я не понимаю. Зачем им делать что-то такое... серьезное?

– Так тебя, видимо, хотели заставить замолчать, не знаю, – пожал плечами Слейзнер. – Все эти разговоры о том, что могло быть замешано несколько человек. А у тебя есть догадки? Что-то, чем ты со мной не делился? Но в любом случае, твой рыбак и еще один вышли на сцену и занялись тобой, когда ты отключился.

– Они что, поднялись на сцену и унесли меня оттуда?

Слейзнер кивнул.

– Я думал, что это просто охранники.

– А что потом? Что они сделали?

– Ушли вместе с тобой. Дальше не знаю. Мне пришлось остаться на трибуне и попытаться завершить мероприятие максимально безболезненно. Потом я пошел тебя искать, – Слейзнер рассмеялся. – Много раз пытался дозвониться до тебя, словно влюбленный подросток.

Хеск не знал, что сказать. Вся история казалась логичной, но в то же время совершенно невероятной.

– Можешь встать? – спросил Слейзнер, протянув руку.

– Думаю, да. – С его помощью Хеск осторожно поднялся со стола.

– О'кей. Хорошо! Теперь я бы хотел, чтобы ты проверил карманы.

– Но зачем...

– Пожалуйста, делай как я говорю и проверь, все ли на месте.

Хеск начала один за одним проверять карманы. Мобильный он уже достал.

– Бумажник, – сказал Слейзнер. – Он у тебя?

Он кивнул. Бумажник был там, где надо, в левом внутреннем кармане пиджака, и насколько он мог судить, из него ничего не пропало.

– А ключи?

Он потрогал карманы брюк и обнаружил их в левом переднем кармане.

– Хорошо! И все ключи на месте?

Он проверил связку, спокойно и методично, все ключи по очереди, и кивнул. Все на месте.

Единственное, что смущало, – ключи он всегда держал в правом переднем кармане.

Никогда в левом.

– *О'кей, предлагаю нам поступить следующим образом, –* послышался приглушенный голос Слейзнера из одной из колонок около совершенно темного, если не считать узкую полоску света в углу, монитора. – *Я свяжусь с разведкой и узнаю, что они думают. Это переходит все границы, и нам нельзя просто так это оставить.*

– Тебе видно, где они сейчас? – обратился Цян к Фариду, изучавшему цифровую карту с красной точкой, которая, по-видимому, обозначала полицейское управление в Копенгагене.

– *А я что?* – спросил Хеск потрескивающим голосом. – *Что делать мне?*

– Я точно не вижу, на каком они этаже. – Фарид перевел взгляд на соседний монитор, на котором увеличил изображение 3D-модели здания полиции. – Но если они не посреди коридора вот здесь и не где-нибудь в туалете, то они должны быть в конференц-зале 44В на втором этаже северного флигеля.

– Туалет звучит интригующе, – сказал Цян. – Но я бы поставил на конференц-зал.

– *Вопрос в том, не поехать ли тебе домой и не отдохнуть, –* услышали они голос Слейзнера. – *А в твоём состоянии я бы взял такси. За счет работодателя, так что не беспокойся.*

– Это Хеск и Слейзнер? – спросила Дуня, выходя из душа, замотанная в полотенце.

Цян кивнул.

– Он только что очнулся.

– *Спасибо, Ким, но все в порядке, мне уже лучше, –* сказал Хеск. – *Гораздо.*

– Только сейчас?

– Да, Слизняк нашел его в одном из конференц-залов на втором этаже, как раз когда он начал приходить в себя.

– Но прошло же почти два часа, с того момента как он потерял сознание.

– Слейзнер предположил, что ему могли что-то подсыпать, – произнес Фарид.

– Кто?

– Служба полицейской разведки.

– Все становится только загадочнее... – Дуня замолчала и наклонилась к одной из колонок, откуда снова послышался голос Слейзнера.

– Ян, послушай меня. Ты только что очнулся после двухчасовой отключки. Что-то здесь не чисто, так что я настаиваю – отправляйся домой и отдохни. Я пока постараюсь что-нибудь разузнать, а завтра возьмемся за работу с новыми силами.

– Но сейчас ведь я веду это расследование, – ответил Хеск. – И я лучше сам решу, когда мне ехать домой.

– Уау, вы слышали? – повернулась к остальным Дуня. – Не в бровь, а в глаз.

– Ян, ты лучше не нервничай. Конечно, поступай, как хочешь, и не переживай за расследование. Никто его у тебя не заберет. Я здесь, чтобы тебе помочь. О'кей?

– О'кей.

– Чего мне совсем не хочется, так это чтобы ты вдруг выгорел и вернулся к работе только через полгода. Понимаешь? Для меня это была бы полная катастрофа. Тогда в дерьме окажусь я, и мне понадобится новая звезда, а они на деревьях не растут, ты уж мне поверь. Так что ради меня, будь добр, выживи. Хотя бы до конца расследования, – Слейзнер рассмеялся. – Давай договоримся? Что ты проживешь еще некоторое время? – Он снова рассмеялся. – Иди сюда, я тебя обниму.

– Ох уж этот тип, – покачала головой Дуня. – Не понимаю, как Хеск вообще выдерживает находиться с ним в одной комнате. Кстати, они упоминали о том документе?

– Нет, ни слова, – сказал Цян.

– Странно. Он же должен быть обнародован сегодня в полночь.

– А может, совсем и не странно.

– Что ты имеешь в виду?

– Имею в виду, что... – Цян сглотнул и переглянулся с Фаридом. – Что вопрос в том... так ли это...

– Так ли это что? Что ты хочешь сказать?

– Так ли это действительно интересно, – вклинился Фарид. – Что ты, учитывая все риски, должна выходить ночью в поле, только ради

того, чтобы выловить какого-нибудь полицейского с рацией.

– Если у тебя есть идеи получше, то можешь высказать их сейчас. Да и почему документ не может быть интересным? Вы же сами слышали, как Слейзнер давил и требовал обнародовать его, чем бы он ни являлся, как можно скорее. Зачем устраивать тайный ланч, если это что-то незначительное?

– О'кей, и что это будет, по твоему мнению? – Цян скрестил руки на груди.

– Понятия не имею. Это я и собираюсь выяснить. Предполагаю, что-то достаточно серьезное, чтобы заставить всех пойти по ложному следу, и единственное, что нужно сделать нам, – сориентироваться и повернуться в правильную сторону. И чем быстрее, тем лучше.

– Дуня, – Фарид посмотрел ей в глаза. – Я знаю, ты считаешь, что вчера мы напали на след, и сказанное во время того ланча может оказаться ключом к чему-то глобальному. И возможно, так и есть, не знаю. Но что я точно знаю, так это то, что мы с Цяном изучили и прослушали весь аудиофайл, каждое слово, и мне жаль это говорить, но ничего такого там нет, – он покачал головой. – Единственное конкретное – их беспокойство, подходит ли Хеск для руководства расследованием, и судя по сегодняшней пресс-конференции, мне, по крайней мере, их опасения понятны. Тот документ, который сбил тебя с толку, упоминался лишь вскользь и вопрос в том, является ли он чем-то более весомым.

– Нет, если спросишь Микаэля Реннинга, – сказал Цян.

– А он тут при чем? – спросила Дуня.

– Он как-никак твой лучший друг, и, конечно, помог бы нам со всеми файерволами и заметанием следов, если бы считал это таким же достойным внимания, как ты.

Дуня покачала головой.

– Микаэль хочет только, чтобы я все бросила и вернулась к обычной жизни.

– Ты не думала, что он, возможно, прав? – спросил Фарид.

Дуня задумалась и в итоге кивнула.

– Конечно, прав.

– И? – спросил Цян.

– Мы находимся на войне, если вы этого еще не поняли, – она смотрела то на одного, то на другого. – На войне, где есть только два

варианта, и дать задний ход и сделать вид, что ничего не произошло, не входит в этот список. Тут либо мы, либо Слейзнер. И я вас уверяю, он не сидит и не раздумывает, как бы бросить все и взять отпуск. Он днями и ночами работает над тем, чтобы найти нас и с нами расквитаться, а сейчас он ужасно боится и в панике, что мы его опередим и найдем то, что бы это ни было, что он пытается замести под ковер.

Фарид вздохнул.

– О'кей, вчера он нарушил свою рутину. С этим я готов согласиться.

– Согласен, – кивнул Цян.

– Но что в этом такого странного? – продолжал Фарид. – Все-таки это расследование находится в центре внимания. А что касается встречи за ланчем, так Слейзнер был самым спокойным из троих.

– Согласен, – повторил Цян.

– Но из нас именно я знаю его лучше всего, – сказала Дуня. – И я услышала отчаявшегося Слейзнера, который пытается успокоить остальных. Какое отношение к делу имеет Якоб Санд, я не знаю. Увидим. Но без сомнений, смерть Могенса Клинге по какой-то причине стала очень личной для Слейзнера, и наша задача узнать почему, хотя у меня уже есть свои предположения.

– А откуда твоя уверенность, что это личное? – спросил Фарид.

– Ты не заметил, как он нервничал на пресс-конференции?

Фарид пожал плечами и покачал головой.

– Если спросите меня, мне больше показалось, что он был в хорошем настроении и даже довольно расслаблен, – сказал Цян.

– Но сейчас тебя не спрашивают, – покачала головой Дуня. – Нет, вы видели, как Слейзнер с наигранной улыбкой и вымученными шутками изо всех сил старается казаться расслабленным. На самом деле, он боролся за свою жизнь.

– Я бы сказал, что нервничал и обливался потом Хеск, – заметил Фарид. – Все-таки сознание потерял именно он.

– Да, и это тоже подозрительно, – кивнула Дуня. – Хеск всегда был чувствительным, но таким уязвимым я его никогда не видела. Но только когда на сцену вышел Слейзнер, он почувствовал себя плохо, и это указывает на то, что отношения у них сейчас напряженные. И вы же сами слышали, как он ему оппонировал.

– Разве это так или иначе не происходит со всеми, когда дело касается Слейзнера? – спросил Цян.

– Со всеми, кроме Хеска. Он всегда был смышленной пешкой Слейзнера, и теперь, когда все это подлизывание наконец дало плоды и ему разрешили возглавить расследование, он отблагодарил своего наставника тем, что даже не проинформировал его о своем намерении провести пресс-конференцию. И что происходит? Да, как только Слейзнер осознал его шалость, он поспешил выскочить на сцену и рассказать то, что все и так ожидали. То есть, что Могенс Клинге совершил самоубийство, после того как намеренно или случайно задушил женщину во время полового акта. На этом пресс-конференция могла бы закончиться, и никто бы не возражал. Если бы не протест Хеска. Думаю, я никогда раньше не слышала, чтобы он перечил Слейзнеру. Но сейчас он это сделал, вдобавок перед камерами, высказал теорию, рушащую версию Слейзнера, что в деле могут быть замешаны еще один или несколько человек. И судя по тому, что я знаю о Хеске, он бы не пикнул, если бы не был уверен.

– А тот «еще один» человек, – сказал Фарид. – Хочешь сказать, что это мог быть Слейзнер?

– Почему бы и нет? – пожала плечами Дуня.

– А зачем ему убивать Клинге?

– Хороший вопрос, и я не удивлюсь, если ответ частично заключен между строк в том документе.

– О'кей. Если позволите мне сказать, – начал Цян и подождал, пока Дуня с Фаридом обернутся. – Ничего из этого не меняет того факта, что все это пока голые предположения, в той или иной степени взятые с потолка.

– Я знаю, нам нужны реальные доказательства, – сказала Дуня. – Но я бы несколько не удивилась, если бы оказалось, что они у нас уже есть.

– Что, доказательства? Что ты имеешь в виду?

– В течение последнего месяца никто так не следил за ним, как мы. Мы собрали данные и до малейших подробностей зафиксировали его перемещения. Отследили каждый его шаг. Прослушали каждый разговор. СМС, мейлы, прочитали все, и все есть вот здесь, – Дуня обвела руками компьютеры, мониторы и жесткие диски. – Проблема в том, что мы не знали, что ищем. Это как искать иголку в стоге сена, не

зная, что она сделана из металла, тонкая и острая и всего пару сантиметров в длину. Но сейчас у нас есть и имена, и событие, а в полночь, я надеюсь, мы узнаем еще больше. Так что предлагаю вам потратить эти часы на то, чтобы еще раз просмотреть все, что мы собрали. Я пока выйду на улицу и попробую найти симпатичного полицейского с рацией и позабочусь о том, чтобы оказаться в первых рядах, когда документ будет обнародован.

Издавека, по другую сторону стеклянной стены, он наверняка выглядел уверенным в себе, сидя у себя в офисном кресле за письменным столом и оглядывая свой кабинет. «У него хотя бы все сложилось неплохо», – так, наверное, подумали бы те, кто его увидел. «У этого Яна Хеска». Но впечатление было очень обманчиво. На самом деле он всеми силами пытался справиться с паникой, из-за которой выделилось столько желудочного сока, что он жег его изнутри.

Не так он себе все представлял, когда впервые сел работать в своем новом, сугубо личном кабинете с видом на двор и пространством для дивана и кресел. У него совершенно отсутствовало желание радоваться. Он не мог с удовольствием откинуться на спинку кресла, положить ноги на стол и наконец вдохнуть аромат успеха и принадлежности к тем, кого без шуток можно назвать счастливицами.

Он ведь даже потратил часть отпуска на то чтобы приобрести личное рабочее кресло из настоящей кожи за половину месячной зарплаты. Кресло, которое, кстати, было той же эксклюзивной марки, что и у Слейзнера, с небольшим отличием, что оно было чуть более угловатым.

Однако сейчас ситуация не располагала к тому, чтобы отодвинуть рычажок под креслом и откинуться на спинку. Не располагала она и к тому, чтобы разглядывать природу или книжные корешки в шкафу, под цвет которых Лоне подобрала афиши Жоана Миро в рамках на стене напротив. Теперь это казалось глупым, и часть его тосковала по старому тесному рабочему отсеку посреди офиса в окружении других таких отсеков.

Последние события совершенно вывели его из равновесия, и хотя с того момента, как он очнулся в конференц-зале, прошло уже довольно много времени, он не мог осознать тот факт, что ему что-то подмешали и унесли его в разгар пресс-конференции.

За годы в полиции с ним случалось разное, но никогда на него не покушались так серьезно.

Положительным в этом всем было то, что он наконец решился сделать шаг и поспорить со Слейзнером, из-за чего впервые ощутил со

стороны своего шефа что-то, что можно назвать уважением.

То, что ему что-то подмешали, согласно выводам Слейзнера, было, вероятно, делом рук полицейской разведки, в чем нет причин сомневаться. Но они оба не знали, как конкретно это произошло. Поэтому он решил самостоятельно просмотреть уже опубликованную в интернете запись пресс-конференции.

Пока он никак не мог заставить себя нажать на белый треугольник и включить запись чуть более часа длиной. Как будто таким образом он снова подвергнется нападению.

С другой стороны, трудно было избежать просмотра. Новость о том, что он потерял сознание, заполонила ленту новостей, а двенадцатисекундный клип, в котором он отключается и падает со стула, стал вирусным и уже преодолел сто тысяч просмотров на Ютьюб.

Он сам уже несколько раз его видел. На самом деле, его беспокоили не эти секунды, а как раз все остальное. Что-то ему подсказывало, что именно там произошло реальное преступление.

Он положил руку на мышку и навел маленький курсор на треугольник. Но ничего не выходило. Что-то внутри него сопротивлялось, и внезапно в указательном пальце пропала сила, чтобы нажать на левую клавишу мыши.

Вместо этого он достал связку ключей и стал рассматривать ее на свету, пробивавшемся из окна у него за спиной. Слейзнеру он не сказал, что она лежала не в том кармане. Тогда он все еще чувствовал себя разбитым после пробуждения и думал, что все-таки, возможно, сам сунул ее в другой карман.

Но он был уверен, что этого не делал. Связка переместилась из одного кармана в другой, пока он находился в отключке. Вероятнее всего, они сделали дубликат ключей, а, значит, не придется долго ждать, прежде чем они ими воспользуются.

По крайней мере, в машине они не побывали. Там царил привычный хаос. В новом кабинете они тоже не рылись. На самом деле, брать там было нечего, кроме его стильного кресла.

Мобильный на столе засветился и начал вибрировать. Лоне. Она, конечно, слышала о случившемся и видела клип. Но пока ей придется подождать и довольствоваться эсэмэской: «Не могу сейчас говорить,

все нормально. Целую, Ян». Тут его осенило. Сразу после звукового сигнала, подтверждающего, что сообщение начало свое путешествие.

Мобильник.

Он совершенно о нем забыл. Конечно, они искали его.

Старый желтый «Эрикссон».

Он снова поднял телефон и позвонил Лоне.

– О, вот и ты, – услышал он ее голос. – Как ты? Что случилось?

– Ничего страшного, все нормально, – ответил он, сам слыша, как искусственно это звучит.

– Ничего страшного? Как ты можешь так говорить, когда...

– Милая, я все расскажу позже. Уверю тебя, все под контролем. Я звоню не поэтому.

– А я звонила именно поэтому и теперь хочу знать, что такое там...

– Давай поговорим об этом вечером? Сейчас просто послушай меня и ответь на мои вопросы. Хорошо?

Молчание на другом конце говорило само за себя.

– Сидишь тут и видишь, как собственный муж теряет сознание в прямом эфире. Беспкоишься, пытаешься дозвониться и сразу дозваниваешься? Нет, только через несколько часов.

– Любимая, я понимаю, я все объясню.

– Нет, теперь говорить буду я, хочу, чтобы ты понял одну вещь. Не думай, что раз тебя повысили, то ты можешь поступать, как тебе удобно, играть в начальника и раздавать мне приказы.

– Не могу, я понимаю. Сейчас мне просто нужно знать, приходил ли кто-то и звонил в дверь? – спросил он, пытаясь не обращать внимания на ее настроение.

– Звонил в дверь? Нет, кто это мог быть?

– И ты была целый день дома, так?

Он услышал, как на заднем плане заплакал Беньямин, и как она взяла его на руки, чтобы успокоить.

– Ян, что ты надумал?

– Пожалуйста, просто ответь. Ты была целый день дома или нет?

– Где я еще могла быть? Тебя дома нет, а глядя по сторонам, никакого Леголенда я не вижу.

– Хорошо, а ты все время была внутри? Я имею в виду, в доме.

– Так, что это за допрос?

– Это не допрос. Я просто хочу узнать, была ли ты все время в доме. Или в какой-то момент вышла из дома и ушла...

– Да, черт побери! – прошипела она.

– Челт, – повторил Беньямин. – Ты сказала челт.

– А сам как думаешь? А? Когда на улице плюс двадцать семь. Нет, конечно, я не сидела в помещении целый день.

– О'кей. И куда ты ходила?

– Да это сумасшествие какое-то. Ты ведь понимаешь? Гребаный маразм.

– Лоне, прошу тебя, – попытался он ее успокоить. – Я понимаю, что все это может показаться странным и непонятным. – Больше всего он хотел бы рассказать все, как есть. – Но ты должна мне поверить и рассказать, где или примерно на каком расстоянии от дома ты находилась. – Но тогда она испугается, а если это случится, общаться с ней будет невозможно. – Если вспомнишь, когда и сколько времени ты отсутствовала, будет еще лучше.

– Я была на улице и развешивала белье, – ровным голосом ответила она в тот момент, когда в новый кабинет зашел Мортен Хейнесен и огляделся. – В том числе, твои старые, рваные трусы. Это происходило в девять пятьдесят восемь и заняло двенадцать минут двадцать шесть секунд.

Он знаками попросил Хейнесена выйти и оставить его одного. Но коллега покачал головой и остался на месте.

– Потом мы с Беньямином зашли к Адаму на соседний участок в тринадцать ноль семь. Беньямин попрыгал на батуте.

– Плыгать, плыгать...

– Тем временем мы с Адамом пили кофе на солнце и прекрасно проводили время два часа три минуты, пока я не вернулась домой на этот милый разговор.

Два часа. Этого было более чем достаточно, чтобы они успели обыскать дом и найти мобильный.

– Кстати, в четырнадцать часов сорок две минуты он угостил меня сигаретой, – продолжала на другом конце Лоне, пока Хейнесен усаживался на диване. – И я согласилась, потому что думаю, что я это заслужила. Но сейчас, после всего этого, я понимаю, что нужно было взять две.

Она снова начала курить. Он заподозрил это еще прошлой весной, когда ему показалось, что ее куртка пахнет табаком, но отбросил эту мысль как паранойю. Но, значит, он был прав. Вопреки всем их усилиям заставить ее бросить. Всем его попыткам отвлечь ее от никотиновой ломки. Всем тем моментам, когда он отвечал на ее мрачное настроение объятиями и повышенным вниманием.

– Дорогая, я хочу, чтобы ты подошла к секретеру.

– Дорогая, – передразнила она. – Ты хоть слышишь, как наигранно это звучит?

– Пожалуйста, просто сделай, что я прошу.

– Да-да, я здесь. Что еще мне сделать? Попрыгать на месте?

– Я хочу, чтобы ты открыла секретер, выдвинула верхний левый ящик и посмотрела, что лежит в глубине под стопкой конвертов.

– Старый уродливый мобильник желтого цвета. Доволен?

– Да, – сказал он и наконец выдохнул. – Очень доволен. Спасибо тебе, дорогая. До вечера!

Раздался щелчок и разговор был окончен.

– Я тебя тоже люблю, – сказал он в пустоту, перед тем как отложить мобильный и повернуться к Хейнесену. – В чем смысл собственного кабинета, если нельзя побыть в одиночестве?

– Увы, дело срочное. – Хейнесен встал. – Я только что общался с группой.

– Да? Хорошо?

– Пистолет, платок, все снимки и результаты анализов. Все исчезло.

Ядвига Коморовски сидела за старинным письменным столом из орехового дерева. Помимо настольной лампы с медным основанием и стеклянным зеленым абажуром на столе лежала кожаная настольная подкладка, перьевая ручка и разлинованная записная книжка. Остальная поверхность пустовала.

Фабиан уже не в первый раз сидел в удобном кресле для посетителей, у которого мягкими были даже подлокотники. Но он впервые обратил внимание на то, как на самом деле выглядит адвокат Теодора и ее изысканный офис с видом на порт Хельсингборга.

Почти все юристы, с которыми он за годы работы в полиции имел дело, сидели, спрятавшись за кипами папок и документов в пыльном хаосе, где только они могли найти нужную папку.

Здесь все блестело от чистоты и слегка пахло мебельным лаком. Как и сама Коморовски, сидевшая в темно-синем костюме и белой блузе с бантом и смотревшая на него с поднятыми на каштановые волосы очками для чтения.

Вот почему он ее нанял? Из-за ощущения контроля и элитарности. Он уже не помнил. Все, что уходило в прошлое больше, чем на пару дней, стало размытым и неразличимым. В любом случае, стоила она дорого, что, возможно, его и привлекло. Мысль о том, что нужно лишь заплатить достаточно, чтобы все наладилось.

– Фабиан, так дальше продолжаться не может, – сказала она так, как будто его только что вызвали к директору. – Надеюсь, вы понимаете.

– Что-то тут не так, – его удивило, что говорил он так спокойно. – Они что-то скрывают, – возможно, у него просто кончилась энергия.

Коморовски тщательно подбирала слова.

– У меня нет своих детей, и я, наверное, не могу понять, каково это – потерять ребенка. Так быть не должно, для нас это противоестественно. Но одно я понимаю: то, чем вы занимаетесь, не поможет ни вам, ни Соне и ни Матильде. Напротив, только усугубит ситуацию. Значительно усугубит. Соня связывалась со мной сегодня и рассказывала, что...

– Я знаю, – перебил Фабиан. – Так что, мне просто все бросить и позволить им разгуливать свободно? Вы это хотите сказать? Чтобы они просто жили дальше, будто ничего не случилось?

– Свободно от чего?

– От того, что забрали у меня сына. От того, что избивали и ломали его так, что он в конце концов... – Он умолк – говорить было по-прежнему слишком больно.

– Фабиан, – она наклонилась над столом и протянула ему носовой платок, который он взял, хотя в нем не нуждался. – Я с ними связывалась, вернее, они со мной после вашего неожиданного визита сегодня, и поверьте, они ничего не утаивают.

– Так почему нас никто не известил о том, что он сидел в изоляции?

– Известили, Фабиан. У меня это даже есть тут, в письме, если не верите, – она выдвинула ящик стола, достала распечатанный мейл и положила перед ним. – Оно пришло двадцать седьмого июня и там написано об избиении в столовой и решении изолировать его на несколько суток.

– И почему вы мне об этом ничего не сказали?

– Сказала. Но вы отреагировали только на факт избиения. Я слышала, как вы разозлились на него и расстроились. Как только вы об этом услышали, то пришли в ярость и не могли уже ничего воспринимать. У меня есть наш диалог, если вы мне не верите. Как вы знаете, я все записываю.

У него в памяти как будто появилось слепое пятно. Он не помнил ничего из сказанного ею. В какой-то степени ему хотелось послушать тот разговор. Услышать, правда ли он был так поглощен яростью, что не слушал адвоката. Но сил у него хватало только на то, чтобы покачать головой.

– А Теодор? Почему он ничего не рассказал, когда я его навещал.

– Он многое не рассказывал. Особенно тем, кому не доверял.

Фабиан поднял глаза и встретился с ней взглядом.

– Простите, это было похоже на критику, – продолжала она. – Я другое хотела сказать. Он и мне ничего не рассказал.

– Но я его отец. Если он не доверял мне, то кому он мог доверять?

– Вы именно этого пытаетесь добиться? Показать ему, что он может на вас положиться.

– Я лишь пытаюсь узнать, что случилось. Узнать правду. Коморовски отвела взгляд и глубоко вздохнула.

– Вы можете вздыхать сколько угодно. Однако мы с одним из лучших шведских судмедэкспертов изучили все раны и синяки у него на теле, прежде всего, на голове, и все указывает на то, что избиению подвергся он сам и лишь пытался защититься.

– Вы хотите сказать, что они лгут нам прямо в лицо.

– Должно быть, не в первый раз.

– Но зачем? В чем их мотив? Я хочу сказать, что он ведь покончил жизнь самоубийством. А что касается следов у него на теле, в них нет ничего такого странного, если ему досталось немало ударов, после того как он избил другого заключенного. Мог ли он сам нанести себе повреждения? Может, он бился головой о стену, пока в волосах не застряла краска? Самоповреждающее поведение не такая уж редкость, когда находишься в изоляции.

Фабиан покачал головой.

– Если бы все остальные их утверждения оказались правдивы, то, может быть, я в это и поверил бы. Но не сейчас, не со всей этой завесой тумана.

– Не понимаю, о какой такой завесе вы говорите.

– Например, где он покончил с собой. Они утверждают, что у себя в камере. Тогда вопрос в том, как объяснить канцелярскую кнопку у него в ладони? Или тот факт, что во время вскрытия Эйнар Грейде установил – такие следы вокруг шеи не могли остаться от сплетенных полосок простыни. По его словам, вероятнее, что он повесился на проводе. Но в его камере ничего подобного нет. Зато есть в комнате, в которой его изолировали, и где они, помимо прочего, так же, как и на стенах, подновили зеленую краску вокруг провода вплоть до светильника.

Коморовски задумалась, прежде чем наконец кивнула.

– Да, возможно, вы правы. Возможно, самоубийство он совершил в изоляции, а не в своей камере, – она развела руками.

– И тут мы подходим к вашему вопросу, – сказал Фабиан. – Зачем им об этом врать?

– Фабиан, возможно, вы забыли, но вчера я присутствовала на опознании, и вы вдруг затеяли настоящий допрос персонала. Я там

была и видела, как вы на них давили и требовали точной информации о его гибели.

– Да, требовал. Разве это странно?

– Совсем нет. Но, может, вам следовало бы спросить кого-то другого. Кого-то, кто знает, что произошло, и не будет хвататься за самый вероятный сценарий, чтобы просто вас успокоить.

– Предположим, что так оно и есть. Почему тогда просто не признать задним числом, что они дали ошибочную информацию и рассказать, как все было на самом деле, вместо того, чтобы настаивать на лжи?

– Не знаю, Фабиан. Может, потому что вы так сильно на них давили и не оставили им выбора.

– Так это я виноват в том, что они лгут? А дело не в том, что на самом деле они хотят скрыть, что вообще поместили его не в одиночную камеру, а в кладовку с прикрученными к стене полками, чтобы он мог добраться до провода на потолке. Вы это хотите сказать? Что скрывать им нечего, и на самом деле проблема во мне?

В ее глазах он увидел это. Ответ. Задолго до того, как пришли в движение ее губы.

Когда слова наконец созрели, он уже покидал ее офис.

Ян Хеск никогда не слышал ни о чем подобном. Когда в деле пропадали или терялись улики, это чаще всего происходило из-за небрежной маркировки, и если как следует поискать, то они, как правило, находились, просто не на той полке.

Сейчас же с ними случилось что-то совершенно иное. В данном случае кто-то посторонний проник как в полицейское управление, так и в отделение судмедэкспертизы и вычистил все улики по их делу.

Когда Хейнесен обо всем рассказал, новость ударила Хеска как обухом по голове. Но вместо того, чтобы жалеть себя и кататься по полу в позе эмбриона, он впал в ярость. Его, а он почти никогда не злился, внезапно охватило бешенство, и он почувствовал, что с него хватит. Надо, черт побери, кончать с этим.

Он притормозил и припарковался перед домом на улице Япанвей, заглушил двигатель и вышел из машины. Причин парковаться где-то в другом месте и делать вид, будто за ним нет слежки, больше не было. Естественно, они знали, где он живет.

Первое, что он сделал, – собрал группу и проинформировал их о последних событиях. В этот раз он ничего не умалчивал и рассказал все: от найденного у Могенса Клинге мобильного до двух мужчин, которые за ним следили и, возможно, даже что-то ему подмешали.

Рискованный шаг, который мог навредить делу, поскольку он никого из них, кроме Хейнесена, не знал достаточно хорошо, чтобы понимать, можно ли им доверять. Но будь что будет. В одиночку он с этим не справился бы. Он в них нуждался, и как только дал им это понять, наконец проявилось то самое ощущение команды, которое он все время искал.

Отпала необходимость метить территорию, и его лидерство перестало ставиться под сомнение. Каждый вдруг осознал свою роль, как будто они всегда работали вместе.

Он взглянул через плечо и увидел идущую с коляской женщину и пожилого мужчину с мочившейся на фонарный столб таксой и затем пошел дальше к дому.

Они договорились о том, что пока ему нужно только поменять замки во входной двери и что с сегодняшнего дня они по возможности будут проводить совещания за пределами Управления. Поддавшись легкому давлению, Хейнесен предоставил им в распоряжение свою квартиру в районе Кристиансхавн и сейчас занимался перемещением туда всего самого необходимого.

Что касается пропавших проб и улик, некоторые из них были утрачены, но другие можно будет восстановить. В любом случае, новые улики будут намеренно неправильно промаркированы согласно их собственной кодировке, а также рассредоточены и помещены на неверные полки среди других закрытых дел.

Но самые большие надежды они возлагали на мобильник. На желтый «акулий плавник».

Как только они снова его включат и смогут подробно изучить СМС-переписку, у них будет достаточно зацепок, чтобы определить четкое направление дальнейшей работы.

Помимо этого, большой интерес представлял номер Kontakta1. Пока они имели только первые четыре цифры: 26 58. Если у них получится определить последние четыре, у них наконец будет реальная ниточка, за которую можно потянуть.

Он вошел в прихожую и закрыл за собой дверь, как на обычный, так и на дополнительный замок, открывавшийся изнутри только ключом. Это не помешает им войти со своими дубликатами. Вероятность того, что они стали бы залезать в дом, когда он здесь, с семьей, минимальна. К тому же слесарь обещал прийти в течение часа.

По дороге на кухню он почувствовал аромат мясного соуса, булькающего на плите. За целый день он не съел ни кусочка, и как раз не отказался бы от хорошей порции спагетти с мясом и кетчупом.

– Привет-привет, – обратился он к Лоне, сливавшей спагетти в дуршлаг. – Какой аромат!

– Сделай себе сам что-нибудь, – сказала она, переворачивая спагетти обратно в кастрюлю. – Я же не знала, когда ты собираешься вернуться.

– Да, конечно. Откуда ты могла знать, – сказал он и заметил, что стол накрыт только на троих. – Без проблем. Обо мне не беспокойся. Я и не особенно голоден.

– Ну и славно! Другими словами, все счастливы и довольны.

Она всегда так говорила, когда ее доставала собственная жизнь и, прежде всего, он. «Ах, как славно, что мы так счастливы. Поздравляю нас», могла она выпалить с дьявольским сарказмом, и что бы он ни делал и как бы ни старался, ссора оказывалась неизбежной.

Но в этот раз он решил не подходить к ней, не обнимать ее и не спрашивать, что не так. Отчасти потому что знал, в чем дело, отчасти потому что не имел ни сил, ни энергии для серьезного конфликта.

Вместо этого он подогнул вощеную скатерть, схватился за край стола и пододвинул стол так, что загремели тарелки и стаканы.

– Боже, что ты делаешь?

– Ничего. Мне просто нужно на чердак.

– Сейчас? Мы же садимся есть.

– Я понял. Вы и здесь может это сделать, – сказал он и переставил стулья, перед тем как подошел к кладовке и взял металлическую палку с крючком на конце.

– Ян, объясни, пожалуйста, чем ты сейчас...

– Потом, дорогая. У меня нет времени. Но потом, когда все это закончится, обещаю все рассказать, хорошо?

– Ага, но...

– Я говорю, потом, – перебил он. – Не сейчас. – Он зацепил петлю люка крючком и потянул, так что люк открылся, и как всегда, когда он долго не бывал наверху, как только он разложил лестницу, сверху посыпались грязь и мусор. – Не беспокойся, я с этим разберусь, – сказал он, поднимаясь. – Обещаю все убрать.

– Ты много что обещаешь последнее время, – слышался голос Лоне снизу из кухни. – Направо и налево. Как Леголенд. Помнишь? Ты его тоже обещал!

Но он был сосредоточен на окружившем его на чердаке хаосе. Везде лежали черные мусорные пакеты, набитые вещами, которыми они никогда не будут пользоваться, вместе с коробками, старыми теннисными ракетками, лыжами, стопками настольных игр и прочим скарбом, происхождение которого было ему неизвестно.

Уже несколько лет он собирался потратить выходные на то, чтобы все здесь вычистить и навести порядок. Он даже размышлял о том, чтобы взять в аренду контейнер, избавиться от всего за один раз и начать все сначала. Единственное, что его останавливало, – он знал, как отреагирует Лоне.

Так что в каком-то смысле это ей он был обязан тем, что пять минут спустя заметил именно ту коробку, которую искал. Она там лежала. В самом низу под другими коробками, с подписью «Офис + Воспоминания».

Он приподнял другие коробки, вытащил в проход ту самую и открыл.

На самом верху лежали две папки – Финансы 1 и 2, а под ними несколько рулонов неиспользованной бумаги для факса, коллекция сломанных ручек, стикеров, а также покрашенная в красный цвет деревянная коробочка с замком, собственноручно им сделанная на уроке труда. Но он искал не эти предметы, а черный провод, торчавший из кучи старых фотографий, дискет и других кабелей. Он потянул за него, осторожно, чтобы не порвать, и вытащил зарядное устройство для своего старого «Эрикссона».

– И как? Нашел? Нечто такое важное и не терпящее отлагательств? – спросила Лоне, когда он задвинул лестницу.

– Да, нашел, – он приподнял перед собой зарядное устройство. – Благодаря тебе, любимая, – потом подошел к ней и чмокнул в щеку, прежде чем направиться в спальню.

– А пол? – крикнула она вслед. – Ты вроде собирался убрать за собой?

– Как только разберусь вот с этим, – крикнул он в ответ и сел за секретер с откинутой рабочей поверхностью.

Выдвинув левый ящик, он приподнял стопку конвертов, только для того чтобы обнаружить, как желтый «Эрикссон» блистает своим отсутствием. Там лежала только пара марок, ластик и рулон иностранных купюр.

Паника должна была охватить его уже тогда. Но этого не произошло. Может, Лоне просто случайно положила мобильный между стопок со счетами или за компьютер. Только когда он обыскал каждый уголок секретера, к нему начала подступать паника.

– Лоне, – закричал он, слыша, как в голосе пробивается отчаяние. – Лоне! Куда ты дела мобильник? – он огляделся в спальне. – Не могу его найти!

Неужели они тут все-таки побывали? Он наклонился и посмотрел на пол под секретером и проверил вещи на рабочем кресле. Могли ли они побывать тут, после того, как он поговорил с Лоне по телефону?

Он порылся в переполненной мусорной корзине и в конце концов ее опрокинул. В таком случае они, должно быть, его прослушивали и точно знали, где лежал телефон.

– Лоне! Ответь! – продолжал он, возвращаясь на кухню. – Почему ты не отвечаешь, когда я тебя зову?

– Не отвечаю на что? – Лоне поставила на стол бутылку с кетчупом. – Что теперь тебе не так?

– Мобильник, черт бы его побрал! – закричал он. – О котором я говорил по телефону?

– Боже, как ты орешь! Успокойся.

– Ты же сказала, что он в секретере!

Она отвернулась от него.

– Катрин, Беньямин! Пора есть! Ужин готов!

– Ну сейчас его там нет, так что вопрос в том, где он тогда?

– Не знаю, – пожала плечами Лоне. – Это не ко мне.

– А блин к кому?

– Катрин, Беньямин! Ужин!

– Але? – он взял ее за руку и повернул к себе. – Кого мне черт возьми спрашивать, если не тебя?

– Не понимаю, чем ты занимаешься, – она выдернула руку. – Но если ты сейчас же не успокоишься, я забираю детей и ухожу, как только хоть чуть-чуть поедят. Что касается дома, то поручителями выступали и брали на себя первый взнос мои родители, так что до понедельника соберешь свои вещи. Дети тебя никогда особенно не интересовали, так что должно хватить пары часов раз в две недели.

– Ты что опять заходила к этому Адаму и курила тайком? А? Не хочешь признать это? И как долго тебя не было дома? Час? Два?

Лоне покачала головой, не сводя с него глаз.

– Не знаю, осознаешь ли ты, как ты сейчас близок к черте. Но нет, к Адаму я не ходила. Зато мы с Беньямином ходили за продуктами, а по дороге домой зашли на детскую площадку. Потом я разобралась со стиркой, сделала уборку с пылесосом, пока ты не пришел и снова все не заляпал, и приготовила ужин. И раз уж мы тут друг друга допрашиваем, хотела бы услышать от тебя, откуда вдруг такой бардак у меня в нижнем белье. Катрин, Беньямин! Если не придете, сяду есть без вас!

– Любимая, что еще за бардак? – Сомнений не осталось. Они здесь были.

– Любимая? Мы разве не прошли этот этап много лет назад?

– Лоне, я совсем не хочу ругаться. – При помощи дубликатов они забрались в дом и смогли найти мобильник. И теперь он исчез. Единственный шанс хоть какой-то ясности в этом хаосе ускользнул у них из рук.

– Не хочешь? Ты ведь только этим и занимаешься, когда оказываешься дома.

Хеск выдвинул стул, сел и налил стакан воды, которую выпил залпом.

– Меня беспокоит только тот мобильник, и пока вы ходили в магазин и гуляли в парке, они должно быть... – Он осекся и замолчал в тот же момент как на кухню зашел Беньямин. – Но... – Паника, ругань, чувство, что все пропало, мгновенно исчезли, – вот же он!

– О чем ты? – спросила Лоне.

– Мобильник, который я искал.

– Аа, этот. Беньямин его не выпускал из рук, с тех пор как ты позвонил и устроил игры в гестапо. Только он его успокаивает.

– Ох, ну и хорошо! – он рассмеялся и встал. Беньямин спас телефон. – Просто отлично! – Если бы он не взял мобильник на площадку, он бы точно пропал. – А теперь папе нужен его телефон, – протянув руку, он подошел к Беньямину. – Отдашь папе?

– Нет. Мой. – Беньямин спрятал руки за спиной.

– Нет, Беньямин, все-таки он папин. – Он снова рассмеялся, стараясь оставаться максимально спокойным.

– Не папин. Мой. – Беньямин покачал головой, и Хеск в конце концов не придумал ничего лучше, как взять сына за руку и выкрутить у него из ладони мобильник.

– Не бери мой телефон! Мой телефон! Папа забрал мой телефон! – Беньямин, плача, побежал к Лоне, которая взяла его на руки и стала утешать.

Лучше всего будет оставить их одних, поэтому Хеск поспешил обратно в спальню, закрыл дверь и убрал кучу одежды с рабочего стула, прежде чем усесться туда с мобильным. Затем воткнул зарядное устройство в удлинитель за монитором, сдул пыль с телефона и

осторожно засунул тонкий штекер в мобильник. Наконец он нажал красную кнопку включения.

Сначала ничего не происходило.

Позже тоже.

Экран оставался темным.

Несмотря на то, что он сумел выдуть еще несколько песчинок и проверил, что провод цел.

Несмотря на то, что через минуту еще раз попробовал нажать на красную кнопку.

Мобильник не отвечал.

Через секунду внутри него засели сомнения. Как будто его прошлая железная готовность докопаться до сути в расследовании была не более чем тончайшей оболочкой, треснувшей при ближайшем рассмотрении.

Вот экран наконец засветился. Как будто он просто проверял Хеска на прочность, чтобы убедиться, как быстро он сломается.

В телефоне было много того, что они могли проанализировать, но в данный момент он искал только одно.

Номер Контакта1.

Пару раз щелкнув адресную книгу телефона, он сумел отыскать четыре последние цифры: 89 32. Затем он достал свой мобильник и позвонил Мортену Хейнесену.

– Привет, – ответил Хейнесен уже после одного гудка. – Как идут дела?

– Ну несмотря на всякие «если» и «но», – ответил он, слыша, как звонят в дверь. – Любимая, откроешь? – крикнул он в сторону кухни. – Сорри, слесарь пришел. А как у вас дела?

– Только тебя ждем. Торбен подключился к сети и сейчас запустил VPN, так что не хватает только номера.

– 26 58 89 32.

– 26 58 89 32, – повторил Хейнесен, а на заднем плане номер еще раз проговорил Хеммер. – Слушай, я тут кое о чем думаю, – продолжил Хейнесен, пока звонки в дверь не прекращались, – все это предприятие. Так ли разумно не информировать...

– Любимая! – снова закричал он и не получил ответа. – Мортен, мне надо бежать. Я перезвоню.

– О'кей, понял. Ничего срочного. Поговорим, когда закончишь.

Хеск сбросил звонок и выбежал из спальни.

– Не слышишь, что в дверь звонят? – спросил он, проходя мимо стола, за которым ела Лоне с детьми.

– Да, но как видишь, мы едим, и никто из нас сейчас не ждет гостей.

В прихожей он отпер оба замка, открыл дверь и замер, увидев посетителя.

– А вот и ты! Долго же ты, – засиял фирменной улыбкой Слейзнер. – Надеюсь, я не помешаю.

Хейнесен только что убрал модель корабля «Звездные войны Раб 1» в спальню, когда услышал в гостиной голос Юли Берн сторфф.

– Торбен, это случайно не шлем того Боби?

Он поспешил обратно и увидел, как она поднимает с полки пронумерованный шлем.

– Как его? Точно, Боби Фетт. Да? – Она надела его и повернулась к Хейнесену. – Привет, меня зовут Бобби, и я робот.

– Боба Фетт, – поправил он. – И я бы предпочел, чтобы вы поставили его на место.

– Упс! Сорри, – Берн сторфф сняла шлем и отдала Хейнесену, который аккуратно вернул его на место на полке. – А что, он дорого стоит? Можно спросить, сколько?

– Достаточно, учитывая, что он по-прежнему целый, с автографом Джереми Буллока на внутренней стороне. То есть не Темуэра Моррисона, а актера из оригинального фильма.

Бернсторфф кивнула.

– Значит, на тусовку с ролевиками его не взять.

– Чай, кофе? – спросил он, чтобы сменить тему.

– Чай – самое то. Спасибо!

– А я бы предпочел кофе, если можно, – сказал сидящий на диване и работавший с ноутбуком на коленях Хеммер.

– Конечно! Без проблем, – Хейнесен вышел на кухню и поставил на плиту ковшик с водой, а сам в ожидании, когда закипит вода, сел за стол, где места хватало лишь на одного.

Они сидели здесь меньше часа, а он уже совершенно выдохся. К тому же за тридцать лет, что он проживает в маленькой трешке в жилом комплексе Овергаден Овен Вандет в районе Кристиансхавн, все визиты к нему можно пересчитать по пальцам одной руки. Три раза против его воли к нему приходила мама, а на сорокалетие восемь лет назад он пригласил на ужин Андерса, Франка и Ларса. И вот сегодня Торбена и Юли.

Если бы Хеск прямо его не попросил, он бы никогда сам не предложил открыть двери своей квартиры. Но он не хотел артачиться,

а раз ситуация, в которой они оказались, несомненно была экстраординарна – пропавшие улики и прочее, – то не так уж и странно, что им приходится действовать нестандартно.

Однако он ощущал дискомфорт. Он был человеком привычки и нуждался в рутине, чтобы функционировать, а все это противоречило его представлениям. Если бы решения принимал он, то они хотя бы сообщили Слейзнеру о своих действиях и таким образом получили бы гарантии от вышестоящих лиц в системе, что он неоднократно предлагал. Но Хеск настоял на том, что нельзя подключать никого за пределами группы, и хоть ему и был понятен аргумент о возможной утечке данных, все это ему все равно казалось ненужными петушиными боями, в которых у него не было ни малейшего желания участвовать.

На самом деле, Хейнесен все больше беспокоился, что Хеск намеревался взвалить на себя слишком тяжелую ношу. Без сомнений, он был готов на все, чтобы продвинуться вперед в расследовании, и он никогда не видел Хеска таким вовлеченным, как сейчас. Но зная Слейзнера, новость ему не понравится, когда она наконец до него дойдет, что рано или поздно случится, так что остается надеяться, что Хеск знает, на что идет.

Но вне зависимости от того, что конкретно они делали, затея не сообщать об этом вышестоящему очевидно нарушала правила. Не важно, что ты думаешь о правилах и добрыми ли намерениями руководишься. В большинстве случаев придуманы они не просто так, и, возможно, в моменте начинать их нарушать, менять и подстраивать под себя может показаться хорошей идеей, но в конце концов это всегда завершается катастрофой.

Когда вода забурлила, не достигнув пары градусов до точки кипения, он налил ее в две кружки, в одной был растворимый кофе, в другой – пакетик чая Эрл Грей, и вернулся в гостиную, где Берн сторфф уже записала черной ручкой номер 26 58 89 32 в самом верху большого блокнота и теперь рисовала стрелочки к разным клеткам, где, помимо прочего, виднелись надписи «мобильный оператор», «номер сим-карты», «дистрибьютор», «банковская карта» и наконец «личность».

До этого она еще, очевидно, успела потрогать его коллекцию фигурок из «Звездных войн» и поменяла местами Гридо и Босска. Как

будто он бы это не заметил.

– Мортен, как вам? – спросила она с довольной улыбкой, когда он поставил кружки на журнальный столик.

– Вы имеете в виду, на случай, если номер окажется неактивным? – спросил он, как ни в чем ни бывало.

– Да, потому что думаю, на другое нам рассчитывать не стоит, и тогда, если мы хотя бы сможем достать сам номер сим-карты, то с помощью мобильного оператора у нас получится прозвонить, где бы она ни...

– Но это не понадобится, – перебил Хеммер и поднял глаза от экрана. – Номер, оказывается, не просто активен. Мобильник еще и включен.

– Прости. Не хотел мешать. – Слейзнер вошел в прихожую. – Но я оказался тут поблизости и подумал, нам стоит немного поговорить о случившемся сегодня.

– О'кей, – сказал Хеск, кивнув. – Мы только сели есть, но ничего страшного. Это может подождать.

– Замечательно! – Слейзнер прошел на кухню и махнул Лоне с детьми. – Здравствуйте, здравствуйте!

– Здравствуйте, – ответила Лоне не поднимая глаз от стакана.

– Кто это, мама? – спросил Бенъямин.

– Папин начальник.

– Кто такой начальник?

– Давай лучше поешь сначала.

– Меня зовут Ким, – Слейзнер наклонился, чтобы оказаться на уровне глаз мальчика. – Но да, твоя мама все правильно сказала. Я начальник твоего папы, это значит, что я им управляю, когда он работает. Точно, как делает твоя мама, когда папа дома, – он рассмеялся и обернулся к Хеску. – Или как, Ян? У тебя есть право слова в собственном доме или все решает супруга?

– Аа... нуу, мы...

– Похоже, ей не понравится, если ты сегодня поужинаешь, – Слейзнер повернулся к Лоне. – Муженек поднабрал? Это поэтому вы его держите на диете?

– Ты сказал, что хочешь поговорить, – произнес Хеск.

Слейзнер кивнул, обвел глазами кухню и затем повернулся к Хеску.

– Но лучше где-нибудь наедине.

Хеск кивнул и провел Слейзнера в глубину дома.

– Как у вас уютно, – Слейзнер огляделся и сунул голову в спальню. – Многовато вещей на мой вкус. Но вообще, очень здорово. Или как сейчас принято говорить? Есть потенциал.

– Давай сядем тут, – он закрыл за Слейзнером дверь гостиной и сел на самый край дивана, хотя обычно предпочитал кресло.

Слейзнер тем временем осмотрелся, уселся в кресло и начал барабанить пальцами по подлокотнику, как будто был у себя дома.

– По-моему, я здесь никогда не был, – наконец сказал он и продолжил обводить комнату взглядом. – Но, может, вы не устраивали новоселье.

– Устраивали, но только для ближнего круга.

– Ясное дело, – Слейзнер кивнул. – Это не такое масштабное событие, так что приходится выбирать.

В комнате снова повисла тишина. Такая же невыносимая.

– Кстати, не хочешь что-нибудь выпить? – спросил Хеск, больше для того чтобы эту тишину нарушить.

– Хех, почему бы и нет? Если твоя супруга не против.

Хеск встал и пошел к двери.

– Что будешь?

– Пиво было бы неплохо. Суббота все-таки.

Хеск поспешил на кухню, чтобы захватить два пива. Но там был только «Туборг» зеленый, поэтому он направился дальше, к холодильнику в кладовой. Наверняка есть хорошее объяснение, почему он не мог просто дать ему обычный «Туборг» или стакан воды с лимоном. Но сейчас не время для анализа.

Вернувшись, он увидел, что Слейзнер стоит около книжного шкафа и изучает корешки.

– Спасибо! – Слейзнер взял бутылку и, прежде чем сделать глоток, взглянул на этикетку «Нерребро Бругхус». – Ммм, настоящий хороший пилснер всегда к месту. Кстати, ты их все читал? – кивнул он на ряды книг.

– Нет, читает в основном Лоне, – ответил он, глотнув пива.

– Та же история, – Слейзнер снова выпил. – Не понимаю, как люди успевают проглотить целую книгу в несколько сотен страниц параллельно с работой, семьей и прочими обязательствами. В последний раз от корки до корки я читал в юности, когда одолел все книги «Властелина колец».

– Я не знал, что ты любишь фэнтези.

– На самом деле, нет. Это заняло все летние каникулы, никогда я так сильно не ждал начала учебного года, как тогда. А ты читал их?

– Нет.

– Ничего не потерял. Знаю, что они считаются совершенно потрясающими и одними из лучших. Но по мне они... как бы так сказать... сделаны небрежно. Например, то, что человек становится невидимым, как только надевает Кольцо Всевластия, – он глотнул пива. – Ну, я тебя умоляю! Мог он быть немного изобретательнее? Вот, например, «Человек-невидимка», написан еще в девятнадцатом веке. Вот там действительно писатель опередил свое время. А пока никто не может мне объяснить, как можно быть таким чокнутым, как Фродо, чтобы второй, третий и четвертый раз надевать кольцо, зная, что моментально появятся черные всадники. Да и бог с ним. Я здесь не поэтому. За тебя! – Он поднял бутылку и вернулся в кресло.

Хеск же в свою очередь сел на диван и заметил, что на смену мучительным попыткам Слейзнера казаться веселым пришла серьезность.

– Я слышал о том, что случилось с данными экспертизы, – Слейзнер поднял глаза и встретился с ним взглядом. – Ужасно неприятно, но, к сожалению, не могу сказать, что удивлен. Это их методы работы, – он вздохнул и глотнул пива.

– Они не хотят, чтобы мы обнаружили что? – спросил Хеск, когда в тот же момент завибрировал мобильный.

– Ну, слушай, кто бы знал, – пожал плечами Слейзнер.

Хеск увидел, что звонит Хейнесен, и отклонил звонок.

– Но я знаю одно, – продолжал Слейзнер. – Мы должны это выяснить. Потому что уж что меня бесит, так это когда кто-то метит на моей территории.

Мобильный снова засветился и завибрировал, но как бы ни хотелось ему ответить сейчас, разговор придется отложить.

– Понимаешь, о чем я, Ян?

Хеск кивнул, хоть и не совсем понимал.

– Случившееся сегодня перешло все границы, и я в некоторой степени чувствую свою причастность и хочу извиниться за то, что влез на твою пресс-конференцию и сделал только хуже. Я правда не хотел.

– Все нормально.

– Нет, не нормально. Но мне, наверное, нужно привыкнуть, что бразды правления в твоих руках. Но я здесь не только, чтобы попросить прощения. Прежде всего, я хочу убедиться, что ты не собираешься опускать руки.

– Почему я должен опускать руки?

– Тебя, кажется, все это задело, и, как сказать, поколебало, когда я тебя нашел в том конференц-зале. Поверь мне, я прекрасно понимаю почему. Я чувствовал то же самое. В движение пришли серьезные силы.

– Как нам действовать дальше?

– Ян, это твое расследование, а не мое. Но будь я на твоем месте, я бы лучше лишний раз оглядывался. Кстати, ты видел какие-нибудь признаки того, что они побывали у тебя дома?

– Нет, – ответ прозвучал раньше, чем он успел его обдумать, и ему ничего не оставалось, как придать ему веса, покрутив головой. – Никаких.

– О'кей, замечательно. Я точно не знаю, удалось ли им завладеть всеми уликами, или у вас осталось что-то представляющее ценность. В любом случае, думаю, мы не должны исключать, что это может случиться вновь, и действовать осторожнее. Поэтому я хотел бы, чтобы ты взял вот это. – Слейзнер положил на столик маленький ключ медного цвета и передвинул к Хеску. – Он от сейфа у меня в кабинете. Знаешь, тот, который врезан в стену рядом со шкафом для бумаг.

Хеск кивнул.

– Там, к сожалению, нет холодильника, так что для биологических материалов он не подходит. Но для всего остального, не слишком громоздкого, должно быть нормально.

– И ключи от него есть только у нас с тобой?

– Конечно. Можешь прийти в любой момент и... – речь Слейзнера прервал мобильный Хеска, который ожил и завибрировал в третий раз. – Лучше уж тебе ответить. – сказал он и допил пиво.

Хеск принял звонок и поднес телефон к уху.

– Привет! Слушай, я сейчас немного занят. Можно перезвоню?

– Нет, увы, это срочно, – ответил Хейнесен.

– О'кей, о чем речь?

– Хеммер только что пробил номер и, как и ожидалось, он анонимен. Возможно, получится выяснить, где он был куплен, и соотнести это с оплатой по карте, но это займет недели. В общем, ему как-то удалось определить его местоположение, и вот тут все становится интереснее, так как номер по-прежнему активен.

– О'кей. Так у вас есть координаты?

– Да, и сначала мы предположили, что что-то пошло не так, и все полностью перезагрузили. Поэтому это заняло время.

– Ничего страшного. Все равно я немного занят.

– Но дело в том, что местоположение осталось неизменным, и звоню я, потому что, может, у тебя есть какое-то объяснение.

– У меня?

– Да, потому что прямо сейчас указанный номер находится у тебя дома.

Мужчина, которого оседлала Дуня, был моложе ее на десять лет точно. Может, и больше. Но ее это вообще не беспокоило. Во всяком случае сейчас, когда ведущая роль наконец принадлежит ей, и каждое малейшее движение просто обязано приносить ей удовольствие.

Мускулистый, он мог без труда приподнять ее и поставить в любую позу. Это он со всей готовностью продемонстрировал в начале. Сначала миссионерская, а затем ложки. После он развернул ее, как будто они выступали в цирке, и взял ее сзади, после чего все закончилось.

Все это было так типично для молодых увлекающихся порно мужчин с избытком тестостерона, которые сначала перебирали как можно больше поз, а потом их не хватало больше, чем на пару минут, и затем они засыпали, будто резко отключилось питание.

Но он был хорошо оснащен. Нужно отдать ему должное. Если бы не это, она бы не стала его будить, что на самом деле было для нее предпочтительнее, когда до полуночи оставалось несколько минут.

В прошлой жизни она выезжала в город каждый вечер вторника, потому что именно во вторник она ушла от Карстена. Но последние два месяца она жила в вынужденном целибате, когда даже не имела возможности сама обо всем позаботиться, не привлекая внимания Фариды с Цяном. А сейчас, несмотря на субботу и на то, что любовник у нее между ног не отличался мастерством, что-то внутри нее пробудилось, и она пообещала себе, как только появится возможность, возобновить вторничную традицию.

Накануне вечером она отправилась напрямик в логово врага, бар Бюенс Бодега, в паре шагов от Управления, и точно как во времена, когда она сама была новоиспеченной полицейской, здесь также за кружкой пива после смены встречались самые юные его сотрудники. Ничего не изменилось. Интерьер с замызганным коричневым деревом, маленькая барная стойка, картины на стенах. Изменилась только она сама.

Вначале она чувствовала себя слишком нарядной в своем стильном комбинезоне и на высоких каблуках. План заключался в том,

чтобы привлечь к себе взгляды и как можно скорее кого-то найти, не рискуя быть узнанной, на случай, если кто-то вдруг близко общается со Слейзнером. Поэтому она не только накрутила волосы и нарядилась, но даже надела черный парик под каре.

Новая внешность превзошла все ожидания. Уже после полбутылки пива мужчина, имя которого она не запомнила и который только начал работать в дорожной полиции, предложил ей поехать к нему, и на заднем сиденье такси ей достаточно было заявить, что ее заводит форма, чтобы он заехал в управление и прихватил всю свою амуницию.

Уже у него в квартире она закрылась в ванной и сказала, что открывает только настоящим полицейским в форме, после чего он постучал в дверь в полном обмундировании.

Пока он показывал некое подобие стриптиза в ванной, она вынудила его продемонстрировать и дубинку, и наручники, и главное – рацию, которую полиция и службы спасения используют для внутренней коммуникации. Он даже согласился сообщить пароль для разблокировки рации.

Теперь все это валялось на полу ванной, включая парик Дуни. Все кроме рации. Именно за ней она и охотилась. Остальное было бонусом. Именно с помощью нее она меньше чем через пять минут узнает следующий ход Слейзнера, что в лучшем случае даст ей достаточно информации, чтобы нанести максимально болезненный удар.

Все происходило помимо ее воли. Просто ее рука вдруг оказалась там, помогая, а бедра двигались все быстрее и толчки становились глубже. До того момента пока не стало по-настоящему хорошо. Как будто ее тело решило, что, чтобы получить максимальное удовольствие, оно должно отнять инициативу не только у молодого полицейского, но и у нее самой.

Ничего не могло помешать ему, все больше потяя, быстрее и глубже, продолжать двигаться до самой кульминации, и когда экстаз спал, Дуня обмякла, переводя дыхание.

– Никуда не уходи, – сказал он и вышел из нее. – Я скоро вернусь, – он осторожно перевернул ее на бок и покинул кровать.

– А вдруг я засну? – спросила она, натянув на себя одеяло. – Что тогда будешь делать?

– Тогда будет моя очередь тебя будить. А как – пусть будет сюрпризом, – он скрылся за дверью ванной.

Как только он закрыл дверь, она отыскала в постельном белье рацию, включила ее и ввела пароль, в тот же момент как часы в верхнем углу экрана переключились с 23:59 на 00:00.

Вскоре после на экране загорелся символ нового непрочитанного сообщения с самым высоким приоритетом, и как только она открыла его, ее сердце замерло, прежде чем снова пойти в таком темпе, как будто с этого момента имело значение только одно.

Выживание.

Ее фотография была не каким-нибудь зернистым скриншотом с камеры наблюдения. Это был четкий портрет, сделанный профессиональным фотографом в настоящей фотостудии. Она как вчера помнила, что когда пришло время обновлять полицейское удостоверение, она решила сделать хорошее фото.

Однако снимок отредактировали. Убрали светлые локоны, которые никогда не ложились так, как ей хотелось бы. Вместо них ей сделали короткие серебристые волосы, как раз похожие на ее нынешнюю прическу. То же касается и больших круглых серег, и накрашенных красной помадой губ. Ей даже изменили щеки, чтобы она, точно как в реальности, выглядела стройнее.

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ РОЗЫСК!

Бывшая сотрудница полиции Дуня Хугор (36 лет, рост 167 см) заочно арестована, подозревается в сговоре по совершению преступления против государственной безопасности. Предположительно находится в Копенгагене или окрестностях вместе с двумя мужчинами иностранного происхождения. Отличается крайней агрессивностью, при задержании должны быть предприняты все возможные меры безопасности.

Она дышала ртом, нервно хватая воздух маленькими глотками, которые едва могли обогатить кровь кислородом. То же происходило и с гнавшимся вперед пульсом, будто одновременно вдавили педали сцепления и газа. Ей нужно отсюда выбраться. Немедленно!

Слейзнер занимался совсем не заметанием следов своего вмешательства в смерть Могенса Клинге. Все его действия были

связаны с Дуней. Конечно, как иначе. Его жгучая ненависть достигла нового уровня сумасшествия в том, чтобы обвинить ее в преступлении против государственной безопасности. Довольно размытая формулировка, которая могла включать в себя все, от распространения секретных данных до планирования террористической атаки. С этого момента за ней охотится не только он один, но и весь корпус полиции Дании.

Она огляделась. Ее одежда лежала на полу ванной. Если повезет, то она найдет что-нибудь из одежды в шкафу. В противном случае ей не остается ничего как...

Мысль прервалась в ту же секунду, как дверь в ванную открылась и мужчина вышел – голый, с торчащим вперед членом. Торчащим прямо на нее.

– Как видишь, я готов для нового раунда, – он сделал поступательное движение бедрами и пошел к кровати.

– Наконец-то! – произнесла она, накрывая рацию одеялом. – Думала, ты уже не вернешься.

– Но вот я здесь, – он залез на кровать, повалил ее на спину и сел верхом ей на грудь, так что налитая кровью мошонка оказалась около ее рта.

– Мм, как приятно, – сказала она и выскользнула у него между ног. – Но теперь твоя очередь ждать, – она вылезла из кровати и поспешила в ванную, закрыв за собой дверь.

– Только если это не займет много времени, – услышала она, как он кричит из кровати.

– Если только ты не заснешь, – прокричала она в ответ, надевая висевшие на крае в ванне трусы.

На бюстгальтер времени не оставалось. Ей необходимо выбраться отсюда сейчас – не через пятнадцать минут или пару минут, а прямо сейчас. Валявшийся в груди на полу комбинезон быстро надеть не получалось. Если не вывернутая наизнанку штанина, то обязательно рукав, и когда она наконец его натянула, то поняла, что он надет задом наперед.

Но ничего не поделаешь. Она уже и так здесь задержалась. Главное, чтобы он не успел что-то заподозрить и отреагировать до того, как она доберется до двери. Туфли она понесет в руке. Все равно бежать в них не получится.

Она поспешила к двери и только положила руку на ручку, как та опустилась сама по себе. Черт, пронеслось у нее в голове, пока она пятилась. Черт, черт, черт!

– Ау? Не могла бы ты открыть и впустить меня? – услышала она его голос с другой стороны.

– Не очень-то ты терпеливый, – сказала она и нажала слив в туалете, потом подошла к ванне и включила душ.

– Эй! Хочу, чтобы ты открыла!

– Что? Не слышу тебя, – снова подойдя к унитазу, она опустила крышку, встала на нее и открыла маленькое квадратное окно, выходящее во двор.

– Открывай! Сейчас же!

– Я почти закончила. Кстати, где тут чистое полотенце?

Окно было слишком маленьким, чтобы она могла через него пролезть. Но другой возможности у нее не было, поэтому она без малейшего представления о том, что находилось по другую сторону, начала проталкивать себя через узкое отверстие с вытянутыми вперед руками.

Самой большой проблемой оказались плечи – она в полной мере ощущала, как сдирается кожа с обеих сторон, будто кто-то прошелся по ним теркой. Однако выброс адреналина помогал справиться с болью, а остальная часть корпуса прошла довольно легко.

До земли расстояние было больше, чем она рассчитывала. Минимум шесть-семь метров. Если ей удастся избежать помойки и припаркованных велосипедов и приземлиться на газон на некотором расстоянии от фасада, то, если повезет, сможет выжить. Инвалидность ей гарантирована.

Ее могла спасти водосточная труба, идущая вдоль фасада справа, в метре от окна. Если бы она могла сначала высунуть ноги, то, держась руками за окно, она могла бы качнуться и схватить трубу стопами. Теперь же ей нужно проделать то же самое вниз головой, и ей оставалось только надеяться, что она сможет висеть, зацепившись ногами.

Но другие варианты были хуже, и рискуя при малейшем неправильном переносе центра тяжести сорваться вниз, она все сильнее свешивалась наружу вдоль фасада. Хотя бы ей удалось

нащупать неровности в кирпиче, что помогало сантиметр за сантиметром продвигаться к трубе.

В конце концов она смогла протянуть руку к трубе и возможно даже схватилась бы за нее, если бы не руки, схватившие ее за голени и потащившие назад. Она пыталась высвободиться, пинаясь, но он был слишком силен, и вскоре она снова оказалась в ванной и ударилась головой о крышку унитаза, прежде чем успела руками смягчить падение на кафель.

Она собиралась перевернуться, но он уже оказался сверху с наручниками и коленом уперся ей между лопаток.

– Какая удача, что я взял их с собой. – Он потянул вниз ее левую руку и защелкнул наручник у нее на запястье, не зная, что за это время она успела правой рукой схватить весы под раковиной.

Точно не зная его положения у нее за спиной, она со всей силы швырнула весы вверх за голову. Последовавший за глухим звуком треснувшей стеклянной панели рев указывал на то, что она не промазала.

Он все еще придавливал ее коленом, но уже не с той силой, и быстрым рывком ей удалось перевернуться на спину. Только чтобы увидеть, как он, по-прежнему голый, сидит на ней верхом и сосредоточенно ковыряет кровавую рану у себя под глазом.

Она попыталась вырваться из его хватки, но, несмотря на растерянность, он был слишком тяжел и силен, поэтому она схватила его за мошонку и выкрутила ее так сильно, что он с криком непроизвольно с нее скатился.

Поднявшись на ноги, она быстро оценила варианты бегства. Она могла бы обогнуть его, преодолев переполненную ванну, где вода так и лилась из душа, но так как он, казалось, все еще не совсем пришел в себя, она решила перепрыгнуть прямо через него.

– Даже не думай, – сказал он, будто прочитав ее мысли.

– Слушай сюда, – сказала она, пока он с трудом пытался встать на ноги. – Я знаю, что ты хороший парень и просто выполняешь свою работу. – Только сейчас она заметила, как кусочек стекла от весов блеснул в ране под глазом. – Я могла бы сказать, что то, что ты прочитал обо мне, не соответствует действительности. Что все это ложь, придуманная Кимом Слейзнером, чтобы меня посадить. Но это бесполезно. Ты все равно мне не поверишь. Поэтому я лучше дам тебе

ясно понять, что хоть я уже и травмировала тебя сильнее, чем нужно, я не остановлюсь перед тем, чтобы зайти еще дальше.

– Можешь говорить что хочешь. Но ты в розыске, поэтому вместо этого предлагаю тебе вести разговоры с адвокатом. Что бы ты ни говорила, я тебя задержу.

Дуня взвесила все варианты, прежде чем наконец протяжно вздохнула и повернулась, заведя руки за спину. Спустя один удар сердца он приблизился к ней и схватил ее за левую руку, где уже наполовину были пристегнуты наручники.

Он оказался совершенно не готов к ее маневру. Как раз в тот момент, когда он собирался взять ее за правую руку, она выскользнула, а Дуня тем временем провернулась вокруг оси и рванула против часовой стрелки, чтобы внезапно оказаться у него за спиной. Еще два удара сердца спустя она обхватила его, схватила свободный конец наручников правой рукой, накинула их ему на горло и сдавила, после чего нанесла сильный удар по ногам.

Этого хватило, чтобы он потерял равновесие и завалился назад. Об остальном позаботился собственный вес его тела, а ей оставалось только отставить назад правую ногу, чтобы только с помощью переноса центра тяжести и наручников у него на шее в качестве вожжей направить его падение в ванну.

Он размахивал обеими руками и пинался, пытаясь высвободиться из захвата, но законы природы были на ее стороне, и вскоре она уже удерживала его голову под водой.

Неизвестно, сколько еще ударов сердца прошло после этого.

Десять?

Пятнадцать?

Только когда на поверхность перестали подниматься пузырьки, а руки и ноги замерли, только тогда она подтянула его к себе и оставила лежать на полу, кашляющего и хватавшего ртом воздух.

Просто открыть глаза и проснуться было уже наказанием. Удар в лицо, напоминание о том, что с этого момента проснется и его совесть и будет мучить его до тех пор, пока он снова не сможет закрыть глаза на несколько часов. Ибо только там, на дне тьмы без сновидений, он мог обрести покой.

После визита к Ядвиге Коморовски он попытался унять тревогу с помощью алкоголя. Но это не помогло. Алкоголем он никогда не увлекался. Вместо отдыха от самого себя его мысли и чувства усилились и превратились в нечто, что приносило еще более сильную боль.

Потом он блевал как последняя свинья.

Тогда, возвращаясь домой пешком, потому что ни один водитель такси не хотел иметь с ним дел, он задумался о других веществах, но пришел к выводу, что это бесполезно. Пока после них приходишь в себя, они, как и сон, не более чем временное решение, и впервые он увидел возможный выход в том, чтобы последовать примеру Теодора.

– Ты здесь? – услышал он тонкий слезливый девичий голос. – Ау! Ты меня слышишь?

Фабиан повернулся к натянутой занавеске и обнаружил, что лежит рядом на полу под пледом, внизу, в подвальном кабинете.

– Это я, Матильда, – звучал голос с другой стороны занавески. – Мне нужно с тобой поговорить.

– Я к твоим услугам, – сказал он, ища в памяти, почему он спустился и лег в подвале. Но в голове было пусто, и он решил, что не лег с Соней из чистого самосохранения.

– Я хочу спросить, не сможешь ли ты мне с одним делом. Очень важным.

– Конечно, помогу, Матильда, – он сел. – Я все для тебя готов делать.

Самая большая несправедливость в жизни Теодора – в том, что он оказался его отцом. Соня произнесла эти слова без единого сомнения в голосе. Сам он пытался найти аргументы против, которые рисовали бы другую картину, но в итоге был вынужден признать ее правоту. Что все

это – его вина, и после случившегося это уже ничем не загладить и не изменить.

Но у него оставалась Матильда. Их совместное будущее все-таки еще не определено.

– Ты была права, – сказала она, и он задумался, о чем это она. – Ты всегда была права. – Уж он-то прав точно никогда не был. – И теперь мне нужно знать, есть ли у вас контакт с моим братом? – продолжала она, и тут он все понял. – Его зовут Теодор, но, конечно, ты это уже знаешь.

Осознание было болезненным, но, тем не менее, совершенно логичным. Ясное дело, за помощью она обращалась не к нему, а к этому духу – Грете. Именно у нее она искала утешения.

– Я скучаю по нему, и мне нужно с ним поговорить. Понимаешь? – Ее голос звучал так, словно готов был сорваться. – Я знала, что ты окажешься права. Но это не может так закончиться. Нельзя, чтобы это просто закончилось. Ты должна помочь мне связаться с ним.

Она снова взялась за спиритическую доску. Доску, которая, веришь ты в нее или нет, ослепила его дочь и принесла тьму в их дом.

– Почему бы тебе не спросить, как у него дела? Если он в порядке. Я только это хочу знать. Что он в порядке. И скажи ему, что я его люблю. Пожалуйста, скажи.

Поборов давящее чувство во лбу, он встал и отодвинул занавеску. Там сидела она, его дочь и теперь единственный ребенок, в окружении зажженных греющих свечей, держа палец на двигавшейся по доске с буквами и цифрами стрелке.

– Матильда, – сказал он, сев напротив нее. – Может, лучше мы с тобой немного поговорим? Можем прогуляться, если хочешь. Сходим куда-нибудь, поедим. Только ты и я.

– Я бы предпочла, чтобы меня оставили в покое, – ответила она, не отнимая пальца от стрелки.

– А я бы предпочел, чтобы ты с этим завязала! – Он накрыл ее руку своей, чтобы она отпустила стрелку.

– Перестань! – Она отдернула руку. – Ты прерываешь контакт!

– Матильда, я понимаю, что ты горюешь. Мы все горюем, и мы все по-своему справляемся с горем, но...

– Грета, не обращай на него внимания, – перебила Матильда. – Он скоро уйдет.

– Матильда, послушай меня. Я понимаю, что тебе нужно с кем-то разговаривать.

– Нет, ничего ты не понимаешь. Так что, пожалуйста, просто уйди.

– Послушай! Почему ты не можешь поговорить со мной или мамой, а не с этими духами или как там они называются? Или еще с кем-нибудь из взрослых? Наверное, нам всем нужен психолог, чтобы с этим справиться.

– Ее зовут Грета, и я буду разговаривать с ней столько, сколько захочу. А сейчас я хочу, чтобы ты ушел. Наверх, ругаться с мамой, или что-то типа того. Это у тебя прекрасно получается.

Она хорошо знала его больные места. Как заставить его оправдываться и злиться, а потом впасть в ярость. Но в этот раз он не планировал попадаться в ловушку.

– Матильда. – Он наклонился к ней. – То, что Теодор совершил самоубийство, никак не связано с твоим воображаемым другом.

– Можешь называть ее как хочешь. Но она говорила, что кто-то в семье умрет. Она все время это говорила, но ты отказывался слушать. Хотя я много раз об этом рассказывала, так что...

– Так что что? – перебил он. – Что я по-твоему должен был с этой информацией делать? Расскажи. Что я должен был сделать по-другому?

– Все.

Хуже всего было то, как она это произнесла. Глядя ему в глаза, без тени сомнения.

– Матильда, я знаю, что совершил много ошибок. Особенно в отношении Теодора. И могу тебя заверить, что я каждый день думаю о том, что я мог сделать, чтобы все это предотвратить. Но это не значит, что я действительно мог что-то сделать.

– Тебе нужно было просто оставить его в покое.

– Ты хочешь сказать, что это его бы спасло? Что он был бы здесь, и с ним все было бы хорошо, если бы я просто плюнул на все?

– Он хотя бы был бы жив.

– Жив? Как думаешь, сколько? Кстати, это разве не значит, что твоя Грета ошиблась? Всезнающая Грета, которая всегда права.

– Она говорила, что кто-то в семье. Она не говорила кто.

– То есть ты хочешь сказать, что умер бы я? Ты это хочешь сказать?

Матильда продолжала молча смотреть ему в глаза.

– Что? – переспросил он, не получив ответа. – Это так работает? То есть на самом деле умереть должен был я, а Теодор случайно занял мое место?

Матильда не кивала и не качала головой. Она просто сидела, совершенно застыв, и смотрела на него.

– То есть он вместо меня? Так она сказала? Эта Грета. Что Теодор умер вместо меня? Или ты сама к этому пришла? – Он ждал ответа, но не получил никакого. – Матильда, отвечай, когда я с тобой разговариваю! Алло! – Он ударил кулаком по старой доске, и та раскололась на несколько частей. – Это я должен был умереть?

Матильда взглянула на сломанную доску, встала, повернулась к нему спиной и ушла.

Кадр за кадром Хеск продирался через пресс-конференцию, которую больше всего хотел бы забыть. Сидя на крышке унитаза, с ноутбуком на коленях, под агрессивные звуки пылесоса в руках Лоне снаружи, он, набравшись смелости, снова проживал свой публичный провал как долгое затяжное восхождение на Голгофу, где каждый кадр был как плевок из кричащей толпы. Смотреть это было больно, но, возможно, где-то там крылся ответ на вопрос, почему он потерял сознание.

Он не спал всю ночь. Визит Слейзнера и звонок Хейнесена о том, что номер мобильного телефона, с которым контактировал Могенс Клинге, в тот момент находился у него дома, лишили его покоя. Значило ли это, что третьим был Слейзнер? Тем, кто убил молодую женщину в машине, и, возможно, и Клинге? Тот факт, что его босс уж точно человек не хороший, не сильно его удивил. Что он издевался и давил на людей вокруг себя, чтобы возвыситься за счет них, и в то же время спокойно смотрел сквозь пальцы, пока это было выгодно ему, было хорошо известно большинству полицейских в Копенгагене. Но перейти от этого к лишению кого-то жизни – это нечто совсем другое. Даже в отношении такого человека как Слейзнер ему было трудно в такое поверить.

Тогда он попытался найти другие объяснения, например, что все это было неудачным стечением обстоятельств, что мобильные технологии сыграли с ними злую шутку, как раз когда Хеммер осуществлял триангуляцию. Но ему даже не удалось убедить самого себя, и в итоге пришлось признать, что эта деталь пазла встает слишком хорошо.

Сейчас он добрался до момента, когда в кадре он сам повернулся в сторону улыбающегося Слейзнера, вошедшего на сцену с бутылкой минеральной воды и двумя стаканами, которые он поставил на трибуну перед ними. Он щелкнул дальше и увидел, как Слейзнер наклонился к нему и что-то прошептал ему на ухо, держа руку у него на плече.

Со стороны это можно было расценить как дружелюбное приветствие двух коллег, но он все помнил. Помнил каждое слово. Как холодно они были произнесены, что совершенно выбило его из колеи. В тот момент он не мог думать больше ни о чем.

Сейчас же его заинтересовала вода. Бутылка с минеральной водой и два стакана. Он о чем-то догадывался еще раньше, но отбросил эти мысли как глупые. Или нет, на самом деле он не отважился их додумывать, поскольку последствия, если бы подозрения подтвердились, оказались бы непредсказуемыми.

Они такими и оставались. Разница была в том, что после визита Слейзнера уже нельзя было сделать вид, что ничего не знаешь.

Обычно вода и стаканы стояли на трибуне перед пресс-конференцией. Но не в тот раз. Вероятно, так случилось потому, что слишком мало кто в принципе знал о ее проведении и про питьевую воду забыли, а это поспособствовало тому, что принесенная Слейзнером вода казалась совершенно естественной и логичной.

В дверь ванной постучали.

– Эй, ты там заснул? – услышал он голос Лоне с другой стороны. – Нам тут тоже нужно.

– Я скоро! – крикнул в ответ.

– Скоро это когда?

– Пять минут максимум.

Он услышал, как она, вздохнув, снова включила пылесос. В это время он промотал видео дальше, где Слейзнер откручивал у бутылки крышку и наливал воду в оба стакана, сначала в его, а потом в свой, затем пил воду. Другими словами, отравили его не с помощью воды.

Могло ли это случиться раньше? Он прокрутил в голове часы перед пресс-конференцией. Где был и с кем встречался, не было ли еще моментов, когда ему приносили что-то поесть или попить, но ничего такого не припомнил.

За неимением других идей он начал отматывать видео назад, где кадр за кадром вода вытекала из стакана Слейзнера обратно в бутылку, и когда он полностью опустел, он поставил его обратно на трибуну и взял стакан Хеска, после чего вода оттуда тоже начала покидать стакан и затекать в бутылку.

И тогда его осенило, как, скорее всего, все произошло. В тот самый момент, когда Слейзнер поставил его стакан и снова взялся за

крышку, чтобы закрыть ею бутылку. В этом единственном кадре, где фокус был наведен на стакан. На стакан, который должен был быть пустым. Который должен был быть таким же абсолютно сухим, как и стакан Слейзнера. Но который таким точно не был.

Там, за трибуной, перед камерами, в жаре софитов, он слишком нервничал, чтобы обратить на это внимание. Тогда он концентрировался на том, как пережить пресс-конференцию, несмотря на все выходки Слейзнера.

Но сейчас он все отчетливо видел. На стоп-кадре четко просматривались прозрачные капли на внутренней стенке стакана и жидкость на дне. Там было немного, не больше того, что могло остаться на свежeweымытой посуде, но в то же время абсолютно достаточно, чтобы на многие часы усыпить взрослого мужчину.

Сон был двояким. Либо все, либо ничего. От единицы до нуля. Такой глубокий, что было неизвестно, сможет ли она снова подняться. Как будто тело входило в настолько экономный режим, что слишком сильный вдох способен был его выключить. Полностью.

Под отдаленное бормотание Фариды и Цяна внизу она наполнила легкие воздухом и попыталась вдохнуть глубже. У нее получалось, несмотря на боль после ударов в грудь. Затем она приподняла одеяло и посмотрела на все синяки, припухлости и раны.

Зрелище так себе. Но она все равно ощутила себя версией 2.0, наполненной энергией, и, удостоверившись, что ничего не сломано, с трудом вылезла из кровати, натянула на себя тренировочные штаны, футболку и спустилась по узкой деревянной лестнице.

– Опаньки, кто-то явно провел классную ночь! – проводил ее взглядом Цян.

– Давно так классно не было, – сказала она, пока, прихрамывая, подходила к ним.

– Ты в порядке? – спросил Фарид с дымящейся кружкой в руке.

– До этого мне далеко. Но сейчас забей. Как дела у вас?

Цян и Фарид переглянулись.

– Дуня, – Фарид отставил чашку в сторону. – Ты висишь на сайте полиции в разделе разыскиваемых.

Она вздохнула.

– Я знаю. Но сейчас я хочу услышать, нашли ли вы что-нибудь. Если я правильно помню, вы должны были еще раз просмотреть весь материал, пока меня не будет.

– Это мы тоже сделали, но тот факт, что ты находишься в федеральном розыске по подозрению в подготовке преступления против национальной безопасности, – это не шутки. Такое можно приравнять к терроризму, и нельзя просто сделать вид, что это ерунда.

– Что ты хочешь, чтобы я сделала? Сдалась добровольно?

– Ты сама решаешь. Дело в том, что я и Цян тоже упомянуты. К счастью, пока без имен, а просто как двое мужчин с...

– Фарид, я читала это, – перебила она. – Я же говорила, что он что-то задумал. Это оказалось совсем не то, что я ожидала, но, оглядываясь назад, не могу сказать, что я сильно удивлена. Типичный Слейзнер: из штанов выпрыгивает. Вопрос в том, как нам действовать дальше.

– То, что, как мне кажется, пытается сказать Фарид, – Цян сглотнул. – Вопрос скорее в том, стоит ли нам вообще двигаться дальше.

– Хорошо, просто чтобы я правильно вас поняла, – Дуня переводила взгляд с одного на другого. – Вы же шутите, да?

– Не слышу, чтобы кто-то смеялся, – сказал Фарид, повернувшись в сторону Цяна. – А ты?

– Нет.

– Если вы действительно думаете, что можете просто собрать вещи и уйти...

– Дуня, пока что он знает только то, что мы иностранного происхождения, – сказал Фарид. – Но это лишь вопрос времени...

– Это совсем не вопрос времени. Конечно, ему известно, кто вы. Иначе как бы он нашел наше старое помещение? Гарантирую, что он полностью осведомлен о том, что Цян – левша и грызет кутикулу всякий раз, когда взволнован. И о том, что ты ненавидишь ройбуш и всегда злишься, когда кто-то называет его чаем.

– Но ему нужна именно ты, – сказал Цян. – Не мы.

– Это правда, но если вы думаете, что он просто позволит вам смяться безнаказанно, когда покончит со мной, вы ошибаетесь. Вы не так уж далеко ниже меня в его списке ненависти и, следовательно, с очень маленьким запасом, так же сидите в дерьме, как и я.

Фарид и Цян снова переглянулись.

– Но я бы хотела все перевернуть, – продолжила она. – Чтобы в итоге в дерьме оказался он. Не мы. Посмотрите только на его последнюю сцену – на мой взгляд, у нас не может быть более явного доказательства, что он чувствует себя загнанным в угол и в опасности. Он в отчаянии, и просто, как я уже говорила вчера, пытается отвести от себя всеобщее внимание. И зачем это делать, если ему нечего скрывать? – она замолчала, чтобы дать им возможность возразить, но продолжила, когда никто не высказался. – Лучшее, что мы можем

сделать сейчас, это продолжать давить на него, пока он не совершит ошибку. А он ее совершит, я уверена, и тогда мы нанесем удар.

– Так что ты хочешь, чтобы мы сделали?

– Как насчет того, чтобы для начала рассказать о ваших находках?

– Мы уже рассказали.

– Так вы ничего не нашли? Несмотря на то, что просмотрели и снова проанализировали весь материал, вам не удалось обнаружить ничего, за что можно зацепиться?

– Не знаю, значительно ли это, но, возможно, у меня кое-что есть, – сказал Цян после продолжительного молчания.

– Да? Что? – Фарид повернулся к нему. – Почему ты ничего мне не сказал?

– Потому что подумал об этом сегодня ночью, перед тем как заснуть, и наверняка это ерунда. Но, как вы знаете, я составил карту перемещений Слейзнера, и там есть одно место, которому я не совсем могу найти хорошее объяснение.

– Какое? – спросила Дуня.

– Помните ту парковку на Остерброгаде?

– Ты про то место, где он обычно паркуется несколько ночей в неделю?

– Именно.

– Но полагаю, что у нас есть объяснение этому, – сказал Фарид. – Объяснение, которое живет через дорогу и носит имя Йенни Мокрая Киска Нильсен.

– Знаю, но... – Цян замолчал и покачал головой.

– Так ты думаешь, что ходит он не к ней? – спросила Дуня.

– Сегодня утром я проверил ее более тщательно, и вот так она выглядит сейчас. – Цян щелкнул на фотографию на одном из своих мониторов, где перед ними крупным планом предстала пергидрольная блондинка после многочисленной пластики. – Не знаю, как вам, но мне трудно поверить, что это то, что заставляет его приезжать туда несколько ночей в неделю.

Дуня стала разглядывать фотографию, и хоть и не видела предела, насколько низко может пасть Слейзнер, была готова согласиться.

– Так ты говоришь, что это просто совпадение, что его старая любимая шлюха живет именно там?

– Или есть другое объяснение. Она переехала туда из Вестербро в конце лета 2010 года, вскоре после того, как ее имя появилось в газетах вместе со Слейзнером, и с тех пор она не декларировала никаких доходов.

– Ну, она не первая проститутка, которая работает вчерную, – сказал Фарид, оживляя один из компьютеров.

– Где еще она могла взять деньги? – спросила Дуня.

– Я не удивлюсь, если она все-таки как-то связана со Слейзнером, – сказал Цян.

– Возможно ли, что недвижимостью владеет он?

– Почему бы и нет?

– Мне трудно представить, что он мог позволить себе недвижимость в центре города, – сказал Фарид, вводя несколько поисковых команд.

– В конце концов, даже если у него хорошая зарплата, он всего лишь обычная наемная сила.

Дуня подошла к доске, которая была заполнена фотографиями, сделанными издали, со Слейзнером в фокусе. На одной из них на заднем плане была видна высокая блондинка в кожаных штанах и больших солнцезащитных очках.

– А вот это не она? – она вытащила одну из фотографий, подошла и сравнила ее с женщиной на экране. – Да, смотрите, точно она, – она передала снимок Фариду. – Так что какой-то контакт у них все еще есть. Где это снято?

– Площадь Гуннара Нью Хансена. Это прямо над парковкой.

– Есть еще кое-что, – сказал Фарид. – По какой-то причине его мобильный остается на парковке каждый раз, когда он там, и я не понимаю, зачем ему по несколько часов раз в два дня торчать на парковке.

– Может, дело не в нашем GPS-передатчике у него на телефоне, который внизу попадает в зону радиомолчания? – уточнила Дуня.

– Да, он исчезает у нас с экранов, когда он едет вниз, и появляется только тогда, когда он поднимается назад, чтобы вернуться домой. Но не важно, направляется ли он к Йенни Нильсен или к кому-то еще, он должен подняться с парковки пешком, и тогда мы тут же должны снова поймать сигнал.

– Если только он не оставляет телефон в машине, чтобы его не беспокоили, как в тот раз, когда с ним пыталась связаться шведская полиция.

– Хорошо, послушайте вот это, – сказал Фарид. – С 1992 года здание находится в собственности компании венчурного капитала «Greener Grass Investment Limited».

– И кто за ней стоит? – спросила Дуня.

Фарид отвел глаза от экрана и повернулся к ним.

– Не кто иной как Якоб Санд.

– Это не он был тогда на ланче? – спросил Цян, а Фарид кивнул.

– Наконец-то, – сказала Дуня. – Это то, о чем я говорила все это время. Что известно о самом здании?

Фарид нажал на кнопку.

– Это угловое здание с выходом на Остерброгаде, 120. В нем двадцать шесть квартир, сдаваемых в аренду, они расположены на пяти этажах, а также два помещения на первом этаже, которые сданы компаниям «Сезам Лосе» и «Макдоналдс».

– Это все?

Фарид пролистал различные документы.

– Да, и еще там был произведен капитальный ремонт в 2005 году, когда та же венчурная фирма приобрела парковку на другой стороне Остерброгаде.

– Это та же парковка, где обычно паркуется Слейзнер?

– Похоже на то.

– Бум! Вот оно, – сказал Цян.

– Там вдобавок есть автомастерская. «Кронов Авто».

– А тот ремонт, – сказала Дуня. – Не видишь какие-нибудь схемы, где можно посмотреть, что они переделали?

Фарид кивнул и подошел к принтеру, который только что пробудился к жизни и распечатал несколько страниц, которые Фарид, в свою очередь, склеил скотчем по четыре страницы в два более крупных полотна.

– Вот старый, а вот этот был подан вместе с заявлением на разрешение на строительство.

Дуня положила два чертежа рядом друг с другом и сразу же увидела, что изменений было сделано немало. Объединены и перепланированы квартиры. Перестроена мансарда, а окна и двери

заменены. На самом деле, поменялось так много, что невозможно было судить о том, представляет ли что-то из этого для них интерес.

Прийти к каким-то выводам она смогла только тогда, когда наложила два чертежа друг на друга и поднесла их к свету.

– Нашла что-нибудь? – Фарид подошел к ней вместе с Цяном.

– Не знаю. Может быть, – она снова положила чертежи на пол рядом друг с другом. – Посмотрите, – она провела пальцем по плану подвала на одном из чертежей. – Видите? А теперь сравните это с другим.

Фарид и Цян более внимательно изучили две схемы.

– Но я не понимаю, – Цян повернулся к ней. – Подвал есть на старом чертеже.

– Вот именно, – кивнула Дуня. – Вот что странно. Посмотрите хотя бы на лифт, – она указала на шахту лифта. – До ремонта он доходил до самого низа. Теперь не спускается ниже первого этажа.

– Это, должно быть, стоило целое состояние, – покачал головой Фарид. – Не понимаю, кому вообще нужно что-то подобное?

Дуня тоже не понимала. У нее даже не было намека на теорию, зачем кому-то может понадобиться во время ремонта убрать целый подвальный этаж.

Хеск не знал, как вести себя в тишине, которая нависла, после того, как он рассказал о своих подозрениях насчет Слейзнера. В первую минуту она его не беспокоила. В случае если это окажется правдой, это будет скандал, масштаб которого превосходит все, с чем все они сталкивались за годы работы в органах, поэтому он расценил тишину как то, что Хейнесен, Хеммер и Берн сторфф, как и он сам, пребывали в шоке.

Но сейчас молчание растянулось еще на полторы минуты, и он начал подозревать, что ему просто никто не верит. Иначе зачем бы они сидели тут, на изношенном кожаном диване, ища, куда бы увести взгляд?

Или он сам должен нарушить молчание и пригласить всех к обсуждению, вместо того чтобы бесцельно разглядывать коллекцию атрибутики «Звездных войн»? В конце концов за расследование отвечает он.

И Бернсторфф, и Хеммер относительно недавно заступили на службу. Они оба не работали в непосредственной близости от Слейзнера и максимум слышали какие-нибудь слухи о нем. Для Хейнесена все было иначе. В его случае это было гораздо больше, чем слухи и знакомое лицо. Он был одним из тех, кто дольше всех проработал со Слейзнером, и, возможно, поэтому он сейчас просто сидел с каменным, отсутствующим выражением лица.

– Насколько ты уверен? – наконец спросил старый коллега, нарушив тишину.

– Настолько, насколько можно быть уверенным, не будучи полностью уверенным. – Именно так он это ощущал. В некоторой растерянности. – Пока это только подозрения, основанные на косвенных уликах. Но я бы сказал, что они настолько существенны, что у нас нет другого выбора, кроме как считать Слейзнера нашим главным подозреваемым.

– Хорошо, но теперь я правда должна кое-что сказать, – сказала Берн сторфф, повернувшись к нему. – Вы серьезно говорите, что мы должны наброситься на одну из крупнейших полицейских шишек из-

за некоторых косвенных улик, которые, если спросите меня, кажутся довольно неубедительными?

– Неубедительными? – усмехнулся он и покачал головой, что навело его на мысль, что он раздражен. – Как вы можете утверждать, что они неубедительны? – Но в целом раздражение его было объяснимо. Это она его атаковала. – Что, черт возьми, вы хотите сказать?

– Думаю, она имеет в виду, что этого недостаточно, чтобы мы предпринимали какие-то действия, – сказал Хеммер.

– А я думаю, что Юли сама способна ответить на вопрос, – сказал он и обратился к Хейнесену. – Или что скажешь, Мортен? Ты тоже считаешь, что косвенные улики слишком неубедительны, чтобы объявлять Слейзнера главным подозреваемым?

– Ну... – Хейнесен заерзал и сглотнул, несмотря на то, что он ничего не ел и не пил. – Не знаю. Это ведь...

– Что значит «не знаю»? Ну, брось, Мортен, – что блин с ними со всеми сегодня? – Неужели они не понимают, что это серьезно? – Признайся, тебе он тоже никогда не нравился, и, как и я, ты что-то чувствовал. Согласен?

– Ну, Слейзнер всегда был Слейзнером, но...

– Мортен, естественно, мы удивлены. Но если по правде – так ли уж сильно мы удивлены?

Хейнесен, казалось, не знал, что сказать.

– В этом-то и проблема, – сказала Бернсторфф. – Откуда нам знать, что все это не просто потому, что он вам не нравится?

– Вот я именно о том же подумал, – сказал Хеммер. – Я здесь меньше недели, но уже чувствую, как вокруг внушают, что более-менее все, кто проработал тут несколько лет, его ненавидят.

– Никто не призывает никого ненавидеть, – сказал Хеск, изо всех сил пытаясь подавить раздражение. – Но да, это правда, что он не самый любимый босс в Управлении, и не буду скрывать тот факт, что за годы у нас с ним тоже бывали разногласия. Но уж личная вендетта с моей стороны – это абсурд. Напротив, я бы больше всего хотел, чтобы это оказался кто-то другой.

Он наклонился вперед в кресле и посмотрел Бернсторфф в глаза.

– Если быть предельно честным, не могу представить себе ситуацию хуже, чем в которой мы сейчас находимся, и если бы не тот

факт, что вы здесь недавно и не знаете ни меня, ни Слейзнера, я бы расценил ваши возражения как личную атаку.

Он поднял свою кружку кофе, но рука так сильно дрожала, что кофе вылился за края, несмотря на то, что он помогал себе другой рукой.

– Черт возьми...

– Ничего страшного. – Хейнесен быстро поднялся на ноги и поспешил прочь. – Я принесу тряпку.

– Извини, я не сомкнул глаз прошлой ночью, – сказал он, пока Хейнесен вытирал кресло и пол под ним.

– Но, может быть, это как раз то, о чем вам стоит позаботиться, прежде чем принимать решение, как нам действовать дальше, – заметила Берн сторфф.

– И что, черт возьми, вы этим хотите сказать? – Он отставил чашку слишком поспешным движением, так что кофе пролился и на стол. На этот раз он не видел причин скрывать раздражение. Оно было полностью оправданно, и нисколько не утихло от того, что Хейнесен сразу же вернулся со своей чертовой тряпкой. – Вы хотите сказать, что я слишком устал, чтобы ясно мыслить? Что я не понимаю, о чем говорю?

– Я лишь хочу сказать, что решение объявить собственного босса главным подозреваемым – это не то решение, которое принимается в одночасье. Особенно учитывая то, как вы себя сейчас чувствуете.

– Но дело ведь, черт побери, не в том, как я себя чувствую или как хорошо я отдохнул. Речь идет о том, что большинство вещей указывают на Слейзнера. Столько всего, я бы сказал, что его причастность очевидна. Что думаешь, Мортен? – Он обратился к возвращавшемуся с кухни Хейнесену. – Поможешь мне немного?

– Предлагаю начать с того, чтобы перечислить все факты, которые мы знаем наверняка, – сказал Хейнесен.

– Хорошо, – кивнула Бернсторфф. – Звучит как хорошая идея.

– Мне казалось, что самое важное я уже сказал. Ну ладно. Могу повторить еще раз, – сказал Хеск, выпрямляя спину. – С 16 апреля этого года и вплоть до момента незадолго до смерти Могенс Клинге был в контакте со Слейзнером с помощью старого мобильного телефона «Эрикссон». Так он среди прочего узнал, что его куда-то избрали. Предполагаю, что это что-то вроде мужского клуба. Затем он получает

информацию о церемонии открытия, которая состоится вечером 28 июля, что хорошо совпадает со временем его смерти. Он также узнает, что должен надеть смокинг, белую рубашку и галстук-бабочку, и что его заберут в определенном месте в полвосьмого того же вечера. Я записал эти координаты. Торбен, можете проверить, где это, – он передал бумажку с данными Хеммеру.

– А как мы можем знать наверняка, что это именно Слейзнер, а не кто-то другой носит чужой мобильный? – спросила Берн сторфф.

– Так, что Торбен установил его местоположение у меня дома, как раз в то же время, когда Слейзнер стучал ко мне в дверь.

– Но так ли это точно? – Берн сторфф повернулась к Хеммеру.

– Нет, я бы сказал, с точностью до десяти-двадцати метров, – пожал плечами Хеммер.

– Десять-двадцать метров? Это фактически означает, что мобильный телефон с таким же успехом мог находиться у кого-то из ваших соседей, или почему бы не в припаркованной поблизости машине?

Хеск взглянул на одобрительно кивающего Хеммера, который тем временем набирал на компьютере цифры с бумажки.

– Это так, но тогда мы говорим совсем уж о невероятном совпадении. Ну, допустим, могло быть и так.

– Вы пробовали сейчас определить местоположение? – спросил Хейнесен.

– Да, прямо перед собранием, но тогда он был отключен, – ответил Хеммер.

– Я буду проверять его время от времени, но не думаю, что нам стоит ожидать, что он снова оживет.

– Посмотрим, – сказал Хеск. – Давайте лучше продолжим брифинг. Просто есть еще кое-что, и причина, по которой я не говорил вам об этом до сих пор, – потому что я сам пришел к этому только час назад, и, вероятно, все еще нахожусь в некотором шоке.

– Ян, что случилось? – Хейнесен обеспокоенно на него посмотрел.

– Есть много оснований полагать, что именно Слейзнер организовал мое отравление на пресс-конференции.

– Ты серьезно?

– Почему бы мне не быть серьезным?

Это он принес мне воду, и именно он позже нашел меня в конференц-зале. Более того, как раз в тот момент, когда я собирался вот-вот очнуться.

– И вы все еще убеждены, что вас отравили? – спросила Берн сторфф. – Имею в виду, не могло ли это быть просто внезапное падение кровяного давления или что-то в этом роде?

– Я был в отключке больше двух часов, так что нет, я так не думаю, – он покачал головой. – Юли, я прекрасно понимаю, что все это может показаться ошеломляющим. Я и сам в таком же состоянии. Но я просмотрел запись пресс-конференции, и там четко видно, что в моем стакане было что-то, с чем его принес Слейзнер, прежде чем налил туда воду. Также мы имеем дело с двумя мужчинами, которые следили и не спускали с нас глаз с тех пор, как мы выловили машину. Они сделали дубликаты моих ключей, залезли ко мне в дом и обыскали его, изъяли большую часть наших улик и пробрались в дом Клинге в поисках мобильного. Все это доподлинно нам известно. И как будто этого не достаточно, Слейзнер приходит ко мне домой вчера вечером и допытывается, остались ли у нас какие-нибудь улики или мы все потеряли. Он даже дал мне ключ от сейфа в своем офисе на случай, если нам понадобится по-настоящему безопасное место, откуда ничего не пропадет. Все это говорит о том, что им отчаянно нужен тот мобильник.

– И где он сейчас? – спросил Хейнесен.

– У меня дома. Я решил, что так будет безопаснее, ведь они только что там были и все обыскивали. Но как только мы закончим, думаю, вам стоит тщательно его изучить, Торбен. Наверняка я что-то упустил.

Хеммер кивнул, не отрывая глаз от экрана.

– Кстати, вы выяснили, где Слейзнера должны были забрать?

– Да, на станции Остерпорт, прямо у здания вокзала.

– И это нам не дает практически ничего, – сказала Берн сторфф. – И не хотелось бы этого говорить, но я все еще не понимаю, зачем Слейзнеру было вас травить, нанимать кучу людей, которые будут следить за нами и изымать технические доказательства. Ему было бы гораздо проще просто вести расследование самому, чтобы все плясали под его дудку. Тогда бы он имел полный контроль.

– Это было бы слишком прямолинейно, – сказал Хеск. – Даже для такого человека, как Слейзнер. Что скажешь, Мортен?

– Я?

– Да, ты. В конце концов, ты единственный из нас, кто знает Слейзнера лучше всех.

– Вообще-то, я склонен согласиться, – сказал Хейнесен, и кивнул.

– Спасибо, – сказал он и снова повернулся к Бернсторфф.

– Ну, я имею в виду, с Юли, – уточнил Хейнесен. – Также я считаю, что сценарий, который ты рисуешь, звучит слишком искусственно и, я бы сказал, конспирологически.

– Вот как, значит, ты считаешь, – Хеск не мог сдержать глубокий вздох. И не мог не покачать головой. – Все понятно. Судя по всему, ему стоило повесить тебя, а не меня.

– Ян, прекрати. Это совсем не то, что...

– Нет, я правда так считаю. Весь смысл того, что он дал мне более приличный кабинет, был в том, что, как он полагал, я позволю себе быть ведомым. Тогда я этого не понимал, но сейчас понимаю. И в этом конкретном деле он был убежден, что я выберу самое очевидное и простое решение. То есть Могенс Клинге случайно задушил женщину, а затем покончил с собой. В таком случае все было бы тихо и быстро забылось. Но когда он понял, что я не пошел по этому пути, на что его, должно быть, навела пресс-конференция, у него не было другого выбора, как начать действовать быстро и попытаться вернуть контроль, – он пожал плечами. – Так что сейчас, задним числом, это кажется совершенно очевидным.

– Нет, Ян. Совсем нет, – покачал головой Хейнесен. – Я бы скорее сказал, что это совсем не очевидно. Также такие действия указывают на то, что на кону стоят гораздо более серьезные вещи. Что-то большее, чем то, что они просто оказались членами одного мужского клуба.

– Хочешь сказать, например, убийство или даже два?

– Да, например, и на данный момент у нас нет никаких доказательств, косвенных улик или чего-то еще, что указывает на то, что именно Слейзнер стоял за убийством женщины или Клинге.

– Кстати говоря, мы получили ответ по анализу ДНК кожи под ногтями женщины, – сказал Хеммер. – Он пришел несколько часов назад.

– И ты не нашел совпадений в реестре преступников? – спросила Бернсторфф.

– Компьютер в лаборатории сейчас это обрабатывает. Дай-ка зайду и посмотрю, не нашел ли он чего.

– Ну, если это Слейзнер, то совпадений не будет, – сказал Хейнесен и рассмеялся.

– Да, однако не удивлюсь, если он совпадет с образцами вот здесь. – Хеск открыл портфель и достал прозрачный пакет для улики, в котором находилась опустошенная пивная бутылка. – Он выпил его вчера у меня дома, так что отсюда должно быть можно много собрать.

– Не уверен, что это понадобится, – Хеммер поднял глаза от ноутбука.

– Что, есть совпадение? – Хеск не знал, что и думать.

Слейзнер никак не мог быть в полицейском реестре ДНК осужденных и подозреваемых. Или мог? Он бы не удивился, если бы Слейзнер совершил что-то, о чем никто из них не знал. Но осужденным за это он быть не мог, и вряд ли подозреваемым. В этом случае они бы об этом знали. Единственное объяснение, что он был там по какой-то совершенно другой причине.

– Можно взглянуть? – спросил он, беря ноутбук, и действительно, анализ ДНК дал совпадение в реестре. Но не со Слейзнером, а с одним из самых известных предпринимателей Дании: Якобом Сандом.

Хеск был обескуражен.

Совершенно.

Несколько расположенных стратегически деревьев, высокое деревянное ограждение, служащее прикрытием для мусорных контейнеров, а также густая живая изгородь вокруг самой подъездной дороги к подземной парковке вместе образовывали настолько эффективный камуфляж, что ее было почти невозможно обнаружить. И это несмотря на то, что подъездная дорога находилась посреди площади Гуннара Нью Хансена – площади в центре Остербро, забитой кафе и прогуливающимися пешеходами.

Так что никто не заметил фургон ничем не выделяющегося грязно-серого цвета с проступавшими тут и там пятнами ржавчины, который съехал вниз по бетонному пандусу и скрылся на парковке.

За задернутыми шторами, отделяющими водителя от остальной части фургона, сидела Дуня и смотрела на маленькие мониторы, подключенные к отдельным беспроводным камерам. Четыре из них были установлены на внешней стороне самого фургона, по одной в каждом направлении, скрытые под антикоррозийной краской. Еще четыре были помещены на кепки Фариды и Цяна, спереди и сзади, а последние четыре еще ожидали своей очереди.

– Поверни налево, – сказала она по гарнитуре в групповом разговоре между тремя только что приобретенными мобильными абонентами.

Фарид повернул за автомастерскую и медленно поехал дальше по парковке мимо припаркованных с обеих сторон машин.

Судя по тому, что она видела на экранах, парковка имела форму большого круга с автомастерской «Кронов Авто» прямо по ходу движения, если смотреть со стороны подъездной ramпы, а парковочные места располагались в два ряда по периметру.

– *Впереди справа есть свободное место,* – Цян наклонился вперед на пассажирском сиденье так, чтобы она могла видеть место на одном из экранов. – *Не будем туда вставать?*

– Нет, двигайтесь вперед. Я хочу сначала увидеть парковку целиком.

Когда они проехали полный круг, она убедилась, что выглядело это все как обычная подземная парковка с арендованными и общедоступными местами вперемешку. Даже автомастерская, где над открытыми капотами склонились мужчины в синих комбинезонах, ничем не привлекла ее внимание.

Если бы не небольшая погрузочная платформа с парой мусорных баков в ряд вдоль стены, она, вероятно, отправила бы Фарида домой. Но вместо этого она попросила его сдать назад и припарковаться на одном из свободных мест.

Зачем на парковке нужна погрузочная платформа? Насколько ей известно, наверху нет ни продуктового магазина, ни чего-либо еще, где была бы нужда в тяжелых грузах на поддонах.

– Хочу, чтобы вы начали с мусорных баков на погрузочной платформе, – сказала она, как только Фарид заглушил двигатель.

– *Проверь их, а я установлю камеры,* – сказал Цян, после чего они покинули фургон.

В то время как Цян обошел вокруг и установил последние четыре камеры, Фарид поднялся по стальной лестнице на погрузочную платформу и открыл первый из трех баков.

– Слишком темно. Включи фонарик, я тоже хочу посмотреть.

– *Здесь нечего смотреть. Там пусто,* – сказал Фарид, посветив фонариком вниз в бак, который и правда был пуст.

– Хорошо, посмотри следующий.

Фарид открыл стоящий рядом бак, который тоже был пуст.

– *Здесь тоже ничего интересного. Может, их только что опустошили.*

– Да, но все равно посмотри следующий, – сказала она за недостатком других идей. – На всякий случай.

Фарид открыл и посветил в последний бак, где действительно что-то лежало.

– Видишь, что это? – спросила она.

– *Похоже на одежду, поношенную и грязную.*

– Какую одежду?

– *Не знаю. Всякое разное. Пара брюк, юбка, несколько свитеров, трусы и носки.*

Выброшенная одежда могла означать практически все, что угодно. Но в сочетании с тем, что именно здесь Слейзнер имел привычку

парковать машину каждую вторую ночь, картины, которые она видела перед собой были далеки от приятных. В то же время они заряжали ее энергией. Это был первый признак того, что это все-таки не простой паркинг.

– *Хочешь, посмотрю, есть ли под ними еще что-нибудь?*

– Нет, этого достаточно, – сказала она и увеличила изображение с камеры, установленной на задней части кепки Фариды. – Мне мерещится, или за тобой есть дверь?

Фарид закрыл мусорный бак, повернулся и подошел к металлической двери.

– Она заперта?

– *Да*, – сказал Фарид, в то время как его рука, дергавшая за ручку, показалась в нижней части экрана.

– Цян, возьми оборудование для вскрытия замков и помоги ему. Нам нужно попасть внутрь и посмотреть, что находится с другой стороны.

– *Хорошо*, – ответил Цян, только что закрепив последнюю камеру и направив ее на погрузочную платформу. Вскоре после этого он достал из фургона один из рюкзаков и присоединился к Фариду на платформе, и, достав пистолет-отмычку, прикрепил нужный штифт и вставил его в семиточечный замок. Вскоре он смог повернуть замок и открыть дверь.

– *О'кей, заходим*, – сказал Фарид, после чего четыре экрана, передающие картинку с их камер, потемнели.

Но датчик движения пробудил к жизни ряд флуоресцентных ламп, мерцавших в том, что оказалось длинным подземным ходом.

По мониторам было сложно оценить его длину, но она прикидывала что-то между сорока-пятьюдесятью метрами, что довольно хорошо соответствовало расстоянию между паркингом и зданием на другой стороне улицы. Значит, отсюда они попадали в свой секретный подвальчик.

Примерно через пять или шесть метров от входа они подошли к еще одной металлической двери по левую сторону. Но в ней отсутствовали замочные скважины. Вместо этого на стене рядом располагалась панель с кнопками.

– *Что скажете? Попробовать?* – спросил Цян. – *У меня есть все необходимое.*

– Нет, подождите пока и продолжайте двигаться дальше.

– *Точно? На самом деле я доработал программное обеспечение и добавил функций. Например, я добавил возможность тестирования различных комбинации в случайном порядке. Умно, не правда ли?*

– *Суперумно. Пойдем,* – услышала она Фарид, который уже направлялся в другой конец прохода, где была еще одна дверь с кодовым замком того же типа, что и предыдущая.

– Сможешь открыть, Цян?

– *Посмотрим,* – Цян уже достал отвертку и начал откручивать винты, после чего поднял защитную крышку клавиатуры и зажимами «крокодил» подсоединил ряд кабелей к печатной плате. Наконец он подключил кабели к своему ноутбуку и запустил программу, которая начала тестировать различные комбинации цифр.

– Сколько времени это займет? – спросила она, глядя на монитор, где цифры менялись так быстро, что сливались в мерцающие восьмерки.

– *Зависит от обстоятельств. Как я уже сказал, если бы кто-то меня слушал, программа проверяет комбинации в случайном порядке, чтобы нам не пришлось ждать сто лет, если код окажется 9999.*

– Сколько? Это все, что я хочу знать.

– *Боже, ты хуже, чем беременная слониха в....*

– *Ориентируйся на час,* – перебил Фарид.

– Час?

– *Ну, я бы сказал, что вероятнее минут сорок пять, пятьдесят,* – сказал Цян. – *Если не повезет, может потребоваться до девяноста, из расчета, что система успевает перебрать сто одиннадцать комбинаций в минуту. Сколько, ты думала, это займет?*

– Несколько минут. Максимум.

Она услышала смех Фариды с Цяном.

– *Она смотрела слишком много фильмов,* – сказал Фарид. – *Тебе повезло, что код не шестизначный. Тогда это могло бы занять до нескольких...* – Цян внезапно замолчал.

– Алло? – включилась Дуня. – Что случилось?

– *Благодаря моей новой программе похоже, что ты оказалась права.*

– Что, уже готово?

– 7895, если верить технике. – Цян поместил защитную крышку обратно, собрал свое оборудование и ввел четырехзначный код, после чего дверь с щелчком открылась. – *Вуаля!*

Преодолев тяжелую портьеру, они оказались в комнате с круглым пурпурным плюшевым диваном посередине, с приглушенным освещением, ковролином на полу и темными узорчатыми обоями.

– Сколько еще дверей, помимо той, в которую вы вошли? – сказала она.

– *Две, насколько я вижу,* – сказал Фарид, и на одном из мониторов появилось изображение, как он открывает одну из них и заходит в комнату, где лампы светили совсем неярко, но их тусклого красного свечения хватало, чтобы не осталось сомнений в том, что это за комната.

В центре стоял высеченный из камня стол, окруженный четырьмя постаментами с канделябрами для двенадцати свечей. В отдалении, на одной из стен висели цепи с кандалами для рук и ног, толстые веревки и коллекция кнутов, снабженных всем – от маленьких железных шариков до шипов.

Молчание Фариды и Цяна говорило само за себя. Они наконец осознали, что ее подозрения в отношении Слейзнера были не просто идеей фикс.

Мониторы Цяна показали, как он подошел к деревянному шкафу, набитому всем, от повязок на глаза, кожаных шлемов и кляпов до зажимов, проводов и стоматологических боров. В одном выдвигающемся ящике лежали ножи и скальпели. В другом – пипетки и коричневые стеклянные бутылочки с соляной и серной кислотой.

На соседнем мониторе появился заезжающий на парковку белый внедорожник с тонированными окнами.

– Слушайте, – сказала она, следя глазами за машиной, когда та повернула налево точно так же, как сделали и они сами. – Думаю, вам нужно уходить оттуда сейчас же.

– *Что?* – раздался голос Фариды. – *Почему?*

– Просто уходите. Прямо сейчас.

– *Почему? Что случилось?* – спросил Цян, пока они поспешно выходили обратно в темный холл, мимо плюшевого дивана и дальше в подземный ход.

– Вы, вероятно, активировали какую-то сигнализацию или что-то в этом роде. В общем, они направляются сюда, так что, пожалуйста, поторопитесь.

На самом деле в машине на парковке не было ничего странного, даже с тонированными стеклами. Но эта ехала по периметру парковки так быстро, что скрипели шины.

Фарид и Цян вышли на погрузочную площадку, в тот же момент, как машина проехала мимо фургона, отразившись в зеркале заднего вида.

– Они скоро будут на месте, – сказала она, наблюдая, как Цян с Фаридом спешат к фургону. – Нет, вы не успеете вернуться.

– *Куда, черт возьми, нам деваться?* – спросил Цян. – *Мы не можем просто...*

– Спрячьтесь где-нибудь там, – перебила она. – Где угодно, но сделайте это прямо сейчас.

Они бросились за припаркованные автомобили, как раз в ту секунду, как белая машина остановилась перед погрузочной платформой. Две двери машины открылись так, как будто были синхронизированы друг с другом, и двое мужчин в костюмах и с гарнитурами поспешили наверх по стальной лестнице на платформу.

Дуня приблизила изображение, настроила резкость и сделала несколько скриншотов лиц мужчин, перед тем как один из них зашел внутрь через металлическую дверь, а другой остался стоять и наблюдать.

– *Они свалили?* – услышала она Цяна, который, насколько она могла видеть, лежал на животе, забившись под машину. – *Я не могу...*

– Цян, вот сейчас тот самый момент, когда тебе нужно помолчать, – перебила она. – Один из них стоит и наблюдает, всего в нескольких метрах от вас.

Мужчина повернулся и пригляделся, затем засунул руку под пиджак и достал пистолет.

– К тому же он вооружен и сейчас двигается в сторону мусорных баков.

На мониторе она видела, как мужчина открывает и заглядывает в три бака по очереди. Затем он повернулся к стальной лестнице и спустился к машине, сканируя парковку глазами.

– Он близко, – продолжала она. – Стоит прямо у платформы.

Внезапно мужчина повернулся и посмотрел прямо на нее так пристально, что ей пришлось напомнить себе, что это она его видит, а не наоборот. Но когда он двинулся в направлении фургона, она почувствовала все большую неуверенность в том, как все было на самом деле.

Он что-то увидел или отреагировал на ее голос? Как хорошо звук на самом деле просачивался через корпус фургона?

Мужчина подошел к фургону, где огляделся по сторонам, как будто что-то искал, пока не наклонился к глазку камеры, так близко, что его лицо с выпученными глазами заполнило такую большую часть монитора, что она отпрянула.

Затем он отступил на несколько шагов и переключился на кабину, и в одну из камер, которую Цян разместил на стене напротив, она видела, как он подошел и заглянул в боковое стекло. Она попыталась припомнить, что Фарид и Цян оставили в кабине и что там теперь лежит на всеобщем обозрении, на что это, в свою очередь, могло навести мужчину, который внезапно дернул за пассажирскую дверь, так что закачался весь фургон.

По крайней мере, запереть двери они не забыли. Мужчина подошел к двери со стороны водителя, и на этот раз так сильно дернул, что ее наполовину полная кружка с кофе соскользнула с рабочего столика и упала.

Она действовала совершенно инстинктивно: отодвинула стул, наклонилась и поймала чашку в сантиметрах от того, как та бы ударилась об пол и разлетелась на кусочки. Если бы она успела все продумать, то дала бы кружке разбиться о металлический пол. В конце концов этот звук вполне естественен, когда кто-то раскачивает фургон, чего нельзя сказать о скребущем звуке ножек стула, напоминающем агрессивного родственника Чубакки.

Звук этот подтолкнул мужчину отпустить водительскую дверь и пойти назад вдоль машины, и тут ее осенило.

Задние двери.

Несмотря на смазку и масло, тот замок упорно не хотел работать вместе с центральным, поэтому она, насколько возможно быстро и бесшумно, перебралась туда и нажала на красную кнопку блокировки ручную.

Мужчина снаружи начал дергать дверь. Не один раз, но снова и снова, как будто решил, что теперь победителем должен выйти он. Она сопротивлялась изо всех сил, но если он продолжит, то двери скоро поддадутся. Поэтому она приготовилась к тому, чтобы застать его врасплох, внезапно со всей силы толкнув дверь и обезвредить его за пределами фургона.

Но до этого дело не дошло, так как кто-то начал сигналить и кричать в глубине парковки, заставив мужчину отпустить дверь и направиться к машине, которой мешал проехать их внедорожник.

– О'кей, слушайте меня, – тихо сказала она в гарнитуру. – Он сейчас направляется обратно к своей машине, то есть в вашу сторону. Так что, по моему сигналу, убирайтесь оттуда. Не в мою сторону, потому что тогда вы наткнетесь прямо на него, а в противоположную сторону и по кругу, – она ждала, пока мужчина откроет водительскую дверь и сядет за руль. – О'кей, сейчас.

Фарид и Цян выползли из своих укрытий и продолжили двигаться, нагибаясь, под прикрытием припаркованных машин, вперед мимо автомастерской. Чем дальше они продвигались, тем сильнее могли выпрямиться и, следовательно, двигаться быстрее.

Если бы не красный «Ситроен», который, как пинбол-автомат с чувствительными лопатками, ожил и начал сигналить и мигать, когда Цян протиснулся между его передней частью и стеной.

Мужчина быстро вышел из машины.

– Эй! Эй, ты! – крикнул он по-английски и побежал к Цяну.

– *Он увидел меня. Что мне делать?* – спросил Цян, спеша дальше. – *Ради всего святого, скажи что-нибудь. Что мне блин делать?*

– Автомастерская, – сказала она, не представляя, хорошая ли это идея. – Может быть, сможешь там где-нибудь спрятаться. Если нет, то, по крайней мере, там будут свидетели, которые помешают ему что-нибудь сделать.

– О'кей, – Цян развернулся и побежал в противоположном направлении, обратно к автосервису, пробрался внутрь и поспешил вперед между автомобилями со снятыми колесами, одновременно оглядываясь вокруг в поисках места, куда бы он мог направиться. Он двигался так резко, что на мониторах трудно было что-либо разобрать, пока он не оказался в некоем помещении с прилавком в дальнем конце

и стоящими в ряд у стены стульями для посетителей рядом с кулером с питьевой водой. Больше разглядеть она не успела, когда голос заставил Цяна обернуться.

– *Чем могу помочь?* – пожилой автомеханик в синем комбинезоне с непослушными седыми волосами вышел из мастерской и прошел мимо Цяна, заходя за прилавок.

– *Моей машине нужен кое-какой ремонт.*

– *Да, тут обычно подобным занимаются,* – механик рассмеялся, закашлялся и начал листать календарь. – *Какая у вас машина?*

– *Мм... «Фольксваген».*

– *У «Фольксвагена» много моделей.*

– О'кей, сохраняй спокойствие, но просто чтобы ты знал, он заходит в зал ожидания, – сказала Дуня, не сводя глаз с монитора с картинкой от прикрепленной сзади камеры Цяна, на которой мужчина в костюме заходил в помещение мастерской.

– Просто продолжай разговаривать, как ни в чем не бывало, и главное не оборачивайся.

– *Это «Гольф»,* – продолжал Цян. – *Модель то есть. «Гольф» 2005 года. Иногда двигатель просто дохнет без причины.*

– *Дохнет,* – механик кивнул. – *Да, такое случается. Иногда, когда меньше всего этого ждешь,* – с кривой улыбкой он наклонился и исчез за прилавком.

Дуня ничего не понимала, пока не увидела на мониторе, как человек в костюме остановился в нескольких метрах от Цяна и достал пистолет.

– *Ложись!* – вскрикнула она. – *У него пистолет!*

Цян бросился вниз за мгновение до выстрела, и, не зная, ранен он или нет, Дуня продолжала давать указания.

– *А затем сбивай его с ног. Не жди, чтобы он успел перегруппироваться и снова прицелиться. Просто вертись и бей, как можно сильнее.*

Она видела только грязный линолеум, несколько стульев для посетителей у стены и ноги человека – Мишлен. Мужчину она не видела. Однако она его слышала, как он застонал, рухнул на пол и отпустил пистолет, который попал в кадр.

Рука Цяна схватила пистолет, после чего он встал и повернулся к выходу.

– Не туда. Это не вариант, – сказала она, в то время как на мониторе появился второй мужчина, который промчался мимо камеры у въезда и направился дальше в мастерскую с пистолетом наготове. – Их двое. У тебя не будет шансов. Выйди в дверь за тобой. За прилавком.

Цян повернулся и поспешил обратно.

– *А ты лежи здесь*, – сказал Цян, направляя пистолет на мужчину на полу, в то время как сам огибал прилавок, и тут картинка снова стала фрагментарной, когда он переводил взгляд с мужчины на механика, который так и сидел на корточках за прилавком.

– *И ты тоже. Не вставай!* – сказал он механику, пока продвигался к двери в офис. После нескольких резких движений на экране фронтальная камера показала, как мужчина в костюме поднимается с пола. – *Лежать, я сказал*, – крикнул Цян, пятась в сторону офиса.

Но тут картинка вдруг остановилась, как будто его ноги в чем-то застряли, и когда он посмотрел вниз, она увидела, как механик держит его за ногу. Реакция Цяна была мгновенной, и хотя изображение на экране лагало, она могла разглядеть, как он ударил пистолетом механика по голове.

Затем он закрыл и запер дверь, после чего повернулся в сторону того, что походило на захламленный офис с двумя заваленными столами и рядами полок, прогнувшихся под тяжестью разных папок.

Судя по его поверхностному дыханию и картинке на двух мониторах, где движения были настолько быстрыми и отрывистыми, что разглядеть можно было только размытые цветные пятна коричневого и бежевого оттенков, Цян запаниковал.

– *И что теперь? Что блин мне теперь делать?* – крикнул он. – *Это ты сказала мне идти сюда, так скажи мне, что, черт возьми, делать!*

– Постарайся двигаться медленнее, чтобы я смогла увидеть, где ты находишься.

– *Успокойся? Тебе легко говорить, сидя там и...*

– Цян, – перебила она. – Твой самый большой враг сейчас – это паника. Уверяю, это гораздо хуже, чем товарищи снаружи. Они знают, что у тебя пистолет, и ты им воспользуешься без колебаний.

– *Но ведь не без. Я никогда ни в кого не стрелял, и...* – в дверь начали барабанить и дергать ее. – *Видишь, они скоро будут здесь. Что черт возьми, мне делать? Что? Я не могу просто...*

– Цян, черт возьми! Теперь послушай меня. Они собирались застрелить тебя в спину. Но ты бросился на пол, сбил его с ног и забрал у него пистолет. Этого достаточно, чтобы они тебя заужавали. Так что уж давай-ка возьми себя в руки.

– *О'кей*, – ответил он, и по движению камеры она заметила, как он кивнул, и одновременно с тем услышала, как он старается делать глубокие вдохи, в то время как натиск на дверь в паре метров от него усиливался.

По крайней мере, его движения стали достаточно спокойными, чтобы она могла составить представление о комнате, в которой он находился. Например, шкаф для бумаг в дальнем углу или изображение королевы Маргреты в окружении плакатов с накачанными грудями и загорелыми промежностями.

– Можешь подойти туда и посмотреть, что это такое? – спросила она, заметив, что один из плакатов почему-то отходит от стены.

– *Что именно?*

– *Что-то по диагонали под девушкой с раздвинутыми ногами.*

– *Какая из них?*

– *Та, что на батуте.*

Цян подошел к плакату, когда вдруг раздался выстрел.

– *Черт!* – воскликнул он, взглянув на дверь, которая с простреленным замком вот-вот должна была поддаться.

– *Стреляй*, – сказала она. – *Стреляй в дверь!*

Цян сделал два быстрых выстрела, после чего натиск на дверь прекратился.

– Хорошо. Теперь у нас есть преимущество, – времени размышлять о том, ранен ли кто-то по другую сторону, не было. – Теперь подойди к стене и проверь, что находится под тем плакатом.

– *Но мне нужно караулить дверь, чтобы они не смогли войти. Стоит им это сделать, и все будет кончено.*

– Цян, просто делай, что я говорю, – она не могла объяснить почему, но тут должна быть связь с первой дверью, на которую они наткнулись в подземном ходе.

На мониторе было видно, как Цян с пистолетом в руке отступил назад от двери к стене с плакатами. Оказавшись там, не спуская глаз с двери, он сорвал плакат с женщиной на батуте, и через его заднюю камеру она видела, что если им повезет, то это может оказаться именно тем, что им нужно, но на что они не надеялись даже в своих самых смелых фантазиях.

– Повернись, – сказала она, но не получила никакой реакции. – Цян! Очнись!

Цян наконец повернулся к кнопочной панели на стене.

– *Что это за хрень?* – спросил он.

– Забей и просто вводи код.

– *Но? Здесь ведь никого...*

– Ну же, чего ты ждешь? 7895.

Цян ввел код дрожащим указательным пальцем, после чего что-то щелкнуло.

– Ты тоже это слышал? – спросила она, не получив ответа.

Цян уже осматривал шкаф с документами и его заднюю стенку.

– Цян, ты можешь ответить? Ты тоже слышал щелчок?

Не отвечая, Цян положил обе руки на шкаф с документами и вдавил его прямо в стену. Казалось, ему даже не нужно было прилагать усилий, так легко он двигался, и вскоре весь шкаф исчез в стене, где вместо него теперь зияла темная дыра.

Она уже собиралась сказать ему, чтобы он залез в дыру, но он уже находился в темноте, и, судя по звуку, шкаф для бумаг откатился обратно на место. Оба монитора были черными, но в гарнитуре она слышала, как он пробирается в темноте.

Был ли это узкий коридор или большая комната, сказать было невозможно, но когда через растущий проем начал проникать приятный свет, она поняла, что, должно быть, он нашел дверь. Это был целый новый мир, непохожий на мир автомастерской. Здесь не было ничего старого и пришедшего в упадок. Пропал резкий дневной свет, хаос, все папки и бумаги. Здесь стены были выкрашены в свежий серый цвет, контрастировавший с синим ковролином.

Дверь была приоткрыта, и он вошел в тесное помещение, на вид напичканное таким же передовым оборудованием, каким владели они сами. Над тем, что походило на большую контрольную панель, висело несколько мониторов. Один из них передавал изображения с

различных камер наблюдения, размещенных на парковке, у погрузочной платформы, в подземном ходе и различных помещениях автомастерской.

Она задумалась, что бы это значило, но не успела ни к чему прийти, когда увидела еще один монитор через заднюю камеру Цяна. Монитор, который демонстрировал ее отредактированный снимок, используемый для розыска.

То есть здесь находился командный пункт Слейзнера, откуда он пытался до них добраться. Вопрос был в том, сколько он про них знает. Это они нашли его или он их?

– Повернись к компьютеру позади тебя, – сказала она, не получив никакой реакции. – К тому, где моя фотография. – Снова никакой реакции. – Алло? Цян, ты меня слышишь? Цян?

Она достала мобильный, увидела, что звонок прерван, и попыталась снова перезвонить ему. Тем временем она увидела, как он поворачивается к еще одному монитору компьютера, на котором демонстрировалось большое количество четких и не очень изображений с разных камер наблюдения. Объединяло их всех то, что в фокусе была она. Среди прочего она на главном вокзале, но также и в ряде общественных мест в Копенгагене и баре «Бюенс Бодега», а когда она...

Совершенно неожиданно монитор исчез из поля зрения и уступил место ножке стола и синему ковровину, на котором он стоял. Как будто кепка упала на пол. Или сам Цян. Затем оба его монитора перед ней погасли.

Хеск свернул вниз на подземную парковку и не проехал и двадцати метров, как заметил свободное место, куда решил въехать задом. По какой-то причине он криво подъехал к бетонной колонне, и ему пришлось несколько раз заезжать туда-сюда, как нервничающему ученику автошколы, прежде чем он заглушил двигатель, отстегнул ремень безопасности и вышел.

Обычно он был своего рода экспертом по маневрированию в тесных пространствах и всегда садился за руль вместо Лоне, как только нужно было заехать в какой-то узкий карман. Но он был не в ладах с самим собой и даже немного неуверенно стоял на ногах, когда шел по парковке, рассматривая разные машины и их номера.

Простым объяснением было то, что он ни минуты не спал почти сутки. И да, конечно, он устал. Ужасно устал. Но дело было не только в этом.

Причиной служила, прежде всего, растерянность. Следование некоторой линии, хоть и с некоторыми вопросами, сменилось тем, что он больше не знал, где право, а где лево. Казалось, что внезапно может случиться все что угодно, а в самом эпицентре стоит он и пытается собрать пазл воедино, в то время как детали постоянно меняют форму.

Вот почему вместо того, чтобы поехать домой после встречи с Хейнесеном, он решил отправиться в Остербро и заглянуть на парковку, где Хеммеру удалось установить местонахождение мобильного Якоба Санда.

Он не знал, что ищет, и нужно ли ему вообще что-то искать. Но ему было все равно. В основном по причине того, что других вариантов у него не было, да и ему меньше всего хотелось возвращаться домой на очередную выматывающую ссору с Лоне. Поэтому он предпочел бесцельно прокатиться сюда в попытке восстановить часть своей утраченной самооценки.

Он давно осознал, что далеко не самый лучший следователь в стране, но не припомнил, чтобы когда-нибудь был так уверен и убежден в чем-то, что впоследствии оказалось ерундой. Оглядываясь назад, можно сказать, что это была, несомненно, одна из самых

ужасных и постыдных вещей, с чем он столкнулся за годы работы в полиции, включая потерю сознания во время пресс-конференции.

Хейнесен и тот подверг его слова сомнению. Даже Хейнесен. Кто никогда, ничто и никого не подвергал сомнению. То, что потом, вдобавок ко всему, оказалось, что они были правы, усугубляло ситуацию. С того момента в их глазах он потерпел поражение.

Он прекрасно понимал почему. Но это не означало, что он собирается принять поражение, не пытаясь что-то с этим сделать. Может, он и проиграл бой. Но пока рефери не досчитал до десяти, у него еще есть шанс подняться.

Помимо его личной ситуации, расследование все-таки сделало гигантский шаг вперед. Как он и говорил команде, пытаясь сгладить ситуацию, он должен быть счастлив и испытывать облегчение от того, что на самом деле не Слейзнер стоял за убийством женщины. Это сильно упрощало дальнейшую работу. Кроме того, он мог быть доволен тем, что им удалось установить личность Якоба Санда, и теперь они могли начать подготовку к аресту.

При этом Берн сторфф, будучи правдоискательницей, оказалась совершенно права, когда намекнула, что его подозрения в отношении Слейзнера основаны не только на фактах. Тогда он не хотел это признавать, да и сейчас, на самом деле, тоже, но правда заключалась в том, что он был разочарован. Как бы ужасно это ни звучало, в глубине души он желал только одного – чтобы это был Слейзнер.

В чем-то было бы абсолютно логично, если бы весь этот стиль, который его босс отточил до совершенства, манипулируя всеми возможными правилами, в конечном счете, привел бы к его падению.

Что касается отдела криминальной полиции и их работы, не было никаких сомнений в том, что корнем зла был именно сам Слейзнер. С впечатляющим упорством, он позаботился о том, чтобы отравить своим ядом всю организацию. Сам Хеск оказывался на линии огня в ряде случаев, и видел, как другие подвергались настолько вопиющим вещам, что сегодня он не понимал, почему никто, включая его самого, не отреагировал и не подал на него заявление.

Но это все в прошлом. Он уже высказался и заявил о себе против Слейзнера так, как никогда бы не осмелился раньше. Как будто недавние события выпустили джинна из бутылки, и если бы понадобилось, он бы без проблем постучался в дверь шикарного офиса

своего босса, подошел к его столу и спокойно и любезно сообщил, в чем его подозревают, прежде чем надеть на него наручники и взять под стражу.

Однако сейчас оказалось, что женщину убил не Слейзнер, а, возможно, не он отправлял эсэмэски Могенсу Клинге. Может, как и говорила Берн сторфф, это было одно большое неудачное совпадение.

Вместо этого с большой вероятностью виновен Якоб Санд. Успешный предприниматель, которого вся Дания с удовольствием ненавидела. Это была сенсация, которая попала бы в заголовки газет. Но, с другой стороны, такое с ним происходило регулярно, стоило только встать утром с постели. Если не налоговый скандал, то новая любовница или очередной развод.

Но каждый раз ему удавалось подниматься, стряхивать пыль с костюма и продолжать жить как ни в чем не бывало. Даже когда шесть лет назад его подозревали в убийстве проститутки Яны Хельсинг. В тот раз его освободили благодаря анализу ДНК. Тому же самому анализу, который сейчас мог его посадить.

Вот и он. Автомобиль. По крайней мере, один из многих ему принадлежащих. Красный спортивный «Мерседес-Бенц» с дверями-крыльями и откидывающейся крышей. Значит, Хеммер верно определил местоположение. Но самого Санда, разумеется, нигде не было видно.

Он прислонился к боковому стеклу автомобиля и приложил ладони к лицу, чтобы лучше все рассмотреть. Салон был оформлен в черных и красных тонах, а на пассажирском сиденье лежали конфеты: коробочка «Лэкерол» вместе с зеленым пакетиком «Фишерменс френд». Это ни о чем не говорило, кроме того, что мужчина заботился о своем дыхании. Затем он выпрямил спину и решил, что лучшее, что он может сделать, это вернуться домой и поспать несколько часов. Все равно здесь он не найдет ответов, а если они тут и есть, то он слишком устал, чтобы их заметить.

Именно в тот момент, когда он уже собирался протиснуться мимо бетонной колонны, в кармане пиджака завибрировал его мобильный. Он вынул его и обнаружил, что звонят с незнакомого шведского номера.

– Да, алло. Ян Хеск слушает.

– Здравствуйте, меня зовут Малин Ренберг, из полиции Стокгольма. Извините, что беспокою вас так поздно вечером воскресенья.

– В чем дело?

– О, времени мы не теряем! – рассмеялась она. – Но и отлично. Меня это полностью устраивает. Я звоню по поводу женщины в машине, которую вы пытаетесь опознать. Та, с крестообразным шрамом на внутренней стороне бедра.

– Вы знаете, кто это?

– Нет, увы. Но дело в том, что здесь в Стокгольме, тоже было совершено убийство.

– Да, такое случается и в стране Астрид Линдгрэн.

– Да, и какой реакции ждут младшие братья от старших? Будем показывать средний палец и корчить рожи друг другу, или попытаемся друг другу помочь?

– Извините. Я просто устал. Я не хотел... – он запнулся, не помня, что хотел сказать. – Но неважно. Там тоже идет речь о двойном убийстве мужчины и женщины?

– Нет, в данном случае только женщины.

– Она была проституткой?

– На данный момент нам это неизвестно. На самом деле, согласно тому, что я видела в вашем расследовании, сходство отсутствует и во внешности жертв, и в способе совершения преступления.

– Хорошо, но тогда я не могу не спросить, почему...

– Я звоню?

– Именно.

– Наконец-то мы друг друга понимаем. Видите ли, дело обстоит так, что единственная зацепка, которая у нас есть по поводу преступника, – это шрам, похожий на тот, который был у вашей женщины.

Преступник? Правильно ли он услышал? Или это тут языковой барьер, который... Звук тяжелой двери, захлопнувшейся где-то на парковке, привлек его внимание.

– Алло, вы тут?

Затем послышались быстрые шаги, как будто кто-то бежал по бетонному полу. Он высунулся из-за бетонного столба и увидел, как

мужчина в костюме подбегает к белому внедорожнику, припаркованному перед погрузочной платформой.

– Давайте я вам перезвоню, – сказал он и сбросил звонок.

Он мог остаться за столбом. Притвориться как будто не видел, как мужчина открыл багажник, вытащил рулон черных мешков для мусора, изоленту и большую черную сумку размером с хоккейную. Несомненно, это было бы самым простым решением. Если нет сил что-то видеть, то ты просто этого не видишь. Мужчина исчез бы меньше чем через полминуты, а сам Хеск мог бы в неведении вернуться к своей машине.

При всей своей простоте, это был рабочий вариант. Только не для него. Не сейчас. Не после всего, через что он прошел. Мужчина, поднимавшийся по стальной лестнице на погрузочную платформу был тем же самым мужчиной, который рыбачил на причале, менял лампы дневного света в отделении судмедэкспертизы и выносил его со сцены во время пресс-конференции. Правая рука с отсутствующим безымянным пальцем была узнаваема.

Значит, между этими двумя мужчинами и Якобом Сандом есть связь, и это, очевидно, именно ради нее он сюда и прибыл, поэтому он покинул укрытие и пошел по направлению к погрузочной платформе, где мужчина отпирал дверь.

По пути он расстегнул пиджак и нагрудную кобуру, чтобы достать оружие, но передумал и вместо него вытащил полицейское удостоверение, чтобы не спровоцировать ненужное насилие.

Что произошло дальше, он понял только через несколько минут. Когда он потерял равновесие и упал вперед на бетонный пол, было уже слишком поздно. Очевидно, кто-то бросился на него сзади. Но мужчина, припарковавший машину, должен был находиться перед ним. Не за ним. С другой стороны, их было двое.

Он попытался повернуться, но нападавший уже был над ним и прижимал его руки к полу.

– А сейчас лучше сохранять спокойствие и не издавать ни звука, – шепнул голос ему на ухо.

Голос, который он не мог ни с кем связать, пока давление на его руки не ослабло, и он смог повернуться и увидеть, что это была Дуня Хугор.

– Какого черта ты здесь делаешь? – спросил он, вставая и доставая пистолет. – Ты же в розыске.

– А ты, похоже, глухой.

Хеск не успел среагировать, как Дуня сделала шаг вперед, выкрутила пистолет у него из руки и добавила мощный удар локтем прямо ему под подбородок.

– Что ты здесь делаешь?

Ян Хеск уже слышал несколько вариантов одного и того же вопроса. Зачем ты здесь? Что тебя сюда привело? Много ли ты знаешь? Но все они звучали так глухо и неразборчиво, что он не понимал, что они адресованы ему. Понимание к нему пришло только тогда, когда он пришел в сознание достаточно, чтобы открыть глаза и увидеть Дуню, склонившуюся над ним в каком-то месте, напомиравшем внутреннюю часть фургона.

– Ян, – продолжала она. – Мне нужно знать, что привело тебя сюда, именно на эту парковку.

– Это ты в розыске. Не я. – Он сел и осмотрелся в тесном пространстве, удивляясь нагромождению кабелей, приборов с антеннами и маленьких мониторов. Слухи, которые он никогда не воспринимал всерьез, но которые, очевидно, были правдивы.

– Но твой пистолет у меня. А не у тебя. – Дуня показала его оружие.

– С самого первого дня работы в отделе ты произвела на меня впечатление. Иногда я даже немного завидовал, что ты, в отличие от меня, имела все необходимое, чтобы сделать именно то, о чем я мечтал. Хоть ты мне и никогда не нравилась.

– Ну и отлично! Мне на секунду даже стало почти неловко. В таком случае, наши чувства друг к другу хотя бы взаимны.

– Помню, как Слейзнер пропустил тебя вперед в очереди на мое место, просто потому что считал тебя молодой и привлекательной. Он понятия не имел, насколько ты на самом деле талантлива, и вопрос в том, понимала ли это ты сама. Ты была больше озабочена тем, чтобы жадно поглощать его внимание, и наступала мне на хвост, пока это помогало тебе продвигаться вверх. – Он встал. – Но мне трудно поверить, что ты бы стала действовать вот так против старого коллеги, даже несмотря на то, что в данный момент тебя считают угрозой национальной безопасности. – Он шагнул вперед, взял у нее пистолет и вернул его обратно в нагрудную кобуру. – Так что теперь это я хочу

узнать, чем ты занимаешься. Почему ты, если не считать неприязни ко мне, посчитала хорошей идеей на меня напасть и вырубить.

– Чистой воды забота. – Дуня протянула магазин от его пистолета. – Это минимум, что я могла, памятуя о том, что ты сделал для меня на той рождественской вечеринке в кабинете Слейзнера. Если бы не ты, он бы меня изнасиловал, и если бы не мое сегодняшнее маленькое вмешательство, мужчина, к которому ты направлялся, тобой бы занялся. Считай это запоздалой благодарностью за помощь.

– Тот мужчина – один из подозреваемых у меня в деле. – Хеск снова достал пистолет и вставил магазин, прежде чем вернуть его в кобуру. – Твоя так называемая благодарность за помощь помешала мне его арестовать.

Дуня покачала головой.

– У тебя нет ни малейшего представления о том, о каких ставках тут речь, верно?

– По крайней мере, я знаю, что...

– Ян, по тебе заметно, – перебила Дуня. – Как ты изо всех сил пытаешься убедить всех, включая себя, что у тебя все под контролем, когда на самом деле не представляешь, с чем или с кем имеешь дело.

– Я веду расследование двойного убийства, Могенса Клинге среди прочих. И да, я охотно признаю, что тут все гораздо сложнее, чем я думал вначале. Не раз я задавался вопросом, действительно ли оно того стоит. Но я не из тех, кто сдается просто так, и вот сейчас расследование привело меня сюда. Так что не могу принять то, что ты...

– Ян, поверь, – перебила Дуня. – У тебя не было шансов. Один из моих друзей уже у них.

– Друзей? Сколько вас на самом деле? И все вот это? – он обвел руками тесное пространство с мониторами. – Спрошу еще раз. Чем ты тут занимаешься?

Дуня посмотрела на него таким взглядом, словно пыталась добраться до его мыслей сквозь кожу и кости черепа. Но в тот момент, как она собралась что-то сказать, у него за спиной открылась дверь.

Он развернулся и направил пистолет на смуглого мужчину в кепке, который залезал в фургон спиной.

– А ты кто?

– Просто мужчина иностранного происхождения, – сказал Фарид, закрывая дверь.

– Он со мной. – Дуня протиснулась к Хеску и опустила дуло его пистолета. – Как все прошло?

Фарид снял кепку и покачал головой.

Дуня со вздохом кивнула и повернулась к Хеску.

– Сорри, на чем мы остановились?

– Ты собиралась рассказать, чем тут занимаешься.

– Охочусь на Слейзнера.

– А он, похоже, охотится на тебя.

– Разница в том, что он что-то задумал. Не спрашивай, что, но судя по тому немногому, что мы здесь сегодня увидели, точно не что-то приятное.

– Увы, могу сообщить тебе, что он невиновен.

– В чем?

– В убийстве женщины и, возможно, Могенса Клинге.

– Погоди-ка. – Дуня повернулась к сидевшему с ноутбуком Фариду. – Ты слышал? Они подозревали Слейзнера в двойном убийстве.

– Не подозревали. – Хеск покачал головой. – Еще несколько часов назад я был уверен, что именно он стоит за всем этим.

Дуня смотрела на него, не произнося ни слова.

– Я точно знаю, о чем ты думаешь, – продолжил он. – Что я маленький послушный болванчик Слейзнера, и, может, так оно и было. Но это в прошлом. Много чего случилось с тех пор, как ты исчезла.

– Что навело тебя на мысль, что это он?

– Несколько вещей, но в первую очередь анонимный номер мобильного телефона, с которым с дополнительного мобильного с прошлой весны вплоть до дня смерти поддерживал контакт Клинге. Нам удалось определить местоположение, которое совпало с моим домом в то же самое время, как Слейзнер неожиданно меня посетил.

– Значит, у него есть еще один мобильный?

– Как раз это я и предполагал, и продолжаю предполагать.

Дуня повернулась к Фариду.

– Почему мы об этом не подумали?

– Хороший вопрос, – пожал плечами Фарид. – Это бы многое объяснило.

– О'кей, но сейчас ты говоришь, что это не он.

Хеск кивнул.

– Анализ ДНК фрагмента кожи под ногтями у женщины дал совпадение не со Слейзнером, а с...

– Якобом Сандом, – перебила Дуня.

– Откуда ты знаешь?

– Не знаю. Просто предположила. Эти двое, и еще один, личность которого мы установить не смогли, обедали вместе в ресторане Zeleste всего несколько дней назад, где помимо того, что приняли решение об объявлении меня в розыск, обсуждали тебя и твою пригодность для ведения расследования.

Он хотел спросить, откуда у нее вся эта информация, прослушивали ли они их, и если да, то как им удалось это сделать во время неформального обеда в таком интимном месте как Zeleste. Он хотел знать, что именно говорил о нем Слейзнер. Каким тоном. Смеялся ли или был серьезным. Он хотел знать все. Но он так ничего и не спросил, поскольку мужчина по имени Фарид повернулся к ним.

– Дуня, посмотри сюда. – Он показал на один из мониторов, где отображались разные оттенки белого. – Видишь? Камера снова ожила.

– Какая из них?

– Передняя, у него на кепке.

Хеск тоже придвинулся и посмотрел на белый экран, ничего не понимая.

– Может ли быть такое, что он находится теперь ближе к нам, и поэтому прием улучшился? – спросила Дуня.

– Нет, тогда бы заработала и задняя камера. – Фарид ткнул указательным пальцем в соседний монитор, который оставался темным.

– Так как ты объясняешь то, что она вдруг снова включилась?

– Никак, потому что понятия не имею. – Фарид наклонился вперед, чтобы получше рассмотреть. – Вопрос в том, на нем ли она вообще. Создается впечатление, что нет.

– Как ты можешь судить? Тут просто много белого.

– Она совершенно неподвижна. Видишь? – Он указал на разные затемнения. – Ничего не движется.

– Но значит ли это, что он... Что он... – Дуня замолчала.

– Видишь более темные линии здесь и здесь? – Фарид указал на монитор, и Дуня кивнула. – Возможно, это пол, да? Плиточный пол.

– Так ты хочешь сказать, что он лежит.

– Никаких более оптимистичных объяснений.

Сколько они просидели, не отрывая глаз от экрана, никто из них не знал. Их как будто заворожили белые переливы, и очнулись они только тогда, когда Дуня нарушила молчание.

– Разве сейчас ничего не происходит? – Она указала на экран. – Или только мне одной кажется, что что-то движется?

– Да, ты права, – оживился Фарид.

Действительно, в движение относительно друг друга пришли различные поля света, и вскоре создававшие клетчатый узор линии, которые они приняли за пол, стали все более многочисленными, а сами квадраты – все меньше и меньше.

– Да, смотри, он поднимается.

– Но почему картинка такая нечеткая? – Хеск кивнул на монитор, где камера, похоже, никак не могла сфокусироваться, хоть и можно было угадать помещение с белым кафелем.

Фарид попробовал приблизить изображение.

– Выглядит так, как будто объектив запотел.

– По-моему, похоже на то, что он в ванной? – сказала Дуня.

Фарид кивнул.

– Проверь, можешь ли ему позвонить и попросить протереть объектив.

Дуня нашла на мобильном номер и позвонила, в то время как картинка на мониторе начала дергаться вперед и назад. С ровными интервалами в кадре появлялось верхнее освещение, такое яркое, что оно съедало всю картинку. В один момент мелькнуло что-то напоминающее раковину. В другой – напольный слив из блестящего металла.

– Нет, даже гудки не проходят.

– Вряд ли там ловит. Но... – Фарид наклонился вперед к экрану.

– Но что?

– Не уверен, но не похоже, что кепка у него на голове. Камера находится ниже и, судя по всему, качается вперед и назад.

– Может быть, он держит ее в руке, – сказал Хеск, когда мобильный Дуни засветился.

– Подождите, вот он звонит. – Она приняла звонок и включила громкую связь. – Да, алло. Это Дуня. Как ты? Она ждала ответ, но услышала лишь слабый шум. – Цян, ты меня слышишь? Алло? Цян? Я тебя не слышу. Подними два пальца перед камерой, если меня слышишь.

Фарид подключил кабель к мобильнику, после чего рассеянный шум стал звучать в двух колонках. Затем он отрегулировал частоту на эквалайзере, пытаясь вычленил что-то еще из звуков кроме шума.

Тем временем, на мониторе по мере приближения камеры увеличивалась вытянутая темная фигура с размытыми краями. Тень оказалась стоящим на коленях человеком с руками за спиной и склоненной головой. Но только когда в кадре появился палец и протер объектив, они увидели, что это Цян.

– О господи! – Дуня отвела от монитора глаза.

– Это ваш друг? – Хеск повернулся к Фариду, который кивнул.

Кто-то появился в кадре и встал прямо за Цяном. Не видно было ничего, кроме его ботинок и грубых камуфляжных штанов.

– Что, черт возьми, происходит? – Дуня повернулась к Фариду. – Что они делают?

– Понятия не имею.

– Мы должны что-то предпринять. Не можем же мы просто сидеть здесь и ничего не делать.

Правая рука мужчины появилась в кадре и схватила Цяна за волосы, заставляя его смотреть в камеру так, что глаза блестели от ужаса.

– Это же он! – Хеск указал на руку, на которой отсутствовал безымянный палец. – Это его я там видел.

– Эй, что вам нужно? – крикнула Дуня в мобильник. – Это Дуня Хугор. Скажите, что вам, черт возьми, надо!

– *Вы должны меня выслушать*, – послышался дрожащий голос Цяна, перемежающийся всхлипываниями. – *Слышите? Слушайте внимательно.*

– Мы слушаем, – ответила Дуня. – Только скажи, что мы должны сделать, и мы сделаем. Обещаю, что все...

– *Слушайте, эти ублюдки настроены серьезно. Вы должны...* – Цян разрыдался.

– Цян, мы...

– Это бесполезно, – перебил Фарид. – Он все равно тебя не слышит.

– *Вы должны все бросить, слышите?* – продолжал Цян. – *Все. Все прослушки, все фотографии и видео. От всего нужно избавиться, понимаете? В противном случае они будут хватать нас одного за другим. Они так сказали. Одного за другим.*

– Конечно, бросим. Цян, мы сделаем все, что они захотят, пусть только отпустят тебя. Передай им это. Все, что...

Больше она не успела ничего сказать, как в кадре промелькнула левая рука мужчины в камуфляже, так быстро, что только рана прямо под подбородком Цяна навела их на мысль, что в руке у мужчины был нож, который теперь торчал чуть выше адамова яблока Цяна, а из открытой раны вниз на одежду и белую плитку вытекала кровь.

Цян пытался сказать что-то еще, но не мог. Единственное, что выходило у него изо рта, – кровь и пузыри, и в конце концов он упал навзничь в предсмертных судорогах, и трансляция оборвалась.

При свете рабочей лампы в подвальном кабинете Фабиан наносил двухкомпонентный клей на тонкие деревянные края. Затем он подул на обмазанную клеем поверхность, вставил деталь на место и прижал, надавливая как можно равномернее.

Это была последняя деталь, и старая спиритическая доска снова выглядела целой. Трещины после его вспышки гнева, безусловно, будут видны, если внимательно присмотреться. Но в целом последствия были не такими уж серьезными, как от некоторых других его ошибок.

Последние несколько часов он долго прогуливался на свежем воздухе. Сначала прошел вниз к лесу Польше и пешеходному мосту через рельсы. Затем спустился к купальне Польшебаден, снял ботинки и пошел на север вдоль кромки воды по каменистому песку.

Через час или около того от острых камней и расколотых ракушек у него заболели ступни, а рядом с местечком Хитгарп он порезался об осколок стекла. Но просто продолжил идти, и еще через час боль в ногах утихла.

Недалеко от побережья Гро лэге он разделся и зашел в воду. Мысль о том, чтобы просто продолжать плыть, прямо в бесконечность, сопровождала его. Но что-то его остановило, и, вернувшись, он уселся на песок, обсыхая на солнце.

Там он сидел, глядя на море и датские поля, мерцавшие у горизонта, и принял самое сложное в своей жизни решение: с этого момента он перестанет пытаться выяснить, что на самом деле случилось с его сыном.

Он ощущал это как очередное предательство Теодора, и в каком-то смысле убегал от долга, который был обречен выплатить. Но в том месте и в то время он решил оставить все как есть. Принять то, что он никогда не узнает правду, и что все следы и зацепки, которые указывали на все, что было сделано неправильно, будут похоронены вместе с Теодором.

Соня, Коморовски и все остальные правы. Не имеет значения, насколько близко он подберется к истине, он все равно никогда не

сможет повернуть время вспять. Что случилось, то случилось, и некоторые вещи лучше не трогать.

Во второй раз за это лето он выдвинул средний ящик тумбы и достал матерчатый сверток, положил его перед собой на стол рядом со спиритической доской, развернул и посмотрел на пистолет, который его сын принес домой в ту роковую ночь, когда побывал в Эльсиноре вместе с бандой «Смайл».

Он пытался выпытать у него, где он взял пистолет, но так и не смог добиться ничего, кроме очевидно заученного подобия ответа. Это был пистолет «Heckler & Koch USP Compact» 9 мм, модель, разработанная для ближнего боя и широко используемая датской полицией. Больше он ничего не знал, а поскольку серийный номер был стерт, пистолет невозможно было найти в базе данных.

План состоял в том, чтобы отдать его датчанам и позволить им изучить и проанализировать его. Но там, на нагретом солнцем песке Гро лэге, он передумал. Никто никогда его не получит. Вместо этого он от него избавится. Убедится, чтобы он навсегда исчез вместе со всеми остальными открытыми вопросами.

Он снова сложил ткань, отложил сверток в сторону и проверил клей на стыках, затем достал самую мелкую наждачную бумагу, которую только смог найти, и начал осторожными движениями шлифовать склеенные края. С этого момента он будет смотреть вперед и уделять все внимание Соне и Матильде. Если они все еще заинтересованы в том, чтобы он присутствовал в их жизни.

А в этом совсем не было уверенности. Взгляды, которые они на него бросали, и слова, которые произносили, еще долго будут звучать эхом. Возможно, всегда. Но он должен попытаться.

Как только закончит доску, он собирался подняться с ней наверх к Матильде и попросить прощения. Никаких оправданий или отговорок, а только искреннее извинение за утренний выпад. Он должен дать ей понять, что она может спускаться в подвал столько, сколько ей захочется, чтобы установить контакт с духом, которого она называла Гретой. Если это то, во что она верит и в чем нуждается, чтобы справиться с горем, он мешать не будет.

Что касается Сони, то он не знал, что делать. Здесь не было никаких оправданий, которые могли бы что-то изменить. Никакие

извинения не исправят ситуацию. Не важно, что он будет говорить. Она приняла решение, и в какой-то степени он мог ее понять.

За эти годы он делал все что мог, но все еще был так далек от идеала. Оставалось еще так много, чего ей хотелось, но что он никогда не смог бы ей дать. Так много, что возникал вопрос, хочет ли он сам продолжать.

Он закрыл глаза, провел рукой по доске и отметил, что поверхность была настолько гладкой, что его пальцы почти парили над деревом. Безусловно, он чувствовал стыки, но они были почти незаметны. Как будто в самом дереве заключалась целительная сила.

Когда он снова открыл глаза, ему показалось, что он видит доску впервые. Мастерство, текстура дерева – какая она на самом деле красивая, хотя уже настолько старая и потертая, что некоторые буквы и цифры почти исчезли.

Что, если это правда?

Что, если Матильда была права?

Подтверждением этому мог быть один эпизод, произошедший месяц назад. Как и многое другое, он подавил воспоминание в попытке убедить себя, что этого никогда не происходило. Но что-то все-таки произошло. В разгар расследования что-то заговорило с ним.

Как раз когда они задержали ряд людей и наконец начали видеть связь в некоторых делах, что-то подсказало ему, что все, что им известно, ошибочно. Это, в свою очередь, заставило его выкинуть все их наработки и начать сначала, что в конечном итоге привело к аресту Убийцы с кубиками.

Он должен был хотя бы сказать спасибо. Верил он или нет, это меньшее, что он мог сделать. Поэтому он встал, взял с собой доску на другую сторону опущенной занавески и сел на подушку.

Здесь обычно сидели и совершали свои сеансы Матильда с Эсмаральдой, и, как и они, он зажег чайные свечи, расставленные вокруг него. Затем поместил стрелку на доску и убедился в том, что она может свободно перемещаться по буквам.

Из того немногого, что он видел в сеансах Матильды, он помнил, что она сидела, опустив указательный палец на стрелку, и задавала вопросы прямо в воздух.

По сути, это была копия игры про джинна в стакане, которой были так увлечены некоторые из его одноклассников в начальной школе.

Он чувствовал, что идет против всего того, во что верит, когда вытянул правую руку и опустил указательный палец на стрелку. Как будто совершал что-то запретное. Никакой магической силы он не ощущал, и его мысли больше вращались вокруг того, как неловко будет, если его кто-то увидит, нежели чем вокруг того, чего он от всего этого ожидал.

– Прошу прощения, – наконец тихо сказал он. – Но если там кто-то есть, на другой стороне, я просто хотел... – Он запнулся. Собственный голос, нарушавший тишину, заставил его поежиться. Часть его порывалась встать, в то время как другая удерживала на месте. – Меня зовут Фабиан, Фабиан Риск, – продолжил он. – Я отец Теодора. И Матильды.

Непонятно, зачем он это добавил. Речь шла о помощи, которую он получил в ходе расследования, и ни о чем другом.

Да и стрелка не двигалась. Как ей это сделать под весом всей его руки? Может быть, он просто слишком крепко ее удерживает и нужно немного ослабить давление?

– Не знаю, слышит ли меня кто-нибудь. – В этот раз он пытался говорить громче. – Наверное, нет. Но я все же хочу сказать спасибо тому, кто помог мне в расследовании и сказал, что все, что нам было известно, ошибочно. Возможно, кто-то по имени Грета, не знаю. Но, по крайней мере, это помогло нам. Вот и все, что я хотел...

Внезапные вибрации заставили его вздрогнуть и быстро отдернуть руку от стрелки как от огня. Но успокоившись, он понял, что это просто телефон в кармане, на который пришло сообщение.

Он достал его, открыл сообщение и прочитал.

Оно было подписано именем его старого коллеги Ингвара Муландера, который находился под стражей в ожидании суда. Оно состояло из пяти предложений. Ни больше, ни меньше.

Из пяти предложений, которые меняли все.

Хеск нажал на верхнюю кнопку в длинном списке благородных фамилий, пока домофон не засветился и не начал пищать.

Затем он быстро поправил волосы, допил пиво из бутылки и убрал ее за спину, чтобы она не попала на камеру. Несколько часов назад он собирался отправиться домой. Но когда сел в машину, включил зажигание и выехал с парковки в Остербро, картины убийства Цяна вернулись. Увеличенное изображение деталей, которые никому лучше не видеть.

Само по себе это не было чем-то необычным. С тех пор как для обычных людей стали доступны видеотехнологии, людей насиловали, избивали и убивали перед камерой. Террористы сделали своей визитной карточкой все более изощренные способы убийства людей, а затем распространяли видео в Интернете.

Но это было нечто совсем иное, чем анонимное снафф-видео. Не потому что там был его знакомый. Он никогда не встречал закованного друга Дуни, которому выпало истекать кровью на полу, вероятно, в нестерпимых муках.

Нет, по-настоящему задело его то, что это произошло в реальном времени у него на глазах. Это была не запись убийства, совершенного где-то далеко давным-давно. Это было то, что произошло прямо в тот момент, и все, что они могли сделать, – сидеть там и наблюдать, как из него буквально вытекает жизнь.

Ублюдки нанесли всего один удар. Только один, чтобы все не закончилось слишком быстро. Чтобы они действительно успели увидеть и осознать, с кем имеют дело. Что их ожидает.

Несмотря на все картины и мысли, он попытался доехать до дома, когда, направляясь на юг в сторону Амагера по бульвару Х. К. Андерсена, внезапно разрыдался у горящего красным светофора возле Тиволи. Не беззвучно заплакал с влажными глазами и одинокой слезинкой, а зарыдал, шмыгая носом, что продолжалось всю дорогу до самого Лангебро, где он наконец съехал вправо, чтобы не рисковать потерей контроля над машиной.

Тот факт, что дорога была предназначена только для велосипедистов, не улучшил положение, и после нескольких острых бордюров он обогнул квартал и поставил машину на свободное место у кафе Лангебро. Там он сидел и плакал, пока нож вонзался в горло, снова и снова, не важно, закрывал он глаза или нет.

Когда эмоции улеглись настолько, что он смог выйти из машины, он зашел в круглосуточную пивную, уселся за барную стойку, где попросил большое разливное пиво и стакан биттера Гаммелданск. И с каждым выпитым пивом крутящийся на повторе фильм немного тускнел, пока он только едва мог разглядеть кровавые картины в густом тумане.

Писк домофона стих, и он снова нажал кнопку. Была глубокая ночь, но он видел ряд светящихся окон на самом верху «Джемини Резиденс», одного из самых уродливых зданий в районе Исландс Брюгге, и он даже заметил тень, движущуюся внутри, поэтому собирался продолжать звонить в дверь столько, сколько потребуется.

Когда бармен поставил большой стакан воды вместо еще одного пива, ему удалось уговорить его на последнюю бутылку, после чего он заплатил и спустился на набережную, где огни высотного здания Данхостелс и стеклянного куба Ньюкредите на другой стороне отражались, как ночные солнечные зайчики, на темной поверхности воды.

Там свежий бриз будто окутал прохладой его разгоряченное, распухшее лицо и подтолкнул продолжить путь на запад вдоль Исландс Брюгге. Но по мере того как проходило опьянение, перед глазами снова всплывали картинка адамова яблока, поднимающегося и опускающегося в борьбе за глоток воздуха вместо крови. В самый тяжелый момент ему пришлось опорожнить желудок, после чего он сел на край причала и осознал, как близко на самом деле находился.

В его намерения не входило идти именно туда. Но когда он обернулся и взглянул на арочный свод фасада, окруженного стеклянными балконами, ему пришло в голову что, возможно, в конце концов, во всем этом есть смысл.

Здесь у него родился план. План, в котором он раз и навсегда покажет, кто он такой, и что его рано списывать со счетов. Все это было дикой авантюрой, и существовало множество вариантов развития

событий, когда все могло пойти не так. Но если это у кого-то и могло получиться, то именно у него.

– *Ян? Это ты?* – раздался голос из домофона.

– Привет, Ким, – сказал он, выдавив улыбку перед камерой. – Я подумал, что нам нужно немного поговорить.

– *Сейчас? Сейчас же половина второго ночи. Нельзя подождать до завтра? Мы можем вместе позавтракать, если не хочешь видиться в офисе. Знаю одно хорошее место в Вестербро.*

– Нет, я бы предпочел, чтобы мы поговорили прямо сейчас.

Последовавшее за этим молчание длилось недолго, наверняка не более нескольких секунд. Тем не менее, оно ясно давало понять, что, несмотря на поздний час, он был на верном пути.

– *О'кей, но в чем там дело? Что не может подождать несколько часов?*

– Ты говорил, что я должен держать тебя в курсе, если что-то случится. Не так ли?

Теперь молчание длилось дольше, намного дольше, прежде чем было нарушено щелчком дверного замка.

Прошли годы с тех пор, как он здесь бывал. В те времена Слейзнер и его жена Вивека проводили ежегодную вечеринку с глинтвейном в первую субботу декабря, и каждый ноябрь неизменно вставал вопрос, кто из отдела удостоится заветного приглашения.

Внутри дом представлял собой нечто совсем иное, чем фасад. Впервые попав на лестницу, он не мог не признать, что у него отвисла челюсть. словно огромный цилиндрический атриум, лестница простиралась до самого арочного светового люка в тридцати метрах над ним, и с выкрашенными в белый цвет галереями и ступенями, которые, казалось, невесомо висели в воздухе, соединяя между собой этажи, не была похожа ни на одну другую.

Но в эту ночь он зашел в лифт не с бабочками в животе и ощущением избранности. Он пришел сюда за ответами. Пришел прижать своего босса к стенке и заставить его рассказать, что, черт возьми, происходит. Отныне он больше не будет двигаться вслепую, собирая крупички с шапкой в руке. Отныне он будет стоять у руля, а его план – настолько же прост, насколько и гениален.

Достаточно прост, чтобы его мог выполнить практически каждый. Гениален, потому что никто, и в первую очередь Слейзнер, даже не

подумал бы подозревать его в том, что он способен на что-то подобное.

Двери лифта раздвинулись, и он направился в сторону Слейзнера, который, одетый в халат, стоял и ждал в дверях.

– Ого, вот кто-то тут у нас, кажется, хорошо повеселился. Заходи!

Слейзнер положил руку ему на плечо, проводил его внутрь и закрыл дверь.

– Не каждую ночь заходит такой приятный посетитель.

– Ким, извини, что беспокою тебя посреди ночи, но я подумал, что мы могли бы разобраться с этим прямо сейчас, – сказал он и пошел дальше в гостиную, где опустился на массивный диван с изогнутыми подлокотниками, стоявший посреди комнаты перед самой большой телевизионной панелью из всех, что ему доводилось видеть.

– Да, время, конечно, не самое подходящее, но не беспокойся. Ущерб, так сказать, уже нанесен, и мне просто придется вычестить мои сверхурочные из твоей зарплаты. – Слейзнер рассмеялся. – Ладно, шучу. Ничего страшного. Кстати, не хочешь чего-нибудь выпить? Выглядишь так, будто тебе нужно поднять настроение. Как насчет виски? У меня есть совершенно фантастический двадцатитрехлетний «Гленфиддик», который ты просто обязан попробовать.

Последнее, что ему сейчас было нужно, это больше алкоголя. Тем не менее, он кивнул и взял стакан с таким толстым дном, что, как бы ты ни был пьян, опрокинуть его было невозможно. Затем он попробовал, или скорее лизнул виски, который на самом деле был потрясающе хорош.

– Ну? Неплохо, да? – Слейзнер приподнял стакан как для тоста и выпил.

Сам он сделал то же самое, затем поставил стакан на тумбу, прочистил горло, хотя его ничего не царапало, и попытался сесть, держа спину немного прямее, что на глубоком диване было непросто. Но он обязан был взять себя в руки и показать, что у него действительно есть план для этой встречи.

– Когда мы вытащили машину Могенса Клинге из воды, дело мне показалось довольно простым, – сказал он, когда Слейзнер встал и подошел к стеклянной полке. – Дело, которое вскоре будет закрыто, как ты и хотел.

– Продолжай. Я слушаю. – Слейзнер взял пульт дистанционного управления.

– Теперь, трое суток спустя, очевидно, что я очень серьезно ошибался. Ничего не вышло так, как ожидалось. Напротив, кажется, что здесь скрывается что-то по-настоящему...

– Подожди, я только, – перебил Слейзнер, направляя пульт в другой конец комнаты. – Я установил всякие штуки несколько месяцев назад, и такой звук тебе нельзя не послушать. Гарантирую. Просто послушай.

Группа «Yes»^[7] затянула свою «Owner of a lonely heart» на такой громкости, что сэмплированные звуки скрипки, вероятно, были слышны вплоть до Управления на другом берегу.

– Не беспокойся, – крикнул Слейзнер, еще увеличивая громкость. – У меня стоит звукоизоляция по всей квартире, так что мы единственные, кто сможет этим насладиться. Согласись, звучит совершенно потрясающе!

Хеск кивнул и решил плотнуть еще виски. Сейчас ему нужна любая подпитка, чтобы перестать просто сидеть и подвергаться унижениям снова и снова.

– Чувствуешь бас? – продолжал Слейзнер, одновременно словно играя в воздухе на басу и делая несколько явно отрепетированных танцевальных движений в такт музыке. – На самом деле, внутри дивана установлен саб! Настоящее сумасшествие, но очень эффективно, когда к тебе наведываются дамы!

Хеск собирался было засмеяться, как он всегда делал, когда Слейзнер в очередной раз неудачно шутил. Но на этот раз он обратил все свое внимание на виски, что заставило Слейзнера в итоге снизить громкость.

– Прости, просто хотел, чтобы ты послушал. На чем мы остановились? Ты что-то говорил о том, что ошибся.

Хеск кивнул, пытаясь вспомнить, что он хотел сказать, но решил подойти совсем с другого конца.

– За последние сутки произошло много, как бы это сказать, удивительного и, прежде всего, серьезного для расследования.

– Здорово, что хоть что-то происходит. Скажу честно, я начал немного волноваться. Но тогда, может быть, можно ожидать некоторых результатов в ближайшее время.

Хеск кивнул.

– В некотором смысле, именно поэтому я здесь.

– О'кей. Интригующе. Рассказывай. К чему вы пришли?

– Ким, я здесь не для того, чтобы рассказывать, а для того, чтобы послушать, что скажешь ты. – Наступило молчание, время выбора, который повлияет на весь последующий разговор, и по Слейзнеру он хорошо видел, что тот, стоя в своем халате, думает о том же самом.

– Оу! Сейчас я не уверен, что точно понимаю, о чем ты. – Слейзнер положил руку себе на грудь. – Что именно ты хочешь, чтобы я сделал?

– Внес ясность в некоторые вещи.

Слейзнер кивнул и улыбнулся.

– Не то чтобы я хранил много секретной информации, но если я могу чем-то помочь, тогда конечно. – Он поправил халат и затянул узел на животе. – So bring it on, I'm at your service^[8], так что посмотрим, что можно сделать.

– Ты знаком с Якобом Сандом? Предпринимателем.

Слейзнер, который как раз собирался выпить виски, снова опустил свой стакан.

– Нет, знаю только то, что это эксцентричный бизнесмен, который в том году победил в «Давай танцевать».

– Или эксцентричный бизнесмен, которого подозревали в убийстве проститутки.

– Разве его не оправдали? Это было так давно, что я точно не помню.

– Оправдали. Ему помог анализ ДНК. Немного странно, что ты не помнишь, учитывая, что именно ты вел расследование.

– Да, но знаешь, как это бывает. Дел так много, что они в конечном итоге сливаются воедино. За тебя. – Слейзнер поднял стакан и выпил.

Хеск ничего не сказал, а просто сидел, изучая своего босса, который явно выглядел загнанным в угол.

– А, наверное, ты совсем не в курсе, как это, – продолжал Слейзнер. – Ты ведь не участвовал даже и в малой части дел по сравнению со мной. Но хватит об этом. Как этот Санд оказался в деле?

– У нас есть совпадение по его ДНК.

– Вот как, чтоб меня. И откуда вы взяли образцы?

– Из крови и фрагментов кожи из-под ногтей женщины.

– Ага, понятно. Отлично сработано. – Слейзнер кивнул и отвел глаза. – Очень хорошо.

– Но ты его все-таки не знаешь?

– Нет, абсолютно. Почему я должен знать? Я никогда его не встречал.

То есть Слейзнер лгал ему прямо в лицо. Ложь, конечно, была частью его натуры, но никогда это не было так очевидно, как сейчас.

– И когда дело доходит до образцов ДНК, ты должен четко понимать одну вещь, – продолжал Слейзнер. – Вопреки тому, что можно подумать, это далеко не гарантия, что человек в конечном итоге будет осужден.

– Если он может быть оправдан, то должна быть возможность и осудить его.

– Да, но ты должен понять одно. Просто то, что его кожа оказалась под ее ногтями, не обязательно означает, что ее убил он. Если она была проституткой, то, возможно, встретила с Сандом до встречи с Клинге. А представь, что все прошло жестковато и она случайно его поцарапала. Я не удивлюсь, если он из тех, кого такое заводит. Кстати, это встречается чаще, чем кажется, когда альфа-самцы только и хотят, чтобы над ними доминировали.

– Я бы сказал, что все-таки доминировали над женщиной. Не над Сандом.

Слейзнер вздохнул.

– Я просто хочу сказать, что как бы тебе этого ни хотелось, ДНК – не ответ на все вопросы.

– Да, посмотрим, куда нас это приведет, когда будем копать дальше. Сейчас вызовем его на допрос и поглядим, что он скажет.

– Да, звучит как единственно разумное решение. – Слейзнер кивнул и глотнул виски. – У тебя есть еще вопросы, на которые у меня нет ответов, или мы закончили?

– Знаешь ли ты подземную парковку у стадиона Остербро?

– Нет, – покачал головой Слейзнер. – Я не уверен, правильно ли понял вопрос. Почему я должен ее знать?

– Она находится на Остерброгаде прямо напротив «Макдоналдса».

– Спрошу снова. Почему я должен о ней знать? Там есть куча разных парковок.

– Потому что ты не ранее чем вчера, после визита ко мне, там был, – сказал он, прекрасно понимая, что бросается в неизвестность, где его спасательный круг – это только информация из вторых рук от Дуни.

– Что значит – был там? Ты о чем? Почему я должен был там быть?

– Это мой следующий вопрос.

– Но Ян, подожди минутку. Что ты задумал? Это какой-то гребаный допрос, или что вообще происходит? Меня в чем-то подозревают, и мне следует позвонить своему адвокату?

– Не знаю. Это я и пытаюсь выяснить.

– Тогда предлагаю тебе лучше попробовать встать и отправиться домой, пока ты под мухой еще больше не опозорился.

Слейзнер, безусловно, был прав. Такой разговор нужно вести в абсолютно трезвом состоянии. Но ничего не поделаешь. Сейчас он здесь и уже сказал А, и насколько он знал своего босса, если прерваться сейчас, то до Б дело никогда не дойдет.

– Есть основания полагать, что в последнее время ты довольно часто парковался там.

– Что? Прошу прощения, но я правда ничего не понимаю.

– Есть также много доказательств того, что ты в пятницу обедал в Zeleste с Якобом Сандом и еще одним человеком.

Слейзнер посмотрел на Хеска и покачал головой.

– О'кей, сначала я думал, что это просто шутка, или что я неправильно понял. Но, очевидно, это не так. Ты меня правда подозреваешь. Точно не знаю, в чем, но в любом случае, достаточно серьезно, чтобы пожертвовать всей своей карьерой. И да, я обедал в Zeleste в прошлую пятницу. И да, возможно, тот Санд тоже был там. Но не за моим столом. Потому что я не знаю этого человека. Неужели это так чертовски трудно понять?

– Я просто пытаюсь делать свою работу.

– Работу? – Слейзнер усмехнулся и затянул узел на халате еще крепче, прежде чем достал мобильный, нажал на номер и поднес телефон к уху. – Я бы скорее назвал это незаконным проникновением. Да, алло... верно... Хеск. Ян Хеск. Отлично, спасибо. – Он закончил разговор, подошел к дивану и сел на корточки, чтобы оказаться на

уровне глаз Хеска. – Ян, слушай меня сейчас. Ты пьян и не понимаешь, что делаешь.

Он не чувствовал себя пьяным, возможно, немного выпившим. Но как это было на самом деле, вероятно, не имело ничего общего с тем, как он себя ощущал, и в любом случае, он почти наверняка выпил слишком много, чтобы сидеть тут и пытаться осуществить свой план со Слейзнером в качестве оппонента.

– Но ничего страшного, – продолжал Слейзнер. – У нас у всех бывают такие провалы время от времени. Можешь быть совершенно спокоен. Я замну это все, и завтра все будет как обычно. Надеюсь, ты не на машине приехал.

– На машине, но она хорошо устроилась около кафе «Лангебро», и спокойно там побудет еще некоторое время.

– Хорошо, тогда тебе надо только встать, я помогу тебе спуститься к такси. – Слейзнер встал и протянул руку. – Ян. Давай, пока все совсем не вышло из-под контроля.

– Спасибо, но думаю, я сам смогу спуститься к такси.

Он скрестил руки на груди и понял, что алкоголь на самом деле ему помогает.

– Как только получу ответы на свои вопросы. – Если бы не он, он никогда бы не осмелился сделать то, что должен был сделать давным-давно.

– Ответы на свои вопросы? – Слейзнер покачал головой. – Дать тебе ответ? Чего? Ты действительно хочешь это услышать? Ответ таков, что ты сейчас сам себе роешь могилу. Понимаешь? Твоя карьера закончится, если ты продолжишь в том же духе.

– Ну что ж, значит, так тому и быть. Но это не меняет того факта, что я хочу знать, почему ты общаешься с Якобом Сандом и почему едешь на ту же парковку, что и...

– Да твою мать, Ян! Что с тобой такое? Что тут непонятного? – перебил Слейзнер. – Я не общаюсь с Сандом. Я его даже никогда не видел! И та парковка, о которой ты бредишь, – всплеснул руками Слейзнер. – Хрен его знает. Может, я там менял шины и чинил машину. Может, и нет. Если там вообще есть мастерская, что, я уверен, ты знаешь лучше меня. Но это не имеет значения. Все это не имеет значения, потому что сейчас ты отправишься отсюда вон. Прямо

сейчас. Я понятно изъясняюсь? Поднимешься на своих худосочных ножках и выйдешь вон! – Слейзнер протянул руку в сторону холла.

– Но есть одна вещь, которую я не понимаю. – Хеск даже не попытался встать. – Если дело обстоит так, как ты утверждаешь, что ты не знаком с Сандом и даже никогда с ним не встречался. – Вместо этого он взял стакан с виски и сделал большой глоток, чтобы не струсить. – Тогда как же так получается, что вы двое во время совместного обеда в Zeleste сидели и обсуждали, подхожу ли я или нет для того, чтобы возглавить это расследование? И, пожалуйста, придумай хорошее объяснение тому, почему Санда, эксцентричного бизнесмена, который когда-то выиграл «Давай танцевать», вообще это должно волновать. И пожалуйста, такое объяснение, которое не называется ДНК.

Слейзнер посмотрел на Хеска с таким видом, словно только сейчас понял, что совершенно неправильно оценивал своего коллегу.

– Так ты вычислил мой мобильный телефон? Что? Это то, чем ты занимался у меня за спиной? Триангуляцией и прослушкой. Я, кто делал все, чтобы ты имел карьеру, которой у тебя бы и близко не было, если бы не я. Так отвечай, черт возьми!

– Да, все верно, – сказал Хеск. – Мы предприняли определенные шаги.

– И с какого хрена, позволь спросить?

– Я не могу в это вдаваться по соображениям разведки. Но будет лучше всего, если ты просто согласишься проследовать со мной в отделение и провести ночь под стражей, а утром мы во всем разберемся во время обычного допроса.

– В следственном изоляторе? Ты совсем с ума сошел, убогое мелкое ничтожество? Кем ты себя возомнил? А?

– Ким, мне тоже тяжело, как и тебе.

– Приходишь сюда посреди ночи, заваливаешься прямо ко мне домой и думаешь, что можешь выносить мне приговоры направо-налево, как тебе вздумается.

– Пожалуйста, прошу тебя, не делай ситуацию еще сложнее, чем она уже есть.

– Сложнее? Да ты даже не сможешь произнести слово сложнее, когда я с тобой расквитаюсь. Я тебя так задолбаю, что ты пожалеешь,

что твоя мать раздвинула ноги в тот раз, когда отец решил к ней заехать.

Прекрасно понимая, что это были не пустые угрозы, он собрался с духом, взял стакан и опустошил его, прежде чем заговорить.

– Ким, вот как обстоит дело. Мы знаем, что ты общаешься с Сандом. Мы знаем, что ты неоднократно бывал на парковке на Остерброгаде, и мы также знаем, что у тебя есть еще один мобильный, вероятно, более старой модели, с помощью которого ты, помимо всего прочего, общался эсэм эсками с Могенсом Клинге о его церемонии посвящения 28 июля в 20:00, и как раз в ту же ночь он умер. Все это нам уже известно. Я просто хотел дать тебе шанс объясниться. Но ты, очевидно, не можешь этого сделать.

Лицо Слейзнера побледнело, он несколько раз сглотнул, как будто его желудок вот-вот вывернется наизнанку.

– О'кей, – сказал он наконец, проводя рукой по жидким волосам. – Ты прав. Прости. Я не сказал тебе всей правды. Действительно. И теперь, конечно, ты задаешься вопросом, почему я не сделал этого, если мне нечего скрывать. И простое объяснение состоит в том, что я думал и надеялся, что в этом не будет необходимости. Что все устаканится, если я дам тебе вести расследование, а сам буду следить за тем, чтобы держаться на расстоянии. Это, конечно, было ошибкой. Теперь я это понимаю. Совершенно дебильной гребаной ошибкой. Но здесь нет ничего такого, что нельзя было бы исправить. Все не настолько плохо.

– Ким, речь ведь идет о расследовании убийства.

– Ты хотел объяснений, так теперь, блин, слушай. Да, я общался с Могенсом в связи с тем, что он был избран в нашу ложу.

– Ложу?

– Нас несколько мужчин, у которых есть небольшой клуб, где мы вместе занимаемся разными вещами.

– Например, какими?

Слейзнер на мгновение задумался, прежде чем ответить.

– Много разного, но, отвечая на твой вопрос, иногда мы занимаемся сексом с девушками из эскорта. И я просто хочу подчеркнуть, что это все еще не является незаконным в этой стране, как и, впрочем, все остальное, что мы там делаем.

– Душить женщину до смерти, насколько я знаю, до сих пор не разрешено.

– Я больше имел в виду все остальное, что мы делаем. Что произошло в этом конкретном случае, конечно, вызывает глубокое сожаление.

– Возможно, сейчас будет уместно рассказать, что произошло.

Слейзнер кивнул, после чего подошел и взял бутылку виски, наполнил свой стакан и протянул бутылку Хеску, молча предлагая присоединиться. Хеск протянул свой стакан, дал ему его наполнить, после чего они стали пить, не обмениваясь ни словом, ни взглядом. Когда стаканы опустели, Слейзнер выдвинул стул и сел напротив Хеска.

– Как давно мы с тобой знакомы и вместе работаем?

– Двенадцать лет.

– Тринадцать в сентябре. Помню как вчера, как брал тебя на работу. Я сразу увидел, что ты талантлив, несмотря на относительно молодой возраст. Ни о чем другом и речи не было. Но нанял я тебя не поэтому. На самом деле, ты был далеко не лучшим из тех, кто подал заявки на эту должность. Но то, что у тебя было, чего и близко не было у остальных, так это жажда карьеры. Все в тебе кричало о том, что ты готов на все, чтобы подняться вверх. – Слейзнер рассмеялся и покачал головой. – Многие считают это мерзким, но в тебе я видел себя, и если ты спросишь меня, это лучший стимул, который только может быть. Ты становишься амбициозным и дотошным, и, прежде всего, лояльным к тому, кто может помочь тебе подняться. – Он плеснул еще немного в стакан и протянул бутылку Хеску.

– Достаточно, спасибо. – Хеск поднял руку для отказа.

– Просто скажи, если передумаешь. – Слейзнер осушил свой стакан. – Знаю, что бываю жестким, и что у нас с тобой были мелкие разногласия. Но я ни разу не усомнился ни в твоих способностях руководить расследованием, ни в твоей лояльности. Я всегда мог на тебя рассчитывать, а ты всегда мог рассчитывать на меня. Симбиоз, который, я надеюсь, сможет существовать и дальше, когда я расскажу кое-что, о чем я никогда не собирался рассказывать.

– Ким, у меня расследование убийства в самом разгаре, и если выяснится, что ты сделал что-то, что...

– Ян, будь добр, – перебил Ким. – Если хочешь, чтобы я говорил, то позволь мне говорить. По-своему. Все, что от тебя требуется, это слушать и ждать, пока я не закончу. О’кей?

Хеск кивнул.

– После переписки с Могенсом посредством текстовых сообщений в течение нескольких месяцев, я забираю его вечером 28 июля возле станции Остерпорт, – продолжал Слейзнер. – Уже в машине надеваю ему на глаза повязку и везу в наши помещения.

– Эти помещения, – сказал Хеск, несмотря на обещание молчать. – Примыкают ли они к парковке, о которой мы говорили?

– Боюсь, я не могу в это вдаваться, так как это нарушит наши правила. Это тайное общество, и не то, о чем можно просто трубить во всеуслышание.

– Ким, это...

– Допрос? – перебил Слейзнер, покачав головой. – Нет, это не так. Не вижу никакого звукозаписывающего оборудования или адвоката рядом со мной. Вижу только разговор двух пьяных коллег. О’кей, сама церемония посвящения начинается по плану, и один из обрядов заключается в том, что ты получаешь девушку из эскорта, с которой в принципе можешь делать все что захочешь. В рамках закона, конечно. Это никогда не было проблемой, но в этот раз все выходит из-под контроля. Мы, все остальные, находимся в Хрустальном зале и ждем, когда он закончит, как вдруг слышим выстрел. – Слейзнер всплеснул руками. – Никто из нас ничего не понимает, и Якоб Санд бежит туда посмотреть, что случилось. Как тогда выяснилось, Могенс, придурок, взял с собой один из пистолетов, которым эта девушка, вероятно, завладела. По какой-то причине она выстрелила ему прямо в рот. Просто казнила, другими словами. По словам Санда, девочка была совершенно не в себе и бросилась с криками на него. Это его слова, но у меня нет причин ему не верить. Так или иначе, в целях самообороны, он наконец схватил ее за горло, пытаясь успокоить. Но она вела себя как бешеный тигр, царапала и рвала, куда могла дотянуться, пока, как я понял, замертво не рухнула на кровать. Вот так. Из всего превратиться в ничто за долю секунды. Санд выбежал, позвал меня, я проверил пульс и дыхание и смог лишь констатировать, что девушка умерла.

– Так он ее задушил?

– Да. – Слейзнер кивнул. – Но это была самооборона. Я прямо хочу подчеркнуть. Чистая самооборона.

– А почему вы не обратились в полицию и не подали заявление?

– Конечно, мы должны были. – Слейзнер налил еще виски и осушил стакан одним глотком. – Но легко говорить задним числом. Тогда была полная паника. Все кричали на всех, и в конце концов именно я взял на себя командование, чтобы наилучшим образом выйти из ситуации. Большая проблема с заявлением в полицию – оно нарушило бы некоторые из наших самых основных и важных правил. Одним из них является право каждого человека на полную анонимность.

– Значит, вы скорее нарушите закон, чем...

– Ян, я точно знаю, что ты собираешься сказать. – Слейзнер вздохнул. – И нет, конечно, мы не стоим выше закона. Это может быть трудно понять постороннему, но наши правила глубоко укоренились в сознании каждого члена организации, и я имею в виду очень глубоко, и уверяю тебя, что это далеко не последние люди.

– В моем мире перед законом все равны. – Хеск протянул свой бокал.

– В моем тоже, – сказал Слейзнер, наполняя стакан Хеска. – Я специально указываю на это, чтобы тебе было легче понять мои действия.

– В том, что ты говоришь, я слышу, что ты не имеешь никакого отношения к убийствам.

– Да, совершенно верно. К самим убийствам нет. Но я отвечал за приглашение и прибытие туда Могенса, и, конечно, мне следовало проверить, что он не вооружен, чего я не сделал. Помимо этого, я отвечал за транспортировку девушки и его самого оттуда.

– Но это ведь была машина Могенса. Мне казалось, ты говорил, что забирал его на своей машине.

– Я никогда не говорил, что это моя машина, но да, моя. Поэтому первое, что мне пришлось сделать, – поехать к нему домой и забрать его машину. После этого я сделал все возможное, чтобы это выглядело так, будто они занимались в ней сексом с удушением, а потом он покончил с собой. Тебе, конечно, интересно, как я мог быть таким неумным, и единственный ответ, который у меня есть, – я сосредоточился на том, чтобы, как бы неправильно это ни было,

избавиться от проблемы как можно быстрее. – Слейзнер на мгновение замолчал и покачал головой. – Потом должен сказать, что нам крайне не повезло, что эта проклятая женщина на каноэ опрокинулась именно там и увидела машину. Я надеялся, что пройдет, по крайней мере, несколько месяцев. То, что потом вы с командой оказались гораздо въедливее, чем я рассчитывал, не способствовало улучшению ситуации, хоть это в некотором смысле и вызывает у меня гордость.

Хеск изучал своего босса, пока тот наливал себе еще виски и слегка дрожащей рукой осушил стакан. Были все основания предполагать, что он говорил правду. Если кто-то и мог, не моргнув глазом, симпровизировать достаточно правдоподобную историю, то это был Слейзнер.

Но это был не тот случай. Что-то подсказывало ему, что на этот раз его босс был абсолютно честен. Он, конечно, не мог знать наверняка, но для лгущего человека Слейзнер взял на себя слишком многое, и без колебаний все признал.

Чем была вызвана эта внезапная открытость, он мог только догадываться.

Возможно, он понял, что все это становится несостоятельным. Чем дольше он скрывал правду и напускал туман, тем тяжелее окажется его дело. Или, может быть, он просто сдался и желает только как можно сильнее ускорить процесс.

Дело в том, что Слейзнер не был тем, кто может просто внезапно сдаться. Он был барсуком, который разжимал челюсти, только когда звук раздробленных костей достигал его ушей, что говорило Хеску о скрытом мотиве шефа выложить все карты на стол.

Но как бы там ни было, его план удался, и расследование было практически завершено. Весь их разговор теперь записан на его мобильный. Полное объяснение того, что произошло, и, прежде всего, признание Слейзнера, которое, несомненно, приведет к многолетнему тюремному заключению. Оставалось только подключить Хейнесена и остальных и покончить с этим.

– Ян, надеюсь, ты понимаешь, что это не то, что мне стоило рассказывать, – продолжил Слейзнер после короткой паузы. – Я мог бы тебе выдать совершенно другую, гораздо более незамысловатую историю, которая бы как перчатка подходила к твоим доказательствам

и полностью бы меня оправдывала. Но я этого не сделал, и хочешь знать почему?

Хеск даже не успел заикнуться, прежде чем Слейзнер продолжил.

– Потому что я тебе доверяю. Если бы не наша обоюдная лояльность, я бы никогда не впустил тебя. Я бы вообще не подпустил тебя к руководству этим расследованием. Но вот мы сидим здесь с лучшим виски, который я когда-либо пробовал, и впервые в нашей почти тринадцатилетней дружбе пришла твоя очередь сделать что-то для меня.

– Ким, если ты просишь меня замести это все под...

– До точки, – перебил Слейзнер. – Я был бы чрезвычайно признателен, если бы ты позволил мне договорить до такой маленькой точки, прежде чем выскажешь все свои возражения. Согласен с таким предложением?

Хеск кивнул.

– Спасибо. И не беспокойся, это не займет много времени. Я уже почти договорил. Все, о чем я прошу, чтобы ты продолжил двигаться в уже выбранном направлении и в меру своих возможностей довел расследование до успешного завершения, чтобы все были довольны. Только и всего. – Впервые за долгое время Слейзнер улыбнулся.

– Не уверен, что понимаю. Если я продолжу идти по этому пути, это значит, что я должен задержать....

– Ян, делай то, что ты собирался делать до того, как пришел сюда. Вызови Якоба Санда на допрос и прижми его к стенке. Просто сделай это. Он ответит что-то вроде того, что встретил женщину и занялся с ней сексом где-то во второй половине дня в субботу, 28 июля. Затем объяснит, что они так увлеклись страстью, что посреди кульминации она случайно поцарапала ему шею. Что она делала после, с кем встретилась и что произошло потом, он сказать не сможет, потому что понятия не имеет.

– И что потом? Что будет после этого?

– Ты поблагодаришь его за разговор и отпустишь. Потом у тебя будет развилка. Либо продолжать копать под него и искать доказательства, чтобы его осудить, что будет снова и снова заводить тебя в тупик, или вести расследование в том направлении, к которому ты склонялся, когда впервые увидел два тела в машине. Что Могенс

Клинге задушил ее во время полового акта, а затем покончил с собой. Другими словами, никакого третьего лица в зоне видимости.

– Но все же было совсем не так.

– Да, абсолютно верно. Это не совсем правда. Но это правдоподобный и вполне рабочий ее вариант, точно так же, как когда ты округляешь девять с половиной до десяти, более того, это единственный сценарий, при котором ты сможешь закрыть дело и двигаться дальше. Правдой можно заниматься бесконечно. Но доказать ее ты никогда не сможешь. Ни с помощью косвенных улик, ни с помощью технических доказательств, большую часть которых вы умудрились потерять.

– Только не его мобильный. У нас он все еще остается. Тот, по которому он с тобой связывался.

Слейзнер кивнул и улыбнулся.

– Это правда. Если бы не эта старая труба, нам бы, возможно, никогда не пришлось здесь сидеть. Вопрос в том, как ты собирался доказать, что он общался именно со мной? Ты же не думаешь, что я настолько тупой, что у меня до сих пор остался телефон или абонемент? – Он наклонился к Хеску. – Ян, почему бы тебе не попытаться увидеть в этом возможность, вместо того чтобы сопротивляться и биться головой о стену?

– Возможность? – фыркнул Хеск. – Какую еще возможность?

– Как насчет того, чтобы подняться еще на несколько ступенек и занять мое место?

Хеск посмотрел на Слейзнера, силясь понять, серьезно ли он.

– Ты не ослышался, – продолжал Слейзнер. – И положи руку на сердце, не этого ты разве всегда хотел в глубине души?

– Но я не понимаю. А ты? Что ты будешь...

– Я буду абсолютно честен и признаю, что я потихоньку начал уставать. – Слейзнер сделал глоток виски. – Я устал. Я чувствую, что отработал свое в полиции, и пришло время двигаться дальше.

– Дальше куда?

– Время покажет, но в службе разведки было бы недурно. В конце концов, там только что появилась вакансия, и я убежден, что смог бы сделать много полезного на такой должности. Так что скажешь? – Слейзнер всплеснул руками. – Разве это не слишком хорошая возможность, чтобы ее упустить?

Все, что ему нужно, было записано на телефон. Все и даже больше. Оставалось только встать и уйти. Но что-то в нем колебалось и заставляло его оставаться сидеть на диване и вопрошать, происходит ли это все на самом деле, или это просто какой-то сон, который приснился ему, когда он лежал где-то на Исланде Брюгге, пытаясь протрезветь.

– Твое повышение, которое так тебя обрадовало несколько недель назад, с этим не сравнится, – продолжил Слейзнер. – Что касается карьеры – ты от скорости улитки перейдешь к сверхзвуковой. Сможешь работать совершенно по-другому, более стратегически и масштабно. Будешь собирать разные команды в соответствии с твоими желаниями, и тебе не придется посещать множество мест преступления и проводить бесконечные встречи, чтобы проанализировать значение одной волосинки. Да и, честно говоря, это всегда было не твое. И не мое, если уж на то пошло. Пусть этим занимаются другие, а потом тебе докладывают. Если они добиваются успеха, все лавры достаются тебе. В противном случае остается просто сбросить их вниз. Проще простого.

Хеск поймал себя на том, что сидит и кивает, и подпер подбородок рукой, чтобы перестать. Но Слейзнер был прав. Хотя и трудно было признать это, Хеск всегда хотел стать именно шефом. На самом деле не имело значения, в какой области, пока он тот, с кем считаются. То, что такая возможность появилась у него в полиции, было, по большей части, совпадением.

– Возьми к примеру свою зарплату, которую я, кстати, только что повысил, – продолжил говорить, все ускоряясь, Слейзнер. – Она удвоится, так же, как и твой кабинет, когда ты займешь мой. Или нет, подожди, скорее, он в три раза больше твоего. Ян, ты понимаешь, о чем я? Правила игры изменятся для тебя на всех уровнях.

Хеск снова кивнул, и на сей раз не стал этому противиться. Неважно, было ли дело в алкоголе. Как и подчеркнул Слейзнер, от такого предложения нельзя просто так отказаться, и для поддержания собственной уверенности он протянул свой стакан, который тут же оказался наполнен.

– Отныне у тебя будет свобода, которую ты даже не считал возможной, – сказал Слейзнер, чокаясь с ним. – Возьмем, например, Лоне. Не буду вмешиваться в то, как у вас обстоят дела, но если

спросишь меня, она была совсем не радостной, когда я ее увидел за обеденным столом в тот вечер у вас в гостях. Причиной могло быть все что угодно. Но, по-моему, она выглядела довольно, как бы это сказать, измотанной. В вашей новой жизни, например, ей больше не придется работать. Ты будешь отвечать за финансы, а она сможет посвятить себя походам в спортзал и избавлению от лишних килограммов.

Слейзнер снова поднял стакан, и Хеск последовал его примеру, не зная, делает ли он это, чтобы отпраздновать или чтобы ничего не чувствовать.

– Я хочу сказать, если уж быть совсем честным, не так уж приятно ложиться в постель со всем этим трясущимся повсюду жиром, будто штормит целый океан. Под конец уже не знаешь, мнешь ли грудь или складки. – Слейзнер рассмеялся и продолжил пить.

Но, несмотря на опьянение, ситуация начала проясняться.

– И если этого недостаточно, чтобы убедить тебя, у меня на самом деле есть еще один туз в рукаве. Самый крутой, если спросишь меня. А именно, членство в нашей маленькой ложе. – Слейзнер замолчал, кивая, чтобы дать Хеску время осмыслить сказанное. – К сожалению, не могу сказать, кто еще является членом клуба, пока ты не пройдешь процедуру избрания и посвящения. Но это неважно, потому что ты все равно мне не поверишь. Мы говорим о сливках общества. Лучшие из лучших. Там все и происходит. Там, в нашем маленьком клубе, принимаются настоящие решения. Просто-напросто, там ты будешь своим. – Слейзнер протянул руку для рукопожатия. – Так что скажешь?

Хеск посмотрел вниз на протянутую руку, а затем поднял взгляд и посмотрел Слейзнеру в глаза.

– Думаю, мне пора идти.

– Идти? Ты же не можешь просто уйти? Не сейчас, когда мы будем праздновать и все такое.

Хеск отставил стакан, встал, поборов все промилле в крови.

– Даю тебе время до восьми часов, чтобы подумать о том, как ты хочешь поступить, – сказал он, чувствуя, как от виски распирает горло.

– Нет, эй, погоди-ка, Ян. Подожди и еще раз, как следует, подумай о том, что ты говоришь, пока не стало слишком поздно.

– Либо ты добровольно сдаешься к восьми ноль-ноль, либо я выдам ордер на твой арест.

– Нет, – Слейзнер покачал головой. – Нет, нет, нет, не говори так, Ян. Это неразумно.

– Это единственная разумная вещь, и ты знаешь это так же хорошо, как и я.

– Не после всего, что я сделал для тебя за эти годы. Не после всего этого. Мы связаны, нравится тебе это или нет. Эй! – Слейзнер поднял руки вверх. – Я понимаю, что это все кажется слишком ошеломляющим и ты не можешь сказать «да» прямо сейчас. Ничего страшного. Выспись, и мы снова поговорим завтра, когда протрезвеем. Давай так договоримся? Завтра. Приглашу тебя на ланч, и мы сможем спокойно обсудить все детали. По-моему, хорошая идея?

Хеск просто стоял, глядя на своего босса сверху вниз, и впервые увидел, каким жалким он на самом деле был, сидя там в своем халате, который все время норовил задраться. Опять он не знал что сказать, но на этот раз его это не беспокоило. Все уже было сказано. Все слова были произнесены и могли лишь потерять свою значимость при повторении.

– Слушай, давай договоримся? – добавил Слейзнер. – Давай встретимся завтра и поговорим, а если у тебя возникнут вопросы, просто задавай. Любые. Не имеет значения. Прошу тебя. – Слейзнер соскользнул со стула, опустился на колени перед Хеском и сложил руки. – Видишь? Я даже встал на колени. Если не хочешь вступать в клуб, то о'кей, ничего страшного, я понимаю, это не для всех, хотя уверен, что тебе бы понравилось. Но, может, ты хочешь что-то другое? Что угодно. Просто скажи, и я достану. Что угодно.

Хеск размышлял, стоит ли что-то говорить, отказаться и начать объяснять, но решил просто повернуться спиной и направиться к выходу. Ему показалось, что он услышал позади себя, как Слейзнер с тяжелым вздохом поднялся с пола, как вдруг две руки схватили его за лодыжки и дернули его ноги назад таким сильным рывком, что он плашмя упал вперед, слишком пьяный, чтобы успеть подставить руки.

– Прости, Ян. Прости, я не хотел, – сказал Слейзнер, пока растерянный Хеск с привкусом крови во рту перевернулся на спину и с трудом принял сидячее положение. – Но я не могу просто так дать тебе уйти. Ты же понимаешь? Сейчас, когда я тебе все рассказал.

– Именно это ты и должен сделать, – сказал он, вытирая тыльной стороной ладони вытекшую из носа кровь, прежде чем собраться с

силами для того, чтобы встать на ноги. – Ты дашь мне уйти и подумаешь о том, как поступить. До восьми часов.

– Но я ведь не могу, – Слейзнер схватил его за пиджак, удерживая на полу. – Неужели ты ничего не понял? Ян. Мы должны все обсудить. Как два взрослых мужчины. Верно? Мы же не можем просто...

– Ким, отпусти меня, – сказал он, стараясь говорить как можно спокойнее. – Нам больше не о чем говорить. Не в таком формате.

– Конечно, есть о чем. Есть очень много того, что...

– Сегодня я видел казнь, – перебил он, хотя хотел подождать с этим до официального допроса. – Собственными глазами я видел, как они воткнули нож прямо ему под подбородок и просто оставили истекать кровью, пока все не кончилось.

– Казнь? Не понимаю, о чем ты.

– Правда? Странно, учитывая, что это были те же мужчины, которые уносили меня со сцены. То есть твои люди.

Слейзнер замер, а его зрачки сузились до черных булавочных головок.

– Дуня... Ты общался с Дуней. – Он отпустил пиджак Хеска. – Это единственное объяснение. Ты был на связи с Дуней.

Хеск отчетливо видел, как паника, будто лесной пожар, охватывала Слейзнера, чье лицо становилось все блее и блее по мере того, как его дыхание становилось все быстрее и поверхностнее, как будто он вот-вот потеряет сознание.

Но вместо этого отключился сам Хеск, а когда снова открыл глаза, то понял, что снова лежит на полу.

На этот раз с вывихнутой челюстью, а верхом у него на груди сидит Слейзнер, так крепко прижав колени к его рукам, что он не мог пошевелиться.

– Ким, – сумел сказать он, несмотря на боль. – Что ты делаешь?

– Я? Это тебе решать. – Слейзнер расстегнул пуговицы и распахнул его пиджак. – Потому что я этого не хотел. Действительно не хотел, – продолжал он, ослабляя узел на галстукке и регулируя оба конца так, чтобы они были одинаковой длины. – Напротив я сделал все возможное, чтобы мы не попали в такую ситуацию. – Затем он связал их и потянул руками за концы. – Верно, ведь так?

Хеск попытался ответить, но не смог вымолвить ни слова.

– Верно, я сказал?

Несмотря на то, что он все еще мог дышать, галстук был так туго затянут у него на горле, что его голосовые связки были полностью выведены из строя.

– Но ты не оставил мне выбора. – Слейзнер затянул галстук еще сильнее. – Понимаешь, а? Ты сам загнал себя в этот гребаный угол. Врубаешься, ты, конченный ты идиот?

Боль была далеко не самым страшным. Но кровоток был пережат, отчего голова и вены на шее могли лопнуть в любой момент. Хуже всего было давление на трахею и чувство, как будто снова оказался во втором классе на школьной площадке и не можешь пнуть футбольный мяч, потому что кто-то забрал твоё лекарство от астмы.

– Я никогда никого не убивал. Ни разу за все эти годы. – Слейзнер затянул галстук так крепко, что Хеск мог не только чувствовать, но и слышать, как ломается хрящ вокруг горла. – Это первый раз. Понимаешь? Первый раз. И это твоя вина, Ян. Твоя, сука, вина! Если бы ты только принял мое предложение, ничего из этого не случилось бы. Но ты не мог удержаться, да? Ты должен был идти до конца, хотя я тебя предупреждал. Несмотря на то, что я сделал все возможное, чтобы ты понял, и давал тебе один шанс за другим. Несмотря на это, тебе надо было продолжать выеживаться, да? Так что это ты меня до этого довел. Ты и никто другой! Правильно, Ян? Правильно, я сказал?

Но Хеск не мог ответить.

Он не мог даже попытаться.

Часть 2

6–8 августа 2012

Конец или не конец? Вечный вопрос.

Ничто не длится вечно. Даже Вселенная. Для меня вопрос всегда заключался в том, что будет после. Что скрывается за гранью бесконечности. Возможно, это только конец начала.

Единственное, что я знаю наверняка, – слова иссякли и потеряли свое значение. Желание попытаться объяснить. Рассказать.

Когда это произойдет, останется только отложить ручку и встать. Выйти из-за стола и перейти от слов к делу.

– К сожалению, не могу ответить на ваш звонок прямо сейчас, поэтому, пожалуйста, оставьте сообщение, а еще лучше – отправьте СМС, и я с вами свяжусь как можно скорее.

Мортен Хейнесен сбросил звонок, положил мобильный телефон на стол и встретил вопросительные взгляды Хеммера и Берн сторфф.

– Может, он просто проспал, – пожал плечами Хеммер. – Вчера он выглядел довольно усталым и измотанным, если не сказать больше.

– Он может быть каким угодно уставшим. – Хейнесен покачал головой. – Ян не из тех, кто просыпает.

– Может быть, он просто немного удручен и хочет побыть один, – сказала Берн сторфф.

– Удручен?

– Да, после вчерашнего, когда его подозрения в отношении Слейзнера рухнули. Он явно вложил в это душу, поэтому, когда вместо этого мы получили совпадение с Якобом Сандом, он как будто сник. Разве ты не заметил?

Хеммер кивнул.

– Разве все это не странно? В смысле, о'кей, Ким Слейзнер явно не самый милый тип в управлении. Но что именно он может стоять за убийствами, назначит коллегу для ведения расследования, а затем, когда все пойдет не так, как задумано, организует всю эту операцию, чтобы замести за собой следы, учитывая все риски быть разоблаченным, которые это за собой влечет, – он покачал головой. – Нет, тут как большинство теорий заговора. Мотивы просто-напросто не выдерживают критики.

Бернсторфф кивнула.

– Вопрос в том, сможет ли он вообще продолжать работать здесь, в отделе. Я бы на его месте не чувствовала себя полностью комфортно.

– Может, поэтому его здесь нет. Я имею в виду, все-таки именно Слейзнер вызвал нас сюда на брифинг о том, как продвигается расследование.

– Нет, конечно нет, – сказал Хейнесен. – Ему точно все это не очень нравится, но он никогда бы вот так просто не отступил. Никогда.

– О'кей, но очевидно его здесь нет, – сказала Бернсторфф, и взглянула на свои наручные часы. – Так, что скажете, если мы все-таки начнем встречу? На самом деле, у меня есть несколько вещей, которые я хотела бы с вами обсудить до прихода Слейзнера.

– Ты думаешь о Якобе Санде, – сказал Хеммер.

– Да, дело в том, что, если мы вызовем его на допрос, целого дня у нас нет. Из того немногого, что я о нем знаю, есть действительно немалый риск, что ему вдруг взбредет в голову покинуть страну на одном из своих частных самолетов. Или что скажете, Мортен? – Она повернулась к Хейнесену. – Может, нам стоит действовать оперативно?

Он не был готов к этому вопросу. Еще меньше к тому, чтобы принять такое решение. Все эти годы он был маленькой серой мышкой, которую никто никогда не замечал. Теперь вдруг он оказался самым опытным из присутствующих.

Больше всего он хотел, чтобы появился Хеск, чтобы они успели договориться до того, как войдет Слейзнер. Теперь перед ним внезапно встали стратегические решения, только потому, что Хеск проспал, или с ним еще что-то случилось. Хейнесен никогда не стремился руководить расследованием, и не искал повышения. Как всегда, был вполне доволен своим местом и считал трудным, чуть ли не невозможным представить себя на месте руководителя.

– О'кей, – сказал он, кивнув в попытке временно снять с себя ответственность. – Давайте начнем.

Берн сторфф встала и подошла к доске, где взяла один из маркеров и нарисовала несколько линий.

– Как вы знаете, мы установили слежку за его домом с прошлого вечера, и она показала, что Санд пришел домой в полтретьего ночи, так что не будет странным предположить, что он все еще спит. Если спросите меня, это просто отличный момент, чтобы вызвать его на допрос.

Хейнесен снова кивнул. Не было никаких сомнений в том, что имеет смысл не терять времени. Санда нужно допросить как можно скорее. В лучшем случае, они смогут надавить на него достаточно сильно, чтобы получить признание, после чего расследование в принципе будет завершено.

И все же он не мог полностью включиться в работу. Его крайне беспокоило, что Хеск не пришел, и где-то в глубине души ему было

трудно поверить, что коллега просто проспал из-за разрядившегося телефона. Тот Хеск, которого он знал, никогда бы себе такого не позволил. С другой стороны, последние несколько дней он был сам на себя не похож.

С самого первого дня расследования он выглядел необычно взволнованным и пребывал в стрессе. В таком стрессе, что вчера вечером был на грани маниакального состояния. И вот на следующее утро он вдруг просто исчез.

– Хорошо, – Берн сторфф провела на доске последнюю черту. – Как видите, рисование не было моим сильным предметом, но с долей фантазии вы можете вообразить тут дом Санда. Он находится на углу Фридендальсвей и Якобис Алле во Фредриксберге. Он имеет четыре разных входа, по одному с каждой стороны, и пожарную лестницу, спускающуюся с верхнего этажа на крышу гаража. Сейчас я, честно говоря, не думаю, что он будет пытаться сбежать, когда мы позвоним в дверь главного входа. Но на всякий случай, полагаю, у нас должно быть по меньшей мере шесть... – Ее прервал зажужжавший на столе мобильный телефон Хейнесена. – Это Хеск?

Хейнесен поднял трубку, увидел незнакомый номер и ответил.

– Да, Мортен слушает.

– *Мортен Хейнесен?* – раздался женский голос.

– Да, совершенно верно. С кем я разговариваю?

– *А вы – коллега Яна Хеска. Верно?*

– Да, верно. Мы много работали вместе.

– *Отлично. Я была немного не уверена, правильный ли это номер.*

– Простите, но с кем я разговариваю?

– *Меня зовут Лоне. Лоне Хеск, я жена Яна.*

– Ах вот оно что, здравствуйте. Рад, что вы позвонили. Мы уже начали беспокоиться, где он. Мы должны были начать тут собрание полчаса назад.

– *О боже мой...* – было слышно, как у нее перехватило дыхание и она старалась сдерживать слезы. – *Так, значит, вы не знаете, где он?*

– Нет, мы думали, что он, возможно, просто проспал и появится здесь с минуты на минуту.

– *Я чувствовала. Правда. Еще вчера я почувствовала, что что-то не так. Я приготовила ужин, курицу в духовке, которую, я знаю, он любит, и на десерт пирог из ревеня с ванильным кремом. Я даже*

убрала охладиться одно из его любимых вин. На самом деле, у нас были небольшие, я бы сказала, трудности в последнее время. Хотя в действительности, это я в основном на него злилась, и теперь хотела попытаться...

– Лоне, – перебил он и подождал, пока она договорит. – Ян вчера не приходил домой?

– *Нет, и он всегда звонит, когда сильно задерживается. Всегда. Но вчера он не позвонил. Просто тишина, а я не хотела звонить, зная, что у вас разгар расследования убийства, и вы не хотите, чтобы вас беспокоили. Но я все равно позвонила, и уже было совсем поздно, а он не отвечал. Сейчас то же самое. Я пробовала несколько раз, но там только автоответчик, который включается все время.*

Дверь открылась, и вошел Слейзнер. Доброе утро, доброе утро.

– *Что мне делать?* – продолжала Лоне на другом конце. – *Вдруг с ним что-то случилось.*

Слейзнер закрыл за собой дверь, обводя глазами помещение.

– Все хорошо выспались?

Хеммер и Берн сторфф кивнули.

– Замечательно! Слышал, что вчера вы работали допоздна, а в таких случаях на следующий день легко может поубавиться энтузиазма.

– С нами все в порядке, – сказала Берн сторфф. – Справимся.

– Ну и отлично. Ради всего святого, не хотел бы беспокоить вас в разгар вашей работы, я здесь только для того, чтобы узнать, как идут дела, и на каком этапе вы находитесь.

– Лоне, – сказал Хейнесен. – Наверняка, все в порядке. Могу я вам перезвонить минут через двадцать? Я сейчас сию на мероприятии.

– *Но ведь с ним ничего не случилось? Ведь не случилось, или случилось?*

– Насколько я знаю, нет, а я бы, конечно, знал, если бы было что-то серьезное. Но я перезвоню вам чуть позже, и тогда поговорим подробнее. Договорились?

– *Хорошо. Я здесь, так что просто позвоните мне. Лучше как можно скорее.*

Хейнесен сбросил звонок и повернулся к Слейзнеру и остальным.

– Это жена Яна. Она беспокоится, что с ним что-то случилось.

– Да, я как раз хотел спросить, где он, – Слейзнер обвел глазами помещение. – Я думал, что он здесь уже всюду вещает.

– Нет, на самом деле, мы не знаем, где он. Я пытался дозвониться до него, но ответа нет, и, по словам его жены Лоне, он так и не вернулся домой вчера вечером.

– Ой-ой. – Слейзнер встретился взглядом с остальными. – Звучит нехорошо. Совсем нехорошо. Когда вы видели его в последний раз?

– На совещании вчера вечером, – сказал Хеммер.

Слейзнер кивнул и взялся за подбородок.

– Думаете, это может быть связано с расследованием?

Хейнесен пожал плечами.

– Честно говоря, понятия не имею. Вчера мы получили результаты по образцам ДНК кожи под ногтями женщины, и они принадлежат Якобу Санду.

– Якобу Санду? – У Слейзнера был такой вид, будто он ослышался.

– Да, знаете предпринимателя, который...

– Я знаю, кто такой Санд. Но вы же не хотите сказать, что он стоит за убийствами?

– Есть некоторые свидетельства в пользу этого, – заметил Хейнесен.

– Кстати говоря, я считаю, что нам не стоит долго ждать, чтобы задержать его и допросить, – сказала Бернсторфф.

– Да, конечно нет. – Слейзнер покачал головой. – Если у вас есть совпадение ДНК по нему, то надо разобраться с этим как можно скорее.

Берн сторфф кивнула и встала.

– Но, пожалуйста, проследите, чтобы операция прошла чисто и аккуратно, – продолжал Слейзнер. – Учитывая его имя, нам нужно постараться не делать слишком много шума. По крайней мере, пока мы не будем знать наверняка. Возможно, есть другое объяснение.

– Конечно. Мы поедem в гражданской одежде и позвоним в дверь, – сказала Берн сторфф и вышла из помещения.

– И что нам делать с Хеском? – Хейнесен поднял свой мобильный телефон. – Я обещал перезвонить его жене.

– Вы имеете в виду Лоне, – сказал Слейзнер. – Я возьму это на себя. Не беспокойтесь. Мы много раз встречались на ужинах в те

времена, когда ваш покорный слуга был женат, так что знаем друг друга довольно хорошо. Но должен сказать, что все это довольно тревожно. – Он отвел глаза в сторону. – Что она сказала, когда вы с ней разговаривали?

– Что он не звонил и не приходил домой вчера, и что в последнее время между ними все было не очень гладко. Она злилась на него и, похоже, испытывает угрызения совести.

– Возможно, именно в этом кроется объяснение, – сказал Хеммер. – Может быть, он просто остановился в отеле, чтобы немного отдохнуть и отключиться от скандалов.

– Нет, значит, ты не знаешь Хеска. – Слейзнер покачал головой. – Это совсем на него не похоже. Он сама четкость и никогда бы вот так не исчез с радаров в разгар расследования, за которое к тому же сам отвечает. Есть ли еще что-нибудь помимо образцов ДНК? Что-то, за что мог взяться Хеск и что каким-то образом заставило его... – Слейзнер всплеснул руками и вздохнул. – Да, не знаю. Попасть в какую-то передрагу? Что бы это ни было.

– У этого расследования много разных направлений, – ответил Хейнесен. – Как тот старый мобильный телефон, который он нашел дома у Клинге с текстовыми сообщениями, из которых следовало, что он был принят в какое-то тайное общество.

– Тайное общество, – рассмеялся Слейзнер. – Ну, почему бы и нет? Я не удивлюсь, ни в отношении Клинге, ни в отношении Санда, если уж быть честным. – Он покачал головой. – А этот старый мобильный телефон. Где вы его храните?

– У Хеска дома. У нас ведь был взлом и пропали многие доказательства.

– Да, я слышал. Абсурд. Но если этот телефон окажется важным, то мы о нем услышим. Так же, как, надеюсь, скоро услышим что-то от Хеска. Кстати, вы не пробовали триангулировать мобильный Санда?

– Пробовали, еще вчера, как только получили результаты анализа образцов ДНК, – сказал Хеммер.

– И где он был тогда?

– На парковке на Остерброгаде, и странное дело, похоже, что именно там Санд находился в последние ночи.

– Почему это так странно? Он ведь поступает так же, как и другие, – паркует там свою машину?

– В таком случае, он также паркует там и свой мобильный телефон, потому что он ни разу не покидал парковку, пока Санд оттуда не уезжал, а это обычно происходило несколько часов спустя.

Слейзнер кивнул и снова коснулся подбородка.

– Да, это, бесспорно, звучит немного странно. – Он повернулся к Хейнесену. – Что скажешь, Мортен? Может, тебе стоит поехать туда и взглянуть? Кто знает? Есть вероятность, что он туда вчера заезжал по дороге домой. Если повезет, там могут быть даже камеры наблюдения, которые смогут дать нам ответы.

Хейнесен кивнул и встал, испытывая некоторое облегчение от того, что кто-то другой встал у руля, но одновременно чувствуя беспокойство. Не только из-за того, что случилось с Хеском, но, возможно, больше всего из-за смутного предчувствия, которое все росло в последние несколько минут после того, как Слейзнер возглавил совещание.

Фабиан сдал ключи, бумажник и мобильный телефон, его обыскали и просканировали, прежде чем провели дальше по одному из тюремных коридоров. Несколько запертых дверей и ворот спустя он вошел в комнату для посетителей, в которой, помимо стола на четверых, дивана и кушетки, обстановку оживляли пластмассовые цветы на окне с решеткой и несколько акварельных изображений клоунов в пастельных тонах на стенах.

Он обдумывал сообщение, полученное от Ингвара Муландера дома, в подвале, и понял, что помнит его дословно, до мельчайшего знака препинания.

Привет, Фабиан,
узнал о твоём сыне Теодоре и приношу соболезнования. Ходят разные слухи, до меня доходят разные вещи здесь, в изоляторе. Вещи, которые могут представлять интерес. Если хочешь узнать больше, просто как-нибудь сюда загляни. У меня, как ты знаешь, есть все время мира.

С наилучшими пожеланиями, Ингвар Муландер

Это сообщение перевернуло почти все в нем с ног на голову. Приняв решение не углубляться в события, связанные со смертью его сына, и вместо этого направить всю энергию на Соню, Матильду и предстоящие похороны, сейчас он делал абсолютно противоположное.

Он выдвинул один из стульев, сел за стол и кивнул надзирателю, который за ним следовал, что тот может уходить. Ему было приятно прийти туда первым. Что это Муландер к нему придет, а не наоборот.

Пять недель, не больше, прошло с тех пор, как он арестовал собственного криминалиста полиции Хельсингборга около Северного порта. Тогда он не мог думать ни о чем другом. Единственное, что имело значение, – накопить достаточно веских доказательств для вынесения обвинительного приговора. Чтобы его больше никогда не выпустили.

С тех пор он больше о том деле не думал. Как будто одним махом Муландер и все совершенные им убийства стерлись из памяти и превратились в нечто такое, о чем он максимум читал в газете. То, что его бывший коллега находился не более чем в нескольких сотнях метров от полицейского управления в ожидании суда, роли не играло. Суда, от которого никто не ожидал ничего другого, кроме пожизненного заключения. Вероятно, и сам Муландер.

Фабиан же не испытывал ни малейшего беспокойства. До текущего момента, когда ему пришлось сидеть здесь и ждать. Неужели Муландер что-то задумал? Могла ли эта встреча оказаться частью чего-то большего, что в конечном итоге может подорвать все обвинение?

Узнать это было невозможно. Так происходило всегда, когда дело касалось Муландера.

Вот почему ему всегда было так трудно чувствовать себя комфортно и расслабленно в компании коллеги. Хотя вместе они раскрыли несколько самых сложных дел об убийствах в стране, он всегда чувствовал, что, как только они оказывались в одном помещении, могло случиться все что угодно. Этот Муландер – последний человек, которого стоит держать у себя за спиной.

Он не знал, чувствуют ли остальные члены команды то же самое. Многие, вероятно, были одурачены его высокой компетентностью. К тому же, глаза его всегда горели, что играло ему на руку. Никто не умел, как Муландер, поддерживать хорошее настроение независимо от того, насколько страшным было дело, над которым они работали.

Несложно было вообразить себе, что он делает это ради команды.

Он и сам так думал, пока не начал что-то подозревать. Но для Муландера это всегда было просто текущим расследованием. Чем отвратительнее и жестче преступник проявил себя по отношению к своим жертвам, тем лучше становилось настроение у Муландера. И вот он сам в полной мере вдохновился их подвигами.

Ходят слухи, говорилось в сообщении с намеком на самоубийство Теодора. Этого хватило, чтобы он перезвонил на тот же номер, рассчитывая узнать больше. Но гудки провалились в неизвестность, и ему, наконец, пришлось смириться с тем, что он должен нанести личный визит.

– Ого, вот и он! – воскликнул Муландер, когда вошел в комнату для свиданий в сопровождении надзирателя. – Человек, миф, легенда,

и не в последнюю очередь, мой старый любимый коллега. Как приятно тебя видеть! И как ты? Конечно, все еще предпочитаешь эспрессо?

Фабиан кивнул, размышляя, стоит ли ему встать для приветствия, но остался сидеть на месте.

– Мне пришлось привыкнуть к сваренному кофе с таким высоким рН, что он может вывести из строя любой желудок, – продолжал Муландер, который явно был в прекрасном настроении. – Но, может быть, можно сделать небольшое исключение и попросить два капучино по случаю такой замечательной встречи? – Он повернулся к надзирателю в дверном проеме и сложил руки. – Пожалуйста.

– Хорошо. Устрою, – сказал надзиратель и повернулся, собираясь уходить.

– О, я вам бесконечно благодарен. И если не трудно, пожалуйста, добавьте сверху тонкий слой корицы и сахарной пудры, – крикнул ему вслед Муландер, прежде чем усесться напротив Фабиана.

– Знаешь, у них есть настоящая кофемашина в комнате для персонала, наверняка чтобы подразнить нас, простых смертных. Но они даже не знали, как ею пользоваться, пока я не приехал сюда. – Он покачал головой, замолчал и посмотрел Фабиану в глаза. – Как приятно тебя видеть. Я не был уверен, придешь ли ты, учитывая, что, как ты понимаешь, я не мог отправить сообщение с собственного телефона.

– Насколько я понимаю, тебе в принципе нельзя отправлять сообщения.

– Да, это правда, – рассмеялся Муландер. – Это запрещено примерно так же, как и чашечка вкусного эспрессо. Но, по крайней мере, теперь ты здесь, и виделись мы не вчера.

– Тридцать девять дней, – сказал Фабиан с каменным лицом. Ему совершенно не хотелось изображать радость.

– Значит, ты тоже считаешь. Интересно, – Муландер кивнул. – Как будто обе наши жизни навсегда будут связаны с датой – 28 июня 2012 года. Кто знает. – Он пожал плечами. – Может быть, когда-нибудь мы вместе напишем об этом книгу.

– Я не считаю. Я только сейчас проверил по дороге сюда. А так я вообще не думаю ни об этом, ни о тебе.

Муландер улыбнулся в ответ.

– Помнишь нашу первую встречу? Ты был новичком и собирался в отпуск, а мне наконец досталось убийство в классе для рукоделия в школе Фредриксдаль, в расследование которого можно было погрузиться. Расследование, которое оказалось далеким от стандартного и банального. И уже тогда меня поразила твоя способность видеть то, чего не видит никто другой. И все же я тебя недооценил. – Он засмеялся и покачал головой. – Не то чтобы я не знал, что ты занимаешься тайным маленьким расследованием против меня. Я понял это сразу же. На самом деле, я даже рассматривал это как....

– Ты что-то упоминал о слухах, касающихся смерти моего сына, – перебил Фабиан.

– К чему спешка?

– К тому, что у меня нет целого дня.

– Вряд ли мне нужно это подчеркивать, но у меня, кстати, есть. – Муландер обернулся к надзирателю, вошедшему с двумя чашками капучино на подносе. – Вау, Бенган, похоже на этот раз ты превзошел сам себя. Если бы только у меня была возможность, я бы тебе заплатил хорошие чаевые. – Он пододвинул одну чашку Фабиану, а другую поднес ко рту и отпил.

– Ммм... идеально. Я даже заставил их закупить качественные зерна и большую кофемолку. Попробуй сам, поймешь.

– Ингвар, я здесь не для того, чтобы сидеть и мило болтать, вспоминая старое. Я здесь, потому что ты прислал сообщение, в котором...

– Ты знаешь, что ты первый, кто пришел навестить? – перебил Муландер и отпил кофе. – Никто из команды не зашел, несмотря на то, что мы фактически соседи. Даже Гертруда не удостоила меня небольшим визитом. Хочу сказать, не слишком ли это аморально?

– Не знаю. Она ведь все еще госпитализирована и проходит лечение.

– Насколько я слышал, она снова на ногах и активно проходит реабилитацию, так что прогулка сюда, вероятно, только бы пошла ей на пользу.

– То есть ты не считаешь, что твое покушение на ее жизнь немного сбавляет энтузиазм? Все-таки ты запер ее в погребе и оставил там лежать.

– Ну как, покушение. – Муландер пожал плечами. – Поверь. Если бы я хотел, чтобы она умерла, она бы была совсем не в реабилитационном центре. Кроме того, она пролежала там всего несколько дней. Это ничто по сравнению с тем, сколько мы были женаты. Почти тридцать пять лет. Это больше, чем вы с Соней сможете достичь, уверяю.

– Давай лучше поговорим о тех слухах. Что конкретно ты слышал?

– Ты знаешь, как это бывает. Как шепчутся в коридорах в таких вот местах. Думаю, единственное, что может это переплюнуть, – учреждение для женщин. – Муландер рассмеялся. – Если веришь в половину, то ты настолько глуп, что нет уверенности, проживешь ли тут больше года. Если веришь в десятую часть, ты просто наивен. – Он покачал головой. – Но когда я услышал, что говорят о Теодоре, сомнений у меня не было. Я, как, уверен, ты знаешь, наблюдал за тобой и твоей семьей с прошлой весны, и, увы, не сильно удивился, видя, как плохо парень себя чувствовал.

– Слухи, – повторил Фабиан, изо всех сил стараясь не дать волю эмоциям. – Лучше расскажи о слухах. – На самом деле, Муландер этого и добивался. – Обо всем остальном можешь поговорить со своим психотерапевтом или с кем-то еще, кто готов слушать. – Дразнить его и таскать по кругу, пока не сорвет крышку.

– Почему я должен ходить на терапию? – глотнул кофе Муландер. – Это ведь не мой сын покончил с собой. Это не я считал все остальное настолько более важным, чем быть рядом с ним, когда он больше всего во мне нуждался.

– Ты ничего не знаешь.

– Да, правда. Кто я такой, чтобы сидеть здесь и думать, что знаю, как ты себя чувствуешь? Ты ведь преуспевал во всем, за что брался. Например, смог арестовать и меня, и Убийцу с кубиками. Так что, в некотором смысле, ты можешь быть вполне удовлетворен. Пофиг, что это стоило жизни твоему сыну. Все мы сами расставляем приоритеты, не так ли?

Фабиан встал со стула, полностью сосредоточившись на том, чтобы движения были максимально спокойными и собранными.

– Думаю, мне лучше уйти.

– Уже? Ты даже не попробовал кофе.

– Я не очень люблю корицу и сахар.

Он пошел к двери спокойным уверенным шагом. То, что Муландеру было нужно только его побесить, не должно было его удивлять. Конечно, у него была потребность отомстить, ткнуть пальцем туда, где больнее всего.

– Пребен, так его зовут, – сказал Муландер, как только Фабиан взялся за дверную ручку. – Тот, кто был доставлен сюда после того, как отсидел несколько месяцев в Хельсинере.

Ему хотелось только открыть дверь, выйти и оставить все это позади. Запереть и к черту выбросить ключ. Но он уже показал намерение обернуться.

– Как тебе? – продолжил Муландер, снова глотнув кофе. – Было ли у его родителей чувство юмора, или у них просто выдался плохой день, когда им пришлось в голову из всех имен выбрать для своего сына Пребен? Интересно, каков был бы шведский эквивалент? Что скажешь? Свенне Банан или, может быть, просто Фабиан?

Фабиан не ответил, а просто стоял, глядя с пустым взглядом на бывшего коллегу.

– А, хорошо, не бери в голову. Я это к чему: узнав, что мы с тобой работали вместе, он рассказал мне, что был приказ, переданный датским надзирателям. Приказ высшего руководства использовать все возможные средства, чтобы давить на твоего сына, пока он... Да, пока он просто не сломается. – Муландер рассмеялся. Смех, который был совершенно неуместен. – Да, можешь подумать, что это я подбираю такие слова, но это не так. Они на самом деле так сказали. *Пока он не сломается*. Как будто он был фарфоровой куклой, которую можно просто раздавить.

Фабиан молчал.

Снаружи.

Чувство, что она висит на кончиках пальцев, всю ночь не отпускало Дуню. В тот момент, когда силы у нее кончатся и пальцы соскользнут с края, она упадет, и все упадет вместе с ней в черные бездонные глубины. Вниз, в вечную темноту. То, что снаружи солнце стояло высоко на пока безоблачном небе, ничего не изменит. Все будет кончено.

Фарид, вероятно, боролся с тем же, что и она. Пытался переварить и прожить картины казни Цяна, который стоял на коленях и ждал, когда что-нибудь произойдет. Шок, который их охватил, когда нож вонзился ему в горло. И ее, и Хеска, и Фарида, но это было ничто по сравнению с тем, что, должно быть, чувствовал Цян.

Она видела это в его глазах. Ужасная боль, но прежде всего, недоумение по поводу того, что же произошло на самом деле. Как так вышло, что именно он там оказался. И так же, как его сердце автоматически продолжало выкачивать кровь изо рта и горла, ей оставалось только надеяться, что он тоже не успел ничего понять, прежде чем все было кончено.

До сих пор они с Фаридом не говорили об этом. Они вообще не разговаривали друг с другом. Она периодически пыталась завести разговор, но тут же получала четкие сигналы, что он не готов. Вместо этого воцарилось молчание, и в нем они импровизировали и пришли к какому-то единству, которое, по крайней мере, помогло им пережить эту ночь целыми и невредимыми.

Они спали по очереди, по часу за раз, в то время как один следил за территорией вокруг фургона с помощью камеры или обеспечивал движение фургона, чтобы зарядить батареи и избежать чересчур любопытных глаз.

Уже два часа как они вернулись в центр, где со свободного парковочного места на улице Вестер Сегаде на безопасном расстоянии, каждый с биноклем, они могли между плакучими ивами наблюдать за шахматным домом на другом берегу озера Санкт Йоргенс, чтобы убедиться, не пришли ли к ним незваные гости.

Что происходило с Цяном до включения камеры, им было неизвестно. Заставили ли его те двое раскрыть, где именно они базировались и какой информацией владели. Но с этим ничего не поделаешь. Даже если они рискуют попасть в засаду, они не могут просто бросить дом на произвол судьбы. Там у них была большая часть оборудования, и в первую очередь – доказательства, и, как будто в едином порыве, они опустили бинокли и повернулись друг к другу.

– Что скажешь? – спросила она. – Рискнем?

Фарид кивнул, после чего они вышли из фургона и пошли вдоль озера в тени деревьев, мимо планетария Тихо Браге и дальше вокруг, все время ища глазами подозрительные движения у прохожих. Таких, как пара на скамейке, прислонившиеся друг к другу в интимной беседе, и старик у кромки воды, кормящий уток, или пыхтевшие бегуны, потные и с красными лицами.

Но все и все казались совершенно нормальными, и вскоре они смогли протиснуться сквозь густую живую изгородь и подойти к дому, где они немного подождали, а затем завернули за угол, направляясь к входу.

Зайдя в дом, они осмотрелись в поисках признаков того, что кто-то там побывал. Но все выглядело так же, как и вчера, когда они покинули дом. Чашка с засохшим кофе рядом с открытым пакетиком лакричных конфет «Юнгельвраль». Провода, тянущиеся от прибора к прибору разноцветными переплетениями, которые невозможно распутать. Незастеленные матрасы на полу и затхлый, с легкой примесью пота запах. Все как обычно.

– Может, он все-таки ничего не рассказал, – сказала она, вытряхивая последнюю конфету «Юнгельвраль» из пакетика.

– Да, может, и нет. – Фарид подошел к своему рабочему месту, где повернул один из компьютеров, вытащил кабели и приподнял системный блок.

– Прежде чем мы начнем, может быть, нам стоит обсудить дальнейшие действия? Остаться ли нам здесь или переехать в другое место. И в таком случае, что взять с собой.

– Давай, говори, – сказал Фарид, отсоединяя материнскую плату. – Это у тебя хорошо получается. Я просто заберу свои вещи. А потом уйду отсюда.

– Что? Что, уйдешь отсюда? Я что-то пропустила? Ты ведь не можешь просто так уйти и оставить меня со всем этим?

– Это именно то, что я могу, и именно то, что я собираюсь сделать, – сказал Фарид, продолжая отсоединять печатные платы и другие мелкие детали и упаковывать их в свой рюкзак.

– Вот как? И куда ты собираешься валить, позволь спросить? Домой, в свою маленькую квартиру? Что ж, удачи.

Фарид вздохнул и, наконец, повернулся к ней.

– С этого момента, наверное, будет лучше, чтобы мы друг о друге знали минимально.

– Но, значит, я правильно понимаю. Всего несколько дней назад ты собирался все бросить и свалить, потому что считал, что на Слейзнера у нас ничего нет. Что мы исчерпали все возможности и что все это было лишь плодом моего воображения. А теперь ты сваливаешь, потому что знаешь, что истина этому прямо противоположна.

– Называй это как хочешь. Как тебе больше нравится. Мне все равно. В любом случае, я просто уйду отсюда как можно быстрее.

– Да, я понимаю. Но чего я не понимаю, так это, черт возьми, чем ты думаешь. Ты серьезно полагаешь, что они просто останутся безнаказанными? Что им позволено убить, или нет, казнить твоего лучшего друга прямо у тебя на глазах? Так ты рассуждаешь? Что для тебя важны только твои чертовы печатные платы?

– Это твоя война. Твоя, а не моя, – обернулся к ней Фарид.

– Возможно, она была моей. Но это в прошлом. После того, что случилось, теперь, как никогда, она должна быть нашей.

– Есть много того, что должно быть. Например, мы с Цяном должны были давно покинуть этот тонущий корабль. А хочешь знать, почему мы этого не сделали? А? Хочешь? Потому что ты платила нам зарплату. Наверняка тебе хочется верить во что-то другое, что тебя больше устраивает. Но твое выходное пособие было единственной причиной, по которой мы остались. И догадайся сама, считал ли Цян, что оно того стоило. Так что да, я думаю о своих печатных платах, но прежде всего, я думаю о своей жизни.

– О'кей, так ты, правда, считаешь, что можешь просто выйти отсюда, и на этом для тебя все закончится?

– Ему нужна ты, а не я.

– Прямо сейчас, да. Но как только он покончит со мной, ты будешь одним из первых в его списке. Потому что он так действует. Он от этого получает удовольствие, и для него это никогда не закончится. Он просто будет продолжать и продолжать, пока кто-нибудь его не остановит.

– Ну, в твоих словах я не сомневаюсь, – сказал Фарид, пока складывал в рюкзак последние вещи. – И именно поэтому собираюсь позаботиться о том, чтобы он меня не нашел.

Дуня вздохнула. Она хотела что-то сказать. Что-то, что может заставить его передумать, но все уже было сказано.

– Хорошо, – произнесла она наконец и кивнула. Слова закончились. – Ну, тогда все. – Она всплеснула руками, в основном потому, что не знала, куда их деть. – Желаю тебе всего хорошего, куда бы ты ни отправился.

Фарид кивнул и застегнул рюкзак.

– Кстати о зарплате, ты все еще должна мне за июль.

– Конечно. Нет проблем. Я позабочусь об этом.

– О'кей. – Фарид продолжал кивать, как будто тоже не знал, что ему делать. Затем развернулся и закинул рюкзак на плечо. Напоследок он достал из кармана мобильный телефон и положил его на стол вместе с ключами от дома и фургона. – Ну, тогда я пошел. – Он неловко помахал рукой и направился к двери.

Дуня осталась стоять, глядя ему вслед. Ей хотелось крикнуть ему и позвать обратно. Угрожать пистолетом, если бы он у нее был, и заставить одуматься. Но именно это он уже сделал. Теперь она поняла это. У него не было ничего, ради чего стоит возвращаться. Никакого плана. Никакого пути вперед. Ничего, кроме осознания того, что они проиграли.

Тем не менее, он остановился и повернулся к ней лицом. Не из-за того, что он что-то забыл или передумал, а из-за голосов.

Английская речь совсем рядом, снаружи.

Не было времени размышлять и взвешивать различные варианты. Вариантов не было. Мужчины уже всю пытались открыть дверь, которая вот-вот должна была поддаться. Они переглянулись, и этого хватило, чтобы принять решение.

Когда до них донесся звук выбиваемой двери, они уже поднялись по лестнице в ее спальню на чердаке, где им оставалось только

надеяться, что мужчины больше заинтересованы в оборудовании внизу и в том, что в нем может находиться, чем в их поисках.

По крайней мере, по звукам не похоже, чтобы кто-то из них шел вверх. Даже не похоже, что они что-то ищут. Вместо этого они поставили что-то на пол, что-то твердое, возможно, металлическое, пока разговаривали, или скорее бормотали друг другу. Вскоре после этого ей показалось, что она слышит хлопок воды, как будто они наполняют кофеварку, или что-то в этом роде. Но это исключено. Неужели они так расслаблены, что нашли время на чашку кофе?

Затем наступила тишина. Полная тишина. Даже бормотание стихло.

Она взглянула на Фариду и увидела, что он, точно как и она сама, не решался ничего предпринимать, кроме как ждать, пока мужчины уйдут. Тем временем тишина так и висела, как будто тоже затаила дыхание в ожидании того, что произойдет.

В конце концов понять, что мужчины ушли, Дуню заставил запах. Едкий запах дыма.

– Пойдем! – сказала она, поспешно спускаясь вниз. – Пока он не успел далеко распространиться.

Но оказавшись внизу, она увидела, что большая часть технического оборудования уже была охвачена пламенем и испускала черный клубящийся дым, который быстро заполнял комнату.

– Я принесу огнетушитель, – крикнул Фарид и бросился бежать в сторону кухоньки.

Но огонь уже распространился так сильно, что жар не позволял подобраться достаточно близко для тушения.

– Слишком поздно! – крикнула она Фариду. – Он уже сильно распространился! Она не понимала, как это могло произойти так быстро. До того момента, как не увидела пламя, ползущее с обеих сторон и окружавшее ее стеной огня. Она слышала не воду. Это был бензин.

– Дуня, нам надо уходить! – позвал Фарид с порога. Мы должны...

Больше сказать он ничего не успел – вход потряс огненный взрыв, с взрывной волной такой силы, что она сбила Дуню с ног.

Нет, только не Фарид, была ее первая мысль, когда она очнулась и не услышала его голос. *Только бы не он тоже.*

– Фарид! – крикнула она и с трудом поднялась на ноги. – Фарид! – Но звук нарастающего огня, пожирившего все на своем пути, заглушил ее.

Горело все вокруг, и когда ей начало жечь ноги и она увидела, что пламя с половиц перекинулось ей на брюки, она натянула свитер на голову и бросилась сквозь огненное море прочь из дома, где рухнула, пока пламя все еще кусало ее за ноги, но она уже его не чувствовала.

Зато она почувствовала бензин. Еще пока холодный бензин, который на нее опрокинули. Так вот где они стояли. Те двое. Стояли и ждали, когда она выйдет.

Единственное, что не сходилось, – это запах. Или, скорее, отсутствие такового. Как так вышло, она поняла, когда пара рук стащила с нее свитер и большими пальцами осторожно открыла ее глаза так, чтобы она увидела, что это был Фарид.

Этого оказалось достаточно, чтобы понять.

Ни слова.

Всего лишь один взгляд.

Война отныне стала их общей.

На самом деле, Лоне Хеск следовало сидеть на террасе. Светило солнце и там наверняка было очень хорошо. Но она не могла заставить себя показаться соседям, проходящим мимо по улице, которые наверняка начали подозревать, что что-то неладно. Именно так обстояли дела у местных бегунов. Стоило кому-то вывихнуть мизинец, как начинались разговоры.

Поэтому она предпочитала сидеть здесь, под вытяжкой, за задвинутыми шторами и наполнять легкие успокаивающим дымом, давая новой сигарете прикоснуться к старой достаточно долго, чтобы та успевала разгореться. Потом она тушила сигарету и делала еще одну затяжку, хотя это было уже довольно невкусно.

Но она в этом нуждалась. Чтобы не взорваться от напряжения, она должна была занять себя чем-то, что давало бы иллюзию спокойствия. И что ей оставалось делать, кроме как сидеть там, на кухне, и ждать, пока не произойдет абсолютно ничего?

Она сделала еще одну затяжку, вдохнула так глубоко, как только могла, и взглянула на гудящую над ней вытяжку. Как будто от нее была хоть какая-то польза. Угольный фильтр не меняли уже много лет, так что вытяжка хорошо справлялась только с тем, что разносила дым от жарки, или, в данном случае, от сигарет, по всему дому. То, что они все еще не сделали вентиляционные каналы так, чтобы воздух от вытяжки выходил напрямую из дома, было недоступно пониманию.

По крайней мере, Бенджамин заснул, а Катрин уехала на велосипеде с другом поплавать у пляжа Амагер Страндпарк. Пока что она им обоим ничего не рассказала, но Бенджамин почувствовал, что что-то не так, и начал плакать по любому малейшему поводу. И вчера вечером, когда она смотрела новости, Катрин спросила, разводятся ли они. Вот так прямо, ни с того, ни с сего. Лоне отреагировала совершенно неправильно, повысила голос и разозлилась, что имело обратный эффект, так как выявило больное место.

Но правда заключалась в том, что сейчас она скучала по Яну больше, чем последние несколько лет. Внезапно она не смогла

вспомнить ни одного примера из всех миллионов вещей, которые ее обычно раздражали.

Все, о чем она могла сейчас думать, это о том, как добр и заботлив он был. Как верен и надежен. И красив. Ее поражало это всякий раз, когда она доставала свой телефон и искала его фотографию. В отличие от многих других мужчин его возраста, у него были на месте и волосы, и лицо без морщин и мешков под глазами.

Тем не менее, она была так зла и расстроена, что жаловалась на него, что бы он ни делал. Под конец им достаточно было просто находиться в одном помещении, чтобы она вышла из себя.

До сегодняшнего утра она была уверена, что он из чистого чувства самосохранения бросил ее. Что то, что она задумала, то, о чем она сама долгие годы размышляла, но так и не решилась столкнуться с последствиями, теперь принадлежало ему. Как будто он украл ее идею и теперь был на шаг впереди в организации новой жизни.

Только когда она набралась храбрости и позвонила ему на работу, она по-настоящему заволновалась, и теперь была уверена, что действительно произошло что-то серьезное, отчего пришла в ужас.

Что с ней будет? Взять, к примеру, детский магазин, он даже не окупает аренду. Ей придется закрыть его, а это, может, и неплохо, даже если мысль о возвращении к работе за прилавком в супермаркете вызывала у нее рвотные позывы. Дом ей придется продать и переехать в какую-нибудь тесную съемную квартиру далеко за пределами...

Резкий звук звонка заставил ее выронить сигарету, которая с коротким шипением затухла в кофейной чашке. Она встала, вышла в прихожую и отперла входную дверь.

Наверняка это Адам. Он сидел дома и заботился о детях, пока его жена работала, и вместе они помогали друг другу убивать время. Если не она к нему заходила, то он стучал к ней в дверь.

Они еще ничего не делали, пока, но флиртовали, и каждый раз, когда виделись, воздух вибрировал от чего-то такого, что не имело ничего общего с любовью. Это было невыносимо, в какой-то момент они зайдут слишком далеко, они оба это знали. Как только это произойдет, все будет кончено.

Поэтому она пыталась растянуть эту запретную игру и наслаждаться ею как можно дольше. Но не сегодня. Сейчас она только хотела побыть одна и посидеть под вытяжкой.

Она открыла дверь и уже собиралась сказать, что чувствует себя плохо, когда увидела, что это вовсе не Адам, а шеф Яна, Ким Слейзнер.

– Привет, Лоне, – сказал Слейзнер, улыбаясь. – Можно войти?

Она уже собиралась сказать нет и попросить его уйти. С тех пор, как несколько лет назад они вместе ужинали семьями, она чувствовала себя грязной всякий раз, когда он на нее смотрел. Однако она кивнула и отошла в сторону, чтобы он мог войти.

– Я, в общем, просто пришел посмотреть, как ты, – продолжил он, направляясь на кухню, где остановился и повернулся к ней. – Так как ты?

– Ну... я не знаю. – Она пожала плечами, желая только, чтобы он ушел. – Как бы это сказать, трудно быть в неведении. Просто хожу по дому и думаю. Кстати, ты слышал что-нибудь? Или нет?

Слейзнер покачал головой.

– Пока нет. Но скоро услышим, обещаю. Я направил все ресурсы на то, чтобы это не затягивалось. Так что, что бы ни случилось, скоро у нас будет ясность.

– Звучит так, как будто ты уже знаешь, что что-то случилось, – сказала она, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы. – Что-то серьезное.

– Нет, нет, нет, – рассмеялся Слейзнер, в очередной раз покачав головой. – Сейчас мы ничего не знаем. Обещаю, можешь быть совершенно спокойна. Как только у нас появятся новости, ты узнаешь об этом первой.

Она посмотрела ему в глаза, и ей показалось, что она насквозь видит его попытки скрыть то, что он уже знал или, по крайней мере, подозревал, и просто хотел дать ей время подготовиться к новости.

– Слушай... – сказал он и подошел к ней. – Просто я так живу. Это профессиональная деформация. После стольких лет работы в полиции, я привык предполагать худшее. Чаще всего все оказывается гораздо лучше. Но в тех редких случаях, когда это не так, мне хочется быть подготовленным. Понимаешь, о чем я? На самом деле, мне никогда не нравились сюрпризы.

Лоне кивнула, хоть это и был просто набор слов. Слов, которые звучали хорошо, но для нее ничего не значили.

– Лоне... – продолжил он, обнимая ее за плечи. – Я понимаю, как это трудно, но все будет хорошо, вот увидишь. – Он прижал ее к себе и провел рукой вверх и вниз у нее по спине. – Я сделаю все, что в моих силах, чтобы выяснить, что случилось. Если что-то вообще произошло. Кто знает, может быть, есть совершенно другое объяснение. В любом случае, я это выясню.

Слов она больше не слышала. Они растворились друг в друге и слились в плотную завесу шума. Значение имели его объятия. Тепло его тела и мягкое биение сердца в нескольких сантиметрах от ее уха.

Ей это не нравилось, ни объятия, ни поглаживания спины. Это заставляло ее чувствовать себя такой же грязной и отвратительной, как после того ужина, который начался с того, что он флиртовал с ней, касаясь ногой под столом прямо на глазах у Яна и его собственной жены Вивеки. Тем не менее, она не хотела, чтобы это заканчивалось.

Еще минуту назад она бы сказала, что никогда и ни за что. Но какой бы грязной она себя ни чувствовала, это было как раз то, что ей нужно. Объятия и немного близости. От кого, очевидно, не имело значения.

Позже, после ужина, когда Вивека была на кухне, готовя десерт, он налил Яну большую порцию виски и отправился с ней посмотреть произведение искусства Йенса Йоргена Торсена, которое только что приобрел. В названии его было что-то про Диснейленд и похотливого Микки Мауса. По ее мнению, работа состояла в основном из какой-то разноцветной мази, что она и сказала. Но Ким только рассмеялся и провел ее дальше по просторному этажу в ванную комнату.

– Слушай... – сказал он, не отпуская ее. – Я думаю о том расследовании, над которым работает Ян. Может ли его исчезновение быть как-то с ним связано? Он тебе ничего о нем не рассказывал?

– Нет, ничего, – сказала она, заметив, что его поглаживания что-то в ней оживили. – Он всегда был очень скрытным относительно работы, и почти никогда мне ничего не рассказывает. Но он нервничал, все, что я могу сказать. По нему это было хорошо заметно.

– Понимаю. – Слейзнер опустил руку ниже, до самых ее ягодиц, от малейшего прикосновения к которым по ее телу пробежала дрожь. – И он ничего не приносил сюда домой с работы?

– Нет, насколько я знаю, – сказала она с растущим отвращением к себе. – Что это могло быть?

– Ну, скажем. Какая-то зацепка, с которой он работал, или что-то в этом роде. Может быть, это даст нам представление о том, что именно случилось. Как, например, старый мобильник.

– Мобильник? – Она вдруг вспомнила и встретила с ним взглядом. – Старый желтый «Эрикссон»?

– Ну, почему бы и нет? – Слейзнер улыбнулся и поправил ей волосы за ухом. – Можешь принести его, и мы посмотрим.

Потратив последние пятнадцать минут на езду кругами, Мортен Хейнесен наконец нашел въезд в подземную парковку на Остерброгаде. Затем оплатил парковку в автомате, положил бумажку на ветровое стекло и осмотрелся.

Единственная зацепка о парковке, которой они обладали, заключалась в том, что Якоб Санд имел обыкновение парковаться там по ночам, если верить проведенному Хеммером анализу триангуляции по номеру мобильного телефона Санда. Часто на много часов подряд. Само по себе это было, пожалуй, не так уж странно. Станным, однако, был тот факт, что сам Санд никогда не покидал парковку в течение этого времени, если только он не оставлял свой телефон в машине, что само по себе тоже вызывало вопросы.

По словам Хеммера, Санд должен был здесь находиться и вчера вечером. Было ли этого достаточно для того, чтобы Хеск по своей инициативе направился сюда после их собрания, сказать трудно. Хеск по сути своей не был человеком, склонным рисковать и предпринимать смелые одиночные вылазки. Насколько смелым мог считаться спуск на общественную парковку? Даже если Санд, а не только его мобильный, вдруг оказался бы здесь, он все-таки не был смертельно опасным серийным убийцей.

Сам он, однако, всегда с тревогой относился к подземным парковкам, особенно общественным, куда мог попасть любой желающий и стоять, спрятавшись в тени. Любой, кому на самом деле делать там было нечего. К тому же чаще всего преступнику было пугающе легко быстро оттуда скрыться.

То же самое он чувствовал по отношению к заправкам вдоль автомагистралей в глуши. Особенно к тем, на юге Европы, которые часто располагались на перекрестке нескольких дорог. В таком месте проще простого похитить ребенка, ожидавшего в машине, пока родители платят на кассе. После оставалось только навсегда исчезнуть в любом направлении.

Сам он никогда в подобное не попадал. Но он не задумываясь доплатил за американский вариант блокировки автомобиля, где первое

нажатие на ключ отпирало только водительскую дверь, чтобы никто не мог проникнуть в машину со стороны пассажира и угрожать ножом в тот момент, когда он открывал центральный замок и садился за руль.

Но на этой конкретной парковке было довольно спокойно. Автомастерская с двумя мужчинами в синих костюмах успокоила его, и, как и предполагал Слейзнер, там было установлено несколько камер наблюдения. Одна на въезде и выезде, две рядом с мастерской и еще одна у небольшой погрузочной платформы.

– Эй, там! – сказал он, сделав полный круг. – Извините!

Он помахал рукой, несмотря на то, что один из механиков стоял, наклонившись над поднятым капотом, а другой только что проскользнул под машину.

– Вы случайно не знаете, кто отвечает за камеры наблюдения на парковке?

Никто из мужчин не отреагировал. Вместо этого по полу под машиной начали прыгать сварочные брызги.

– Эй? Извините, – повторил он так громко, как только мог, не переходя на крик, что заставило человека под капотом оглянуться. Я из полиции и мне нужно узнать, кто...

– Policja? – обратился мужчина к своему коллеге под машиной. – Krzysztof^[2]!

Человек, которого, очевидно, звали Кшиштоф, выкатился из-под машины, встал и вытер руки о комбинезон.

– Я из полиции, и хотел бы узнать, кто отвечает за камеры наблюдения здесь, в гараже, – повторил Хейнесен по-английски.

Но мужчина не ответил, вместо этого повернулся к своему коллеге и сказал что-то на языке, похожем на польский. Коллега ответил на том же языке, после чего Хейнесен достал свое полицейское удостоверение и протянул его, чтобы придать своим словам вес.

– Как я сказал, я из полиции, и...

– Не я, – перебил по-английски мужчина напротив. – Мой босс. Он кивнул на дверь, ведущую дальше в мастерскую. – Поговорите с ним.

– Хорошо, спасибо. – Хейнесен прошел мимо них, чувствуя, как они смотрели ему в след до самой двери, надпись на которой гласила «Прием клиентов».

Там никого не было, но поверхность воды в синем перевернутом кулере двигалась так, будто кто-то только что наполнил пластиковый стаканчик. Он подошел к безлюдному прилавку и позвонил в маленький колокольчик, чей резкий звон дал ему понять, насколько тихо здесь было.

Он считал секунды до полного затихания звука, но их было так много, что он сбился со счета до того, как наступила тишина. Он, конечно, никогда бы не сдал сюда машину в ремонт, это точно. Он собирался позвонить еще раз, на этот раз сильнее, но осекся, когда увидел отверстие шириной в несколько сантиметров в двери за прилавком. Что-то синее двигалось внутри того, что выглядело как офисные помещения.

Он наклонился над прилавком, чтобы получше рассмотреть, и действительно, это оказалась пара ног в синем комбинезоне под заваленным бумагами столом. К разговору о плохом обслуживании клиентов.

– Здравствуйте! – поздоровался он по-английски нарочито раздраженным голосом. – Не могли бы вы выйти? Я уже давно тут жду.

Через некоторое время дверь открыл пожилой автомеханик с прижатым к уху мобильным телефоном.

– Хорошо. Хорошо, – сказал мужчина по-польски, а затем сбросил звонок и встретился взглядом с Хейнесеном. – Чем могу вам помочь?

– Я по поводу камер наблюдения на парковке. Я хотел бы узнать, кто за них отвечает.

– А вы кто?

– Меня зовут Мортен Хейнесен, я из полиции Копенгагена.

– Удостоверение. Я хочу увидеть удостоверение.

Хейнесен достал свое удостоверение и положил на прилавок, в то время как позади него открылась дверь. Он обернулся и увидел там человека в костюме, который стоял со сложенными на груди руками, как будто уже был вынужден ждать слишком долго. Он улыбнулся мужчине, чтобы показать, что хорошо понимает, каково это, но не получил никакой ответной реакции.

Пожилой механик изучал удостоверение, как будто запоминал каждую цифру идентификационного номера, а затем положил его обратно на прилавок, посмотрел сквозь Хейнесена и кивнул мужчине в костюме.

Хейнесен повернулся к мужчине, который шел ему навстречу.

– Извините, но мы еще не закончили, не так ли? Ведь не закончили? – Он повернулся обратно, но обнаружил, что пожилой мужчина собирался присесть на корточки за прилавком. – Извините, а что вы делаете? – Он наклонился над прилавком. – Ау, ответьте, пожалуйста. Я с вами разговариваю. Кто отвечает за видеонаблюдение? С кем мне связаться, чтобы получить запись с последнего... – Он прервался от того, что мужчина у него за спиной хлопал ему по плечу. – Как я уже сказал, мы еще не закончили, – огрызнулся он, оттолкнув руку мужчины. – Неужели трудно понять? Или вы тоже не говорите по-датски?

Мужчина ничего не сказал, только протянул руку, где лежал USB-накопитель.

– И что это такое?

– Запись, которую вы просили, – сказал пожилой мужчина, который снова встал и достал лист бумаги и ручку. – Имя, номер телефона и подпись здесь – будет вполне достаточно.

Соня не смогла скрыть своего удивления, когда за несколько минут до назначенного времени он вдруг появился около похоронного бюро «Фонус» на углу улиц Польшегатан и Ференингсгатан. Вероятно, она вообще не ожидала его увидеть.

– Привет! – сказала она, подавляя желание спросить, где он был все утро.

Фабиан поприветствовал ее в ответ, но не упомянул о встрече с Муландером, который рассказал ему, что жестокое обращение с их сыном, по слухам, происходило по приказу высшего руководства датского изолятора.

– Заходим? – сказал он, взяв ее за руку.

Она кивнула, но почти сразу же отпустила его руку, чтобы придержать дверь. Уродливую алюминиевую дверь, навевающую мысли о разваливающейся школе из семидесятых, где всем всегда было некомфортно. Оказавшись внутри, он снова попытался взять ее за руку, но она уже направилась дальше внутрь вслед за ритуальным агентом, который представился как Щелве и выразил соболезнования так натянуто и механически, что не оставалось сомнений в том, насколько ему все равно.

Их провели в переговорное помещение с грязно-белыми стенами, украшенными безвкусными литографиями, и со старым столом, достаточно большим для маленькой семьи скорбящих. Люстра над столом распластала свои шесть белых стеклянных ветвей с самыми дешевыми энергосберегающими лампочками, две из которых перегорели. Это было безвкусно, старомодно и, прежде всего, несолидно.

– Конечно, я позабочусь об этом. Так что вы просто присаживайтесь и расслабьтесь. – Щелве махнул рукой. – И угощайтесь булочками с корицей. Они свежие, из «Берьес» на Тогагатан. Лучшие в городе, как по мне, и стоят каждой калории.

Агент исчез, и они выдвинули себе по стулу и сели. Сначала он, а потом она, оставив один стул между ними пустым. Было ли это

намеренно или нет, сказать трудно, но расстояние было слишком велико, чтобы он мог взять ее за руку.

Он повернулся к ней и увидел, что она смотрит прямо перед собой. Он всегда считал ее красивой. Но в профиль она была совершенно неповторима с такой тонкой точеной шеей, которая так выделялась теперь, когда она носила короткую стрижку. Она всегда и до сих пор, несмотря на все, через что они прошли, оставалась удивительно красива. Даже когда, как сейчас, горевала и смотрела в никуда, она делала все возможное, чтобы сохранить контроль.

Он протянул ей коробку с салфетками, и она взяла одну и аккуратно промокнула глаза, когда Щелве вернулся с двумя чашками кофе и одной – чая, кувшином молока и мисочкой с кусковым сахаром на подносе. Откуда он мог знать, что во второй половине дня Соня предпочитает чай? Сообщила ли она ему об этом, пока их вели сюда?

– Бюджет? – Соня повернулась к нему. – Да, какие у нас по этому поводу соображения?

– Не знаю, – ответил он ей с улыбкой. – У меня не было времени подумать об этом. Но финансы не самый важный сейчас аспект, мы как-нибудь справимся. Для меня важно, чтобы ты была довольна.

Улыбался только Щелве. Он явно обрадовался возможности продать самый дорогой гроб и всякие дополнительные услуги для похорон. Соня же и бровью не повела. Хотя он лишь хотел показать ей свою поддержку и дать свободу действий.

Но в ее глазах все было как раз наоборот. Он и сам это по ней заметил. Что он снимал с себя всю ответственность и перекладывал на нее все решения. И в каком-то смысле она была права. Его совершенно не волновала обивка гроба, или сколько разных печенок должно быть на подносах.

Если бы это зависело от него, они бы выбрали самый дешевый и самый примитивный вариант. Теодор был мертв, и никакие позолоченные витиеватые буквы на белоснежных приглашениях не могли это исправить.

Он сидел здесь только ради Сони. Для нее все это имело значение. Так она справлялась с горем. Не он.

Сам он все еще был озабочен встречей с Муландером и предполагаемыми слухами об игре, стоящей за смертью Теодора. Информация настолько совпадала с его собственными подозрениями,

что это не могло быть просто взято из воздуха. Хоть какое-то зерно правды в любом случае там, безусловно, есть и в этом и заключается основная проблема.

Именно в этом зерне, которое никогда не позволит ему развернуться ко всему спиной и двинуться дальше. Которое будет лежать там и царапать его до крови, пока он раз и навсегда не узнает, как все было на самом деле.

Как по команде, Соня и агент встали и прошли в демонстрационное помещение, заполненное различными моделями гробов. Он сам последовал за ними и увидел, как мужчина показывает на один из более светлых гробов, сделанный из белого глазурированного дерева с хромированными ручками.

Соня кивнула, и, возможно, еще и что-то сказала. Или нет. Мужчина в любом случае сделал пометку в своей папке.

Он не выглядел самой дешевой, но и не был самой дорогой моделью. Однако и симпатичным он не был. Если вообще можно говорить о чем-то симпатичном в контексте гробов. Но каким бы он ни был, он был полной противоположностью всему, что предпочитал Теодор. Он ненавидел белый цвет и, если бы мог здесь быть и выбирать, в любом случае выбрал бы черный, предпочтительно обтянутый кожей и покрытый шипами.

После разговоров, кивков и заметок они вернулись в переговорную, где разговоры продолжились. Затем последовали рукопожатия и новые кивки, а на обратном пути он вспомнил о булочках с корицей, которые никто из них не попробовал, и о том, как он проголодался.

– Будет лучше, если ты уедешь, – сказала Соня, когда они стояли на тротуаре перед входом, и он как раз решил предложить зайти в какое-нибудь приятное место и поесть.

– Уеду? Куда? – спросил он, задаваясь вопросом, что он пропустил.

– Я не знаю. – Она пожала плечами. – Ну, здесь ты все равно отсутствуешь, так что, может быть, тебе лучше поехать и найти то, что тебя преследует.

Он кивнул, думая, что понимает.

– Но это в последний раз, – продолжала она. – Если ты оставишь меня сейчас, это будет в последний раз.

Он пообещал себе, что никогда, никогда не позволит этому случиться. Он сделает все, что в его силах, чтобы найти другие решения, убежденный в том, что где-то далеко впереди для них тоже будет просвет.

Но в последние годы решение в нем жило и ждало своего времени. Хотя это было табу, он играл с этим решением и видел перед собой как будто разные версии одной и той же сцены, разыгрываемой только для него. Он слышал диалог, свои аргументы, Сонины. Слышал, как они спорили, плакали, кричали и наконец успокаивались и признавали неизбежное.

Но ни одна из версий не была такой немногословной и взвешенной.

Больше говорить не о чем. Все уже было сказано слишком много раз, и все, что оставалось, это кивнуть и уйти.

В последний раз.

Все ли кончено с парнем в Мальме, она не знала. А имя Бальтазар как раз могло принадлежать кому-то во вкусе Микаэля Реннинга. Когда Фариду еще и удалось заполучить фотографии уроженца провинции Сконе, она не могла представить, чтобы Реннинг добровольно оставил такого симпатяжку всего через три дня, в то время как планировалось, что он проведет там целых две недели.

Конечно, существовала вероятность того, что устал Бальтазар, но Реннинг не был человеком, от которого просто устаешь. Если кто-то и уставал, так это он. Всегда он, без исключений.

Третьим и, по ее мнению, наиболее вероятным вариантом было то, что после их разговора в поезде он просто передумал. Хоть угрызения совести никогда не были ему свойственны, но, в конце концов, он был достаточно логически мыслящим существом, и одного лишь объявления ее в розыск из-за угрозы национальной безопасности должно было быть более чем достаточно, чтобы он понял – Слейзнера нужно остановить любой ценой.

Так или иначе, он вернулся в Копенгаген, и настроение у нее улучшилось. Несмотря на все неудачи и проблемы, несмотря на раны на голених, которые после охлаждающих мазей и многих часов с приклеенными пакетами со льдом все еще горели, даже несмотря на ужасную судьбу Цяна, она вновь обрела надежду на то, что у них все еще есть шанс.

Несколько часов назад Реннинг вернулся к себе в квартиру на Лилле Истедгаде. Обнаружил это Фарид, когда наобум определил местоположение его мобильного. Тогда они решили еще раз попытаться переубедить его. Иметь инсайдера, кого-то, кто мог бы внимательно следить за Слейзнером и его деятельностью, было бы огромным плюсом.

По этой причине она только что бросилась вниз на тротуар около приюта Мэнненс Йем и начала неистово царапать себе предплечье, качая головой в капюшоне взад и вперед, как все наркоманы в округе. Все для того, чтобы Реннинг, выйдя из ворот на противоположной

стороне улицы и привычно осмотревшись, прежде чем двинуться дальше, не зацепился за нее взглядом.

Пятью минутами ранее она как раз преодолела точку притяжения бедности и в равной степени нелегальных схем на углу Истедгаде.

План был прост – подняться наверх, постучать ему в дверь и поговорить с ним в спокойной обстановке. Рассказать все то, что ему неизвестно. Но как раз в тот момент, когда она собиралась перейти улицу в сторону его ворот, Фарид сообщил ей через гарнитуру, что, похоже, Реннинг собирается покинуть квартиру.

В мгновение ока ей пришлось все переиграть и импровизировать. Это был не тот разговор, который они могли бы вести где угодно и в спешке. Им нужно было спокойное место, а главное, им нужно было время.

– *На экране видно, что он идет в направлении площади Хальмторвет. Так?* – сообщил Фарид из фургона, припаркованного в ста метрах оттуда около выставочного комплекса Окснесхаллен, близ мясного квартала Кедбюен.

– Да, – ответила она, следя глазами за Реннингом.

– *Думаешь, он идет в Управление?*

– Значит, он направляется не в «DGI бюн», чтобы играть в боулинг. Я предлагаю взять его на Столтенбергсгаде. – Она встала с тротуара в тот же момент, как Реннинг скрылся за углом по направлению кольцевой развязки, где всего несколько лет назад толпились проститутки, борясь за лучшие места. Теперь же щетка джентрификации вычистила бордюры и вытеснила проституток в восточную часть улицы Истедгаде, или в сложную часть, как называли кварталы ближе к центральному вокзалу.

То, что Реннинг направлялся на работу, не было абсурдным предположением. Так в целом всегда обстояло дело, когда он пересекал Хальмторвет, если только не шел в свое любимое индийское заведение «Гандури Масала».

Это говорило о том, что он намеревался прервать свой отпуск, что она как раз и собиралась ему предложить. На самом деле именно там, в глубине коридоров шестого этажа Управления, он мог принести наибольшую пользу.

– *Я сейчас проезжаю мимо него,* – сказал Фарид. – *И он явно охотится не за куриным палаком с балти.*

– Хорошо, увидимся около Столтенберга. – Дуня побежала в сторону Истедгаде и дальше вниз, к Центральному вокзалу. Она делала большой крюк, но другого варианта не было. К счастью, она была на пике своей формы, в отличие от Реннинга, который упорно отказывался надевать беговые кроссовки.

Улица Столтенбергсгаде находилась всего в двух кварталах от Управления и была действительно последней точкой, где можно было перехватить Реннинга. Проблема была в том, что его маршрут пролегал через один из самых густонаселенных районов города. Особенно в это время в середине дня.

На улице Тиетгенсгаде, ведущей его через железнодорожные пути, толпились путешественники, там было почти так же многолюдно, как в зале прибытия, где ей пришлось бежать зигзагом, чтобы ни с кем не столкнуться. Затем он должен был пройти до юго-западного угла Тиволи, где на тротуарах будет становиться еще многолюднее.

Только когда он свернет направо вниз по улице Бернсторфсгаде, людей начнет становиться меньше, и уже около Столтенбергсгаде должно быть достаточно пустынно, чтобы никто из посторонних не успел отреагировать на происходящее.

– *О'кей, я здесь,* – услышала она Фарида, пока протискивалась через восточный вход в зал прибытия и переходила улицу, лавируя между автомобилями, которые начинали ускоряться, так как только что загорелся зеленый.

– Встань немного поодаль, чтобы он не среагировал на машину.

Когда она перешла на сторону Тиволи, там было так много людей, что ей пришлось выскочить на велосипедную дорожку, где, несмотря то, что все велосипедисты, звонящие в звоночки, ехали ей навстречу, она могла бежать на максимальной скорости до следующего перекрестка.

– *О'кей, вижу его,* – сказала она, переводя дыхание и следя за Реннингом глазами. – Он сейчас пересекает Бернсторфсгаде.

– *Хорошо, тогда он должен быть здесь с минуты на минуту.*

Дуня приготовилась перейти улицу, как только Реннинг свернет направо к Столтенбергсгаде. Но вместо этого он продолжил идти прямо.

– О’кей, у нас проблема, – сказала она. – Он идет дальше по направлению к Х. К. Андерсену.

– Почему? Он тебя заметил?

– Нет, даже не посмотрел в мою сторону. Я иду следом.

Держа Реннинга в поле зрения на достаточном расстоянии, она продолжила движение к бульвару Х. К. Андерсена и дальше к улице Стормгаде, пока они с Фаридом пытались определить, куда он направляется. Но они не имели ни малейшего представления. Это был в принципе не квартал Реннинга. Тем более внизу, около канала Фредриксхольм, который, по его словам, был таким живописным и милым, что у него случался острый приступ синдрома Туретта каждый раз, когда он случайно проходил мимо.

На этот раз, однако, не было похоже, что он просто случайно там оказался. Напротив, он шел все более и более целеустремленно, постоянно глядя на наручные часы, как будто опаздывает. Через пару сотен метров, пройдя по булыжникам вдоль Гаммел Странд, он сел за пустой столик на террасе кафе «Диамантен».

Какого черта? Она остановилась и посмотрела ему вслед. «Диамантен» – это ведь ее место. Место, куда она всегда приходила и пряталась среди туристов, когда ей нужно было остаться одной. Настоящий житель Копенгагена даже не подумал бы о том, чтобы сюда прийти.

Кроме нее.

Кроме нее, а теперь, очевидно, еще и Реннинга.

Именно сюда она попросила его прийти в последний раз, когда он помог им. Пару месяцев назад. После нескольких поездок ему наконец удалось достать мобильный телефон Слейзнера, который Фарид с Цяном позже взломали и установили на него GPS-передатчик. Тогда они успели обменяться несколькими словами. Но не более, так как ей пришлось исчезнуть и оставить большинство вопросов без ответа.

Осознав, как все сходится, она рассмеялась.

– Что там такого смешного? – спросил Фарид.

– Иду туда, – сказала она, собираясь преодолеть последние двадцать метров. – Подойду к нему.

Конечно же, он дразнил ее. Засранец. Типично его юмор. Еще и поняла она это только сейчас. Он конечно же прекрасно знал, что она будет следить за ним, еще до того, как покинул квартиру, а какое место

может быть более подходящим для встречи? Черт возьми, как ему достанется, как только все это закончится.

Три шага спустя все изменилось.

Цветное стало черно-белым.

Белое – черным.

Синапсы в ее мозгу не поспевали, и ей пришлось потратить всю энергию на то, чтобы продолжать двигаться, так, чтобы ей удалось отклониться в сторону по достаточно естественной дуге подальше от кафе, чтобы не встать там, рискуя привлечь к себе взгляды.

Она заметила его только на долю секунды и уже пыталась найти альтернативные объяснения.

Но поиски оказались тщетными. Таковых не было.

Это не было неудачным совпадением.

Это был Слейзнер.

Словно призрак среди бела дня, он подошел с другой стороны. Их разделяло не более пяти метров, когда они прошли мимо друг друга. Единственным положительным моментом было то, что он смотрел на что-то другое позади нее.

В тот момент пазл начал складываться. Одна деталь за другой. Но это не могло быть правдой. Нельзя, чтобы это было правдой. Как будто доказательства внезапно указывали на то, что Земля плоская, – она отказывалась их принять. Даже когда она наконец осмелилась остановиться, повернуться и увидеть, как он пожимает руку Реннингу и садится напротив него. Даже тогда она не могла в это поверить.

– *Дуня, ты там?* – услышала она Фарида через некоторое время. – Что происходит?

– Слейзнер, – вот что происходит, Фарид. – *Ким чертов Слейзнер.*

– *Но я не понимаю? Какое отношение он имеет к этом у...*

– Не пытайся понять. Просто включи микрофон на его мобильнике и выведи его в динамики, так чтобы я могла....

– *Правильно ли я понимаю? Ты всерьез о том, что Реннинг и....*

– Фарид, черт возьми, – прошипела она. – Просто делай, что я говорю.

– *Я в процессе. Быстрее никак. По крайней мере, похоже, что он положил мобильник...* – голос Фариды прервал громкий треск, за которым последовал насколько искаженный, настолько и прерывистый набор звуков, прежде чем начали проявляться голоса.

– *Камилла Крюстхофф?* – произнес один из них, вероятно, Реннинг. – *С Х и двойной Ф?*

– *Точно,* – раздался голос Слейзнера, пока официант наливал шипящую минеральную воду совсем рядом с мобильником.

– *Просто дай мне ее номер ID, и я позабочусь об этом. Не проблема.*

– *Отлично,* – сказал Слейзнер, потягивая воду. – *И как ты понимаешь, это то, что, по крайней мере на данный момент, нужно держать в тайне.*

– *Конечно. Только если это не...*

– *Нет, нет, нет, не беспокойся об этом. Здесь нет никаких нарушений. Вообще никаких. Единственное, ради чего все это затевается, это чтобы ей помочь. Это единственное, чего я хочу, и, как ты сам знаешь, сейчас она представляет опасность не только для себя, но и для всего... Ну, ты понимаешь, о чем я.*

– *На самом деле, нет. Не совсем.*

– *Микаэль, что я хочу сказать, если это утечет слишком рано, то все полетит к черту, и единственный человек, кто в итоге проиграет, это она сама. Понимаешь?*

– *Да. Есть ли что-то еще, что мне нужно знать?*

– *На данный момент нет. Более подробная информация будет появляться по ходу дела. Но прежде мне нужно знать, что я могу полностью доверять тебе.*

– *Конечно, можешь.*

– *Хорошо, ловлю на слове, и это здорово. Отлично.* – Слейзнер замолчал на мгновение, прежде чем снова взял слово. – *Но если тебе больше нечего добавить, предлагаю на этом закруглиться.*

– *О'кей. Хотя подожди, кое-что у меня на самом деле есть,* – сказал Реннинг.

– *Валяй.*

– *Возможно, ты помнишь, что я обновил защиту твоего мобильного месяца или около того назад.*

– *Да, безусловно. Ее надо снова обновить?*

– *Нет, в этом не должно быть необходимости. Но учитывая все, что произошло, и раз уж мы здесь сидим, я решил проверить, все ли там в порядке, если ты не против.*

– *Конечно, без проблем. Всегда пожалуйста. Вот.*

Было слышно, как мобильный подняли и передали. Затем как Слейзнер пьет, наливая в стакан минеральную воду, и снова пьет.

– *Ой-ой*, – услышали они Реннинга через некоторое время. – *Когда ты в последний раз оставлял его без присмотра?*

– *Что такое, ты что-то нашел?*

– *Много чего. Просто посмотри на это и это. Видишь?*

– *Твою мать... Это она? Что? Да? Она?*

– *Возможно. Но ничего страшного. Должно быть достаточно просто...* – голос Реннинга оборвался и сменился треском, длившимся несколько секунд, прежде чем наступила полная тишина.

– О’кей, времени уже слишком много, так что придется поторопиться, – сказал Слейзнер, входя в переговорную. – Никаких длинных отступлений и несущественных деталей, а только педаль в пол, и рулю я. Есть вопросы по этому поводу?

У Хейнесена было много вопросов, но он промолчал и покачал головой, так же как Хеммер и Берн сторфф. Он не хотел выделяться из группы, рискуя вызвать неудовольствие Слейзнера.

– О’кей, хорошо, – сказал Слейзнер после короткой паузы. – Нам на самом деле многое нужно обсудить за отрезок времени, который можно сравнить только с добавленными минутами матча. – Он закрыл за собой дверь и направился к ближнему краю овального стола. – Как вы все знаете, именно сейчас, в первые несколько часов после исчезновения, след все еще свежий, и шансы найти Хеска достаточно велики. Но вскоре эта кривая рухнет вниз в тартарары, и тогда будет практически невозможно выяснить, что произошло.

– Можно сказать? – поднял руку Хеммер.

– Нет. Только если речь не идет о допросе Якоба Санда. Потому что сейчас мне нужен краткий отчет, как все прошло, прежде чем мы перейдем дальше, к главному вопросу встречи. – Слейзнер повернулся к Берн сторфф.

– Ну, что сказать, – пожала плечами Берн сторфф. – Он спокойно и без проблем прибыл сюда, в участок, где мы, как и планировалось, провели допрос.

– И он был готов к сотрудничеству и ответил на все ваши вопросы?

– Да, он был очень спокоен и собран, и на самом деле не выказывал ни малейшего беспокойства.

– Ага, думаю, он считает, что ему нечего скрывать.

– Как он объяснил, что его кожа была под ногтями женщины? – спросил Хеммер.

– Он признался, что был с ней в субботу 28 июля, то есть в тот же день, когда она была убита, но днем, на четыре-пять часов раньше церемонии посвящения Могенса Клинге в восемь часов вечера.

– Какая еще церемония посвящения? – спросил Слейзнер.

– Мы точно не знаем, но судя по тому, что женщина была проституткой, и из текстовых сообщений на его старом мобильном телефоне «Эрикссон», речь могла идти о каком-нибудь секс-клубе.

– О'кей. Настоящий маленький грязный потаскун, другими словами, – покачал головой Слейзнер. – Ну что ж. Вернемся к Якобу Санду. Он смог нам помочь ее опознать?

– Нет, увы. Он только подобрал ее на Истедгаде, на углу с Викториагаде и увез в одно из своих владений в Вальби. По-видимому, страсть была нешуточной, но, как он сам подчеркнул, кровью истекал он, а не она.

Хеммер кивнул.

– И почему он говорит нам об этом только сейчас, через несколько дней после того, как мы показали снимки с ней и с ее странными шрамами общественности?

– Если верить ему, он не следил за сообщениями по делу и поэтому не понял, что это была одна и та же женщина.

– Что он сказал о платке, который мы нашли у нее в горле?

– Что он был симпатичным и что у него есть точно такой же.

– Кроме того, это совершенно неважно, потому что он исчез из нашего перечня улик, – сказал Слейзнер. – Я так понимаю, что у вас не было другого выбора, кроме как отпустить его. Но что вы сами скажете после разговора с ним? Вы считаете, что это был он?

– И да, и нет. В каком-то смысле он был слишком спокоен, учитывая, насколько он на самом деле публичен, и что, в конце концов, речь идет о довольно серьезных подозрениях. Как будто он точно знал, что я собираюсь спросить и уже заранее подготовил ответы. С другой стороны, должна признать, что его ответы были логичными и правдоподобными.

– Хорошо. – Слейзнер убрал с доски фотографию Якоба Санда и положил ее на стол. – Не будем его выпускать из поля зрения полностью, но отложим на время и перейдем к исчезновению Хеска.

– Извините, но то, что мы ставим Санда на паузу, не означает, что мы должны поставить на паузу все расследование, – сказал Хейнесен.

– Кто говорит о приостановке расследования? – Слейзнер посмотрел на него, как на мешок с пищевыми отходами, который слишком долго простоял на солнце. – Точно не я.

– Мне показалось, ты сказал, что мы переходим к исчезновению Хеска, – произнес он, прилагая усилия, чтобы не отвести взгляд. – Просто я имел в виду, что нас достаточно, чтобы параллельно работать над обоими делами. В конце концов, есть еще много чего другого, кроме Санда, чем нам следует заниматься.

– Конечно есть, – сказал Слейзнер. – Вопрос только в том, важнее ли это, чем исчезновение нашего коллеги. Речь идет о приоритетах, Мортен. Приоритетах. И прямо сейчас я хочу, чтобы мы поставили все на Хеска. Как хотел бы поступить ты, можешь написать в своих мемуарах.

– Есть ли что-то конкретное, что, по-вашему, нам нужно проверить прямо сейчас? – спросила Берн сторфф.

– Да, например, тот угол на Истедгаде – Викториагаде. Если Санд и правда подобрал ее там, есть шанс, что кто-нибудь из других девушек, которые обычно стоят там, знает ее и может помочь нам установить ее личность.

Берн сторфф кивнула и повернулась к Слейзнеру, который тоже в свою очередь кивнул.

– Это хорошая мысль, замечательная, и, конечно, мы это сделаем. Абсолютно. Но не сейчас, хорошо? Пусть это подождет денек-другой.

– Почему? – спросил Хейнесен.

– Потому что это не горит! Неужели так трудно понять? – уставился на Хейнесена Слейзнер. – Что точно горит, так это исчезновение нашего общего коллеги. С каждой секундой тучи сгущаются все сильнее. – Он обратился ко всем присутствующим по отдельности. – Ян Хеск, возможно, не так много значит для вас, как для меня. Пусть и так. Но все же прошу вас правильно расставить приоритеты, чтобы мы совместными усилиями смогли выяснить, что произошло с нашим коллегой, вместо того, чтобы саботировать то небольшое время, которое у нас есть, обсуждая множество вещей, которые могут и подождать.

Берн сторфф и Хеммер кивнули, а Хейнесен понял, что это единственное, что он мог сделать, чтобы избежать полномасштабной войны со Слейзнером.

– Хорошо. Давайте начнем, – хлопнул в ладоши Слейзнер. – Не знаю, слышали ли вы уже новость. Но сегодня утром его машина была найдена на стоянке у Исландс Брюгге прямо у кафе «Лангебро».

– Кто ее нашел? спросила Берн сторфф.

– Какой-то охранник парковки, который собирал парковочные талоны. Я пометил регистрационный номер в системе, так что он, должно быть, появился у него на экране или что-то в этом роде. В любом случае, я послал водолазную команду, которая уже должна активно проверять дно вдоль набережной.

– То есть вы хотите сказать, что он упал в воду? – спросил Хеммер.

– Нет, я ничего не хочу сказать. Но ему достаточно было немного перебраться в том кабаке у Лангебро, а потом случайно подойти слишком близко к краю пристани. – Слейзнер пожал плечами. – Лично я не могу придумать чего-то более нехарактерного для Хеска. Но, насколько я понимаю, последние дни он был в расшатанном состоянии. Кроме того, я пообещал его жене Лоне перевернуть каждый камень, и это обещание я намерен сдержать.

Хейнесен снова последовал примеру остальных и кивнул, хоть он и не знал, что и думать. Так много вопросов, но ни на один из них нет времени. Слейзнер здесь не для того, чтобы переворачивать каждый камень. Он это, очевидно, уже сделал. Причем в кратчайшие сроки.

– Алло, прием, это Хьюстон. Хьюстон вызывает Мортена.

Хейнесен повернулся к просиявшему Слейзнеру.

– О, смотрите-ка. Вот и он. И где ты был?

Хейнесен собирался было что-то сказать.

– Неважно, – продолжал Слейзнер. – Даже если там ты проводил время лучше, чем здесь.

– Извини, я просто раздумывал о том, как...

– Ничего страшного. Нам всем иногда нужно отвлекаться и отключаться. День был долгим, и мы все устали. Но прежде чем пожелать друг другу спокойной ночи, я хочу узнать, как все прошло на той парковке. Есть ли там камеры наблюдения?

Хейнесен кивнул и положил USB-накопитель на стол.

– Я достал вот это.

– Превосходно! Давайте посмотрим, есть ли там что-нибудь интересное.

Слейзнер обратился к Хеммеру.

– Организуешь?

– Вы имеете в виду, прямо сейчас? – Хеммер поднял и изучил флешку. – А то я могу просмотреть это сегодня ночью и нарезать интересные кусочки на завтра, так что сейчас мы сможем потратить время на то, что...

– Зачем ждать, сказал мальчик девочке, – перебил Слейзнер со смехом, после чего без всякого предупреждения ударил кулаком по столу. – Что, черт возьми, с вами творится? Если не сидите и спите, так хотите подождать до завтра. Речь о нашем коллеге, а не о каком-то гребаном незнакомце, кого мы даже не можем опознать. Счет идет на часы и минуты, чтобы у нас был шанс. Не на дни.

– Сорри, просто предложил, – Хеммер вставил флешку в свой ноутбук и подключил проектор, который после пары команд начал проецировать записи с четырех камер наблюдения с парковки на развернутый Слейзнером экран.

Изображение было разделено на четыре равные части, каждая из которых показывала вид с разных углов парковки. Камеры, очевидно, были оснащены датчиками движения, так как в одном или нескольких из четырех кадров обязательно проходил человек или проезжала машина. В верхней части в левом углу был указатель времени, показывающий 15:00, 05-08-12.

– Три часа дня – это, наверное, слишком рано, – сказал Слейзнер, когда вниз по рампе начал спускаться бордовый Вольво. – Во сколько вы закончили вчерашнюю встречу?

Хейнесен и остальные переглянулись.

– Думаю, около восьми-половины девятого, – сказала Бернсторфф.

– О'кей, перемотай на восемь. Как я уже говорил, времени у нас немного.

Хеммер кивнул и передвинул бегунок до момента, как наверху в углу отобразилось 19:55, 05-08-12.

Они увидели, как на парковку заехал серебристый «Лексус» и завернул на свободное место, после чего женщина со светлыми волосами, собранными в пучок, в кожаных штанах и на высоких каблуках вышла из машины и скрылась из кадра.

После этого ничего не происходило, а затем камеры, должно быть, выключились, так как следующий ролик имел отметку времени 20:48, 05-08-12, когда по рампе проехал синий «Пежо».

– Поправьте меня, если я ошибаюсь, – сказал Слейзнер, в то время, как машина на экране несколько раз въезжала и выезжала, пока не встала точно в парковочный карман. – Но разве это не старый «Пежо» Яна?

Хейнесен кивнул. Конечно, это была машина Хеска, и конечно, это был Хеск, который вскоре после этого прошел мимо одной из камер, обводя взглядом припаркованные машины.

Слейзнер покачал головой.

– Совершенно непонятно, почему он не поменяет ее на что-то повеселее. С такой зарплатой, как у него сейчас, он мог бы легко арендовать «Феррари».

Значит, Хеск отправился туда по собственному желанию. Как и говорил Слейзнер, должно быть, по дороге домой ему внезапно пришло в голову заехать и посмотреть, нет ли там Якоба Санда или его машины, которая, очевидно, там была, так как в правом нижнем окошке было видно, что в метрах двадцати от камеры Хеск остановился у блестящей красной спортивной машины и исчез из виду, когда втиснулся в пространство между ней и бетонным столбом.

Следующая запись была сделана через несколько минут, когда Хеск выглянул из-за колонны с прижатым к уху мобильным телефоном. Его рот двигался, как будто он что-то говорил, после чего он сунул в карман пиджака мобильник и пошел в сторону камеры.

– Торбен, проверите, с кем он разговаривал? – обратился Хейнесен к Хеммеру, который кивнул.

– Хорошая идея, Мортен, – сказал Слейзнер, подняв большой палец вверх.

Что увидел Хеск, определить было невозможно. Но что-то он точно заметил, что-то, что заставило его завести правую руку под пиджак, как будто он собирался достать пистолет. Но потом он, должно быть, передумал и вместо этого достал свое полицейское удостоверение.

Был ли там кто-то, кому он противостоял? Кто-то за пределами кадра. Да, теперь он увидел. Третий человек, которого заслонял сам Хеск, и присутствие которого можно было угадать только по падающей на бетонный пол тени. Не здесь ли все пошло не так?

– Мне мерещится, или прямо позади него кто-то есть? – спросил Хеммер.

– Правда? И где? – Слейзнер сделал шаг в сторону экрана.

– Вот, – показал Хеммер. – Видите тень на полу?

Слейзнер не успел ответить, как тень бросилась на Хеска, который упал навзничь вместе с мужчиной верхом. Мужчиной, который, встав, оказался женщиной.

– Но какого черта? – обратился к остальным Слейзнер, когда Хеск с трудом встал и снова заслонил женщину. – Вы видели, кто это? А? Вы видели это?

Но они увидели только, как Хеск снова упал на землю, на этот раз без сознания и с пистолетом в руке.

– Это Дуня Хугор, – продолжил Слейзнер, пока Дуня наклонилась над Хеском, выкрутила из его руки пистолет, схватила его за обе руки и утащила его по бетонному полу из кадра.

– Из стольких ублюдков расправилась с ним именно она.

Хейнесен не мог вымолвить ни слова. Дуня Хугор. Неужели это правда?

То, что Слейзнер ненавидел ее больше всего на свете, всем было прекрасно известно, и когда он объявил ее в розыск, большинство сходились в том, что он просто слишком далеко зашел в своей личной вендетте. Но, оказывается, это не так. Вместо этого все выглядело, будто он шагал впереди всех.

– Можем взглянуть еще раз? – наконец спросил он, и когда кадры снова промелькнули мимо, он увидел, что это действительно она одним ударом локтя отключила Хеска, а затем протащила его по полу. На следующей записи, полтора часа спустя, появились двое мужчин в камуфляже, несущие то, что не могло быть ничем иным, как человеческим телом, полностью завернутым в черные мешки для мусора и широкую изоленту.

– Но погодите-ка, – обратилась к остальным Бернсторфф. – Эта Дуня, которую вы все, кажется, знаете, какое отношение она имеет к нашему расследованию?

– Это хороший вопрос, – повернулся к ней Слейзнер. – Очень хороший вопрос. Она работала здесь, в отделе, несколько лет, и вы, кто меня знает, помните, что она мне никогда не нравилась. Список всех ошибочных и откровенно незаконных действий, в которых она виновна, будет длиннее, чем рулон туалетной бумаги. В том, что она опасна и могла представлять угрозу, нет ничего удивительного.

Именно поэтому она в розыске. Но все равно должен сказать, что этим она превзошла все прошлые заслуги.

– А что она имеет против Хеска? – спросил Хеммер.

– Это тоже хороший вопрос, – развел руками Слейзнер, одновременно с тем, как в верхнем левом окошке синий «Пежо» Хеска выехал с парковки и исчез, заезжая на рампу. – Единственное, что мне известно, – у них были свои разногласия, когда она была новичком, и они собирались работать вместе над одним расследованием. Но опять же, Ян всегда был мне лоялен, и понятно, что это могло резать глаз человеку, который... – Его прервал собственный мобильник. – Да, это Ким Слейзнер... Да-а... Ага... – Он испустил долгий, тяжелый вздох и начал массировать лоб свободной рукой. – Нет, нет смысла. Можете заканчивать и собираться... До свидания! – Он отключил звонок, отложил мобильник, сглотнул, вытер сначала один, а затем другой глаз, прежде чем обратился к остальным. – Они нашли тело.

Домашний адрес Флемминга Фрииса, который руководил изолятором в Хельсингере, был всего в нескольких кликах на экране мобильного телефона, пока Фабиан переправлялся на пароме в соседнюю страну. Улица Колдингвей, 6, южнее Хельсингера, дом из красного кирпича, напоминающий дом его бабушки, где она жила до того, как ее против воли перевезли в дом престарелых, в котором она за полгода сгорела.

Фабиан уже дважды встречался с ним. Но ни разу он не почувствовал, что получил честный ответ по поводу подробностей самоубийства Теодора. Единственное, что он получил, это уклончивость и отрывистые объяснения.

Поэтому он поехал не к нему на работу, в изолятор, а домой, в вечернее время. На самом деле, визит был не рабочим, а частным. По этой причине он и табельное оружие с собой не взял.

Он припарковался на улице прямо у дома. Он не собирался тратить время на изучение тихого пригорода и парковку машины в каком-нибудь укромном месте. Это не ему было что скрывать.

Затем он открыл бардачок, достал матерчатый пакет с пистолетом, который однажды принес домой Теодор, и развернул его, а когда заполнил магазин патронами и вставил его в рукоять, убрал пистолет со спиленным серийным номером в нагрудную кобуру и вышел из машины.

Как и многие соседние дома, дом Фрииса был окружен двухметровым озелененным, защищавшим от посторонних глаз забором.

Тут были и запертые ворота гаража, и дверь с домофоном, но он предпочел перелезть и спрыгнуть вниз с другой стороны. Так что это был не визит, а скорее вторжение.

Сад, очевидно, не был главным увлечением Фрииса. Газон, конечно, подстрижен, но он был таким коричневым и сухим, что один луч солнца сквозь пару начищенных очков без труда смог бы его поджечь. Тут и там росли старые кусты смородины, которые уже давно оставили все попытки принести плоды, а в центре участка, рядом с

садовой мебелью, стояла сушиллка, завешанная нижним бельем. Судя по нему, семья Фриис состояла из самого Флемминга, его жены и двух их детей, дочери-подростка и десятилетнего сына.

В углу по правую руку стояли качели вместе с песочницей, которую природа уже готова была забрать себе. В паре метров находился батут, на краю которого сидел мальчик и смотрел на него. Фабиан поднял руку и помахал с улыбкой. Как будто это было совершенно естественно для перелезшего через забор чужака.

– Кто вы? – закричал мальчик, вставая на батут.

– Меня зовут Фабиан, – ответил он, продолжая махать рукой. – Фабиан Риск.

Но мальчик не помахал в ответ. Вместо этого он молчал и долго смотрел то на него, то на дом.

– Я видел, что вы сделали, а этого делать нельзя.

– Да, тут ты прав, – сказал Фабиан и направился к батуту. – Но иногда правила нарушаются? Не так ли? Ты сам никогда это не делал? Делал что-то, что тебе нельзя...

Мальчик покачал головой.

– Точно? Я хочу сказать, иногда у человека может не быть выбора.

– У человека всегда есть выбор – папа так всегда говорит.

Фабиан кивнул.

– Именно это я говорил своему сыну.

– У вас есть сын? Сколько ему лет? Он такой же большой, как и я?

Фабиан рассмеялся и кивнул.

– Шестнадцать. Весной исполнилось бы семнадцать.

Мальчик смотрел на него, полный вопросов. Но не задал ни одного, а вместо этого подошел ближе и сел на край батута.

– Моя мама, она тоже из Швеции.

– Я вижу. И теперь ты можешь говорить и на датском, и на шведском. Впечатляет.

– Я никогда не жил в Швеции, но там живут мои бабушка и дедушка. И мой дядя, и мои двоюродные братья. Кстати, сегодня я взял из морозилки мороженое без спроса. – Мальчик повернулся к Фабиану и посмотрел ему в глаза. – Я просто это сделал, хотя мне нельзя. Но я никому не сказал.

– Обещаю не рассказывать, если ты пообещаешь не говорить, что я только что сделал.

Снова молчание.

– Вы из тех, кто хороший, или из тех, кого папа держит в клетке?

– Всю свою жизнь я старался поступать правильно и быть одним из хороших, но у меня не очень хорошо получалось, и теперь... – Фабиан пожал плечами. – Теперь я, честно говоря, уже не знаю.

– По крайней мере, вы кажетесь довольно добрым. Если хотите, я могу сказать папе, чтобы он вас не запирали.

– Это очень любезно, но это...

– Эй, – послышался чей-то голос из дома.

Фабиан обернулся и увидел Флемминга Фрииса, стоящего с голым торсом в открытом окне.

– Какого черта ты здесь делаешь? – продолжил он. – Убирайся отсюда! Это частная территория!

– Его зовут Фабиан Риск, и он из Швеции, – закричал мальчик.

Хотя между ними было более десяти метров, Фабиан заметил, как застыло лицо Фрииса.

– Антон! Иди сюда, сейчас же!

– Почему?

– Потому что я так сказал! Иди сюда и поторапливайся!

– Но я не хочу.

– Антон! Слушайся папу и делай то, что он говорит! – крикнула мама, стоявшая в соседнем окне и махавшая ему, чтобы он поторапливался.

– Наверное, лучше всего будет, если ты послушаешься родителей. – Фабиан взъерошил мальчику волосы. – Тогда мы с твоим папой сможем немного поговорить.

Мальчик вздохнул и дал спустить себя с батута.

– Но обещайте не говорить ему о мороженом. Обещайте.

– Обещаю.

Они пожали друг другу руки, после чего мальчик потопал по газону и скрылся в доме. Вскоре после этого Флемминг Фриис направился к нему твердым шагом, одновременно натягивая на живот кофту.

– Не знаю, что ты надумал, – сказал он, указывая прямо на него. – Но если ты сейчас же не покинешь мою собственность той же дорогой, которой пришел, мне придется вызвать полицию.

– Хороший у тебя сын, – сказал Фабиан без всякого намерения двигаться. – Правда, очень приятный.

– Убирайся отсюда. Понял? Вон!

– Должно быть, приятно возвращаться домой к семье, где все дома. Ради твоего же блага надеюсь, что ты успеешь этим насладиться. Потому что никогда не знаешь, когда это закончится.

– О'кей, я звоню в полицию, пусть приедут и тобой займутся.

Фриис достал мобильник и разблокировал его.

– У меня есть предложение. Как насчет того, чтобы обойтись без мобильных? – Сделав два шага, Фабиан подошел к Фриису, выхватил у него телефон и бросил его далеко на газон. – Все равно они выделяют кучу канцерогенного излучения.

Сжатый кулак со всей силы ударил его в лицо. Но он ничего не почувствовал. Только услышал, как что-то сломалось в носу, а потом из него пошла кровь.

– Убирайся отсюда, ты, гребаный идиот! – прорычал Фриис и дрожащими руками вытащил пистолет. – И да, я буду стрелять. Больше мне тебе сказать нечего. Буду стрелять, если ты сейчас же не уберешься.

– Тогда нас таких двое. – Фабиан достал свой пистолет, снял с предохранителя и направил его на Фрииса. – Вопрос только в том, кто больше теряет. Ты или я? – Одним движением он схватил левой рукой дуло пистолета Фрииса и потянул его в сторону, одновременно с тем, как сбил его с ног, так, чтобы они поехали в другую сторону.

Все произошло так быстро, что Фриис не успел среагировать, как уже оказался на спине в траве, а верхом на нем Фабиан, приставивший оба пистолета к его вискам.

– У меня семьи больше нет, – продолжал Фабиан, пока темно-красные капли из его носа падали на лицо Фриису. – Сына ты уже у меня отнял. Остальные члены семьи покинули меня сегодня. Поэтому, зная совсем немного о твоей жизни, я бы предположил, что больше всего теряешь ты. Очень много, на самом деле, из того небольшого, что я видел.

– Чего ты хочешь? – Фриис дрожал всем телом, он был готов расплакаться. – Какого черта тебе нужно?

– Прочь отсюда, – сказал Фабиан, пока кровь из носа заливала лицо вниз. – Больше всего я хочу оставить тебя, твою жену, дочь и,

прежде всего, вашего милого сына в покое. Но для того, чтобы подняться и перелезть через забор, мне нужно услышать от тебя, что случилось с моим сыном. Почему он неоднократно подвергался жестокому обращению в твоём изоляторе? Почему был изолирован в кладовке, где в доступе все, что было ему нужно, когда он больше не мог этого выносить?

– Я уже говорил тебе об этом. Я говорил тебе, что он...

Фабиан ударил его пистолетом. Ударил прикладом с такой силой, что кровь толчками начала вытекать из открытой раны под глазом.

– Теперь кровью истекаем мы оба. Закончить ли на этом, решать тебе.

– Я ни хрена не знаю. Я не могу сказать больше, чем уже...

Следующий удар пришелся в то же место и в ту же рану, которая теперь стала настолько глубокой, что навсегда с ним останется.

Да, очевидно, да. Фабиан разглядывал, как Фриис борется с болью.

– Значит, у нас, несомненно, возникает небольшая дилемма. Ты не можешь рассказать больше, чем уже рассказал, а я не могу уйти, пока не получу ответ. Вопрос в том, что нам делать дальше? На самом деле, есть один слушок, которому у меня есть все основания верить. Говорят, что насилие над моим сыном происходило по приказу высокого начальства. То есть тебя.

– Нет, – покачал головой Фриис. – Нет, это не правда.

– На твоём месте я сейчас был бы очень, очень осторожен.

С помощью одной руки и дула пистолета Фабиан заставил Фрииса, несмотря на сопротивление и протесты, открыть рот. – Понимаешь, я уже перешел столько границ. Границ, о которых я еще несколько дней назад думал, что никогда к ним не приближусь. – Затем он засунул ствол пистолета в рот на максимальную глубину.

– Так что, ради себя, не заставляй меня переходить еще одну.

Фриис попытался что-то сказать, но разобрать, что именно, не представлялось возможным. Наверное, очередные отговорки и оправдания. Отговорки, которые заставили бы Фабиана нажать на курок, если бы он их расслышал.

Он достиг конца пути. Вариантов теперь было так мало, что осталось только или-или. Продолжать или заканчивать. В то же время, никогда еще его так сильно не привлекал один из них. Как будто не он

принимал решение. Как будто он всегда к этому тяготел. Точно как все это время говорила Матильда. К окончательному решению. Что все уже было predetermined.

Он опустил глаза и вытащил дуло изо рта Фрииса, который весь в поту и в крови откашлялся и заговорил.

– Это не я, Фабиан. Поверь мне. Это не я, – произнес Фриис между вдохами, пока Фабиан вставал. – Я просто действовал по приказу из Копенгагена. Понимаешь? От Кима. Знаешь, кто это? От Кима Слейзнера.

Фургон они поставили всего в нескольких метрах от старого перестроенного силосного хранилища, на самом верху которого жил Слейзнер. Место было совсем не укромное – стояли они посреди велосипедной дорожки в Исландс Брюгге. На дорожке, которая была продолжением моста Брюггебро, который, в свою очередь, был перекинут через воду в направлении Вестербро и, следовательно, был загружен транспортом.

Она же предлагала им занять одно из свободных парковочных мест на улице за зданием силосной башни, чтобы не мелькать перед глазами у прохожих. Но Фарид настоял на своем, утверждая, что это наименее плохой вариант. Этаж Слейзнера выходил на воду, и чтобы иметь достаточно хорошую связь с камерами, когда он попадет в квартиру, нельзя, чтобы их разделяло целое здание.

По крайней мере, там была крышка люка, которую они могли открыть и огородить дорожными конусами и мигающими сигнальными огнями, а также, чтобы еще улучшить маскировку, они опустили несколько кабелей в отверстие люка. Теперь ей оставалось только надеяться, что их приготовления в квартире Слейзнера не затянутся надолго.

Надеяться, однако, особо было нечего, в том, что касалось Микаэля Реннинга. Его сотрудничество со Слейзнером по-прежнему оставалось таким потрясением, что возникал вопрос, сможет ли она когда-нибудь от него оправиться. То, что он, вероятно, делал это из лучших побуждений, полагая, что это для ее же блага, не меняло того факта, что это было самое страшное предательство, с которым она сталкивалась.

Это, вместе с пожаром и убийством Цяна, изменило все. Если раньше существовал план игры с установленными правилами, то теперь его больше не было. Поэтому пропала необходимость оставаться в тени и пытаться собрать достаточно улики, держась на расстоянии, чтобы посадить Слейзнера. С этого момента больше не было ни малейшего желания следовать закону и действовать корректно.

Вместо этого у них теперь был план, который должен был сразу же заставить его признаться. План, который был настолько простым и эффективным, насколько и запрещенным.

– *О'кей, я внутри, на лестнице,* – послышался голос Фарида в динамиках, и на экране, показывающем изображение с его фронтальной камеры, она увидела, как он кладет отмычку обратно в чехол и проходит вглубь здания.

– Поднимись на лифте, – велела она. – Там наименьшая вероятность с кем-то столкнуться.

– *Но тогда мы потеряем связь, пока я не поднимусь наверх.*

– Будем надеяться, что мы не слишком сильно отделимся друг от друга, когда ты поднимешься.

На одном мониторе она отслеживала путь Фарида к лифту и вовнутрь. На другом – она была его глазами на затылке. Но в ту же секунду как двери лифта закрылись, картинка начала дергаться и зависать, пока наконец полностью не исчезла.

В это же время прозвенел будильник, возвещая о наступлении девяти часов, и она поспешила на сайт полиции, где нажала на ссылку на прямую пресс-конференцию, которую объявил Слейзнер. О чем будет идти речь, никто, похоже, не знал, и в СМИ спекулировали на все темы, начиная с решающего момента в текущем расследовании убийства до объявления об отставке.

Ее саму это несколько не волновало. Единственное, что имело значение, – это то, что его не было дома. Что они могли в тишине и покое завершить подготовку. По этой причине ей совсем не нравилось, что трибуна перед камерами и микрофонами все еще пустовала, несмотря на то, что после девяти прошло уже несколько минут.

Конечно, не редкость, когда пресс-конференции начинались после назначенного времени, особенно когда речь шла о Слейзнере. Он любил заставлять других ждать. Но в этот конкретный раз это вызывало тревогу. Неужели весь этот спектакль на самом деле ловушка, чтобы заманить их в засаду?

Картинка с камер Фарида снова ожила и показала, что он вышел из лифта и направился к двери квартиры с надписью «К. Слейзнер» на табличке.

– Слушай, – сказала она, поправляя гарнитуру. – Вопрос в том, не стоит ли нам подождать?

– *Почему?* – спросил Фарид. – *Это же наш шанс.*

– Просто пресс-конференция все еще не началась. Трибуна совершенно пуста, и что если все это просто....

– *О'кей, понял,* – перебил Фарид, и на мониторах отобразилось, как он оглядывается по сторонам в поисках укрытия.

– Думаю, тебе лучше вернуться сюда, – сказала она, не отрывая глаз от монитора, показывающего пустую трибуну. – Как можно скорее, пока ты... Или подожди-ка, что-то все-таки происходит, – перебила она сама себя. Да, вот он идет, наконец. Никогда так, как сейчас, она не радовалась появлению Слейзнера. – Все спокойно. Можешь продолжать.

На экране телевизора Слейзнер сел за трибуну, наполнил стакан водой и выпил несколько глотков. Тем временем на соседних мониторах Фарид снова стоял у двери квартиры, разбираясь с кодовым замком.

Учитывая, что Слейзнер сидел на сцене один, под всеобщим пристальным взглядом, он казался необычайно сдержанным.

– *Хотел бы начать с того, чтобы поприветствовать всех на этой задержавшейся пресс-конференции. Я также хотел бы воспользоваться возможностью, чтобы попросить прощения за ожидание.* – Он замолчал и глотнул еще воды.

Дуня была растеряна. Слейзнер никогда раньше не извинялся.

– *Как некоторые из вас, возможно, знают, меня зовут Ким Слейзнер,* – продолжил он. – *Я возглавляю криминальный отдел полиции здесь, в Копенгагене, и сегодня утром мне стало известно, что один из моих коллег по имени Ян Хеск со вчерашнего вечера числится пропавшим.* – Он замолчал и несколько раз сглотнул, прежде чем продолжить. – *После интенсивных поисков, сегодня днем я получил известие, которого боялся.* – Он снова сделал паузу и допил воду. – *Сегодня в два двадцать пять наша команда дайверов обнаружила тело Яна Хеска на дне у восточной оконечности Исландс Брюгге.*

Ян Хеск мертв. Дуня поймала себя на том, что просто сидит и качает головой. Хеск, который в отделе криминальной полиции был всегда, и как закон природы, всегда должен был там оставаться. Они не очень хорошо ладили в то время, когда работали вместе. Она считала его старомодным и медлительным, а она раздражала его, когда, будучи

молодой и зеленой, завалилась к ним и начала наступать ему на пятки. И все же он всегда был рядом, когда она нуждалась в нем.

– Ян Хеск мертв, – сказала она Фариду, который демонтировал клавиатуру кодового замка. – Вот для чего нужна пресс-конференция.

– *Мертв? Но...? Как? Мы же видели его вчера вечером, когда...*

– Я знаю. Но они нашли его здесь, рядом с Исландс Брюгге сегодня днем.

– *Ян Хеск был не только одним из моих самых компетентных коллег, – продолжал Слейзнер дрожащим голосом. – Он также был одним из моих самых близких друзей. Поэтому мне больно, и еще больнее сообщать, что вскрытие тела показало, что это не несчастный случай, а Ян Хеск был убит.*

Она не видела его несколько лет, и вот они столкнулись за несколько часов до смерти. До того, как его убьют. Была ли это случайность или просто очередной ход человека на трибуне?

Вопрос повис в воздухе, когда на одном из четырех мониторов, охватывавших пространство вокруг фургона, она увидела, как к ограждению вокруг люка приближается парковщик.

Именно этого она и боялась, но ничего не могла с этим поделать. Если бы он собирался их оштрафовать, то пусть штрафует. Прямо сейчас это была наименьшая из их проблем.

– *Убийство полицейского – это, как вы понимаете, то, к чему мы относимся особенно серьезно и поэтому уже ведем полноценное расследование, – продолжал Слейзнер.*

– *О'кей, я внутри, – сказал Фарид, в тот же момент, как она увидела, что парковщик перешагнул через ограждение и посветил в люк фонариком, затем достал мобильный телефон и сделал снимки всего: от открытого люка до ограждения и фургона. – А как у тебя дела?*

– Ты имеешь в виду, помимо того факта, что кто-то убил Хеска и что здесь снаружи стоит бодрый парковщик и фотографирует?

– *Что фотографирует?*

– Люк, машину и...

– *Тебе нужно выйти и поговорить с ним.*

– О чем? Тут не особо что можно...

– *Придумай объяснение, что угодно, лишь бы он купился.*

– О'кей. – Она встала и вышла через заднюю дверь. – Извините, – сказала она, подойдя к парковщику, который повернулся к ней. – Что-то не так?

– Вам нельзя здесь стоять. Вы же прямо в центре велодорожки.

– Мы полностью отдаем себе в этом отчет, но мы обязаны выполнить кабельные работы.

– Что за кабельные работы? Это не указано в нашей системе.

– Нет?

– Нет, поэтому мне придется попросить вас собраться и освободить проезд как можно скорее.

– Увы, это невозможно. Как видите, работы в разгаре и мы не можем сдвинуться, пока...

– Это ваши проблемы. Не мои, – перебил парковщик. – У вас есть пять минут. Затем я вынужден буду оформить протокол.

– Но подождите минутку. Как это может быть нашей проблемой, что вы это не видите у себя в системе? Я понимаю, что вам это не нравится, но, честно говоря, не знаю, что мне с этим делать.

– Вам следует собрать вещи и убрать машину, потому что у вас нет разрешения на...

– Кто сказал, что у нас нет разрешения, только потому, что оно не отображается у вас на экране? Откуда мне знать. – Она пожалала плечами. – У вас, наверное, новая электронная система или что-то в этом роде.

– Да, действительно, но у нас обычно не бывает подобных ошибок. Почти всегда речь идет о местоположении и времени на талоне, которые не...

– Слушайте, извините. – Дуня подняла руки. – Но у меня нет времени на это. У нас тут несколько оптоволоконных кабелей, которые нужно починить, и мы еще утром получили разрешение. Что отображается или не отображается у вас на экране, лучше обсудите с вашим IT – отделом. А теперь вынуждена попросить вас выйти за периметр. Это техника безопасности. Иначе мне придется составлять протокол.

Парковщик попятился за ограждение, где некоторое время стоял, переводя взгляд со своего устройства на фургон и открытый люк, пока, наконец, не двинулся дальше.

Дуня вернулась в фургон, закрыла двери и села, собираясь отчитаться, что проблема решена. Но то, что она увидела, заставило ее замереть, устремив взгляд на один из мониторов, которые, как в зеркале, показывали ее саму. Только через несколько секунд она догадалась прибавить громкость.

– Дуня Хугор в прошлом была связана с моим отделом, – услышала она Слейзнера снова появившегося в кадре. – Уже тогда у нее были разногласия с Яном Хеском, а два года назад, после того как она, помимо прочего, подделала мою подпись, я не видел другого выхода, кроме как ее уволить.

– Алло? Дуня, ты тут? – послышался голос Фариды, который, судя по монитору, бродил вокруг и изучал роскошные апартаменты.

– Да, я здесь, Фарид. Но Слейзнер, он... он обвиняет меня.

– Едва ли я мог тогда догадываться, что всего через несколько лет мне придется объявить ее во внутренний розыск, что я и сделал не менее двух дней назад, – продолжал Слейзнер. – А теперь вот это. – Он замолчал и покачал головой.

– Дуня, вот он. – Фарид оказался в комнате без окон перед мультитренажером с кабелями, весами и различными рукоятками для натягивания. – Но здесь слишком тесно, чтобы мы могли установить камеру и все остальное.

– Фарид, он обвиняет меня в убийстве, – сказала она. – Понимаешь? Это меня он...

– Но здесь должно сработать. Или как? Здесь даже есть вытяжка. – Фарид зашел на кухню с большой широкой плитой под такой же большой вытяжкой. – Все, что нам нужно сделать, это отодвинуть обеденный стол в сторону, – продолжал он. – Или что скажешь? – Он повернулся лицом к столу, чтобы она могла видеть его на мониторе. – Алло? Дуня? Ты же видишь, что я на кухне? Или ты потеряла связь с камерами?

– А откуда вы знаете, что за убийством стоит Дуня Хугор? – спросил один из репортеров с экрана телевизора.

– Нет, я тебя и вижу, и слышу, – сказала Дуня в гарнитуру. – Но слышишь ли ты меня?

– Спасибо, что спросили, – сказал Слейзнер. – Потому что я как раз собирался к этому перейти.

– *Да, громко и четко,* – сказал Фарид, начав отодвигать стулья вокруг обеденного стола. – *Немного прерывисто и с задержкой, но ничего страшного.*

– *Эта запись была сделана вчера, поздним вечером,* – продолжал Слейзнер. – *Заснято камерой наблюдения на подземной парковке в центре Копенгагена.*

Не прошло и дня, как это произошло. И все же ей удалось подавить это, как будто ничего и не было. Но теперь все вернулось. Теперь, когда она увидела видео с камер наблюдения, на котором Хеск стоит спиной к камере с пистолетом в руке.

На заднем плане был слышен отдаленный звук вертолета. Тогда она ни о чем этом не думала, когда стояла внизу, на парковке, прямо позади него. В тот момент все ее внимание было сосредоточено на том, чтобы не дать ему попасть прямо в логово льва. Но когда она теперь видела, как он упал после ее удара, она даже не могла осознать, что это сделала она сама.

Звук вертолета продолжал усиливаться, несмотря на то, что видео закончилось, и в кадре снова появился Слейзнер, и только сейчас она поняла, что звук идет вовсе не из телевизионной трансляции.

– *Значит, разместим камеру здесь, а тренажер – там.* На мониторе было видно, как Фарид осматривается на кухне, где обеденный стол теперь переместился в угол. – *Но он слишком тяжелый, чтобы я мог сам переместить его сюда.*

– *В настоящее время мы направляем все наши ресурсы на то, чтобы задержать ее, и принимаем любые советы от общественности.*

– Фарид, ты должен меня выслушать, – сказала она, наблюдая за тем, как она вырывает пистолет из рук Хеска, засовывает его за пояс брюк и тащит Хеска по бетонному полу. – У них есть...

– *Но если мы друг другу поможем, это не должно оказаться проблемой.*

– Фарид, черт возьми! – перебила она, когда их фургон показали на экране.

– *У нас есть серьезные подозрения, что они перемещаются в этом фургоне с регистрационным номером ДН 48 895. Информация уже разослана по всем станциям.*

– *Но это единственный наш шанс переместить тренажер...*

– Может, ты заткнешься и выслушаешь меня?

– *Алло? Дуня, ты что-то сказала?*

Вертолет теперь был слышен так громко и отчетливо, что можно было легко отличить дребезжание лопастей ротора от звука самого двигателя.

– Да, сказала. Этот ублюдок объявил меня в розыск за убийство Хеска, – повторила она, пытаясь разглядеть на мониторах, где именно сел вертолет. Но она не видела его ни сзади, ни спереди, ни в одну из двух боковых камер.

– *Тебя так плохо слышно. Попробуй говорить в гарнитуру.*

– Я так и делаю! Но здесь вокруг летает вертолет!

– *Да, его я тоже слышу. Возможно, они продолжают обыскивать дно.*

– Нет, они уже установили преступника, и это я!

– *Серьезно?*

– Да, этот сукин сын только что сидел в прямом эфире и показывал фотографии с парковки, где видно, как я бью Хеска и тащу его к машине. Они даже обнаружили регистрационный номер на...

– *О'кей, я спускаюсь. Собирай вещи и поехали.*

Дуня встала, чтобы направиться к задним дверям, когда фургон задрожал от сильного стука. Она повернулась обратно к мониторам, но по-прежнему не увидела никого снаружи.

Осознание пришло только тогда, когда раздался еще один удар, и на металлической крыше у нее над головой появились вмятины.

– Они уже здесь. – Устремив глаза в потолок, она попятилась назад, к водительскому сиденью. – У меня нет времени ждать. Увидимся на месте встречи. – Она села за руль и вставила ключ в замок зажигания, в то время за треском лопастей можно было различить отдаленные сирены.

Но она успела лишь повернуть ключ зажигания, когда мужчина в темной одежде из оперативной группы соскользнул с крыши по лобовому стеклу и приземлился на землю около водительской двери.

Несколько ударов прикладом автомата спустя он разбил боковое стекло и открыл дверь.

Дуня быстро, как только могла, пробралась к задним дверям, которые с громким стуком открыл еще один человек в темной одежде в бронежилете и каске. Тогда она попыталась отступить, чтобы

выбраться через боковую дверь, но сильные руки уже схватили ее за лодыжки, вытащили из машины на землю, где ее перевернули на живот и зафиксировали руки за спиной.

– Камилла Крюстхофф, это вы? – послышался голос, ожидавший от нее ответ, который не последовал, после чего одной рукой кто-то приподнял ей голову, а другой ослепил мощным фонариком.

– Да, это она.

Затем ее подняли на ноги и отвели в сторону к одной из притормозивших перед ними полицейских машин с синими мигалкам.

Одна из задних дверей открылась, и Дуню затолкали на заднее сиденье, пристегнули ремнями и увезли мимо парковщика, стоявшего с двумя полицейскими в форме и смотрящего ей в след.

Лоне Хеск втягивала дым, словно пыталась установить рекорд по длине затяжек. Сейчас это единственное, что помогало. Никотин, который заставлял сосуды сужаться, а сердце биться чаще. Неважно, что застарелый кашель снова начал давать о себе знать. Именно табак приводил нервы в порядок. Она сделала еще одну марафонскую затяжку, и сигарета стала такой горячей, что она обожгла пальцы.

– Лоне... никогда не позволяй огню выходить за линию, – покачал головой Слейзнер, сворачивая на улицу Фредерика В. около больницы Риксхоспиталет. – Уверяю тебя. Это скользкая дорожка. Стоит переступить черту, как все остальное в жизни в конечном счете также пойдет под откос. Не успеешь оглянуться, как перестанешь заправлять постель и поднимать жалюзи, и единственное, на что будет хватать сил, пока пихаешь в себя холодные равиоли прямо из банки, – это копаться в пепельнице среди окурков.

Ей хотелось попросить его заткнуть свой болтливый рот и оставить умные комментарии при себе. Но это была его машина. Несмотря на то, что сейчас он был одним из самых занятых людей Копенгагена, он проделал весь путь до Амагера, чтобы забрать ее, а теперь позволял ей здесь сидеть и смолить на весь салон. Нет, поразмыслив, она подумала, что это ей стоило бы заткнуться. Он это только из хороших побуждений, она ведь понимает.

На самом деле, Слейзнер был очень заботлив с момента исчезновения Яна. Он не только зашел навестить, но и много раз звонил, чтобы убедиться, что с ней все в порядке. Насколько в порядке можно было быть в ее ситуации. Но он и правда проявил внимание. Даже просто отвезти ее сюда, в отдел судмедэкспертизы на опознание, выходило далеко за пределы того, что от него ожидалось.

Они свернули на свободное место на гравий под деревьями, которые вместе с плотно растущими кустами образовывали зеленую стену из листьев перед парком Фэлледпаркен на другой стороне.

– Вот. Возьми лучше новую. – Слейзнер протянул только что открытую пачку красных «Принс».

– Не думала, что ты из тех, кто курит. – Она подняла боковое стекло и выкинула горячий окурок.

– Ты совершенно права. – Слейзнер щелкнул средним пальцем по дну пачки так, чтобы часть сигарет немного выдвинулась вверх. – Это тебе. Я подумал, что они могут пригодиться, учитывая, что тебе предстоит.

Она попыталась улыбнуться, но получилось нечто больше похожее на гримасу, пока она доставала новую сигарету и давала ему ее зажечь.

– Можешь не торопиться, – продолжал он, похлопывая ее по ногам. – Я дал им знать, что мы здесь, и попросил обеспечить, чтобы отделение было пустым, пока мы там, так что никакой спешки.

– Спасибо, – сказала она, кивнув. – Спасибо. – Кроме этого, она не знала, что сказать. Что она не смогла бы справиться со всем этим без него, он, вероятно, уже знал.

Хотя бы ей удалось взять себя в руки и рассказать о случившемся Катрине вчера вечером. Вообще-то, она собиралась отложить это на сегодня, после опознания. Но, как и ее мать и сестра, Слейзнер настоял, и они, конечно, были абсолютно правы в том, что даже если ее дочь не смотрела новости и не читала газет, это не значит, что ее друзья или их родители тоже этого не делали.

Она пыталась подготовиться, тщательно обдумав, как подать это наилучшим из возможных образом. Но когда они сели на диван, все забылось, и она услышала собственный голос, сообщающий, что папа умер. Она говорила как диктор новостей с радиостанции «P1». Они нашли его несколько часов назад на дне около Исландс Брюгге и в настоящее время полным ходом идет расследование – стоит ли за этим криминал.

Наступившая тишина заставила пространство гостиной схлопнуться. Катрин просто сидела и качала головой, закрывая уши руками. Затем она встала и с криками начала обвинять ее во лжи и выдумках, чтобы получить единоличную опеку теперь, когда ее отец принял единственно верное решение и ушел от нее. Ей самой ничего не оставалось, как сидеть и выслушивать все обвинения, как справедливые, так и несправедливые, пока она не услышала грохот двери Катрин, когда та заперлась у себя в комнате.

После этого ей уже было до Катрин не достучаться. Все ее попытки схитрить и завязать некое подобие разговора были встречены непреклонным молчанием по ту сторону двери. Когда потом, в самый разгар всей драмы, Слейзнер позвонил, чтобы узнать, как у нее дела, она разрыдалась. Он предложил приехать, и хотя она недвусмысленно отказала ему, так же, как своей матери и сестре, а затем и Адаму, он прыгнул в машину и примчал к ней на помощь.

И его Катрин почему-то выслушала. Он даже сумел выманить ее из комнаты и сел на диван рядом с ней, чтобы обнять, что было так необходимо, и поплакать на плече друг у друга. Затем заварил чай и подал его с медом и парой найденных на кухне печенек, прежде чем попрощаться и уйти, оставив их в покое. И вот теперь она сидела здесь, растрчивая и свое и его время, пока огонек между ее пальцами подползал все ближе.

Она совершенно не готова идти в этот морг и смотреть на Яна. Но когда будет? Когда она будет достаточно сильной, чтобы признать, что это он оставил ее, а не наоборот. Что теперь она осталась одна с ипотекой за дом, который не может себе позволить, и бизнесом, который следует как можно скорее объявить банкротом.

Вероятно, никогда, так что лучше покончить с этим сейчас. Короткий кивок. Этого хватило ему, чтобы понять и вый ти из машины, и прежде чем она успела расстегнуть ремень безопасности, он уже открыл пассажирскую дверь и опустил боковое стекло.

– Давай помогу. Здесь лужа.

Она взяла Слейзнера за руку и переступила через грязно-коричневое водное препятствие, по которому плавал окурок, словно маленький пароход с дымящей трубой.

У входа в отделение судебно-медицинской экспертизы их встретили мужчина и женщина в белых халатах, каждый с папкой в руках, которые показали им дорогу к моргу.

Чем дальше они шли по коридору, тем тяжелее становилось на душе. Как будто она шла прямо навстречу угрызениям совести. Как будто все то, что она пыталась подавить, но всегда осознавала, теперь вышло из тени.

Что еще это могло быть, как не ее жалобы и постоянное недовольство, которые в итоге заставили его пойти на слишком

большой риск в своем стремлении доказать ей, что он вовсе не такой ничемный, как она всегда считала.

Мужчина в белом халате, стоявший перед ними, ввел код и придержал дверь, пока женщина проводила их в прохладное помещение с квадратными холодильными дверями в три ряда вдоль двух стен. Пахло чистотой и свежестью.

Облаченные в белое сотрудники помогли друг другу открыть один из холодильных боксов во втором ряду, выдвинули каталку с накрытым телом и отошли на несколько шагов в сторону.

– Я бы предпочел, чтобы вы вышли и подождали снаружи, пока мы не закончим, – сказал Слейзнер.

– Но мы должны присутствовать, чтобы подтвердить, что...

– Это совершенно не обязательно. Я полицейский, и подтверждаю все, что вам нужно. – Он подошел к ним и взял папки. – Мы выйдем, когда будем готовы.

Мужчина и женщина переглянулись, после чего, неохотно кивая, подошли к двери и исчезли за ней. Слейзнер переключился на нее.

– Пойдем, давай покончим с этим, – сказал он, взяв ее за руку.

Телесный контакт, вот так просто. Это было за гранью, но приятно. Все это сбивало с толку, ее одолевали разные эмоции, но когда она подняла глаза и посмотрела на выдвинутую каталку, на которой под светлой тканью просматривались очертания тела ее мужа, она поняла, что других вариантов, кроме как покончить с этим, у нее нет.

– Лоне, теперь можешь никуда не торопиться. – повернулся к ней Слейзнер. – Как я уже говорил, спешить некуда, и если хочешь побыть наедине, я могу подождать снаружи, а ты выйдешь, когда будешь готова.

– Я бы хотела, чтобы ты остался, – сказала она, не отпуская его руку. Иначе она бы потеряла равновесие и рухнула.

– О'кей, ты готова?

– Как я пойму это?

– Все будет нормально. – Он взялся за угол ткани и отогнул его в сторону.

Слезы, хлынувшие в тот самый момент, как она увидела его лицо, застали ее врасплох. Безмятежное лицо с закрытыми глазами, которое

ничто уже больше не могло беспокоить. В отличие от нее, стоявшей там и дрожавшей, как будто внутри у нее что-то сломалось.

Она знала только, что у них есть имя преступника. Женщина по имени Дуня Хугор. Однако она не знала, почему и как она убила Яна. Слейзнер спрашивал ее, сколько ей нужно подробностей, и она ответила – как можно меньше. Но теперь она хотела знать. Теперь она хотела услышать, что именно сделала эта женщина с ее мужем.

– Первое, что мы должны сделать, – убедиться, что это действительно Ян. – обратился к ней Слейзнер. – Поэтому вопрос в том, нужно ли тебе для этого увидеть больше.

– Что она с ним сделала?

– Прости?

– Эта Дуня. Что она сделала с моим Яном? Хочу, чтобы ты рассказал все, что вам известно.

– Ох, Лоне... – вздохнул Слейзнер и покачал головой. – Нам правда надо идти по этому пути сейчас?

– Мне нужно знать. Неужели ты не понимаешь? Здесь же лежит мой Ян. Мой муж, которого вдруг просто не... просто не стало.

– Конечно, понимаю. – Слейзнер кивнул и обнял ее. – Я прекрасно понимаю. – Он прижимал ее так близко к себе, что она чувствовала запах его дезодоранта. Того же самого, которым всегда пользовался Ян, «Диор Саваж», – она купила ему его на Рождество после того ужина на Исландс Брюгге. – Но через несколько дней нам будет известно намного больше, и тогда, я думаю, ты тоже будешь больше готова, – продолжал он, касаясь ее спины легкими движениями.

Она до этого не могла решить, надевать ли какое-то пальто или куртку, прежде чем в конце концов пришла к выводу, что на улице слишком жарко. И вот теперь она стояла здесь в своем тонком летнем платье со слишком большим вырезом сзади и чувствовала, как его пальцы скользят вверх и вниз по позвоночнику.

– Однако могу обрадовать тебя тем, что она под арестом, – продолжал он, пока его рука исследовала ее спину. – Но мы еще ничего не обнародовали, поэтому пообещай пока держать это при себе.

Она кивнула, хотя была полностью сконцентрирована на его руке. Ей хотелось лишь схватить ее и закричать, чтобы он остановился.

Но сил у нее хватало только на то, чтобы покачать головой.

– Ну вот. Все хорошо, Лоне. Все хорошо. – Одной рукой он погладил ее по волосам, в то время как другой скользнул дальше, под платье.

– Ким. Я не хочу.

Он шикнул на нее и продолжил ее поглаживать.

– Я понимаю, что это тяжело. Но все будет хорошо. Обещаю. Пока мы поддерживаем друг друга, все будет хорошо. Это сейчас самое главное. Понимаешь, о чем я? – Он прекратил ласки, ища ее взгляд.

– Не знаю.

– Я хочу сказать, что ты в этом не одинока. Возможно, ты так чувствуешь, но это не так. Я тут, рядом, и сделаю все и еще чуть-чуть, чтобы выяснить, что именно произошло, и проследить, чтобы эта Дуня Хугор была наказана, не один раз, а многократно. Так что, что касается этого аспекта, можешь не беспокоиться. Даю слово. Вообще не беспокойся. Ты тут?

Она не знала, но все равно кивнула.

Поцелуй стал полной неожиданностью, и она осознала, что происходит, только когда он прижал к ее губам свои и она почувствовала, как кончик его языка пытается проникнуть внутрь. Она попыталась отстраниться и оттолкнуть его. Потом она намеревалась принять его предыдущее предложение оставить ее в покое, подойти к раковине в углу и прополоскать рот.

Но это оказалось не более чем намерением. Она так ослабла, что не могла сопротивляться, и хоть у нее между губами оставался лишь крошечный просвет, его язык сумел проникнуть и заполнить ее рот. Чтобы не задохнуться, она позволила своему языку сопротивляться, словно в танце между ними. В танце, в котором она участвовала лишь однажды у него в ванной во время того грязного ужина. И, как и в тот раз, это была одновременно и игра, и борьба, как у двух тигров, поднявшихся на задние лапы, которые прекрасно знали, кто из них выживет, когда уляжется пыль.

Пощечина прилетела как будто сама собой, и она почувствовала, как ладонь налилась кровью после удара.

– Думаю, тебе нужно уйти, – услышала она собственные слова. Да, она его ударила. Но очевидно, это было необходимо, чтобы заставить его остановиться и понять, насколько это неправильно. Насколько ужасно во всех смыслах. К реакции она была готова. Тем не

менее, ей было трудно точно понять, что произошло после удара, кроме того, что ощущалось это, словно она получила хлыстовую травму. В тумане она попыталась оттолкнуть его, но он был слишком силен.

То, что произошло дальше, она до конца своей жизни будет пытаться заглушить таблетками, алкоголем и чередой нездоровых отношений.

За круглым маленьким столиком в глубине кафе Мортен Хейнесен заталкивал в себя еще один кусок сухого бутерброда с салями и сыром бри, в котором было слишком мало масла, слишком мало салями и, самое главное, слишком мало бри. Но ему нужно было купить что-то кроме кофе, чтобы позволить себе занять место для работы.

Хеммеру и Берн сторфф он сказал, что пропустит ланч и пойдет прогуляться, а чтобы не столкнуться с ними или с другими знакомыми, он решил сесть в одном из кафе неподалеку от Стрегет.

Все это было совершенно на него не похоже. Но в последние дни события развивались так быстро. Принимались решения и достигались успехи, и он был перегружен уже только тем, что старался поспевать за всем.

Теперь ему нужно было порефлексировать и замедлиться, чтобы ясно мыслить, и поэтому он не мог сидеть за своим столом, где все упорно высказывали ему свое мнение.

Бутерброд разбухал у него во рту, словно строительная пена, и как только никто не смотрел в его сторону, он выплевывал хлебный шарик в салфетку, которую он, в свою очередь, прятал под еще большим количеством бумаги. Компьютер уже стоял открытым на столе. Все, что ему нужно сделать, это вставить USB-накопитель, чтобы спокойно еще раз просмотреть записи с камер наблюдения на парковке.

То, что Хеск не только пропал без вести, но и был признан погибшим и к тому же, должно быть, был убит бывшей коллегой Дуней Хугор, казалось, происходило в кино, причем таком плохом, какое могут показывать только на каком-нибудь странном двузначном канале посреди ночи. Но все они собственными глазами видели, как она сбила его с ног и утащила прочь, как мешок с картошкой.

Он сам довольно часто встречался с ней во время ее работы в отделе. Однако он не мог утверждать, что знает ее. По крайней мере, ничего сверх того, что находил ее компетентной и преданной работе, и что в команду она пришла с энергией, которой почти не было равных.

В то же время в ней было что-то отвязное, как будто она не моргнув глазом могла перешагнуть через трупы, чтобы добиться

своего. Раздражало ли Хеска конкретно это, он не знал.

В конце концов именно Хеск имел большой опыт и, наконец, собирався пожинать плоды многолетних трудов, когда вдруг из ниоткуда появилась Дуня и перетянула на себя все внимание. Всего за несколько месяцев химия отношений между ними превратилась в чистый яд, в результате чего им стало трудно даже находиться в одном помещении.

Вот почему казалось немного странным, что эти двое снова вышли на контакт, что было одним из главных вопросов касательно смерти его коллеги. Договаривались ли они о встрече на парковке? И какую роль в таком случае играла Дуня в расследовании?

Сами по себе вопросы были парадоксальными, поскольку именно Хеск обычно не вызывал противоречий. Более открытую книгу, чем он, еще поискать. Более или менее все, за что он брался, было связано с командой. В отличие от Дуни, которая могла отправиться куда-то в одиночку, Хеск всегда отдавал предпочтение командной работе, открытому и понятному общению.

Но, очевидно, не в тот раз, когда он решил поехать туда один, не поставив в известность ни его, ни Хеммера или Берн сторфф, не говоря уже о Слейзнере. Наиболее вероятное объяснение – неудача во время встречи у него квартире, когда Хеск был убежден, что все это – большой заговор против него и их расследования.

Никто из них, включая его самого, не воспринял слова Хеска всерьез. Ни то, что он говорил о расследовании, ни его подозрения в отношении Слейзнера.

Как будто они не могли столько всего переварить, что даже не дали ему объяснить и раскрыть детали, и не нужно было никаких университетских степеней, чтобы понять, насколько это должно быть неприятно.

Теперь большинство улик указывало на то, что женщину убил Якоб Санд, а не Слейзнер. Но это не меняло того факта, что касательно их шефа что-то было не так. Что-то, что бурлило прямо за его улыбчивым фасадом. Особенно когда дело касалось его реакции на исчезновение Хеска.

Сам Хейнесен заметил это еще во время встречи. Все не просто разворачивалось слишком быстро, но, прежде всего, слишком легко. Как будто Слейзнер заранее знал, что Хеск поехал на ту парковку и

попал на камеры наблюдения вместе с Дуней, но что лучше, если вместо него кто-то из команды, отправится туда и заберет флешку. Одно то, как он все это представил, казалось неестественным.

И тот факт, что им к тому же удалось найти тело всего через несколько часов, тоже был примечателен. Это, конечно, могло быть связано с надежной работой полиции в сочетании с удачей. Слейзнер всегда обладал интуитивной способностью вести расследования в нужном направлении, и никогда уровень раскрываемости убийств в отделе не был таким высоким, как под его руководством. Хейнесен даже не хотел думать об альтернативном объяснении. Пока все не будет расписано черным по белому.

Первым делом он собирался выяснить, с кем на связи был Хеск, когда выглянул из-за бетонной колонны с мобильником в руке. Хеммеру удалось узнать номер, который оказался шведским, и пока сигналы пересекали границу, он готовился применить свой старый добрый шведский, которому его однажды обучил отец.

– *Алло, Малин Ренберг.*

– Здравствуйте, меня зовут Мортен Хейнесен. Я звоню из полиции Копенгагена.

– *Ага,* – сказала она после небольшой паузы. – *О'кей.*

Он услышал, как она села.

– Извините, что спрашиваю, но с кем я конкретно разговариваю?

– *Ничего необычного, так как мы с вами скандинавские коллеги.*

– Понятно. И кстати о коллегах, правда ли, что вы говорили по телефону с Яном Хеском поздно вечером в прошлое воскресенье?

– *Да, это я ему позвонила.* – Было слышно, как она вздохнула. – *Я вчера видела новость о его кончине. Совершенно ужасно.*

– Да, мы здесь все еще в шоке.

– *Неудивительно. Однако я не понимаю, как за этим может стоять Дуня Хугор.*

– Почему нет? – спросил он, стараясь звучать как можно более нейтрально.

– *Не буду утверждать, что знаю ее. Но судя по нашим немногочисленным встречам, я считаю это крайне маловероятным.*

– Могу сказать, что вы не одиноки, и поэтому хотел бы знать, о чем вы с Яном говорили в воскресенье.

– Это было совершенно другое, не имеющее к этому никакого отношения.

– О'кей, но разговор касался работы?

– Да, конечно да. Мы не были знакомы. Разговор касался расследования убийства, над которым я работаю здесь, в Стокгольме. Тогда у нас была жертва, а сейчас... Ну, честно говоря, я до сих пор не знаю, чем все это закончится.

– И чем Ян мог вам помочь?

– Проблема была в том, что у него тогда не было времени. Он обещал перезвонить, но потом случилось то, что случилось. – Она снова вздохнула. – Речь шла о шраме на теле одной из жертв в деле, которое он вел. Оказалось, что у одного из наших преступников похожий шрам.

– Преступников? Вы хотите сказать жертв, верно?

– Ну, я бы сказала, и тех, и других. Преступников, потому что они совершили убийство. Жертв, потому что они являются жертвами торговли людьми в сети со связями в Дании и Копенгагене. Сейчас у меня нет времени все объяснять, потому что я в пути. Но, например, мы нашли документы, указывающие на то, что ваша женщина из машины была куплена в Швеции, и что датские покупатели были не очень рады платить полную цену, когда увидели этот шрам.

– Погодите-ка. – Хейнесен улыбнулся официантке, которая с плохо скрываемым отвращением освободила его от тарелки с хлебным шариком. – Правильно ли я все понял. Значит, вам удалось установить ее личность?

– Да, ее зовут Элайя Гудлак.

– Гудлак?

– Да, похоже, это распространенная фамилия в Нигерии, откуда она родом.

– А тот документ, который вы нашли. Что это?

– Распечатка сообщения с фотографией ее шрама, отправленного с анонимного датского номера. Если хотите, могу вам прислать.

– Да, пожалуйста. И я бы с радостью получил тот датский номер.

– Конечно. Без проблем. Ну, тогда договорились. Мне пора бежать. Впечатляющий шведский, кстати.

Хейнесен не успел поблагодарить, как разговор прервался, и он отложил свой мобильный с чувством, что только поскреб поверхность того, к пониманию чего он даже не приблизился. То, что женщина в машине была жертвой торговли людьми, не стало для него сюрпризом. И то, что она была куплена в Швеции или в любой другой стране. Так они действовали. Отправляли своих жертв через много границ, чтобы их нельзя было отследить.

Но то, что есть еще другие люди с такими же шрамами, которых к тому же сотрудница шведской полиции назвала преступниками, было чем-то совершенно новым. Означало ли это, что, если подытожить, Могенса Клинге застрелила Элайя Гудлак? Или он что-то не так понял? В конце концов шведский был не привычен его уху.

Он должен перезвонить и подробнее поговорить со шведским следователем. Может быть, они смогут друг другу помочь. Но не сейчас. Вместо этого он оживил компьютер и включил запись с камер наблюдения с самого начала.

Как и во время вчерашнего просмотра, индикатор времени в верхнем левом углу показывал 15:00, 05-08-12, когда вниз по рампе спустился бордовый «Вольво» и заехал на парковку, где встал на свободное место. В следующем ролике, восемнадцать минут спустя, мужчина в джинсах и расстегнутой рубашке поверх футболки идет к «Опелю».

Так продолжалось до 20:48, когда синий «Пежо» Яна Хеска заехал на парковку и аккуратно проехал на свободное место, куда сумел протиснуться после нескольких попыток. Чтобы ничего не пропустить, Хейнесен замедлил скорость воспроизведения оставшейся части записи, где Хеск ходил и разглядывал машины, пока не нашел и не начал осматривать красный спортивный автомобиль Якоба Санда, а всего через несколько минут потерял сознание благодаря Дуне.

Но нигде он не мог заметить ничего такого, что бы вызывало подозрения.

Это действительно была Дуня, и действительно она сбила его с ног. Свет, тени, все, казалось, сходилось. Завернутое в полиэтилен тело, которое несли два человека в камуфляже в более позднем ролике, конечно, могло принадлежать, кому угодно, но увиденные им снимки с водолазной операции у Исландс Брюгге, показывали, что именно так Хеск и был обернут.

Другие, возможно, были бы разочарованы. Сам он больше всего чувствовал облегчение. Он не надеялся найти в видео ничего, что бы не сходилось с реальностью. Напротив, он боялся, что найдет, а затем ему придется разбираться с последствиями. Но беспокойство оказалось необоснованным. Из того, что он мог видеть, ни одна из записей не редактировалась, что означало, что он выполнил свою часть работы и мог расслабиться с чистой совестью.

Несмотря на это, он передвинул ползунок в самое начало, чтобы еще раз просмотреть все записи. Он не мог объяснить почему, кроме того, что чувствовал это единственно верным решением. Чувствовал... Он неодобрительно покачал головой. Он, кто всегда выступал за строгие факты, доказательства и логические рассуждения, а не чувство. Теперь именно оно стало его единственным аргументом.

Объяснение нашлось уже при просмотре первого клипа, когда на парковку заехал «Вольво». Но на этот раз Хейнесена заинтересовал не он. Да и вообще он смотрел на изображение не с этой камеры, а с одной из трех других, где ничего не происходило.

Это вдруг стало настолько очевидно, что он не мог понять, как он и другие члены команды могли это пропустить. Причина, вероятно, кроется в том, что они действовали быстро, слишком быстро. Слейзнер подгонял их и приказал Хеммеру перепрыгнуть вперед на момент, когда в кадре появился Хеск.

Но в первом клипе интересным было не то, что попало в кадр. А то, что не попало. В частности, блестящий красный спортивный автомобиль Якоба Санда.

В правом нижнем окошке парковочное место пустовало, в то время как в верхнем левом окне на парковку заезжал «Вольво». То же самое происходило и в следующих пяти записях, где автомобили либо заезжали на парковку, либо выезжали с нее. Но затем в клипе, где на парковку заехал серебристый «Лексус», свободное место внезапно оказалось занято спортивной машиной Санда.

Часы показывали 19:55. То есть шестнадцать минут после предыдущего клипа, а это означало, что Санд, должно быть, прибыл туда вечером где-то между без двадцати и без пяти восемь.

Одним из объяснений могло быть то, что, когда он въехал на парковку и вышел из своего спортивного автомобиля, детекторы

движения не сработали и не включили четыре камеры наблюдения. Другим объяснением – что кто-то удалил именно этот отрывок.

КИМ СЛЕЙЗНЕР...

Фабиан повторял это имя, идя по мостовой в сторону полицейского управления Копенгагена.

Ким Слейзнер...

То, что датский начальник отдела криминальной полиции ненавидел его и делал все, чтобы помешать ему выполнять свою работу, – это одно. Он давно это понял. Но довести его сына до самоубийства означало вывести ненависть на совершенно новый уровень.

Ким Слейзнер...

Совершенно невысказано, что это он, один из самых высокопоставленных сотрудников датской полиции, приказывал избивать Теодора, издеваться над ним и изолировать. Поместить в отдельное помещение, где, кроме того, можно было подняться наверх до достаточно прочного и доступного электрического кабеля. Но если вы хоть что-то знали о Слейзнере, все было, наоборот, совершенно логично.

– Здравствуйте, меня зовут Фабиан Риск, – сказал он, пройдя через автоматические двери и подойдя к мужчине за стойкой регистрации, где он предъявил свое шведское полицейское удостоверение.

– Я из полиции Хельсингборга, и ищу Кима Слейзнера. Он сейчас здесь?

– Ким Слейзнер. Дайте посмотрю. – Мужчина ввел имя в компьютер. – Да, он должен быть здесь. Мне позвонить ему?

– Было бы здорово, но не сейчас. Сначала мне нужно воспользоваться туалетом.

– В другом конце коридора справа есть туалет для гостей. – Мужчина указал вдаль на коридор.

Войдя в туалет, Фабиан снял пиджак и рубашку, повесил их на крючок на стене и помыл подмышки и лицо.

Прибыв в датскую столицу накануне вечером, он поехал в Лангелиние, где, с видом на Русалочку, наконец заснул в машине от

полного измождения. Проснулся он только в девять тридцать утра, когда автобус, заполненный азиатскими туристами, вооруженными фотоаппаратами и палками для селфи, заставил его покинуть зону разворота.

Он вытерся бумажным полотенцем и сделал несколько глубоких вдохов, пытаясь собраться с мыслями, пока застегивал рубашку и надевал пиджак. Но его сердце упорно барабанило как сигнал тревоги при катастрофе, и, вероятно, оно не успокоится, пока он не доведет дело до конца. До самого конца.

Выйдя из туалета для гостей, он последовал за женщиной с пропуском в один из лифтов и поехал с ней вместе наверх, в отдел криминальной полиции на шестом этаже.

Последний раз он был там, когда навещал Дуню Хугор, которая помогла ему в расследовании. Прошло не больше двух лет, а теперь ее лицо украшало все первые полосы газет под заголовком «Полицейский – убийца».

– Извините, но куда вы идете? – раздалось у него за спиной.

Он повернулся и показал мужчине в очках и с плохо покрашенными волосами свое полицейское удостоверение.

– Меня зовут Фабиан Риск, и я здесь, чтобы встретиться с Кимом Слейзнером.

– У вас назначено время? Я его весь день не видел. И без назначенного времени вы должны...

– Он должен быть здесь. Я уже поговорил с администратором, так что проблем быть не должно. Буду рад, если вы проводите меня к его кабинету.

Мужчина задумался на некоторое время, но в конце концов кивнул.

– Хорошо, следуйте за мной.

Через несколько точь-в-точь похожих друг на друга коридоров он остановился у двери с табличкой с именем Слейзнера на стене над маленькой лампой, светящейся красным.

– Как видите, он занят, – сказал мужчина и поправил очки.

– Ничего страшного. Все равно я пришел на восемь минут раньше. – Фабиан посмотрел на свои наручные часы. – Не хочется ведь опаздывать, когда есть договоренность. – Он улыбнулся мужчине. – Посижу здесь и подожду.

Чувствуя недоверчивый взгляд мужчины у себя на затылке, он пошел и сел на стул. Затем достал телефон и начал механически щелкать по иконкам меню, пока мужчина не устал и не ушел.

Вернувшись к закрытой двери офиса, он взялся за дверную ручку и опустил ее до упора. Как и ожидалось, дверь была заперта, поэтому, убедившись, что он все еще один в коридоре, он шагнул назад и резко пнул ее.

Кабинет был одним из самых больших, которые он видел в полицейской системе. Даже начальник национальной полиции Швеции вряд ли может похвастаться таким количеством квадратных метров.

Но за столом никто не сидел. Как не сидел и на диване, и в каком-нибудь из кресел. Как бы ни светила красная лампочка перед кабинетом, освещал все Слейзнер своим отсутствием. Он как смог закрыл дверь и по скрипучему паркету подошел к письменному столу, который располагался между двумя зашторенными окнами.

Кроме экрана компьютера с клавиатурой, нескольких ручек и блокнота, там лежали две большие кипы документов, которые он пролистал.

Некоторые из документов, похоже, были связаны с внезапной гибелью Яна Хеска. Там были отчеты судебно-медицинской экспертизы, фотографии, на которых было изображено, как поднимали из воды завернутое тело, и ряд рукописных указаний времени и даты и связанные с этим комментарии, такие как «сохранить» и «вырезать». Там же была масса фотографий Дуни Хугор. Фотографий, сделанных на расстоянии, в темноте, распечатанных с различных камер наблюдения.

Но ничего из этого его не заинтересовало, поэтому он выдвинул один из ящиков стола, вытащил его содержимое на стол и стал перебирать все подряд – от ластиков и пастилок для горла до новых документов с наспех сделанными пометками, такими, как «обнулить журнал М. Реннинга», «не забыть увеличить нагрев», а также «камеры комната для допросов 4». Еще там был список пропавших без вести лиц с обведенным именем Камиллы Крюстхофф.

Там он тоже не нашел ничего стоящего внимания и, перевернув вверх дном второй ящик стола, наконец зацепился взглядом за одну из папок в стопке. Красную, с написанными черной тушью инициалами «Т. Р.».

От этого зрелища он пошатнулся и, чтобы не упасть, сел в рабочее кресло, ослабил шнурок на папке и открыл ее.

Самый верхний документ был озаглавлен: «Аргументы в пользу отсрочки судебного разбирательства». Следующим документом было заключение психолога с такими словами как «депрессия», «замкнутость» и «склонность к суициду».

Затем следовал ряд распечатанных фотографий различных камер одиночного заключения с коротким сопроводительным письмом.

Привет, Ким,

Если ты все еще считаешь, что эти слишком приличные и уютные, у нас еще есть помещение, которое, конечно, строго говоря, не является одиночной камерой, но с другой стороны, в нем есть все, о чем ты просил.

С наилучшими пожеланиями, Ф. Фриш

Скобы, удерживавшие стол на месте, одним концом были прикреплены к бетонному полу с помощью тяжелых болтов, которые откручивались специальными инструментами. Другим концом они были приделаны к ножкам стола, по одной на каждую. В прямоугольной столешнице находился стальной кронштейн, к которому крепились наручники на запястьях Дуни.

На ней были безразмерные мягкие штаны и толстовка, все серого цвета. Часов в помещении не было, но она считала секунды и добралась до пяти тысяч двухсот сорока трех, что означало, что скоро полтора часа, как она сидит здесь и ждет.

Без воды и еды.

Без всего с тех пор, как ее доставили в изолятор через черный ход, о существовании которого она даже не подозревала.

Вероятно, они сидели по ту сторону зеркала и ждали, чтобы ее достаточно разморило от зрелища кулера с прохладной водой у стены. Чтобы она сдалась и стала послушной добычей на предстоящем допросе. Но сдаваться она не собиралась. Хотя ей больше всего хотелось склониться вперед, положить голову на руки и закрыть глаза, хотя бы на несколько минут, она сидела с прямой спиной и старалась не заснуть, твердо решив едва касаться спинки стула.

Цель заключалась в том, чтобы поменяться ролями и заставить устать тех, кто по ту сторону. Тех, кто сидел и ждал. Ее. Отключки. В тот момент, как они сдадутся и войдут, победа будет за ней.

На счет пять тысяч пятьсот девять дверь внезапно открылась, что было гораздо раньше, чем десять тысяч секунд, как она предполагала.

– А кто это у нас здесь? – произнес до боли знакомый голос, прежде чем она успела поднять глаза. – Дуня Хугор собственной персоной.

Каждый ее мускул напрягся – она была готова на него наброситься. Но она сумела перенаправить свою силу прочь от унижения быть прикованной наручниками и вместо этого вложить ее в то, чтобы и бровью не повести.

– Привет, Ким.

– И это все, что ты можешь сказать после всего этого времени? – Слейзнер закрыл за собой дверь и сделал несколько шагов. – Привет, Ким – фыркнул он и покачал головой. – Я очень надеюсь, что ты не поскучилась с годами. Нам было так весело вместе. Правда ведь? Ты и я.

– Никогда не было и никогда не будет никакого ты и я.

Слейзнер улыбнулся и подошел к ней.

– Я думаю, ты даже не представляешь, как сильно я этого ждал. Как я мечтал именно об этом моменте. Это был мой свет в туннеле – в один прекрасный день увидеть тебя вновь. Единственная и неповторимая Дуня, – всплеснул руками Слейзнер.

– Жаль, что я вынуждена тебя разочаровать.

– Кто что-то говорил о разочаровании? Для меня все началось лучше некуда. Привет, Ким. Конечно, тут ты могла бы придумать что-то поинтереснее. Но ты наверняка раскочегаришься. У нас целый день впереди. Вся ночь, если нам того захочется.

– У меня есть право на защитника.

– Защитника? – Слейзнер разразился смехом. – Я же говорил, что будет весело. Во-первых, это не допрос, где тебе нужно держать за руку плохо сидящий костюм. Нет ничего, что ты могла бы мне рассказать, чего я еще не знаю. Во-вторых, у тебя ни на что нет права. – Он наклонился вплотную к ее уху. – Ибо так сложилось, что это моя территория, и здесь действуют мои правила. – Он высунул язык и дал кончику пробраться в ее ухо, а затем продолжить путь вверх к виску и лбу. – Понимаешь ли, мы так и не обнаружили, что ты арестована. Сегодня мы, конечно, арестовали кое-кого, кто сильно тебя напоминает. Но ее, как оказалось, зовут Камилла Крюстхофф, а не Дуня Драная Сучка Хугор. – Он пожал плечами.

Так вот о чем они с Реннингом говорили на встрече в Диамантен. Крюстхофф, и держать под контролем для ее же блага. Как ни старалась, она не могла этого осознать. То, что Слейзнер в принципе был способен на все, было очевидно для нее, но вот Микаэль Реннинг, которого она еще полгода назад считала своим лучшим другом? Либо он что-то не понимал, либо у Слейзнера был на него компромат.

– Так что, к сожалению, никто не знает, что ты здесь, – продолжал Слейзнер. – На самом деле, никто даже не знает, что я здесь. Может, ты думаешь, что за зеркалом кто-то есть, но это не так. И эти камеры. –

Он указал на две камеры наблюдения на потолке. – Не спрашивай меня почему, но они обе явно не работают. – Он снова всплеснул руками. – Какое невезение! Для тебя. Не для меня. Ведь теперь я могу делать все что захочу.

Без предупреждения он ударил ее в лицо так сильно, что кровь хлынула из носа, ее отбросило назад, и она упала бы со стула, если бы не была прикована.

– Например, вот это, – продолжал он. – Именно этого мне сейчас хотелось. На самом деле, было очень приятно. – Он погладил окровавленные костяшки. – Как прекрасно понимать, что я сделаю это снова. – Он снова ее ударил. В то же место, тоже кулаком, но еще сильнее. – Упс. Кажется, нос сломался. По крайней мере, он совсем кривой. А всегда был таким утонченным. Бедная Дуня со своим милым носиком. Пуф, и нет ее. – Он прижал указательный палец к сломанному носу и надавил. – Вместо нее здесь вдруг сидит Камилла с очень кривым и совершенно окровавленным носом.

Слейзнер выдвинул один из стульев, сел напротив нее, и наклонился вперед.

– Вообще, должен признаться, мне нравится твой новый образ. Тебе идет, что ты избавилась от той детской пухлости и в глазах теперь больше чертовщинки. – Он протянул вперед правую руку и начал сжимать ее груди, сначала одну, потом другую. – Но вот с ними нужно что-то делать. Их никогда нельзя было назвать особенно большими, но это ни в какие ворота. – Он задрал ее толстовку и начал их разглядывать. – Когда ты в последний раз смотрелась в зеркало? Они же совершенно перетренированы. Выглядят так, будто ты выкормила грудью половину третьего мира. В них осталась хоть какая-то чувствительность? – Большим и указательным пальцами он сжал один сосок. – Представь, что это обычный визит к маммологу и дай знать, когда что-то почувствуешь.

Боль усиливалась по мере того, как Слейзнер сжимал все сильнее, и через некоторое время она стала такой сильной, что Дуня начала потеть. Но не произнесла ни слова. Ни звука. Все ее внимание было сосредоточено на том, чтобы выдержать и промолчать, и когда он, наконец, сдался, она уже почти теряла сознание.

– Точно, как я и предполагал, – сказал он, откинувшись на стуле. – Слишком много спорта и мало секса. Кстати, пить хочешь?

Она не ответила, просто стала смотреть ему в глаза. В эти зеленые мерзкие глазки, которые непрерывно искали слабые места. Она успела досчитать до ста сорока двух, когда он с улыбкой вышел из поединка.

– Я точно знаю, о чем ты думаешь, – сказал он и начал чистить ногти. – Я знал это на протяжении всей этой маленькой игры в кошки-мышки. Вот почему я всегда был на шаг впереди, если тебе интересно. – Он рассмеялся. – Прямо сейчас, например, ты думаешь, что если просто будешь молчать достаточно долго, я в конце концов устану, и это наконец-то закончится. Но, как и во многих других вещах, ты и тут ошибаешься. Дело в том, что для тебя это никогда не кончится. Сейчас ты, наверное, думаешь, что я лгу, и, наверное, хорошо, сохранять веру в то, что солнце однажды выглянет из-за туч. Но правда в том, что твое положение больше не улучшится. Так что лови момент и наслаждайся. – Он встал. – Точно не будешь пить? Я, конечно, просил их прибавить жару, но вот вопрос, не переборщили ли они. – Он подошел к кулеру, достал пластиковый стаканчик, наполнил его водой и выпил. – Ммм, иногда нет ничего лучше, чем несколько глотков ледяной кристально чистой воды. – Он снова наполнил стаканчик и выпил. – Просто дай знать, если передумаешь. – Он третий раз налил воды, а затем вернулся и поставил стаканчик на стол перед ней. – Он ждет тебя прямо здесь.

– Сорок восемь часов. Ты не можешь держать меня дольше без предъявления обвинений, – сказала она.

– Совершенно верно. – Слейзнер не мог скрыть своего восторга от того, что она наконец-то подала признаки жизни. – По крайней мере, могло бы быть совершенно верно. – Он сел на край стола и наклонился к ней. – Мне жаль, что приходится говорить тебе это. Или нет, кстати, совсем не жаль. Но дело в том, что в твоём случае не будет никаких обвинений и никакого суда. Круто, а? – Он всплеснул руками. – Как я понял, ты, видимо, так хорошо научилась прятаться, что нам так и не удалось тебя найти, и в итоге, у нас не было другого выбора, кроме как прекратить поиски. Так что поздравляю. – Он несколько раз поаплодировал. – К сожалению, для Камиллы Крюстхофф все складывается не так удачно. Она будет безусловно освобождена и сможет покинуть изолятор уже сегодня ночью. Но увы, свободы у нее будет немного. Если только она не считает свободой землянку в неизвестном месте. О свете дня ей можно забыть, что, несомненно,

будет трудно в начале. Но спустя время она забудет, как он выглядит, и ее единственным желанием останется то, чтобы это когда-нибудь закончилось. Чтобы она перестала существовать, и чтобы черви получили свое. – Он засмеялся. – Некоторое время у меня на самом деле был план порезать ее. Знаешь, просто сверху вниз моим маленьким керамбитом. – Одним быстрым движением он достал боевой нож с характерно изогнутым лезвием и приставил его к ее горлу. – Это, конечно, было бы чудесно и принесло бы сиюминутное удовлетворение. Знаешь, немного похоже на преждевременную эякуляцию. Так что я решил максимально это оттянуть и подарить ей настоящую, как это называется, тантрическую смерть. – Он убрал нож в ножны. – Согласись, это лучше. Я хочу сказать, что раз она маленькая шлюха, сначала я должен с ней поразвлекаться. По крайней мере, первые пять-десять лет. Потом она, вероятно, станет слишком уродливой и отвратительной, когда медленно, медленно начнет увядать. Потому что, конечно, у меня есть холодный расчет, что она будет пытаться отказываться от еды и морить себя голодом. Но в моем мире я сам решаю, сколько еды она получит. Поэтому она будет питаться через зонд. – Он пожал плечами. – Наверное, не самая приятная вещь, но что поделаешь. А иногда, когда она меньше всего будет этого ожидать, в еде окажется что-то, чего там быть не должно. Знаешь, это может быть все что угодно, от крысиного яда до чистящего средства. Не много, а именно столько, чтобы ей постепенно становилось все хуже и хуже. Волосы она потеряет в первую очередь. Но это почти не почувствуется. Хуже будет, когда отвалятся ногти. Ужас, ничего не скажешь. Не говоря о том, когда начнут сдавать внутренние органы. Но это случится только спустя много лет, и тогда, по крайней мере, ей не нужно будет иметь дело со мной, потому что я уже давно потеряю к ней интерес. Вероятно, мне будет достаточно подключаться и смотреть через веб-камеру, когда мне понадобится немного взбодриться.

Он допил воду из стаканчика.

– Ммм, ох уж эта вода. Я знаю, что уже все уши об этом прожужжал, но иногда именно вода может иметь такой насыщенный вкус, что он превосходит все остальное. Да? Не знаю, в чем дело. В различных минералах, или тут просто так жарко и душно, что на вкус все что угодно будет...

– Хорошо, тогда дай мне стаканчик, – перебила она со вздохом.

– Вау, неужели? Я подумал было, что ты сдалась. Но, конечно, стаканчик ты получишь. – С улыбкой он расстегнул ширинку, достал пенис, отодвинул крайнюю плоть, опустил в стаканчик головку и начал мочиться. – О... мочиться – иногда так же приятно, как и пить. Если не приятнее. Упс, слишком быстро, – сказал он и прервал струю. – Мы ведь не хотим, чтобы вылилось мимо. – Он поставил стаканчик перед ней, с по-прежнему болтающимся снаружи членом. Затем вытер его об ее кофту, засунул в трусы и застегнул ширинку. – Пожалуйста, пей.

Дуня посмотрела на стаканчик, до краев наполненный ярко-желтой мочой.

– Чего ждешь? Пей давай. Ты же так хотела. Ох, точно, ну я и дурак. Тебе же нужна помощь. Как тебе повезло, ведь я с такой радостью тебе помогу. – Он поднял стаканчик и поднес ей ко рту. – Кстати, ты же знаешь, что моча совершенно стерильна. Никаких бактерий, ничего. Многие даже указывает на то, что она полезна. Взять хотя бы Мадонну, она вылечила грибок стопы собственной мочой, так что остается только жадно выпить. – Свободной рукой он наклонил ее голову назад и вместе с тем сжал поврежденный нос. Боль была невыносимой, но уже через минуту это было ничто по сравнению с недостатком кислорода.

– Делай, как говорит дядя доктор, и широко открой рот.

В конце концов ей ничего не оставалось делать, как сдаться и открыть рот, чтобы вдохнуть.

Всего несколько часов назад Хейнесен был бы убежден, что то, что он собирался сделать, было действительно хорошей идеей. Теперь он сомневался, и какой бы хорошей ни казалась идея, он, вероятно, был самым неподходящим человеком для ее воплощения.

Человек, который получил прозвище «Хороший коп», потому что сделал своей добродетелью стремление к миру и взаимопониманию, теперь будет вынужден делать прямо противоположное.

Дом Якоба Санда на Фридендальсвей был большим. Таким большим, что чтобы его купить, потребовалось бы по меньшей мере несколько состояний, и это не считая ежегодного налога на недвижимость и все шикарные автомобили, припаркованные снаружи.

Он никогда не голосовал ни за «Энедслистен», ни за какую-либо другую партию, находящуюся так далеко слева на политическом спектре, но мысль о том, что кто-то может быть настолько безмерно богат, чтобы позволить себе такой дом в центре Копенгагена, заставляла его всерьез об этом задумываться.

Один только факт, что три кнопки на домофоне имели одинаковое имя, вывел его из себя и заставил нажать все три сразу. Если можешь себе это позволить, значит, наверняка, в чем-то да виновен.

– *Кто там?* – раздался сонный голос, хотя день уже перетекал в вечер.

– Меня зовут Мортен Хейнесен, – сказал он, прочищая горло, чтобы голос звучал убедительнее. – Я из криминального отдела полиции в Копенгагене, и у меня есть несколько вопросов, на которые я хотел бы получить ответы.

– *Я уже ответил на все вопросы.*

– Вы ответили на вопросы, но далеко не все.

– *А если я откажусь?*

– Конечно, можете попробовать, но это приведет лишь к тому, что я скоро вернусь уже с опергруппой, а они не будут звонить в дверь и ждать, пока вы придете и откроете. Кроме того, это будет занесено в протокол, и в случае, если мы решим возбудить уголовное дело, отказ от допроса может встать вам боком.

Он замолчал и отступил на шаг, одновременно впечатленный и напуганный собственной способностью – не задумываясь, впихнуть столько лжи в одно предложение. Но, очевидно, именно это и было нужно – он услышал вздох, после чего дверь открыл босоногий Якоб Санд, одетый в белые льняные брюки и наполовину застегнутую светлую льняную рубашку.

– У меня мало времени. – Санд провел рукой по зализанным назад волосам и кивнул ему, приглашая войти. – Мне нужно уехать на встречу. Если не успеем, можем назначить другое время.

– При хорошем раскладе достаточно будет одного вопроса. – Хейнесен вошел в просторную прихожую с деревянными панелями, зеленовато-коричневыми картинами с изображением птиц и лестницей с массивными перилами, по которым можно было прокатиться при желании. – Мы можем где-нибудь поговорить наедине?

– Если это был ваш вопрос, то ответ – нет. Давайте здесь.

– У нас гости? – спросила совсем худенькая женщина, выглянувшая со второго этажа, тоже одетая в светлый лен.

– Здравствуйте! – сказал он, помахав рукой. – Мортен Хейнесен из отдела криминальной полиции в Копенгагене.

– Отдел криминальной полиции? Что это еще за отдел? – Женщина перевела взгляд на Санда. – Что случилось? Кто-то умер?

– Не знаю, – сказал Санд, разведя руками. – Давай ты сейчас продолжишь заниматься йогой, а я тут со всем разберусь и, надеюсь, смогу все объяснить позже. – Он повернулся к ней спиной, показывая, что она должна оставить их в покое.

– Это вы убили ее? – спросил Хейнесен достаточно громко, чтобы женщина услышала, одновременно доставая фотографию Элайи Гудлак.

– Господи, Якоб. Тебя ведь не подозревают в убийстве?

– Нет, – вздохнул Санд и покачал головой. – Конечно нет.

– Ну, вообще-то да, – поднял глаза вверх, на женщину, Хейнесен, – Дело в том, что многое указывает на то, что...

– Эй, погодите, – перебил Санд. – Вы же только что сняли с меня все подозрения.

– Сняли? – переспросила женщина. – Якоб, да когда ты вообще...

– Думаю, тебе лучше пойти и заняться гребаным приветствием солнцу, а я разберусь с этим недоразумением. О'кей?

Женщина медлила, переводя взгляд с Санда на Хейнесена, прежде чем наконец развернулась, и, фыркнув, исчезла.

– И какой смысл было втягивать ее в это, позвольте спросить?

– Ровно никакого, – солгал он. – Как я уже сказал, я бы сам предпочел, чтобы мы поговорили в более уединенном месте.

– Да, есть много чего, что было бы предпочтительнее. – Санд поправил волосы за ухом. – Но давайте перейдем к делу. Как я уже говорил, меня ждут на встрече.

Хейнесен пожал плечами.

– Сейчас я единственный, кто ждет.

– Да что это за хрень? – Санд выглядел так, будто хотел взять и сломать что-нибудь.

– Допрос, на котором я все еще жду ответ.

– Ответ на что, черт возьми?

– На вопрос, вы ли убили эту женщину. – Хейнесен снова показал снимок.

Санд закатил глаза.

– Нет, я этого не делал, что уже сказал вам на вчерашнем допросе. – Он сделал шаг навстречу Хейнесену и понизил голос. – Однако я встретился с ней ранее в тот же день, и вот что она со мной сделала. Он оттянул воротник рубашки, обнажив следы царапин на шее. – Итак, вот вы получили ответ. Снова. Теперь мы закончили?

– Где вы с ней встретились?

Санд вздохнул и повернулся к нему спиной.

– Пойдемте.

Хейнесен последовал за Сандом в смежный кабинет с уютным диваном и креслами в углу.

– Даже не думайте садиться. – Санд закрыл дверь. – Этот допрос, считайте, уже окончен.

– Позвольте, решать это буду я.

Санд фыркнул и закатил глаза.

– Вы думаете, как мне удалось превратить свой бизнес в один из самых прибыльных в этой стране? А? Как, по-вашему, так вышло, что я могу позволить себе такой дом? – Он всплеснул руками. – Думаете, это потому, что я полный придурок? Так вы считаете? Что я не понимаю, что у вас на меня ни хрена нет? В таком случае, вы серьезно ошибаетесь, потому что я могу закончить эту гребаную проверку и

вышвырнуть вас в любую секунду. Мне достаточно щелкнуть пальцами, и вы уже будете лежать на тротуаре, не врубаясь в то, что, черт возьми, произошло.

– Это угроза?

– Считайте, как вам блин захочется. – Санд набрал в легкие воздуха. – Что я хочу сказать – единственная причина, по которой я вообще пускаю вас к себе в дом, заключается в том, что я хочу помочь следствию. Я хочу только, чтобы вы поскорее поймали преступника. Отвечая на ваш вопрос, я забрал ее на улице Истедгаде на углу с улицей Викториагаде. Затем мы поехали в один из моих офисов в Вальби.

– По какому адресу находится это здание?

– Гаммел Кеге Ландевей, 65.

– И по какой дороге вы туда ехали?

– Я не знаю. – Санд пожал плечами. – По обычной.

– К югу или к северу от Западного кладбища? Они примерно одинаковы по времени, с разницей в две минуты.

– Тогда я, наверное, поехал по самому быстрому пути.

– То есть севернее, по Вигерслев Алле.

– Точно. Все верно.

– Интересно, – Хейнесен неохотно кивнул. – Но как вы объясните, что мы не увидели ни одну из ваших машин на дорожных камерах на перекрестке Вигерслев Алле и Энгхавевей?

– Какие еще дорожные камеры?

– Вы не уникальны. Их легко пропустить. Вернемся к вопросу. Почему там не было видно ни одной из ваших машин?

– Потому что ехал не на своей машине.

– Но это не согласуется с тем, что вы сказали на последнем допросе. Согласно протоколу, вы прямо сказали, что были за рулем...

– Я не знаю, сколько у вас машин. Но у меня...

– Тринадцать штук. Зарегистрированных в Дании. Затем у вас есть...

– О'кей, я ошибся! Невелика важность.

– Довольно велика, на самом деле. Так на какой машине вы в итоге ехали?

Санд уже собирался что-то сказать, но передумал. Может, он раздумывал, упомянуть ли машину жены или одну из корпоративных

машин, но понял, что, вероятно, ни одной из них не будет на камерах.

– Точно, погодите-ка. Это ведь было такси, – наконец сказал он, выдавливая из себя улыбку. – Так оно и было, да. Я заказал такси. Совсем забыл об этом. Виноват. Простите.

– Какой компании?

– Увы, не помню.

– У вас остался какой-нибудь чек?

– Нет.

– Но, возможно, выписка из банка, где видна операция по карте?

– Я заплатил наличными и поймал его на бульваре Х. К. Андерсена около Родхюсплатсен.

Хейнесен кивнул.

– Ну, тогда трудно доказать что-либо из этого.

– Да, боюсь, это так. Это все, или вы еще хотели что-то узнать?

– Да, все. Пока. Если что-то появится, то мы знаем, где вы живете.

– Я бы предпочел, чтобы в следующий раз вы позвонили. Тогда я, может, даже успею сварить кофе.

– Звучит неплохо, но я предпочитаю приходить без предупреждения. Знаете, каково это – отвечать без подготовки? Говоришь одно, а взгляд и язык тела демонстрируют что-то совершенно другое. Приятного вечера!

Хейнесен вышел из кабинета и направился по коридору к входной двери. Он не слышал, чтобы Санд следовал за ним. Было ли это признаком силы и уверенности в себе, будет ясно позднее. В любом случае, он был более чем доволен своей операцией.

Вернувшись в машину, припаркованную в двух кварталах от дома, он подключил гарнитуру и позвонил Хеммеру.

– *Как все прошло?* спросил Хеммер.

– Хорошо, я думаю. Как дела у тебя?

– *Ну, я подключился и к его официальному номеру, и к номеру супруги, к их городскому телефону и еще к двум анонимным предоплаченным номерам, которые находятся поблизости. Подожди, один из них подал признаки жизни.*

– Какой?

– *Один из предоплаченных.*

– Видишь, кому звонят?

– *Надеюсь, скоро увижу, если все сработает.* – Было слышно, как пальцы бьют по клавиатуре. – *Номер есть, но, к сожалению, нет совпадений. Вероятно, это тоже анонимный предоплаченный номер.*

– Подключишь меня?

– *Конечно,* – сказал Хеммер, и послышались телефонные гудки.

– *Алло! Слушай, сейчас не очень удобно,* – внезапно раздался хорошо знакомый голос. – *Я перезвоню, как только закончу с этим.*

– *Ты говорил, что все кончено. Что полностью контролируешь ситуацию,* – сказал Санд так сердито, как он и надеялся.

– *Успокойся, Якоб. Что случилось?*

– *Один из твоих лакеев только что был здесь и терроризировал меня.*

– *Кто?*

– *Он представился Мортенем Хейнесеном и спрашивал кучу всего о том, по какой дороге и на какой машине я ехал с той девушкой. Ясно, что ни одна из моих машин не попала на камеру около Вигерслев Алле.*

– *Что за камера?*

– *Какая-то камера наблюдения за дорожным движением, хрен ее знает. Плевать. Я вывернулся, сказав, что на самом деле поехал на такси и заплатил наличными. Штука в том, что, если так будет продолжаться, нам задница, понимаешь? Они до всего докопают.*

– *О'кей, но давай лучше сейчас прервемся и поговорим, когда увидимся сегодня вечером.*

Раздался щелчок, и разговор был окончен. Разговор, в котором практически все их подозрения были теперь записаны черным по белому. Хеммер, конечно же, записал его, но поскольку они не имели разрешения на прослушку, то он никогда не сможет быть использован в качестве доказательства в будущем судебном процессе.

Но цель его была не в этом. Для него было более чем достаточно знать, что Санд звонил именно Слейзнеру.

Ким Слейзнер убрал старую «Нокиа» обратно в карман пиджака и повернулся к Дуне, которая сидела за столом с прямой спиной, закованными руками и разбитым в кровь лицом.

– Извини, на чем мы остановились?

Дуня молчала и старалась не терять фокус на размытой точке перед собой. Как он и утверждал, она была в его власти, в его мире, и ничего не могла сделать, чтобы изменить это. Что бы она ни ответила, он продолжит идти по своему намеченному курсу, продолжит унижать и наносить увечья, или что там еще могло прийти ему в голову. Единственное, что у него никогда не выйдет, это сломать ее. Что бы он с ней ни делал, она приложит любые усилия, чтобы пламя не погасло.

– Да, да, продолжай играть в молчанку. Продолжай, продолжай. Хотя бы жажду ты утолила, так что тебе ничего не нужно. – Он подошел к ней, но обогнул ее, встав прямо у нее за спиной.

Она не собиралась оглядываться через плечо. Вместо этого она просто сидела, замерев в ожидании, что что-то произойдет. Что будет больно, она уже знала. Что это может привести к очередной травме, чтобы залечить которую понадобятся время и уход.

Поэтому ее удивили руки у нее на плечах. Руки, которые осторожно начали массировать ее тело размеренными, спокойными движениями. Сначала плечи, затем медленно переместились к шее и ко всем напряженным местам, которые так и просили, чтобы их размяли.

– Помнишь, чтобы я делал тебе массаж в те времена, когда мы были и друзьями, и коллегами? Знаешь, тогда я тебе помогал и заботился о том, чтобы у тебя были все шансы сделать блестящую карьеру. – Слейзнер ждал ответа, не прекращая массаж. Но ответа не последовало. – Нет, наверное, нет, потому что тогда ты бы запомнила. – продолжал он сам. – Ибо вот чем я известен, так это способностью делать идеальный массаж. Сейчас так вышло, что я специализируюсь на ступнях, но плечи и шея идут на втором месте. Согласись, приятно.

Дуня не ответила. Но это не означало, что он был не прав. В другой реальности, где руки принадлежали бы кому-то другому, это

было бы приятно, может быть, даже очень. Сейчас же ее мутило, несмотря на то, что его пальцы умели добираться до всех самых болезненных точек, которые все эти годы жаждали прикосновений. Так мутило, что чуть не стошнило от отвращения, что за ней стоит именно Слейзнер.

– Ты очень зажата, должен сказать, – произнес он, продолжая работать с ее плечами и шеей. – Ты заботишься о себе? Я вижу, что тренируешься, но вопрос в том, делаешь ли растяжку и расслабляешь ли тело время от времени? Как вот здесь и здесь. Чувствуешь уплотнения? – Он нажимал большими пальцами обеих рук и держал их на каждом из узлов, пока они не начинали смягчаться, после чего спустился чуть ниже по спине к лопаткам.

– Представь, как хорошо было бы нам с тобой, – продолжал у нее за спиной Слейзнер. – Не волнуйся, я знаю, как сильно мы друг друга ненавидим и что этому не бывать. Но давай, просто ради развлечения, выбросим все это дерьмо в помойку и поиграем с мыслью, что мы действительно идем по жизни вдвоем.

Было совершенно очевидно, что он собирался убаюкивать ее достаточно долго, чтобы она расслабилась и вновь обрела веру в то, что, несмотря ни на что, все-таки справится.

– Представь, какая бы звездная пара из нас получилась. Мы бы дополняли друг друга как инь и ян. С этим ты должна согласиться. Ты со своей непримиримостью, способностью никогда не сдаваться, если что-то надумала, и я со всей своей сетью контактов и изобретательностью. Уверяю, мы могли бы творить чудеса, ты и я.

Все это было классической чертой психопатов. Сначала быть плохим и ломать другого. Потом извиняться, просить пощады и клясться в том, как сильно вы его любите. Затем наносишь новый удар, как раз когда другой решится поверить, что все в порядке. Все это было просто игрой с жертвой, которую, как говорил сам Слейзнер, любой ценой хочется максимально продлить.

– Я мог бы делать тебе массаж каждую ночь. – Слейзнер все глубже и глубже проминал ее мышечные зажимы. – А ты, ты бы могла...

Прошло немало времени, прежде чем молчание Слейзнера заставило ее отреагировать и открыть глаза. Она была готова

практически ко всему, ко всему самому худшему, ко всему, кроме того, что сейчас увидела перед собой.

– Извините, – сказал мужчина в костюме, с бородой и усами, заходя в помещение. – Это ведь Камилла Крюстхофф?

– Эм...? Да, верно, – наконец выдавил из себя Слейзнер, отнимая от нее руки. – А кто вы, позвольте спросить?

– Защитник Крюстхофф.

– Но? Теперь я, видимо, что-то не понимаю? – Слейзнер откашлялся. – Как так получилось, что...

– Значит, нас двое, кто что-то не понимает, – перебил мужчина, закрывая за собой дверь. – Мне представляется, что вы начали допрос моего клиента, что противоречит всем...

– Нет, нет, нет, я вообще не начинал никого допрашивать. – Слейзнер сделал шаг в сторону от Дуни. – Вовсе нет. Я здесь, только чтобы проверить, как у нее дела, и убедиться, что все в порядке. Допрос провожу вообще не я. Но, возможно, вы не знаете, кто я.

– Нет, я хорошо знаю, кто вы, и от этого, конечно, ситуация лучше не становится. – Мужчина направился к Слейзнеру. – Вы и избиение устроили?

– Нет, нет, это на ее совести. Она, что называется, склонна к саморазрушительному поведению, что также было одной из причин, по которой я хотел к ней заглянуть.

Теперь мужчина стоял прямо перед ним со шприцем в руке, по которому он стучал, чтобы убрать пузырьки воздуха.

– И что это значит? – спросил Слейзнер.

Ответ пришел в виде иглы, пронзившей его пиджак насквозь, до самой груди, после чего он обмяк и упал на пол.

– Фарид, как, черт возьми, тебе удалось сюда проникнуть? – спросила она.

– Давай отложим викторину на другой раз. – Фарид поспешил назад к двери. Все, что тебе нужно сейчас, – это делать, что мы скажем, и надеяться на удачу.

– Мы? Что значит мы?

Фарид открыл дверь, и внутрь зашел Микаэль Реннинг. В полицейской форме.

– Микаэль? Но...

– Надень это, – прервал Реннинг, положив перед ней на стол комплект одежды, пока Фарид открывал ее наручники. – Остальное потом.

Она кивнула, оставила при себе все вопросы и дала им возможность работать в тишине.

Вскоре она оказалась на свободе, и с ее лица стерли кровь, после чего она смогла надеть белые брюки и медицинский халат поверх остальной одежды.

Наконец, она надела стетоскоп на шею и вытерла с пола самые крупные пятна крови, пока Фарид и Реннинг поднимали находящегося без сознания Слейзнера на носилки, укладывали его на бок, подключали пульсометр и натягивали на его лицо маску первой помощи, после чего все вместе поспешили прочь.

– Слейзнер? – Генеральный прокурор Мадс Йенсен сидел за письменным столом, в своей хорошо выглаженной рубашке, черно-белых подтяжках, с галстуком таких же цветов, и выглядел так, как будто только что стал объектом шутки. – То есть вы имеете в виду Слейзнера, который Ким Слейзнер?

Напротив в кресле для посетителей сидел Мортен Хейнесен и кивал, одновременно пытаясь сглотнуть слюну. Но комок в горле был слишком большим, или, может, галстук, который он только что надел, был слишком туго затянут.

– И правильно ли я понял, – продолжал Йенсен. – Вы всерьез предполагаете, что Слейзнер так или иначе причастен к убийству Могенса Клинге и этой девушки?

Хейнесен снова кивнул. Он никогда ранее не сидел на встрече с генеральным прокурором. По крайней мере, в одиночку. Обычно этим занимался Слейзнер или кто-то другой, намного выше его по званию. Теперь остался только он один. Кроме того, дело было настолько громким и, главное, настолько щепетильным, что даже если бы он обратился к какому-нибудь прокурору на своем уровне, дело все равно направили бы на самый верх, а в конце концов оно бы оказалось на этом самом столе.

– Но это звучит... – Йенсен запнулся и покачал головой. – Как бы сказать... Все это звучит безумно.

– Я знаю. Мне самому было трудно в это поверить. – В конце концов ему удалось частично сглотнуть комок нервов. – Но, к сожалению, есть целый ряд вещей, на это указывающих.

Прокурор кивнул, провел пальцами по своим аккуратно подстриженным усам и как будто собирался что-то сказать. Но вместо этого только сидел и кивал, пока комок в горле Хейнесена снова начал увеличиваться в объеме.

Он ожидал встречного вопроса о том, на чем основаны его подозрения и обвинения. Что заставило его прийти к такому радикальному выводу. А его встретил лишь спокойный

подозрительный взгляд, становившийся все тяжелее с каждой попыткой Хейнесена сглотнуть.

– Вот отчет, – сказал он наконец, протягивая подготовленный им документ, содержащий в виде списка все, что говорило в пользу причастности Слейзнера.

В нем перечислялись все подозрения Хеска о том, как Слейзнер что-то подмешал ему во время пресс-конференции и о том, что именно он был в контакте с Могенсом Клинге по анонимному мобильному номеру. Но там были также его собственные мысли о том, что их босс с самого начала знал, что Хеск находился на подземной парковке и попал на камеры наблюдения прямо в разгар нападения, и также о том, что с большой вероятностью именно Слейзнер позаботился о том, чтобы клип, в котором Якоб Санд приезжает на своей спортивной машине, был вместе со многими другими вырезан из видеоматериала.

Прокурор пробежал глазами список, с морщинкой обеспокоенности между бровями, и Хейнесену оставалось только ждать, пока он не закончил и не поднял глаза от документа.

– Это просто куча смутных предположений. – Йенсен отложил распечатку. – Насколько я могу судить, нет ни одного конкретного доказательства, подтверждающего ваши утверждения.

– Это верно. Доказательств нет. Но, по моему мнению, ни одно из этих предположений не является смутным. Напротив, я бы сказал, что все они в высшей степени актуальны и конкретны. Это наряду с тем, что из-за такого большого количества совпадений их просто нельзя игнорировать. Другими словами, дыма слишком много, чтобы не было огня.

– Может и так. Но в моей работе дыма недостаточно. Мне нужен огонь, чтобы действовать, а в таком деле понадобился бы целый лесной пожар.

Хейнесен кивнул и попытался улыбнуться.

– Именно по этой причине я до сих пор к вам не обращался. А около часа назад пламя вырвалось наружу.

Он положил свой мобильный перед собой на стол, нажал кнопку «воспроизвести» и стал наблюдать за реакцией прокурора, пока проигрывался аудиофайл.

– *Успокойся, Якоб. Что случилось?* – раздался голос Слейзнера, и на лице Йенсена отразилась растерянность, на которую и рассчитывал

Хейнесен.

– И вы хотите сказать, что это Слейзнер? – спросил Йенсен, а Хейнесен кивнул.

– *Один из твоих лакеев только что был здесь и терроризировал меня.*

А вот и Якоб Санд.

– *Кто?* – спросил Слейзнер.

– *Он представился Мортенем Хейнесеном и спрашивал кучу всего о том, по какой дороге и на какой машине я ехал с той девушкой. Ясно, что ни одна из моих машин не попала на камеру около Вигерслев Алле.*

Несомненно, Йенсен был потрясен. Его лицо побледнело, а рот был открыт, как будто вдруг ослабли мышцы челюсти.

– *Что за камера?* – спросил Слейзнер.

– *Какая-то камера наблюдения за дорожным движением, хрен ее знает. Плевать. Я вывернулся, сказав, что на самом деле поехал на такси и заплатил наличными. Штука в том, что, если так будет продолжаться, нам задница, понимаешь? Они до всего докопают.*

– *О'кей, но давай лучше сейчас прервемся и поговорим, когда увидимся сегодня вечером.*

Хейнесен поднял мобильный и выключил запись, положил его обратно в карман и стал ждать. На этот раз тишина его не беспокоила. Напротив, внушала спокойствие. Конечно, Йенсену нужно было переварить все это и еще несколько минут подумать о последствиях, прежде чем что-то сказать.

– Эта прослушка, – сказал он через некоторое время. – Кто дал на нее разрешение?

– Никто, – сказал Хейнесен. – Никто, кроме меня.

– Но тогда вы ее не можете использовать.

– Да, и это никогда не являлось целью.

– Но тогда я должен спросить: в чем цель?

– Получить разрешение идти дальше.

– И каким образом вы хотите действовать?

– Я хочу вызвать Слейзнера и Санда на допрос. Просмотреть их телефоны и компьютеры и также обыскать их дома и рабочие места. Оцепить ту парковку и провести тщательный осмотр, чтобы узнать,

что там скрывается. И желательно как можно скорее, пока они не успели замести следы. Это единственное очевидное во всем деле.

– Да, это вы так считаете. – Йенсен кивнул. – Я мог бы с вами согласиться, мог бы. – Он продолжал кивать, как бы в ответ собственным мыслям. – Но все-таки должен вам отказать.

– Отказать? – Хейнесен привстал. – Не понимаю. Почему?

– Ким Слейзнер – один из наших лучших и наиболее успешных лидеров.

– Но мы можем сделать это приватно. Никаких пресс-конференций или подобного. Просто не будем обнародовать, пока не узнаем больше.

– И что потом? Что вы думаете, произойдет после?

– Ну, либо выяснится, что он виновен, либо выяснится, что...

– Он невиновен, – перебил Йенсен. – Но даже в этом случае будет скандал, который в конечном итоге принесет больше вреда, чем пользы всей полиции.

Хейнесен не мог поверить в то, что он только что услышал.

– Так вы хотите сказать, что его нужно просто оставить на свободе?

– Простите, как вас зовут, еще раз?

– Мортен. Мортен Хейнесен.

– Мортен, мы все знаем Кима и знаем, какой он. Но что он бы... Да, что он что-то такое мог бы сделать с этим Якобом Сандом, с которого, кстати, сняты все подозрения, это, я бы сказал, совершенно немыслимо.

– Немыслимо? И о чем же они собираются поговорить, когда встретятся сегодня вечером?

– Не знаю. – Йенсен пожал плечами. – Может быть все что угодно. Если они не хотят, чтобы об этом узнали, это не обязательно должно быть что-то незаконное. Вы знаете, как это бывает со слухами и скандалами, когда они наберут силу. Тогда всех чешут под одну гребенку, и это может погубить и самого лучшего, даже если он на самом деле не сделал ничего плохого.

Хейнесен встал. Больше добавить было нечего. Точка была поставлена, а предложение закончено. Единственное, что оставалось, – повернуться к двери и начать идти. Размеренно и спокойно, пока не положишь руку на ручку двери, откроешь ее и выйдешь из комнаты.

По пути к выходу он почувствовал, что его телефон жужжит в кармане. Но только сейчас он достал его и увидел, что это было сообщение от Малин Ренберг из полиции Швеции, с которой он разговаривал ранее. Он кликнул на него и увидел фотографию из документа, о котором она ему рассказывала и обещала прислать. Действительно, это был снимок крестообразных шрамов на внутренней стороне бедра женщины, вместе с текстом, в котором говорилось, что цена слишком высока, учитывая, что товар оказался бракованным.

Но совсем не это заставило его остановиться посреди коридора и увеличить изображение, чтобы лучше его рассмотреть. А рука на самом краю снимка, раздвигавшая ноги женщины. Рука, конечно, была не в фокусе и видна лишь частично, но этого все равно было достаточно, чтобы он узнал часы на запястье, «Ролекс Дэй-Дэйт», которыми постоянно хвастался Слейзнер, говоря, что точно такую же модель носил Тони Сопрано.

Конкретнее некуда. Слейзнер не просто имел тесный контакт с подозреваемым в убийстве. Он сам был настолько глубоко во всем замешан, что уже не стоял вопрос о более или менее серьезных подозрениях, но о том, чем все это кончится.

Ему следовало бы снова вернуться к генеральному прокурору и представить новые доказательства, на которые, как бы им этого ни хотелось, нельзя закрыть глаза. Но что-то подсказывало ему, что это было самое последнее, что можно было сделать.

На улице по-прежнему стояла жара, как бывает на пике лета, почти тропическая. Но появлялось все больше признаков того, что лето подходит к концу. Например, духота. Она так давно висела неподвижно, что давно пора было заменить ее с помощью сильного урагана или хотя бы ливня. Тени были еще одним признаком. Уже после полудня они вырастали в три или четыре раза длиннее своих создателей.

Но прежде всего, это было осознание того, как рано наступала ночь. Время, когда не бывало по-настоящему темно, сменилось тем, что солнце заходило за горизонт сразу после девяти, а через десять минут уже наступала ночь.

Это было, конечно, красиво. Вид из номера на восемнадцатом этаже отеля «Рэдиссон» в центре Копенгагена захватывал дух. Свет от сотен тысяч огней внизу, которые становились отражением звездного свода над головой, мог кого угодно заставить поверить, что существует нечто большее за пределами нашего понимания.

Но Фабиан раскошелился на номер так высоко не для того, чтобы стоять здесь, смотреть во Вселенную и наполняться вездесущим осознанием. Он просто хотел сбежать от всего, хотя бы на несколько часов. Как можно дальше, не покидая Копенгагена. Взять паузу. Ничего еще не кончено. Высота была наилучшим вариантом, а финансы не позволяли подняться выше восемнадцатого этажа.

Первое, что он сделал, это лег спать. Сон взял свое почти сразу и отпустил его только после пяти часов без намека на сны.

Он полностью отключился, как будто обрубил электричество, и возможно, именно поэтому смесь гнева и паники все еще давала о себе знать, когда он пришел в себя и понял, где находится. Понял, что произошло.

Затем он пошел в ванную и набрал в ванну горячую воду со всеми маслами из маленьких бутылочек, которые только были доступны, и лег туда, устремив взгляд в потолок, а уши опустив под воду.

Он тогда просмотрел всю папку с пометкой «Т. Р.». Он прочитал каждую заметку, не по одному, а по несколько раз, и в конце концов

пришел к выводу, что не может быть никаких сомнений. Здесь не может быть недопонимания и неправильного толкования. Нет пространства для оправданий и возможной альтернативы.

Теодору было плохо. Настолько плохо, что он пытался покончить с собой. Но мысли и попытка – это одно. Исполнение – совсем другое.

За ним стоял Слейзнер.

Именно он отрезал все другие пути и позаботился о том, чтобы Теодора все ближе и ближе подталкивали к краю. Именно он подготовил и организовал все так, что, в конце концов, потребовался лишь легкий толчок, если вообще потребовался, чтобы все было кончено.

Но и сам он не был освобожден от ответственности. Отнюдь. После давления на сына, чтобы тот выбрал правду вместо лжи, он нес на себе вину, от которой никогда не удастся избавиться. Как говорили Соня с Матильдой, все сегодня было бы по-другому, если бы он выбрал другой путь. Далеко от идеала, но, по крайней мере, лучше, чем вот это.

А что вот это?

Точка или запятая.

Есть ли вообще продолжение, или он достиг конца?

Конца пути, где он лежал в ванне на восемнадцатом этаже в отеле в Копенгагене, где ему больше нечего терять?

После того как Дуня и Фарид прочесали квартиру Слейзнера в поисках улик и обнаружили отпечатки пальцев, пятна крови и волосы, они перешли к непосредственной подготовке.

Многофункциональный тренажер был перенесен из маленькой тренировочной комнаты без окон в примыкающую к ней кухню, где был помещен перед плитой. На штатив перед тренажером закреплена камера с заряженным аккумулятором и настроенным фокусом. Звук записи был протестирован и настроен таким образом, чтобы каждая буква была слышна независимо от того, как бы тихо он ни бормотал.

На скамью для упражнений поместили находящегося без сознания Слейзнера, и с помощью ремней связали ему ноги под ней. Его руки они привязали к перекладине для тренировки спины и рук. Перекладина крепилась к проводу, тянувшемуся к стойке с грузами, которые, в свою очередь, удерживали его в сидячем положении. Это выглядело так, будто его собирались распять, и в каком-то смысле так оно и было.

Пока Фарид проверял, сколько веса ему нужно добавить, чтобы приподнять Слейзнера со скамьи, Дуня заглянула в коллекцию компакт-дисков в гостиной. Она занимала несколько квадратных метров у стены, но Дуня все равно не могла найти хоть один альбом, который бы ей понравился.

Все это было сплошные восьмидесятые. Восьмидесятые, восьмидесятые, восьмидесятые. Десятилетие, которое, по ее мнению, должно быть вычеркнуто из истории музыки.

Здесь, к тому же, было собрано худшее из худших, чтобы выбрать хоть что-нибудь. Она наконец вставила альбом «Diesel And Dust» группы «Midnight Oil»^[10] в проигрыватель «Банг и Олуфсен», который теперь был готов включиться после нажатия кнопки на пульте в случае, если ночь того потребует.

Вернувшись на кухню, она обменялась взглядом с Фаридом, который коротким кивком показал, что готов. Оставалось только ждать, пока Слейзнер откроет глаза.

– Что скажешь? – Она присела на корточки перед Слейзнером. – Стоит ли нам его будить?

– Не горю от нетерпения. Можем дать ему еще несколько минут. Фарид подошел к камере и включил ее.

Но нетерпением горела она. Ведь именно за это они боролись все последние недели. Однако все пошло не по плану, и еще несколько часов назад она отвергла свою месть как наивную несбыточную мечту. Что-то, что могло бы стать фактом, если бы не Микаэль Реннинг.

Она не сразу это осознала, но за все ей надо было благодарить именно его. Конечно, Фарид тоже приложил к этому руку. Но именно Реннинг мог потерять все и, прежде всего, это он придумал весь план побега.

Очевидно, Слейзнер давил на него весь последний месяц и выискивал информацию о ней, прекрасно понимая, что они, по крайней мере в прошлом, были друзьями. Когда Реннинг затем увидел внутреннюю директиву с объявлением ее в розыск, где ее называли террористкой, он решил сделать все возможное, чтобы войти в доверие к Слейзнеру.

В этом и заключалась суть встречи в «Диамантен». Там ему удалось убедить Слейзнера поручить ему отвечать за то, чтобы информация о ней держалась в тайне, если ее арестуют. Если бы не это, она все еще сидела бы в той камере или направлялась в какой-нибудь отдаленный подвал.

То, что он еще и смог связаться с Фаридом, позаботился о том, чтобы стереть всю информацию, касающуюся ареста Камиллы Крюстхофф, раздобыл одежду и снаряжение и детально спланировал, как им покинуть изолятор без лишних вопросов, обязывало ее быть еще более благодарной.

Вдобавок к этому он подготовил машину скорой помощи, которая ожидала около изолятора с мигающими синими огнями, внушая надзирателям, что дело срочное.

Через несколько километров он остановил скорую на обочине и высадил их со словами, что чем меньше он будет знать, тем лучше.

Она даже не успела поблагодарить и обнять его, прежде чем он поспешно уехал и скрылся в темноте.

Ничего не было сказано, ничего из того, о чем она думала. Но она прекрасно его понимала. Конечно, ему нужно было держаться от нее

как можно дальше. Не только в связи с последними событиями, а прежде всего, учитывая то, что ждало впереди.

Когда Слейзнер наконец подал признаки жизни, он издал слабый и едва уловимый стон, после чего как будто снова начал засыпать. Все шло слишком медленно для ее терпения, и в итоге она не смогла удержаться и не взяла пульт, направить его в сторону гостиной и нажать кнопку «воспроизвести».

Три первых аккорда – вот и все, что успела сыграть «Midnight Oil» из «Beds are Burning» на полной громкости в кухонных колонках, прежде чем Слейзнер открыл глаза.

– А кто это у нас здесь? Неужели Ким гребаный Слейзнер собственной персоной, – сказала она, пока Питер Роберт Гаррет пел, что время пришло. – Надеюсь, ты хорошо выспался.

Слейзнер неуверенно огляделся, все еще не полностью очнувшись, как будто не мог поверить, что действительно сидит связанный дома, на собственной кухне, перед камерой, в одних трусах, а напротив стоит Дуня.

– Что, твою мать, ты наделала? – воскликнул он, когда до него начало доходить. – Что? Что ты натворила, ссаная сучка? – Он тянул и рвался, пытаясь освободиться, но не мог сделать ничего, кроме как крутиться в стороны.

– Просто скажи, когда будешь готов, и мы приступим. – Она развернула стул рядом с камерой и села со спинкой между ног.

– Приступим к чему? И как ты, черт возьми, выбралась из изолятора?

– Отвечая на первый вопрос, твое признание. Что касается второго, то, вероятно, лучше тебе спросить Камиллу Крюстхофф. Так ведь ее звали?

Слейзнер усмехнулся.

– Я дам тебе шанс. Шанс, чтобы ты отпустила меня и вернула все на место. Тренажер должен оказаться на прежнем...

– А иначе? – перебила Дуня, наклонившись вперед, к спинке.

Слейзнер вздохнул.

– Ты даже еще чокнутее, чем я думал. Нет никакого иначе. Ты умрешь в любом случае. Единственное, что сейчас зависит от тебя, – это как.

– А ты все еще дерзишь, хоть и находишься в моем мире, пусть он и очень напоминает твою кухню.

Слейзнер покачал головой.

– Ты настолько наивна, что мне тебя даже жаль. Это действительно моя кухня. Но она не единственная. Даже то, что находится за ее пределами, за пределами этой квартиры, на другой стороне гавани, принадлежит мне. Амагер, или где угодно. Все это мой гребаный мир. Каждый твой шаг и шаг этого воняющего карри индийца – все это на моей земле.

– Должна признаться, я впечатлена, – кивнула она и повернулась к Фариду. – Что скажешь? Он понятия не имеет, что его ожидает. И все же продолжает вести себя так, как будто что-то решает.

– Я бы даже сказал, что это мило, – сказал Фарид.

– Мило? Да, возможно. – Она снова повернулась к Слейзнеру и посмотрела ему в глаза. – Если не знать, кто он такой.

– Кстати, о том, что ожидает, – сказал Слейзнер. – Ты правда думаешь, что тебе удастся повернуть это безнаказанно? То есть серьезно. Просто, чтобы я понимал, как рассуждает наивная шлюшка вроде тебя.

– Тебе нет смысла даже пытаться. Понять ты точно никогда не сможешь.

– Твой единственный шанс – отпустить меня. Ни сейчас, ни через пять минут, а еще пол гребаных часа назад. У меня есть друзья и связи. У меня есть люди, которые работают на меня круглосуточно, и если я исчезну больше чем на два часа, не вводя код безопасности, сработает сигнализация. Я не знаю, сколько сейчас времени, но они определенно уже в пути. Так что я бы сказал, что тебе крышка. Ты в полной жопе.

– У тебя чуть ли не отчаяние в голосе. Не так ли, точно? – Она посмотрел на Фариду, который кивнул. – Да, конечно. Время покажет, кому из нас крышка. Давай начнем, если у тебя больше нет вопросов. А то лучше покончить с ними сейчас. – Дуня ждала, но Слейзнер ничего не сказал. – О'кей, все ясно, другими словами. Хорошо. Тогда предлагаю перейти к моим вопросам. Она выключила музыку перед самым припевом и кивнула Фариду, который включил камеру. – Давай начнем с парковки и подвального помещения на Остерброгаде. Что за деятельность вы там ведете с Якобом Сандом?

Слейзнер пожал плечами.

– Не знаю, о каком подвальном помещении ты говоришь. А парковка – звучит как место, где можно припарковать свою машину.

– Здорово. Но я имею в виду скорее помещение внутри парковки.

– Можешь иметь в виду что угодно. Это не меняет того факта, что я понятия не имею, о чем ты.

– Я говорю о помещении, где ты приказал своим людям убить Цяна Ху.

– Цяна кто? – рассмеялся Слейзнер.

– Пять баллов. Но сейчас я хочу, чтобы ты отвечал на мои вопросы, и если ты еще не догадался, у нас почти на все есть доказательства. Например, что ты часто бывал в помещениях, где был убит Цян. У нас есть записи разговоров и снимки, доказывающие твою связь с Якобом Сандом, который, как оказалось, владеет этими помещениями. Мы также знаем, что ты, Якоб и Могенс Клинге были там в ночь его смерти. Или лучше сказать, убийства.

– Если бы я мог аплодировать, я бы аплодировал, – сказал Слейзнер. – Звучит почти правдоподобно. Как будто у вас куча всего, когда на самом деле у вас ничего нет, потому что это неоткуда взять.

– Нет? А почему ты так в этом уверен? Из-за организованного тобой пожара? Думаешь, он все уничтожил? Конечно, в пламени было многое утеряно, должна признать, но, к счастью, ничего значимого там не было.

– Ты блефуешь, – посмотрел ей в глаза Слейзнер и натянуто улыбнулся. – Это меня несколько не удивляет. Что тебе еще остается? Меня удивляет, как плохо ты это делаешь. Взгляд, тон голоса, язык тела. Ты совершаешь все классические ошибки.

Никто еще не превращал ложь в такую неотъемлемую часть своей личности, как Слейзнер. Если он что-то и умел, так это выдавать ложь, не моргнув глазом. И теперь он, казалось, видел ее насквозь и читал ее мысли, как будто слушал аудиокнигу.

– Давай немного поговорим о Яне Хеске, – сказала она через некоторое время. – Твоя маленькая хитрость обвинить меня с помощью видео, в котором я на него нападаю, должна признаться, очень впечатляет. Сработано четко и эффективно, хотя мы оба знаем, что это не имеет ничего общего с правдой.

– Не имеет?

– Сначала я подумала, что тебе нужна только я. Что мне в какой-то степени несложно понять. Но я все равно обратила внимание, что все произошло так быстро. Так называемое расследование и весь путь до того, как вы нашли тело и смогли обвинить меня. Невероятно быстро, на самом деле. Думаю, мы говорим о часах, что есть своеобразный рекорд. Оглядываясь назад, я понимаю, что ты уже все знал, и тебе просто оставалось направить отряд в нужное место, чтобы они нашли его тело.

Слейзнер покачал головой.

– Тебе нужно стать автором детективов. Не то чтобы нам нужен еще один бывший коп с плохой прозой и слишком богатым воображением. Но точно как плохие пластмассовые игрушки и уродливые сувениры вдоль пешеходной улицы, я уверен, их бы покупали.

– Так как ты объяснишь, что мы нашли отпечатки пальцев Хеска здесь, у тебя в квартире? И не только в одном месте, а в нескольких, например, на стакане из-под виски.

Слейзнер не отвечал, а просто сидел, впившись в нее глазами и пытаясь прочесть ее мысли.

– Если тебе интересно, на ковре в гостиной мы также нашли несколько волосинок, которые, возможно, принадлежат ему. Но это еще предстоит выяснить. Обычно результаты анализов приходят через несколько дней.

Адамово яблоко Слейзнера поднималось и опускалось в такт с его кивками, и Дуня почти ощущала, как в нем созревает решение.

Но вместо того, чтобы что-то сказать, он откашлялся, и не один, а много раз, пока не набрал достаточно большую порцию слюны, которую затем направил прямо в камеру. Было ли это удачей или мастерством, бежево-желтый вязкий сгусток приземлился прямо в центр объектива.

– Я расцениваю это как то, что ты не собираешься вообще ничего признавать или рассказывать.

– А может, ты и не такая уж чокнутая.

– О'кей. – Она вздохнула и повернулась к Фариду. – Давай не тратить память без необходимости.

Фарид выключил камеру и достал салфетку, чтобы вытереть объектив. Тем временем Дуня встала и подошла к Слейзнеру, где она

присела на корточки так, что оказалась на уровне его глаз. До сих пор в его поведении не было ничего такого, что бы удивило ее. Она никогда не рассчитывала на то, что он просто возьмет и во всем признается.

До сих пор это была всего лишь разминка, чтобы дать ему понять, чего от него ждут. Только сейчас они собирались заставить его говорить по-настоящему.

– Помнишь то чувство, когда впервые катаешься на американских горках? – спросила она, ожидая реакции, которой не последовало. – Ну, когда поднимаешься по первому длинному склону, медленно, медленно, направляясь к вершине. Ты в ужасе и сожалеешь о том, что стоял в той очереди, и единственное, что хочешь сделать, это сбежать оттуда. В то же время в этом есть что-то щекочущее нервы. Что-то, что с нетерпением ждет того, что произойдет, когда ты преодолеешь вершину и начнешь спускаться. Когда позволишь себе потерять контроль и просто катиться вперед. Именно так я себя сейчас чувствую.

– Американские горки мне никогда не нравились, – сказал Слейзнер. – Но рад за тебя.

– Ну, посмотрим, насколько радостно будет мне. пытки мне никогда не нравились. Даже когда в юности меня затаскивали в кино на какой-нибудь фильм ужасов. Не знаю, как ты, но я всегда отворачивалась, как только собирались отрубить пальцы или выколоть глаза. Именно эти сцены всегда казались такими ненужными и искусственными, и, даже закрыв глаза, никогда не пропустишь что-то из сюжета. Так я себя веду и по сей день. Но ради тебя я, на самом деле, могу сделать небольшое исключение. Конечно, я надеялась, что ты признаешься, и что еще останется шанс сойти с дистанции, пока не стало слишком поздно. Но частичка меня все-таки не может не предвкушать то, что произойдет, когда мы преодолеем вершину и начнем спускаться.

Слейзнеру, казалось, даже не понадобилось время на раздумья, как отреагировать, прежде чем второй плевком угодил ей в лоб и медленно стек вниз по ее распухшему носу. Фарид быстро подоспел с салфеткой, чтобы она могла вытереться, но ущерб уже был нанесен. Хотя свободно могла двигаться она, одержал верх именно Слейзнер.

Может быть, он был прав насчет того, что лгунья из нее никакая. Так или иначе, он раскусил ее блеф, и единственное, что она могла

сделать, это не подавать виду, и повысить ставки, дав Фариду знак, которого он ждал.

Не говоря ни слова, он поднял двадцатикилограммовую гирию и положил ее на стопку весовых плит в задней части тренажера.

Стопка опустилась вниз, отчего Слейзнер, в свою очередь, приподнялся на несколько дециметров от скамейки.

– Могу я спросить, что вы намерены делать? – Слейзнер попытался взглянуть через плечо, чтобы понять, что задумал Фарид.

– Здесь вопросы задаю я, – сказала она и подошла к раковине за каким-то предметом. – В твоей одежде, прости, в трусах, я бы сосредоточилась на ответах. – Она вернулась с подгузником для взрослых, который был разрезан по бокам, и стянула со Слейзнера трусы до колен. – Например, на подробном рассказе о твоей причастности к убийству Могенса Клинге и женщины в машине.

Все-таки где-то в глубине души она, должно быть, рассчитывала на то, что все пойдет так далеко. Она поняла это сейчас, когда увидела, как он висит, обнаженный и беспомощный. Она даже подготовила комментарий, чтобы посмеяться над его маленьким размером. Что он напоминает ей маленького забитого детеныша черепахи, спрятавшегося в своем панцире.

К сожалению, он совсем не прятался. Напротив, висел довольно припухший и в состоянии неполной эрекции. Наверное, что-то здесь не так, была ее первая мысль. Что-то, чего она не понимала. Или он принял виагру?

– Красивый, а? – спросил он с улыбкой.

С виагрой или без. Сукин сын от этого заводился. Возможно, потому что он хладнокровно просчитал, что единственное, что у нее есть, – это пустые угрозы. Но все же.

Даже если он был прав, она не могла не признать, что его вера в себя и свое превосходство впечатляла.

– У вас ничего нет, потому что я ничего не делал. Все мое участие во всем этом сводилось к тому, чтобы инициировать расследование, чтобы выяснить, кто стоит за убийствами.

– Давай поговорим о том ланче в прошлую пятницу, – сказала она, поймав брошенную Фаридом бутылку с жидкостью для зажигания. – Ну, тот, вместе с Якобом Сандом в Zeleste.

Затем, осторожными и спокойными движениями, она разбрызгала жидкость в подгузнике для взрослых. – Кто был третьим?

– Не понимаю, о каком ланче ты говоришь?

– Не понимаешь? Ну, тот самый, когда ты на самом деле собирался к стоматологу. Извини, становится холодновато. – Она положила подгузник в его трусы и натянула их обратно. – Но только здесь, для начала. – Она кивнула Фариду, который в свою очередь включил вытяжку на полную мощность. – Мадс Йенсен, ведь так его зовут? Генеральный прокурор.

– Я не знаю, о чем ты говоришь.

– Не знаешь? – Она достала большую зажигалку и щелкнула кнопкой у него перед носом. – Его мобильный телефон случайно оказался там, на ланче, в то же время, что и ты с Якобом, и если не ошибаюсь, вы были лучшими друзьями с тех пор, как оба ходили в подгузниках.

– В таком случае, это будет далеко не первый раз, когда ты ошибаешься. – Слейзнер смотрел то на нее, то на желтое пламя длиной в сантиметр на конце носика, и судя по тому, что ей удалось заметить у него во взгляде, что-то изменилось. Как будто только сейчас он осознал возможность того, что она не блефует. – Так что ты просто вонючая ссаная сучка, которая понятия не имеет, во что ввязалась, – сказал он наконец, и лицо его озарила улыбка.

Слова давно потеряли свое значение. Другое дело – взгляд. Его вызывающе пронизывающий взгляд, который заталкивал ее в угол и видел ее блеф насквозь. Было ли это причиной того, что она поднесла зажигалку с маленьким огоньком к его промежности, она не знала. Единственное, что она знала, это то, что она потеряла контроль и ничего не могла с этим поделать, только катиться дальше.

– Дуня, что ты делаешь? – спросил Фарид. – Какого хрена ты делаешь? Мы ведь собирались просто...

– Так много всего мы собирались сделать, – перебила она, не отрывая глаз от Слейзнера. – Правда, Ким? Не говоря уже обо всем том, о чем мы думали, что никогда не сделаем.

Исчезла его самодовольная улыбка. Его очевидная убежденность, что и на этот раз все закончится в его пользу. Ведь так было всегда. Что бы это ни было, он выходил из поединка победителем.

От этого теперь ничего не осталось, и, словно у ребенка-переростка, которому впервые не дали сладости на выходных, в его глазах засветилось разочарование.

Разочарование, которое, вместе с тем, как пламя касалось нижней части его трусов, превратилось в неуверенность.

– Ты не осмелишься, – сказал он, покачав головой. – Ты никогда...

– Это ты убил Хеска? – перебила она, пока огонь расплзался по ткани трусов в белую и красную полоску. – Потому что он вышел на твой след. – Огонь сначала образовал небольшое коричневое пятно, а затем пошел дальше по все более широкому кругу.

– Дуня, черт возьми! – закричал Фарид. – Мы так не договаривались!

– Что, горит? – Слейзнер повернулся к Фариду. – Она зажгла? – В его глазах наконец отразилась тревога. – Что? Ты это сделала? Ты зажгла? – Тревога, которая вскоре переросла в ужас.

– Это ты убил Хеска? – спросила она, пока пламя распространялось по трусам. – А? Ну, отвечай! Это ты заказал убийство Цяна?

Как будто боль внезапно перешла от нуля к сотне. Слейзнер заорал.

– О'кей, я признаюсь! – кричал он между прерывистыми вдохами. – Только потушите, я признаюсь.

– В чем ты признаешься? – спросила она, когда вонь от жженных волос и кожи распространилась по кухне.

– Во всем, – прорычал он с капающими из носа соплями. – Клянусь! Признаюсь во всем!

Не без некоторой грусти Мортен Хейнесен выдвинул ящик письменного стола. В обычный рабочий день он, вероятно, делал это раз пятнадцать, доставая ручку или еще что-нибудь. Это означало, что он, должно быть, выдвигал его более пятидесяти тысяч раз за двенадцать лет работы следователем. Пятьдесят тысяч раз, не задумываясь. На этот раз все было по-другому.

Блокноты занимали большую часть пространства, и их он хотел сохранить, поэтому положил в коробку для переезда, стоявшую посреди стола. То же самое с работающими ручками и наручными часами, которыми он перестал пользоваться после перехода на мобильную связь. Коллекцию ароматизированных ластиков, представлявших собой фигурки персонажей из «Звездных войн», которые он получил в подарок от Франка, он тоже не мог выбросить. Но остальное отправилось в мусорное ведро. Даже просроченные батарейки, которые, по-хорошему, должны были быть отсортированы и выброшены отдельно.

Но времени у него не было.

Боль и такое чувство, что он как будто выбрасывает часть себя, не имели значения. Ему приходилось действовать быстро. Не потому, что его уволили или потому, что он должен был повиноваться какому-то приказу сверху. Нет, все это он делал только ради себя. Чтобы решиться пойти до конца и быть готовым к последствиям. Понять, что назад дороги нет.

Шаги в коридоре, за которыми последовал короткий скрип двери, заставили его поднять глаза на Юли Бернсторфф и Торбена Хеммера, которые с удивленными глазами шли к нему через офисное пространство.

– Вот и вы. Отлично! – сказал он, убирая из шкафа последние книги. – Я как раз закончил.

– Что вы делаете? – спросила Бернсторфф. – Вы ведь не увольняетесь?

– По крайней мере, пока нет. Что произойдет потом, когда мы закончим, покажет время. – Он бросил последнюю бумагу в корзину

для мусора и выключил настольную лампу. – Но можете не беспокоиться. Это полностью моя ответственность. Все, что вы делаете, это выполняете приказы старшего по званию.

– Может быть, расскажете, что произошло? – попросил Хеммер.

– Скажу так, – он понизил голос и окинул взглядом офисное пространство, где все еще сидели несколько человек и работали. – Произошло много чего. Больше ничего не могу сказать, пока мы не выйдем из этого здания. – Он взял коробку со стола и пошел к выходу.

– Но Мортен. Подождите минутку. – Берн сторфф и Хеммер поспешили за ним.

– Нет времени ждать.

– Вы даже не сказали, куда мы идем.

– Мы выходим отсюда, в коридор. – Он остановился у двери и обернулся. – Откройте кто-нибудь?

Хеммер придержал дверь открытой, чтобы Мортен смог выйти с коробкой в руках.

– О'кей, а теперь? – спросила Бернсторфф, торопясь догнать его. – Какие наши действия?

– Теперь мы идем к лифтам, – ответил он, не останавливаясь.

– Мортен, я понятия не имею, что вы делаете, – сказал Хеммер, когда они подошли к лифту. – Но если вы думаете, что мы с Юли просто будем выполнять приказ и пойдем с вами с завязанными глазами, то вы...

Его прервал звук открывающейся двери одного из лифтов, откуда вышли двое полицейских в форме и прошли мимо них.

– Так что либо вы расскажете, в чем дело, – продолжил он тихим голосом, как только полицейские отошли на достаточное расстояние, а они сами смогли войти в лифт. – Либо...

– Юли, нажмите, пожалуйста, этаж парковки, – перебил его Хейнесен.

Берн сторфф нажала на кнопку в самом низу, в то время как Хеммер растерянно вздохнул и выказал намерение что-то сказать.

Но тогда Хейнесен посмотрел ему в глаза, а затем перевел взгляд на камеру наблюдения на потолке, и намерение так и осталось таковым.

– Юли, поедете со мной в машине, – продолжил он, как только лифт опустился, и он смог выйти на парковку, пройдя мимо

полицейских машин, как в специальном окрасе, так и без него. – А вы, Торбен, поедете в фургоне со своим оборудованием и старайтесь держаться следом за мной.

– Все еще не хотите рассказать, что все это значит? – спросил Хеммер, пока они подходили к оперативной группе в полном обмундировании: бронежилетах, касках и с автоматическим оружием, участники которой складывали вещи в черный пикап.

– Здорово, Магнус. Вы готовы? – спросил Хейнесен у командира группы, садившегося на пассажирское сиденье.

– Да, мы выезжаем, и будем ждать в назначенном месте, – командир хлопнул дверь, после чего пикап тронулся к выходу.

– О'кей, то есть они знают, куда мы идем, а мы нет, – усмехнулся Хеммер и покачал головой.

Хейнесен остановился и повернулся к ним. Затем заглянул через плечо, сначала одно, потом другое, прежде чем снова встретился с ними взглядом.

– Магнус проработал здесь столько же, сколько я, и мне жаль это говорить, но вам еще предстоит долгий путь.

– И что это значит? – спросила Берн сторфф. – Что вы нам не доверяете?

– Это значит, что как только я вам расскажу, в отличие от него, вы начнете задавать вопросы, а сейчас нет времени...

Внезапно у него зазвонил мобильник. Он достал его и увидел, что это Слейзнер.

– Да, алло! Мортен Хейнесен.

– Не притворяйся, что не знаешь, кто это, – раздался дребезжащий голос Слейзнера. – Ну и позорище!

– Ким, это ты? Я едва узнаю твой голос.

– Думаешь, я не догадался, что ты задумал? А? Думаешь, я не врубился? – было слышно, как он пьет. – Сука поганая... – Он икнул и снова начал пить. – Но просто чтоб ты знал, я уже признался. Тебя опередили, так что, когда будешь здесь... – еще глоток. – Будет слишком поздно.

Раздался щелчок, и звонок завершился.

Полчаса назад Фабиан покинул гостиницу «Рэдиссон» и пошел на юг мимо Тиволи до самой набережной, где повернул направо и продолжил путь по деревянным мосткам вдоль воды, пока не смог свернуть налево на пешеходный мост над водой, ведущий к Исландс Брюгге на другой стороне.

Дом выглядел точно таким, каким он и ожидал увидеть дом, где живет Слейзнер. Гротескный и отталкивающий, но в то же время интригующий. Как будто, несмотря на плавно изгибающийся фасад и выходящие на воду балконы, он замыкался внутрь от всего снаружи. От внешнего мира. Как будто он совершенно не сочетался с окружающими его зданиями, а происходил из цивилизации, отличной от нашей, и просто случайно здесь приземлился.

Он нашел освещенное крыльцо с задней стороны дома, и, приложив руку к глазку камеры домофона, нажал на кнопку рядом с выгравированным именем «К. Слейзнер».

Домофон запищал, выдав шесть или семь сигналов, после чего снова замолчал. Может, его нет дома, а может, он спит. Все-таки середина ночи. Он позвонил снова и досчитал до пяти гудков, после чего снова все смолкло.

– Да, алло? – сказал он через некоторое время. – Есть кто-нибудь дома?

– *Мортен, это ты?* – раздался голос, напоминающий голос Слейзнера. – *Хейнесен, я знаю, что это ты.* – Но язык заплетался, как у пьяного.

– Да, это я, – ответил он по-датски в меру своих возможностей – Впустишь меня?

– *И зачем мне это делать?* – было слышно, как он пьет. – *Ты меня за дурака принимаешь? Думаешь, я не понял, что ты охотишься за мной? Все время, что мы знакомы, и теперь у тебя наконец-то появился шанс,* – он снова начал пить большими глотками. – *Но знаешь что? Как я уже говорил, ты опоздал. Здесь ловить нечего. Другие оказались проворнее. Гораздо проворнее. И я уже во всем признался.* – Он вздохнул, почти дую в трубку. – *Так что нет, открывать я не*

собираюсь. Ни за что! Я больше никогда не открою дверь. Никогда. Никому, понимаешь? Теперь все кончено. Совсем. Так что иди домой. Просто проваливай.

Он мало что понял. Только то, что Слейзнер был дома и, очевидно, отказывался открывать и впускать его. Еще что-то о том, что кто-то другой его опередил. Но это не имело значения. Важно было то, что он в квартире.

Ему понадобилось всего нескольких попыток с отмычкой, чтобы запорные цилиндры оказались на одной линии, после чего он смог повернуть ручку и войти. Затем он сложил входной коврик пополам и просунул его под дверь, прежде чем пройти дальше внутрь.

В параллельной реальности он бы остановился и с широко раскрытыми глазами огляделся на завораживающей лестнице, от которой возникало ощущение, что шагаешь прямо в невыпущенный фильм Стэнли Кубрика. Но в этой реальности его мысли были заняты расположением кнопок на домофоне, и расположение кнопки Слейзнера подсказывало, что он живет на последнем этаже.

Не успел он пройти и половины пути до лифта, как тот ожил и начал спускаться. Возможно, кто-то только что вернулся домой после поздней ночной смены и вызвал лифт вниз, но чтобы избежать риска с кем-нибудь столкнуться, он зашел на лестницу, ведущую наверх, на нижнюю галерею. Там он ждал, чтобы убедиться, что вниз едет не Слейзнер.

Как и ожидалось, никто не вышел, и дверь лифта осталась закрытой. Он прошел по галерее до следующей лестницы, ведущей наверх на следующую галерею. Оттуда он поспешил дальше к третьей лестнице, которая, как и другие, была, на первый взгляд, расположена в случайном месте. Это означало необходимость много бегать туда-сюда по разным этажам, прежде чем он поднялся до самой верхней галереи и двери в квартиру Слейзнера, оборудованной кодовым замком.

Столь инстинктивным, сколь и непродуманным движением, он взялся за дверную ручку, после чего дверь открылась почти сама собой. С пистолетом наготове, он вошел в квартиру и осторожно закрыл дверь. В холле горел свет, и, насколько он мог судить, свет также горел в большей части квартиры. Однако не было слышно никаких звуков. Только слабое шипение вентиляции на потолке.

Сразу по правую руку он увидел приоткрытую дверь. Он открыл ее ногой, готовый нажать на курок, если кто-то затаился в засаде. Пространство было ненамного больше шкафа, тут помимо прочего хранилась верхняя одежда, гладильная доска и пылесос. Он прошел в холл, стены которого были увешаны дипломами и наградами из школьной жизни Слейзнера, времен его карьеры гандболиста и многолетней работы в полиции Дании.

Дверь в помещение, которое, судя по всему, представляло собой спальню, была открыта настежь. Он вошел и осмотрелся, заметил, что четыре шкафа вдоль стены открыты, и ящики с нижним бельем выдвинуты. На полу валялись несколько рубашек вместе с разными костюмными брюками и галстуками, а на незастеленной двуспальной кровати, под зеркальным потолком с хрустальной люстрой посередине, рядом с подушкой лежала наполовину полная бутылка водки «Абсолют».

Он положил руку на простыню и отметил, что кровать, несмотря на открытое окно спальни, была еще достаточно теплой. Это, а также наполовину опустошенная бутылка водки, указывало на то, что именно здесь находился Слейзнер, когда он чуть больше двадцати минут назад позвонил в дверь и разбудил его. Тогда он, чтобы ответить, вероятно, подошел к висящему на стене в коридоре домофону.

Вероятно, он взял с собой бутылку со спиртным, потому что она далеко не полная. То, что он пил во время их разговора, было хорошо слышно.

Но что произошло после? Слейзнер произвел впечатление сильно пьяного, но по какой-то причине вернулся сюда, на кровать, чтобы вернуть бутылку. Зачем было делать это сейчас, и почему после их разговора он просто не вернулся в постель и лег, раз он все равно не собирался ему открывать? А самое главное, где он сейчас?

Фабиан подошел к смежной ванной комнате, сунул голову внутрь и отметил, что она пуста, как вдруг дверь в спальню у него за спиной с грохотом захлопнулась. Он резко развернулся и упал на живот, держа пистолет в обеих руках. Но когда ничего не произошло, он снова встал, подошел к двери и осторожно ее открыл.

Порыв воздуха ударил ему в лицо, и он понял, что, должно быть, дверь закрылась из-за сквозняка от открытого окна. Он раньше не обращал внимания на сквозняк. И на запах гари. Но как только

вернулся в холл, отчетливо почувствовал едковатый запах, который становился сильнее по мере его продвижения вглубь квартиры.

Оказалось, что запах идет из кухни. Но почему перед плитой стоял тренажер, а потолок прямо над ним покрылся гарью, он понять не мог. Так же, как и не понимал лежавшие на полу разрезанные ремни вместе с тем, что походило на обгоревшие остатки красно-белой полосатой ткани.

Здесь явно что-то горело, но что и, прежде всего, почему – разбираться некогда. Он искал Слейзнера. Все остальное подождет.

Гостиная также оказалась пустой. Проигрыватель с ламповым усилителем, который выглядел так, будто стоил полугодовую зарплату, работал, но беззвучно. Он прошел дальше по сводчатому пространству. Тут кабинет, а тут – гостевая комната. Еще один коридор и другие двери.

Он остановился перед еще одной ванной, где свет из щели под закрытой дверью разливался по полу. Какого-то надежного способа попасть внутрь не было. Дверь, конечно, была не заперта, но каким бы быстрым он ни был, у него не было бы ни единого шанса, если Слейзнер прятался внутри наготове. Но разве у него есть выбор, спросил он себя, распахнул дверь и ворвался внутрь с пистолетом.

Никакого Слейзнера там не было: ни в джакузи, ни за стенкой душевой кабины. А вот был там – хаос. Не хаос человека, который не может содержать свои вещи в порядке, а хаос, зародившийся в том, что лучше всего можно назвать настоящей паникой.

В одной из двух раковин лежала открытая аптечка первой помощи. Ящики под ней были выдвинуты, а их содержимое разбросано по мозаичному полу. Там были ножницы, зубные щетки и полотенца с пятнами крови.

Пустые бутылочки из-под лекарств, таблетки всех видов и осколки разбитого ростового зеркала, занимавшего одну из стен.

Кроме того, туалет был не смыт – наполнен мочой и длинными полосками туалетной бумаги, а на сиденье была не только размазана кровь, но и прилипли сантиметровые кусочки того, что походило на обгоревшую кожу.

Мозг с трудом пытался собрать впечатления во что-то понятное, пока он поднял с пола одну из банок и отметил, что в ней содержался «Оксикодон актавис», одно из сильнейших и вызывающих устойчивую

зависимость болеутоляющих средств, которые возможно было достать по рецепту.

Где-то в квартире хлопнула дверь. Возможно, снова в спальне. Насколько он помнил, он оставил ее открытой. Но для сквозняка требовалось два отверстия, а пока он видел только окно в спальне. Объяснение нашлось в комнате с доской для дартса, бильярдным столом и небольшим баром в углу.

Стеклянная дверь на балкон была открыта не более чем на пару десятков сантиметров. Но этого вполне хватало, чтобы создать довольно сильный сквозняк по всей квартире, и отверстие также было достаточно большим, чтобы кто-то мог через него выбраться.

Балкон с видом на воду и Вестербро на другой стороне имел около полутора метров в глубину и, казалось, тянулся вдоль всей квартиры. Кроме стола с четырьмя стульями, горы подушек, газового гриля, нескольких кустов помидоров и двух сложенных складных стульев, там было несколько пустых горшков, три мешка дров и пластиковый ящик для хранения.

Слейзнера нигде не было.

Фабиан сел на влажную крышку ящика для хранения и почувствовал, как к нему вернулась усталость. Несмотря на все часы сна, сложно было держать глаза открытыми. Он не просто устал так сильно, что вот-вот заснет. Он был вымотан до каждого сустава и мускула.

От всего этого дерьма. От бесконечной безрезультатной охоты. От того, что ему не все равно.

Возможно, именно поэтому он не отреагировал на гору подушек, лежавших ненакрытыми прямо на деревянном полу рядом с ним и на то, почему они не там, где должны быть, то есть в ящике для хранения, где он сидел.

Насколько он мог видеть, там стояли два шезлонга и четыре обычных балконных стула, что соответствовало количеству подушек в стопке. Другими словами, дело было не в недостатке места. Только если...

Он встал, повернулся к ящику для подушек и с пистолетом наготове наклонился, собираясь его открыть. Завершающее движение он сделал рывком, максимально быстро и резко, чтобы дать Слейзнеру как можно меньше времени на то, чтобы подготовиться.

В нос ударил затхлый запах, но помимо этого и цепочки на дне, ящик был пуст. Он наклонился, задержал дыхание, чтобы не чувствовать запаха, и поднял цепочку.

Ким Слейзнер вполне мог быть из тех, кто ходит с золотой цепью под рубашкой. Единственное, что выбивалось из картины, – на ней висел Ганеша. Индуистский бог-слон, олицетворявший мудрость, интеллект и образование.

Он перевел взгляд на грудку подушек и потрогал верхнюю, которая была примерно такой же влажной, как крышка, где он сидел. Значит, подушки весь вечер пролежали ничем не закрытые за пределами ящика для хранения, а возможно, даже дольше. Но он был слишком уставшим, чтобы разбираться, что бы это могло значить. Если вообще что-то значило.

Закрыв крышку, он подошел к перилам балкона и посмотрел на воду, которая далеко внизу блестела в свете огней. Бесконечно далеко, но несмотря на это, полностью видимый, возвышался его отель, будто большая деталь «Лего» над всеми остальными зданиями. Он даже мог разглядеть в окне крошечный луч света от торшера, который он оставил зажженным.

Не только высокие здания, огни фонарей и запахи отличали Хельсингборг от такого города, как Копенгаген. Даже звуки здесь были другие. Это был большой город со всеми вытекающими отсюда последствиями. Такими, как резкий скрип с трамвайных путей на другом берегу, постоянный гул автомобилей, а еще сирены, постоянные сирены.

Не так, как в Нью-Йорке, но близко. Независимо от времени суток. Из любой точки почти всегда можно было услышать далекий вой, как будто где-то постоянно был пожар или ограбление банка.

Что это было на этот раз, он мог только догадываться.

Но из отдаленных, являвшихся частью общего звукового фона, они превратились в более громкие и теперь звучали так, как будто находились в паре сотен метров. Он перегнулся через перила и вскоре увидел, как на набережной и неровной поверхности воды отражаются голубые всполохи.

Они уже близко. Так близко, что их выключили.

Мысль о том, что, возможно, они охотятся за ним, не успела развиваться из зачаточного состояния, когда ее прервало озарение

совершенно другого толка, вместе с тем, как мигающий синими огнями гражданский автомобиль подъехал по мощеной набережной и остановился перед домом.

Именно тогда, в свете фар, он увидел тело, лежавшее прямо под ним в позе, которая даже была не позой, а скорее грудой чего-то, что когда-то было человеком.

Не зная, как реагировать, он просто стоял там и пристально смотрел. Как будто замереть его заставила ошибка в программном обеспечении. Как будто все противоречивые эмоции друг друга отключили, и единственное, что он мог, – смотреть вниз на двух полицейских, которые с яркими фонариками в руках подходили к телу, в то время как позади них затормозил светло-голубой фургон.

В конце концов из оцепенения его вывел голос, заставив обернуться к бильярдной и квартире. Голос, который громко и четко сообщил, что это полиция.

Мортен Хейнесен вышел из машины, включил фонарик и пошел вперед по мостовой. По такой же неровной мостовой, на которой он несколько лет назад подвернул ногу во время пробежки. Позади себя он слышал, как Юли Бернсторфф закрыла дверь машины и последовала за ним. От стука ее каблуков по круглым камням он снова почувствовал боль на внешней стороне правой ступни. Как будто боль всегда там была и просто ждала, пока он вернется сюда и опять неудачно наступит на камень.

Сигнал тревоги дошел до них через несколько минут после того, как они сели в машины и выехали с полицейской парковки. Сосед двумя этажами ниже прямо под квартирой Слейзнера не спал и работал за компьютером, когда вдруг увидел, как с балкона сверху кто-то летит вниз головой.

Оперативной группе он приказал войти на лестницу и подняться в квартиру, чтобы предотвратить столпотворение любопытных соседей, пока они не закончат осмотр. Он был здесь впервые. В отличие от многих коллег, он так и не был приглашен на легендарный декабрьский глегг в пентхаусе на самом верхнем этаже впечатляющего здания силосной башни.

Он присел на корточки и направил фонарик на то, что когда-то представляло из себя голову Слейзнера. Как и утверждал сосед, она первой ударилась о землю, да еще с такой силой, что от нее мало что осталось. Но, по крайней мере, он узнал костюм и галстук в красную и зеленую клетку. Как и тикавшие, как ни в чем не бывало, часы «Ролекс» в стиле Сопрано.

Это его вина? Поэтому он чувствует такой дискомфорт? Угрызения совести за то, что загнал своего босса так далеко в угол, что тот не видел другого выхода, кроме как совершить самоубийство. Хейнесен сделал все, чтобы планы о задержании не вышли за пределы исключительно узкого круга. Тем не менее, информация каким-то образом дошла до Слейзнера.

Он обернулся и увидел, что Хеммер разгрузил свои металлические кейсы с оборудованием и стоял в ожидании рядом с

Берн сторфф.

– Вы знаете, что делать. Я поднимусь и загляну в квартиру, – сказал он, направляясь к входу с другой стороны здания мимо скорой помощи, которая ожидала момента, чтобы заняться телом.

Еще одна машина скорой была припаркована недалеко на этой же улице. Это несмотря на то, что вызвал он только одну, и, судя по отдаленным сиренам, сюда стягивались дополнительные силы. Значит, новости уже разлетелись.

Он поднялся на лифте на самый верх, получил сигнал от командира группы, что в квартире все чисто, и переступил порог.

– Кстати, Магнус. – Он остановился и обернулся. – Наверное, лучше, если вы установите там, внизу, оцепление.

– О'кей. Я могу не оставлять здесь двоих ребят?

– Нет, все в порядке. Просто следите за лестницей, чтобы она оставалась свободной от посторонних лиц.

Как только командир подозвал, махнув, двух других членов команды и оставил его в одиночестве, чего он и добивался, он зашел внутрь и начал осматриваться.

Квартира была экстравагантной и неоправданно большой для одного человека. Обставлена на таком уровне, что не хватило бы даже высокой зарплаты Слейзнера. Разбираться во всем этом сейчас не было времени. Пусть Хеммер и несколько ассистентов займутся этим утром.

Он же через холл вышел в гостиную и дальше к стеклянной двери, ведущей на балкон. Именно здесь он решил начать. С конца, с самого последнего, чтобы затем двигаться назад во времени, обратно в квартиру.

Надев перчатки, он отодвинул дверь в сторону и вышел в ночь. Здесь все тоже выглядело так, как и ожидаешь увидеть на балконе такого размера. Кое-какая уличная мебель в разных местах, гора подушек для сидения, горшки разных размеров с засохшими растениями, а в дальнем углу – мусорный пакет с пластиковыми бутылками. Другими словами, ничего, что выделялось бы и привлекало к себе внимание.

В попытке увидеть перед собой финал развития событий, он подошел к перилам и посмотрел вниз на само место падения. Оказалось, что оно находится в нескольких метрах правее, поэтому он поменял позицию, пока не оказался прямо над ним.

Он оценил расстояние до земли примерно в сорок метров и был поражен тем, какая сила должна была потребоваться Слейзнеру, чтобы перелезть через перила и броситься вниз. Он видел такое на фотографиях, сделанных во время теракта во Всемирном торговом центре. Как люди выпрыгивали из окон, спасаясь от огня, некоторые, как Слейзнер, головой вниз, навстречу верной смерти. Сам он никогда бы не решился на такой шаг. Даже если бы хотел покончить с собой.

Далеко внизу появилась еще одна машина скорой помощи, и три человека направлялись к Хеммеру и Бернсторффу, которые в полном защитном обмундировании занимались осмотром и фотографированием останков. О чем они переговаривались, он не мог слышать. Но язык тела Хеммера выдал, как в считанные секунды осторожное удивление сменилось возмущением.

Он достал мобильный и позвонил Бернсторфф, которая как будто держалась на расстоянии от дискуссии.

– Да, это Юли, – прозвучал ее голос, и он увидел, как она сделала еще несколько шагов в сторону от остальных.

– Это Мортен. Что там происходит?

– Это кто-то из судмедэкспертизы, они говорят, что берут это на себя.

– Кто конкретно?

– Оскар Педерсен.

– Педерсен? Какого черта он здесь делает в такой час?

– Он говорит, что это он отвечает за вскрытие.

– Да, он отвечает за всю судмедэкспертизу. Но это не значит, что он может просто так приехать сюда и начать командовать. Пусть, как и остальные, спокойно дожидается, когда вы закончите осмотр места происшествия. Так что просто стойте на своем и не торопитесь.

– О'кей, но сейчас мне нужно идти.

Разговор прервался, и он увидел, как она пошла обратно к остальным.

То, что Педерсен периодически брался за разные вскрытия, это одно. Но что он сам выехал на место происшествия, чтобы забрать тело, еще и посреди ночи, насколько ему известно, случилось впервые, и стало ясно, что новость о смерти Слейзнера дошла до самого верха.

Но, наверное, это не так уж странно. В конце концов, Слейзнер был одной из ведущих фигур в полиции Копенгагена, и очевидно, это

событие затмит все остальное. Главный вопрос заключался в том, позволят ли ему и другим членам команды продолжить осмотр, или заставят...

Он запнулся после того, как его взгляд уперся в ящик для хранения, или, вернее, в его крышку. В блеске влаги было что-то необычное, и когда он прошел вперед и присел на корточки, чтобы изучить ночную росу, образовывавшую тысячи и тысячи мельчайших капель воды на крышке, он отчетливо увидел, что там кто-то только что сидел.

Одновременно у него в кармане проснулся мобильный. Он подумывал не отвечать, но понял, что у него нет выбора, когда звонящим оказался комиссар национальной полиции Хенрик Хаммерстен.

– Да, это Мортен Хейнесен, – сказал он, прижимая телефонную трубку к уху и осматривая ящик для подушек и сухую область в центре крышки.

– *Здравствуйте, Мортен, не знаю, встречались ли мы. Меня зовут Хенрик Хаммерстен. Уверен, что вы обо мне слышали.*

– Конечно. – Он наклонился, чтобы свободной рукой взяться за крышку.

– *Я только что узнал трагическую новость о самоубийстве Кима Слейзнера, и как я понял, вы с вашей командой уже на месте.*

– Верно. Мы уже в разгаре...

– *Это хорошо, Мортен. Отлично,* – перебил Хаммерстен, а Хейнесен тем временем открыл крышку. – *Причина моего звонка в том, чтобы сообщить вам, что с этого момента заниматься делом будет другая команда, и поэтому я хотел бы, чтобы вы и ваши люди без промедления покинули...* – Звонок прервался в тот же момент, как мобильный выскользнул из рук Хейнесена и ударился о деревянное покрытие.

У Хейнесена не было ни единого шанса среагировать, прежде чем вооруженный мужчина вылетел из ящика и атаковал его, так сильно ударив боковой стороной пистолета, что у него перед глазами все потемнело.

Фабиан обогнул бильярдный стол и поспешил назад вглубь квартиры. Может, там есть другие полицейские, может, нет. Решать проблемы по мере поступления. Сейчас надо попытаться выбраться и обратиться отсюда как можно быстрее.

Удар пистолетом оказался сильнее, чем он думал. Но вернуться, чтобы убедиться, что с полицейским все в порядке, было бы равносильно тому, чтобы сдаться.

Без сознания полицейский или нет, в любом случае, нужно торопиться.

Нет ни единого аргумента, который мог бы снять с него подозрения в том, что именно он толкнул Слейзнера за перила. Что это он, в слепой ярости, наконец-то отомстил. Это – неправда, но при этом слишком близко к истине. Что еще он мог делать там посреди ночи? Как попал внутрь? Почему в принципе находился в Копенгагене? Любая попытка ответить оказалась бы очередным непродуманным движением в зыбучем песке у него под ногами.

Слишком многое указывало на него. Все: от возможного мотива до его действий в последние несколько дней. Он был уже практически осужден, и его единственный шанс – избежать задержания.

– Стой! – послышался крик полицейского позади. – Остановись немедленно! – В каком-то смысле, он с облегчением услышал, что с полицейским все, похоже, в порядке, даже если это означало для Фабиана другие проблемы. – На живот! Я сказал, на живот, сейчас же!

Фабиан продолжил двигаться вперед, мимо диванных групп, книжных полок и обеденных столов с канделябрами, повернул за угол и дальше по следующему коридору лабиринтоподобных апартаментов.

Выстрел в его сторону прошел на десяток сантиметров мимо и пробил дыру в стене впереди. Точно, как поступил бы он сам, если бы они поменялись ролями, – полицейский сзади целился ему в ноги. От следующего выстрела ему удалось уклониться, бросившись влево в коридор, ведущий к входной двери. Пуля попала в розетку, которая взорвалась, заискрившись, из-за чего погас свет во всей квартире.

Поднявшись на ноги, он поспешил к входу, где теперь было слишком темно, чтобы его преследователь смог снова выстрелить. Но это была короткая передышка. Как только он открыл входную дверь, свет с лестничной клетки сделал его легкой мишенью. Но какой у него был выбор?

Пуля, должно быть, попала ему в левое плечо, в тот момент, когда он бросился на лестничную площадку, прямо перед тем, как, лежа на полу, пинком захлопнул дверь квартиры. Боли он не почувствовал. Однако видел, что пуля пробила насквозь светло-бежевую ткань пиджака.

И стоило ему встать на ноги, как пошла кровь. Сначала несколько отдельных капель, которые пробивались наружу изнутри рукава пиджака и приземлялись на пол, образуя маленькие островки. Но вскоре они превратилась в непрекращающуюся струю крови. Поэтому он сорвал с себя пиджак, обернул его вокруг раны на плече и, держа зубами, завязал двойной узел, чтобы остановить кровотечение. Все это он делал, пока торопливо спускался по лестнице на этаж ниже.

– Эй, ты! – раздался голос откуда-то снизу. – Стоять! Не двигаться! Руки вверх!

Фабиан успел увидеть только, что это был полицейский из оперативного отряда, в шлеме, бронежилете и с автоматом, и бросился вниз за перила галереи. Внизу быстро становилось больше голосов, и хотя он не мог слышать, что они говорили, он знал, что они поднимаются, чтобы его окружить.

Прикрываясь перилами, он прополз по полу к лифту, а голоса тем временем становились все громче. Оказавшись у лифта, он протянул свою здоровую руку и нажал на кнопку, которая засветилась слабым голубым свечением, и после короткого электронного сигнала двери лифта раздвинулись.

– Ляг на живот и руки за голову, – крикнул первый полицейский, бежавший к нему с поднятым автоматом.

Фабиан уже был внутри лифта и нажал на нижнюю кнопку, после чего двери начали закрываться, а пули тем временем пробивали глубокие отверстия в стенках лифта. Цель этих людей была не в том, чтобы обезвредить возможного подозреваемого пулей в ногу. Они охотились за террористом.

К сожалению, никаких признаков того, чтобы лифт ехал вниз, он не замечал. Ни в плане движения, ни в плане тряски. Не было даже никакого дисплея с обратным отсчетом. Он снова нажал на кнопку в самом низу, но ничего не произошло. Однако крики мужчины снаружи, который сообщал остальным, что объект спускается на лифте, наконец позволили ему выдохнуть и встать на ноги.

По пути вниз он воспользовался возможностью плотнее затянуть окровавленный пиджак вокруг раны и отрегулировать ремни на нагрудной кобуре, так чтобы она могла функционировать как повязка. В последнюю очередь он достал пистолет и приготовился стрелять, прокладывая себе путь по холлу, как только откроются двери.

Или он, или они.

Террорист или герои.

Двери открылись, и он поспешил выйти. Но не в холле.

Он остановился и огляделся, понимая, что оказался в гараже под домом. Он не подумал об этом раньше.

Разумеется, у такого дома был собственный гараж.

Оглядываясь по сторонам и через плечо, он направился к двери для пешеходов, примыкающей к воротам гаража. Оказавшись снаружи, он наполнил легкие влажным ночным воздухом и начал медленно подниматься по рампе в сторону отдаленных криков и звуков различных коммуникационных устройства.

Он прошел треть пути, когда на рампу сверху выехала машина и продолжила движение с включенным дальним светом. Он повернул обратно вниз, и услышал, как машина позади него ускоряется, и хотя он потерял слишком много крови, он пробежал последний отрезок, только чтобы узнать, что дверь гаража нельзя открыть снаружи.

Дрожащими руками он потянулся за отмычкой, но выронил ее в тот момент, как услышал за спиной визг шин и звук открывающейся двери автомобиля. Как будто больше ничего он делать не мог, он продолжал ковырять замок, не оборачиваясь. Как будто он должен был пытаться, хотя судьба уже его настигла.

– Может, тебе лучше это бросить и поехать с нами? – раздался голос на приличном шведском языке. Голос, по которому он скучал и много лет не слышал.

Он повернулся к Дуне, которая ждала у машины скорой помощи.

Он уже собирался спросить, где она была последние несколько лет.

Почему не отвечала на все его сообщения. Как она узнала, что он именно здесь. Но он не знал, с чего начать, и, не говоря ни слова, поспешил к ней и залез в машину скорой помощи.

– Ложись на носилки и пристегнись. Она захлопнула за ним дверь и пробралась на пассажирское сиденье. – Включи сирену и мигалку.

– Ты уверена? – спросил сидевший за рулем индус.

– Нет, но все равно сделай.

Индус включил сирены и проблесковые маячки, развернулся и поехал обратно по пандусу. Тем временем Фабиан пристегнулся, как мог, на носилках и лег, пытаясь расслабиться. Это оказалось проще, чем он предполагал. Просто возможность лежать там с закрытыми глазами, отпустить контроль и принять происходящее его успокаивала.

Через некоторое время он заметил, что они замедлились и, наконец, остановились полностью. Но у него не было сил вникать. В голоса впереди и в информацию, которой обменивались с кем-то снаружи. Не было сил лежать в напряжении, будучи готовым снова бежать.

Когда сирены смолкли и они снова притормозили, он понял, что, должно быть, заснул.

– Ты ранен, – услышал он Дуню, а когда открыл глаза, увидел, что она наклонилась над ним и расстегивала державшие его ремни. – Сядь, я посмотрю.

– С каких пор ты так хорошо говоришь по-шведски?

– Кто сказал, что когда-то я говорила плохо? – Она развязала пиджак вокруг его руки и осмотрела пулевые ранения.

– Откуда ты знала, что я именно там?

– Откуда ты знал, что выйдешь именно в том месте?

– В этом и дело. Я понятия не...

– Видишь тот монитор? – прервала она, кивнув в сторону экрана, где чередовались изображения прихожей Слейзнера, его кухни и подземного гаража. – После его признания мы наблюдали за ним, чтобы убедиться, что он не выкинет какую-нибудь глупость. Мы и представить себе не могли, что решит прыгнуть. – Она покачала головой. – И вдруг появляешься ты.

Фабриан посмотрел на монитор, изображение на котором начало дрожать и мерцать, а потом целиком превратилось в помехи.

– Ты что-то сказала о признании. Какое признание?

– Фабриан, не только у тебя есть вопросы, – сказала она, разрезав рукав его рубашки. – Предлагаю повременить с ними до тех пор, пока мы не будем сидеть у открытого огня со стаканчиком виски.

Он собирался протестовать, но не успел – она прыснула на раны раствор ацетата алюминия, и жгучая боль взяла верх.

– Просто чтобы ты знал, шитье никогда не было моей сильной стороной, – сказала она и открыла стерильную упаковку, содержащую то, что выглядело как согнутая игла и своеобразные нитки.

– Это правда так необходимо?

– В противном случае ты истечешь кровью. – Она поднесла иглу к свету. – И какая мне тогда от тебя польза?

– Польза? Что ты имеешь...

– Ничего сложного – просто мы только что помогли тебе не провести остаток жизни в датской тюрьме. Так что теперь твоя очередь помогать нам.

– Он спрыгнул до того, как я пришел.

– Может быть. Но что с того, когда я – подозреваемая в убийстве террористка в розыске, а ты – человек, оказавшийся не в том месте и не в то время?

Она воткнула иглу около входного отверстия и начала зашивать.

– Что вы с ним сделали? – спросил он, пытаясь отвлечься. – Когда я позвонил в дверь, он сказал в домофон, что кто-то другой меня опередил. Что я опоздал. И в его квартире пахло горелым, как будто кто-то...

– Что-то жег? – перебила Дуня, потянувшись за кусачками и обрезала нить. – Это напомнило мне о том, о чем мы договорились. Ты, вероятно, не помнишь, но я решила, что нам следует отложить все вопросы до тех пор, пока не будем сидеть у открытого потрескивающего огня с виски в руках. – Она вывернула его руку, чтобы добраться до выходного отверстия в задней части, и продолжила зашивать. – По крайней мере, можешь порадоваться, что никто, похоже, не догадался, кто ты. По радиосвязи тебя называют «мужчина» или «объект». Так что, если повезет, как только мы

закончим, сможешь просто поехать домой и сделать вид, что ничего не случилось.

– Кстати говоря, мы скоро будем на месте, – сказал индус за рулем.

– Где это? – спросил он, глядя то на Фариду, то на Дуню. – Куда мы едем?

– На парковку в Остербро, – сказала Дуня.

– Я бы сказал, в помещение в подвале, которого не существует, – сказал Фарид.

– О каком помещении вы говорите? Я не понимаю, какая вам нужна помощь? Слейзнер ведь уже мертв.

– Это верно. Но у него было два соратника, которые все еще живы, и, по словам Слейзнера, они должны находиться в помещении, расположенном в подвальном этаже здания, которое было отремонтировано семь лет назад. Тогда перестроили не только лестничную клетку и лифт, чтобы они больше не спускались вниз, в подвал. Они также воспользовались случаем и демонтировали весь подвал. По крайней мере, на представленных в муниципалитет чертежах.

Фабиан собирался спросить, какой смысл делать что-то подобное, но промолчал.

– Теперь ты, наверное, задаешься вопросом, зачем кому-то тратить столько денег и ресурсов, чтобы перестроить и устранить любую возможность для спуска в подвал, кроме как через парковку на другой стороне улицы, – продолжала Дуня, отрезая последний конец нити и накладывая марлевую повязку на его плечо.

– Дуня, я уже не тот человек, которого ты встретила два года назад.

– Ну и отлично. Значит, мы оба изменились. Кто знает, к чему это может привести.

Он посмотрел ей в глаза. Видел, что, как она, так и он, на несколько секунд представила себе совершенно другое будущее.

– Спасибо за помощь, – сказал он, осознав собственную наивность. – И я говорю это совершенно искренне. От всего сердца. Но сейчас я бы предпочел, чтобы вы съехали на обочину и остановились. – Он спустился с носилок и повернулся к задней двери.

– Ты уже второй раз благодаришь меня. Ты в курсе?

– Дуня, что ты хочешь от меня услышать?

– Ничего. Лучшее, что ты можешь сделать, это просто заткнуться и послушать. – Она замолчала и сделала несколько вдохов, чтобы собраться с мыслями.

– В первый раз, когда я помогла тебе, это привело к тому, что меня уволил наш друг Слейзнер. С тех пор мне пришлось более или менее жить вне закона. Но не переживай. Я бы сделала то же самое снова, если была бы необходимость. Ты раскрыл то дело и поймал преступника. Если бы не моя помощь, убийца все еще был бы на свободе, возможно, расправился бы с тобой и остальными из твоего старого класса, один за другим.

– И теперь ты хочешь, чтобы я тебе помог.

– Нам не хватает одного человека, и, судя по тому, что я видела, тебе так же, как и мне, нечего терять.

– Я пришел сюда, чтобы заставить Слейзнера отвечать. Теперь он мертв, и если мне что-то и нечего, так это здесь делать.

– А что насчет этих двоих? – Дуня протянула зернистый снимок с камеры наблюдения с двумя мужчинами в военной форме. – По прямому приказу Слейзнера они казнили Цяна Ху, одного из нас, на наших глазах. Они воткнули нож прямо ему в горло и не вытаскивали, пока он не истек кровью. Можешь себе это представить? С гребаным ножом в горле. Посмотри сам, если мне не веришь.

– Дуня, я тебе верю, – сказал он, когда она протянула ему еще одну зернистую распечатку с экрана, где связанный азиатский мужчина стоит на коленях, борясь за свою жизнь с ножом, воткнутым в горло.

– И ты считаешь, они могут продолжать творить такое безнаказанно?

– Нет, – сказал он, быстро взглянув на фотографию. – Я не могу вам помочь не поэтому.

– Нет? О'кей. Тогда позволь спросить...

– Потому что ты ошибаешься, – перебил он. – Теодора больше нет.

– Что? – Дуня прикрыла рот рукой. – Что ты...

– Он покончил с собой неделю назад.

– О господи. – Дуня подошла и обняла его. – Я не знала. Это Слейзнер?

– Уже не имеет значения, – сказал он. – Единственное, что имеет значение, – то, что у меня есть дочь. Я уверен, что она расстроена и рассержена. Но она все еще здесь, и я ни за что на свете не хочу рисковать тем, чтобы ее потерять. Понимаешь?

Дуня встретила с ним взглядом, ничего не сказав, после чего наконец кивнула.

– Но спасибо тебе за все.

– Ты уже говорил это, – сказала она, открывая задние двери.

– Это стоит сказать еще раз.

– Ну вот, опять.

Он кивнул, пытаясь заполнить тишину, когда покинул скорую помощь и вышел на улицу.

– Кто знает, может, мы когда-нибудь снова встретимся.

– Поживем – увидим. – Она захлопнула дверь, после чего машина скорой помощи мигнула поворотными огнями и продолжила путь, в конце концов растворившись в ночи.

Светофоры переключались с красного на зеленый на обычно оживленном перекрестке. Однако в самые темные ночные часы этот спектакль разыгрывался перед пустым залом. Перекресток, как и вся остальная часть улицы Остерброгаде, был пустынным. Ни одного автомобиля или велосипедиста. Ни одного одинокого пешехода, ковыляющего через дорогу по пути домой после особенно веселой ночи.

Пустыньность, как тяжелое одеяло, покрывала все. Как будто все человечество оказалось за одну ночь стерто с лица земли, а светофоры продолжали работать в неведении, словно ничего не произошло.

Исключением была машина скорой помощи, которая медленно выехала на перекресток и повернула на площадь Гуннара Нью Хансена, а затем свернула направо на въезд на круглосуточную подземную парковку, ворота которой беззвучно поднялись, как пасть кита, достаточно большого, чтобы проглотить машину скорой помощи.

Оказавшись внутри, она припарковалась как можно дальше от автомастерской, и когда свет фар погас и мотор затих, Дуня с Фаридом вышли, закрыли двери и поспешили дальше, нагнувшись, прячась за колоннами и машинами.

Конкретного плана у них не было. Действовали они чисто инстинктивно. Их объединяла убежденность в том, что Слейзнер говорил правду, когда в своем признании перед камерой сказал, что здесь находятся двое мужчин в военной форме. Что именно здесь, в тайных подвальных помещениях, находится их база.

Не было причин не верить ему. Она никогда не видела его таким жалким и униженным, как в тот момент, когда они наконец-то сняли с него тлеющий подгузник. В том, что боль, должно быть, была невыносима, и что пройдет еще много времени, прежде чем он задумается о том, чтобы снова попытаться кого-то изнасиловать, не было никаких сомнений.

Но этим все и ограничивалось. Он выживет, а раны затянутся. Это заняло бы время, но его у него было бы предостаточно во время будущего пожизненного приговора.

Вместо этого он решил покончить с собой. Она никогда не узнает, случилось ли это из-за ожогов или из-за того, что под угрозой очередного раунда пыток он без колебаний признался во всем, начиная с убийства Хеска и заканчивая тем, что заказал казнь Цяна. Возможно, из-за комбинации этих двух.

Фарид поднял руку и присел на корточки, прячась за автомобилем. Дуня последовала его примеру, но поняла почему, только когда снова привсталла достаточно, чтобы видеть через окна машины, за которой она пряталась.

Впереди них стоял грузовик с контейнером, припаркованный задом к погрузочной платформе. Никакого движения они не заметили: ни на платформе, ни рядом с самим контейнером. К тому же в боковом окне кабины со стороны водителя отражался свет от ламп дневного света, из-за чего невозможно было увидеть, сидит ли там кто-нибудь.

Она подала знак Фариду, и они двинулись к грузовику, короткими, быстрыми перебежками, укрываясь за машинами. Оказавшись на месте, они констатировали, что кабина грузовика пуста, а подергав обе двери, что и заперта.

Клуб, ответил он тогда на вопрос, чем они занимались в подвальном помещении. Клуб для избранных. У нее были свои соображения насчет того, что это был за клуб, хотя это был единственный вопрос, на который он ответил несколько загадочно. Грузовик с контейнером не вносил ясности.

Фарид поднялся по стальной лестнице на погрузочную платформу и уже снял рюкзак, чтобы достать набор отмычек, когда наверху оказалась и она.

– Что скажешь? – спросил он, рассматривая различные наконечники в свете ламп дневного света на потолке. – Пойдем внутрь?

Она не ответила. Она, честно говоря, не знала, что им делать. Как действовать, чтобы не попасть в засаду, как Цян. Она подошла к контейнеру, пощупала тяжелый висячий замок и прижалась ухом к металлической двери. Они занимались сбором вещей, чтобы покинуть помещения? Но почему здесь никого нет? Может, они просто взяли перерыв на ночь? Или все остановилось из-за смерти Слейзнера?

Изнутри не доносилось ни звука, но тишина ее не успокаивала. Наоборот.

– Давай начнем с контейнера, – сказала она, делая шаг в сторону, чтобы освободить место для Фариды, который направился прямо к навесному замку.

Который, несмотря на обильное количество масла и три отмычки, стоил им много времени, прежде чем Фарид смог повернуться к ней с замком в руке. Затем он капнул масло на дверные петли, в то время как Дуня отщелкнула шпингалет, после чего они смогли вместе открыть двери.

Кроме металлического ящика в дальнем углу, контейнер был пуст. Тем не менее, она шагнула в него с нарастающей тревогой, и ее обступила твердая ржавая внутренняя часть. Уже в углу она открыла ящик ногой. В нем лежали транспортные одеяла, рулон черных мешков для мусора, несколько пластиковых бутылок с водой, коробка тампонов и три рулона бумажных полотенец.

Она была далеко не уверена, но образы, которые она видела перед собой, были такими же отвратительными, как она ожидала все это время, когда дело касалось Слейзнера. Но, возможно, дело было в ее ожиданиях, которые мешали ей ясно видеть. Может быть, одеяла предназначались только для того, чтобы мебель не поцарапалась, а воду пили грузчики.

Или нет.

Ответ стал очевидным, как только она увидела каракули на ржавых стенах. Маленькие нацарапанные буквы, которых было почти не видно, но оказалось, что они повсюду вокруг. На одной половине сердечка было написано Макеба, а на другой – Татьяна. А по диагонали ниже список продолжали Оксана, Элайя, Полина, Зендая, Рамине и так далее, что, казалось, занимало большую часть стенки.

Она поспешила выйти из контейнера.

– Фарид, нам нельзя больше ждать. Мы должны попасть внутрь.

Фарид подошел к железной двери и вставил в замок отмычку.

После нескольких попыток правильно ее расположить, он смог повернуть замок и нажал на ручку вниз. Но по какой-то причине дверь по-прежнему не открывалась.

– Подожди, я тебе помогу.

Дуня поспешила к Фариду, уперлась одной ногой в стену и потянула изо всех сил, но дверь не открывалась больше чем на несколько миллиметров.

– Так не получится, – сказал Фарид. – Вероятно, она заблокирована изнутри.

– Значит, они там. Пойдем, – сказала она, торопливо спускаясь вниз по лестнице. – Есть другой вход.

Хейнесен прикоснулся к пульсирующей щеке, пока в свете фонарика шел по кровавому следу, ведущему из лифта и дальше по бетонному полу. После удара пистолетом щека сильно распухла. Рану нужно будет продезинфицировать и заклеить, возможно, даже зашить. Но, как и звонки от Хеммера и Берн сторфф, рана может подождать. Сейчас все, кроме кровавого следа на полу перед ним, может подождать.

След провел его мимо нескольких припаркованных машин к двери около ворот в гараж и дальше на рампу для автомобилей, выходящую на первый этаж. Там, по левой стороне рампы, след продолжался. Но потом вдруг исчез, или нет, подождите...

Он присел на корточки и направил луч фонарика на темно-красные пятна на бетоне и понял, что истекающий кровью человек, должно быть, повернул назад. Если присмотреться, можно было различить два следа рядом друг с другом. Один с относительно небольшим расстоянием между каплями, а другой – с гораздо более длинным.

Если пуля действительно попала ему в левое плечо, то следы показывали, что он медленно поднимался вверх и примерно через треть пути развернулся и побежал обратно. Там следы обрывались.

Другими словами, здесь мужчину не ждал собственный автомобиль, а его подобрал кто-то другой. Кто-то, кто подъехал, когда он поднимался, и от кого он потом попытался убежать.

Когда он со своей командой и оперативной группой выезжал из управления, их цель заключалась в том, чтобы арестовать Слейзнера и забрать его на допрос. Но когда они приехали, то нашли его мертвым прямо под его балконом. Самоубийство было настолько очевидным, что ни он, ни Берн сторфф, ни Хеммер не подвергли его сомнению.

Слейзнер загнал себя в угол своими связями с Якобом Сандом. У него не было шанса выкрутиться и не подвергнуться унижению и необходимости отвечать на все вопросы, он предпочел покончить с собой. Это было радикально, но, в некотором смысле, типично для Слейзнера – лучше с чем-то покончить, чем потерять лицо.

Но он больше не был так уверен.

Сейчас он склонялся к тому, что за падением стоял мужчина на балконе. Но кто это был, как он попал внутрь и, прежде всего, каковы были его мотивы – никакие догадки тут ему не помогли найти ответы.

Приложив руку к больной щеке, он продолжил подниматься вдоль рампы и разглядывать оцепленную территорию вокруг здания.

Прошло чуть больше часа с тех пор, как он приехал. Тем не менее, район уже был заполнен сотрудниками, как в форме, так и в гражданском, которые суетились вокруг и, казалось, знали, что именно делать среди всех полицейских машин и машин скорой помощи, мигавших в такт своими синими огнями.

Это была настолько масштабная операция, что она могла быть инициирована только высшим руководством, и очевидно, что Хаммерстен звонил, чтобы сообщить ему именно об этом. И конечно, то, что Слейзнер был мертв, и, возможно, даже убит, – серьезно. Но эта операция свидетельствовала о чем-то другом.

О чем-то гораздо более крупном.

– Вот он! – крикнул кто-то сзади него. – Торбен, вон он стоит!

Хейнесен повернулся и увидел, как Берн сторфф и Хеммер торопясь идут к нему по черному, как уголь, асфальту.

– Мортен, что происходит? – спросил Хеммер, переводя дыхание. – Откуда все эти люди? Как будто кто-то взорвал королевский дворец.

– Понимаю. – Он сделал шаг к ним и понизил голос. – Ответ таков, что я понятия не имею. Подозреваю, что приказ пришел с самого верха, но увидим. Как дела с осмотром тела и прилегающей территории? Вы закончили с этим?

– Нет, даже близко, – переглянулся Хеммер с Бернсторфф.

– Нас прервали и заставили покинуть место, – сказала Бернсторфф.

– Кто?

Хеммер заглянул через плечо, прежде чем продолжить.

– Внезапно появился другой криминалист с целым отрядом ассистентов и взял управление в свои руки. Теперь нас даже не пускают в квартиру.

– Должно быть, это Мадс Йенсен.

– Главный прокурор?

Хейнесен кивнул.

– Мне он категорически отказал в вызове Слейзнера на допрос. Не имело значения, что мы бы позаботились о том, чтобы информация не утекла, пока мы не узнали бы больше. Аргументом служило то, что информация утечет и это нанесет ущерб всей полиции. И вот теперь эта операция.

Он бросил взгляд на мигающие машины, где уже начали собираться репортеры и фотографы.

– Но знаете что, – сказал он, поворачиваясь к Бернсторфф и Хеммеру. – Пусть они хозяйничают там, сколько им вздумается. Все равно ответы кроются не здесь. Берите машины, а я свяжусь с Магнусом.

– О'кей, но на этот раз, может быть, вы сможете рассказать, куда мы направляемся? – спросил Хеммер. – То есть, если вы достаточно нам доверяете.

– Конечно, – сказал он, кивнув. Больше он ничего добавить не успел, как его прервал мобильный и он увидел, что это снова Хенрик Хаммерстен.

– Мортен Хейнесен, – сказал он, стараясь говорить как можно более нейтральным тоном.

– *Полагаю, что вы знаете, кто это, и поэтому не буду тратить время на представления.*

– Хорошо, – сказал он, подняв вверх указательный палец, чтобы показать остальным, кто звонит.

– *Как я уже говорил, когда мы общались ранее, мне стало известно, что вы и ваша команда первыми прибыли на место на Исландс Брюгге.*

– Да, именно так.

– *И, насколько я понимаю, это связано с тем, что вы проводили собственное расследование против Кима Слейзнера. Расследование, которое, насколько я понимаю, не было санкционировано сверху и к нему не был прикреплен прокурор.*

– Совершенно верно. По понятным причинам, я не мог информировать Слейзнера, так как он был моим начальником. Вместо этого я связался с Мадсом Йенсенем, чтобы...

– *С кем вы связались, говорите?*

– Мадс Йенсен. Генеральный прокурор, но он...

– Я знаю, кто такой Йенсен, – перебил Хаммерстен, раздраженно вздохнув. – И также мне известно, что я дал вам четкий приказ, чтобы вы и ваша команда немедленно покинули место происшествия. Тем не менее, как я понимаю, вы просто остались, как ни в чем не бывало.

– Я просто-напросто не видел другого...

– То, что вы видели или не видели, не имеет никакого отношения к делу. Вы получили четкий приказ. Но вместо его выполнения, вы лезете прямо в то, что могло закончиться катастрофой.

– Но подождите, теперь я что-то не понимаю.

– Да, я слышу, и поскольку вы, похоже, не способны принимать и обрабатывать информацию, я сделаю это за вас. Мы наблюдали за Слейзнером в течение двух лет. По очевидным причинам, ответственность нес совершенно независимый отдел, что означает, что вам повезло, что Слейзнер успел покончить с собой до того, как вы появились и все сорвали. Во избежание дальнейших недоразумений, хочу прояснить две ваши возможности. Либо вы подчиняетесь приказу и связываетесь с командиром оперативной группы на месте происшествия, чтобы узнать, чем вы и ваши ребята можете поспособствовать, либо кладете мне на стол заявление об увольнении не позднее восьми. Я понятно изъясняюсь?

– Абсолютно, – сказал он, подавая знак Хеммеру, чтобы тот повернул свои подводные часы, которые показывали половину пятого. – Это означает, что у меня есть еще три с половиной часа, и во избежание дальнейших недоразумений я намерен продолжать свою работу до истечения этого времени.

Вместо ответа последовало молчание, а за ним короткий щелчок.

Замок на двери автомастерской оказался гораздо более простой задачей для Фариды, чем навесной замок контейнера, и вскоре они с Дуней уже вдыхали пропитанный маслом воздух посреди инструментов, домкратов и машин.

Как два безмолвных существа, они поспешили через темный зал ожидания, по изношенному линолеуму, мимо стульев для посетителей и дальше за заднюю часть прилавка к двери с зияющими пулевыми отверстиями.

– Так вот как Цян попал внутрь, – Фарид огляделся по сторонам в захламленном офисе.

– За этим плакатом – Дуня указала на голую блондинку, которая с двумя огромными грудями лежала на спине, раздвинув ноги на капоте «Ягуара» с надписью «Подушки безопасности не нужны».

Фарид сорвал его со стены и набрал код 7895, который, как заверил Слейзнер на их допросе, все еще должен работать. В шкафу для бумаг раздался слабый щелчок, и Дуне понадобилось лишь слегка толкнуть его, чтобы он исчез в стене, обнажая вход.

Они присели на корточки и шагнули в отверстие, где их окутала темнота, как это, должно быть, произошло и с Цяном. Позади них раздался звук задвигаемого шкафа и щелчок, когда он встал на место. Она надеялась, что вход останется открытым, чтобы в случае необходимости они могли быстро ретироваться тем же путем. Но к этой проблеме они вернуться позднее.

Она достала мобильник, чтобы использовать его как фонарик, но передумала, увидев, что заряд аккумулятора упал до пары процентов. Вместо этого она пошла вперед в темноте, держась руками за шершавые стены, которые, чем дальше вглубь, все ближе и ближе сходились друг к другу. В конце концов стены полностью сомкнулись в тупике, после чего она остановилась и огляделась, хотя в темноте невозможно было ничего разглядеть.

Цян тогда нашел дверь, она была уверена в этом, дверь, которая была приоткрыта и вела в какое-то техническое помещение. Она видела это на мониторах и помнила каждый его шаг. Но все

происходило больше двух суток назад, и, конечно, многое могло с тех пор произойти. Что Слейзнер и его люди сидели бы и били баклуши в ожидании лучших времен – маловероятно.

Она не подумала об этом раньше. Странно, что они заперли железную дверь изнутри, а код у шкафа для документов оставили без изменений. Учитывая, что они были полностью осведомлены, что именно через этот вход внутрь попал Цян, самым простым решением было бы поменять код.

Они просто упустили это, в спешке замечая следы, или так было задумано? Задумано для нее и Фарид. Планировалось ли на самом деле заманить их именно сюда? Слейзнер, конечно, сделал бы все возможное, чтобы они здесь оказались.

– Фарид, – сказала она, повернувшись, но запнувшись в то же мгновение, как сквозь растущую щель в двери наискосок за спиной полился приятный теплый свет.

– Думаю, нам сюда, – сказал он, полностью открывая дверь.

Она узнала это помещение с серыми стенами и голубым ковролином, а дверь в смежное техническое помещение, где на Цяна напали и избили до потери сознания, а потом контакт с его камерами прервался, как и в тот раз была приоткрыта.

Но в отличие от того времени, в стойке для техники зияли пустоты, и то тут, то там болтались оборванные кабели. Однако там по-прежнему оставалось нечто похожее на контрольную панель с подключенными мониторами и рядом мигающих устройств.

Но, как на пустынном перекрестке с работающими светодиодами, здесь чувствовалась заброшенность. Как будто диоды будут продолжать мигать вечно под все утолщающимся слоем пыли.

Фарид подошел к одному из мониторов, где синяя полоса с указанием 89 процентов переключилась на цифру 90.

– Включено и копируется, – сказал он и стал разглядывать оставленное оборудование, чтобы некоторое время спустя просунуть руку в отверстие между двумя компьютерами и вытащить портативный жесткий диск, который был подключен кабелем и работал на высоких оборотах.

– Какой у него объем?

– Два терабайта.

– Так сколько времени ему нужно, чтобы скопировать последние десять процентов?

– Трудно сказать точно. – Фарид пожал плечами. – Час или два.

– Он, конечно, зашифрован, но как думаешь, можно ли пока успеть извлечь часть содержимого?

– Могу попробовать. – Фарид достал свой ноутбук и подключил его в один из доступных портов жесткого диска.

Дуня попыталась следить за тем, что происходит на экране Фариды, но когда поток непонятных буквенных и цифровых комбинаций стал слишком большим, она начала оглядываться по сторонам. Но не понимала, на что смотрит. Кроме того, что это была техника с кабелями, мониторами и различными модулями с такими же ничего ей не говорящими буквенными комбинациями, как те, которыми занимался Фарид.

Ожидая, пока он закончит, она села на стул напротив контрольной панели с длинными рядами ручек и рычагов по всей длине вплоть до кнопки в правом верхнем углу с надписью «питание». Это было первое, что она поняла и, главное, осмелилась на нее нажать.

Контрольная панель загорелась, как новогодняя елка, всеми своими светодиодами, в то время как мерцание на трех мониторах перед Дуней прекратилось. Вместо этого они переключились на сплошное голубое свечение. Кроме того, загорелся ряд маленьких красных дисплеев, по одному рядом с каждым регулятором громкости, вдоль всей контрольной панели. Дисплеев с символами, образующими слова, которые даже были ей понятны.

Первый канал назывался «Вход», и после того, как она подвигала регулятор и наугад нажала на несколько кнопок, средний из трех мониторов ожил и показал темную комнату с круглым фиолетовым плюшевым диваном, куда входили Фарид и Цян. Следующий гласил «Жертвоприношение», и, найдя нужную кнопку, она переключила картинку на мониторе на комнату с высеченным из камня столом и канделябрами вокруг. Далее шли каналы «Н1» и «Н2», но на них изображение было слишком темным, чтобы она могла хоть что-нибудь разглядеть.

Она нажала на кнопку с надписью «Бар», и на одном из мониторов появилась длинная тускло освещенная барная стойка с дюжиной-другой барных стульев и глубоких кожаных кресел на

заднем плане. Дальше шли «Отдых», «Спа» и «Хрустальный зал», который представлял собой банкетный зал с большими хрустальными люстрами, тяжелыми пурпурными портьерами вдоль стен, расставленными круглыми столами и сценой впереди.

Затем следовал ряд каналов с женскими именами, такими как «Амелия», «Шарлотта», «Эмма», «Ария», «Стелла» и «Делайла». Все выглядели как отдельные комнаты без окон, оформленные в различных темных тонах с позолоченными деталями, зеркалами на стенах и двуспальной кроватью посередине.

Одна из кнопок, на которую она нажимала, меняла отметки на дисплеях контрольной панели на «К1», «К2», «К3» и так далее до «К16».

Часть ее сразу же почувствовала, для чего предназначались тесные комнатки с грязным полом, металлическим унитазом и двухъярусной кроватью с заляпанным постельным бельем.

Нельзя было закрыть глаза на то, что демонстрировалось на мониторе. Это были камеры, где, по меньшей мере, содержались два человека так, что можно было назвать нечеловеческими условиями. С небольшими отличиями, все они выглядели одинаково вплоть до «К8». Пустые камеры, судя по тому, насколько грязными они были, использовались годами.

Но «К9» была другой. Не из-за того, как она выглядела. Напротив, камеры были настолько похожи, что сначала она не могла понять, действительно ли это разные помещения, и хотя разницу трудно было заметить в тусклом свете, все изменилось, когда подушка и скомканное белье на верхней койке зашевелились.

– Дуня, посмотри на это, – сказал Фарид у нее за спиной. Но она не хотела отводить взгляд от монитора. Она хотела убедиться, что это действительно был кто-то... – Дуня.

Наконец она все-таки обернулась к ноутбуку Фариды, где проигрывалась видеозапись, на которой восемь мужчин насиловали молодую женщину.

– Я думала, что все зашифровано.

– Так и есть. Но, видимо, недостаточно.

Пустой взгляд женщины показывал, что она находилась где-то совершенно не там, позволяя мужчинам делать все, что они хотят, пока они не устанут и не оставят ее в покое. Но они не уставали, а

продолжали проникать во все отверстия, до которых могли дотянуться. Иногда только один из них, пока другие курили или пили шампанское, которое по бокалам разливала высокая женщина со светлыми волосами в одном нижнем белье, а иногда все одновременно:

– Разве это не та Йенни Нильсен?

Фарид кивнул.

– А вот и сам генеральный прокурор, – Фарид указал на одного из мужчин, который собирался сесть верхом на лицо молодой женщины. – Как его там звали?

– Мадс Йенсен, – ответила она, осознав, что узнала большинство присутствующих мужчин. – А это Риан Фреллесен из «Данске Банк», если я не ошибаюсь.

Это были самые высокопоставленные люди Дании, все, от Стига Паулсена, генерального директора концерна «TDC», до Кая Мосендаля, генерального директора Датского налогового агентства и министра иностранных дел Мортена Стейнбахера.

– Это далеко не единственная запись. Здесь, похоже, их полно. – Фарид открыл файловую систему, заполненную видео в формате MPEG4 с такими названиями, как «Рождество2009», «С&М-Риан3» и «Йенсенперестарался».

– Попробуй этот, – Дуня указала на файл под названием «Клингел».

На видео начальник оперативного управления полицейской разведки лежал на спине в одной из отдельных комнат, а верхом на нем сидела женщина, найденная мертвой рядом с ним в машине.

Она скакала на нем в позе наездницы, и в одной из колонок было слышно, как он стонет в такт ее движениям. Он наслаждался с закрытыми глазами и был настолько поглощен происходящим, что не заметил, как у женщины в руке вдруг оказался пистолет.

Только когда она сунула ствол пистолета ему в рот, он открыл глаза и попытался оказать сопротивление, но пуля была явно уже в пути, в результате чего его мозги разбрызгались по кровати и по зеркалу на стене сзади.

Выстрел прозвучал не громче новогодней петарды, и женщина даже не успела слезть с безжизненного тела, как дверь позади нее распахнулась, и в комнату ворвался Якоб Санд. Она сделала еще один

выстрел, но промахнулась, и когда попыталась снова, магазин пистолета оказался пустым.

Якоб Санд быстро подскочил к ней и вырвал пистолет из ее рук, после чего засунул ей в рот свой носовой платок. Женщина пиналась, билась и царапалась, пытаясь освободиться из его хватки. Но Санд был сильнее, и мощным рывком сорвал ее вниз, с кровати, и в тот момент, когда она приземлилась на пол, он оседлал ее, обхватив обеими руками за горло. Когда ее руки и ноги наконец опустились на пол, он поднялся, поправил прическу и смокинг и вышел из комнаты.

Почему женщина внезапно выстрелила в Клинге, до сих пор оставалось неясным.

В остальном, видеоролик одним махом раскрыл расследование убийства, над которым работал Хеск. То, что за убийством женщины стоит Якоб Санд, будет иметь эффект разорвавшейся бомбы и, к тому же, оживит старые подозрения в том, что он убил проститутку.

Однако в первую очередь она думала не о Санде, а о Слейзнере и о том факте, что на него не было и намека. Та же ситуация и с названиями видео. Ни в одном из них не фигурировало его имя.

Она повернулась к Фариду, чтобы узнать, думает ли он то же самое, как из колонки позади них раздался женский голос.

– *Спускайся. Спускайся, я сказала!*

Они повернулись и увидели на одном из мониторов над контрольной панелью, как блондинка с убранными волосами и в обтягивающей тренировочной одежде направлялась к двухъярусной кровати в «К9».

– Снова она. – Дуня указала на спину женщины. – Йенни Нильсен.

– Но подожди, сейчас, одну минутку, – Фарид переводил взгляд туда-сюда с монитора над панелью на свой ноутбук, где все еще лежали бездыханные Клинге и женщина. – Это в реальном времени?

– Да, разве сейчас не пять минут шестого? – Дуня указала на индикацию времени в углу монитора.

Фарид проверил свои наручные часы и кивнул, в то время как молодая женщина наверху двухъярусной кровати пыталась спастись, забившись как можно дальше в угол.

Но деваться ей было некуда. Йенни Нильсен вскоре ухватилась за ноги женщины и вытащила ее из постели вниз на бетонный пол, где

била ее головой, пока та не потеряла сознание, чтобы ее было легче вытащить из камеры.

Луна была видна не больше чем на половину, и все равно по большей части именно она была причиной блеска озера, которое в шестнадцатом веке выкопали в центре Копенгагена в качестве дополнительного рва для защиты, в том числе, от шведов. Фабиан стоял у его восточной оконечности и смотрел на воду. В отдалении молодая пара разделась для бодрящего купания, они были слишком пьяными и, возможно, влюбленными, чтобы беспокоиться о том, какая там на самом деле грязная вода.

Он вспомнил, как у них с Соней было похожее лето в 1994 году в Стокгольме. Каждый день устанавливал новый рекорд жары и каждую ночь они не спали, смотрели чемпионат мира по футболу в США по телевизору, а когда Швеция завоевала бронзовую медаль, они пошли гулять в ночь, и, опьяненные жарой и друг другом, побросали свою одежду около острова Шеппсхольмен.

Теперь он не был ни пьян, ни влюблен, просто возвращался в отель, откуда должен был выехать и отправиться домой. Домой – спасти то, что можно спасти. Соня уже приняла решение, и он не мог ее винить.

Они оба пытались. Не только в меру своих возможностей и способностей. Они делали даже больше. Шли на компромиссы, прощали, начинали заново, разговаривали, ругались, мирились. Они сражались. Вместе и каждый за себя. К неизбежному концу. Потому что в глубине души он все время знал, что они направляются именно сюда, и он был убежден, что она думает точно так же.

Вопрос был скорее в том, когда можно будет сдать. Когда дети станут достаточно большими? Когда кто-то из них влюбится? Когда человек выбирает неудачу вместо жизни во лжи? И может быть, может быть, сейчас они к этому подошли.

С Матильдой все было по-другому. Не было никакой возможности просто принять решение, разорвать контракт и разделить имущество. Может, она больше не захочет его видеть. Может, никогда больше не ответит на его звонки. Но это не меняло того, что она его дочь, а он навсегда останется ее отцом.

Он вытащил пистолет из кармана пиджака, чтобы бросить его как можно дальше в озеро своей здоровой рукой, когда изображение истекающего кровью Цяна с ножом в горле, выпало на землю. Он поднял его и уже собирался разорвать на кусочки, как вдруг через некоторое время понял, что упустил самое главное.

И вместо того, чтобы выбросить оружие, избавиться от фотографии и пойти в отель, он развернулся и побежал обратно к Остерброгаде. Обратно на парковку, о которой говорила Дуня. Так быстро, как только мог.

Не нож, не кровь и не страдальческое лицо Цяна заставили его наконец понять, как различные зацепки в квартире Слейзнера могли бы рассказать, что на самом деле произошло там, на балконе. Это была едва заметная золотая цепочка с маленьким слоником-богом на шее Цяна. Именно она навела его на мысль о том, как все соотносится друг с другом. Где держали Цяна, и, прежде всего, почему. Вопросы, которые он не задавал себе до нынешнего момента, когда уже знал ответ.

Ответ, который заставил его понять, что он еще не закончил.

Что у него осталось еще одно дело.

Последнее.

В одном из помещений стояли две скамьи, на стенах висели зеркала, а с потолка свисала боксерская груша. А еще веса. Гантели, гири и изогнутые штанги. В другом располагалась мини-кухня и стол с двумя наполовину выпитыми кофейными чашками. Обе холодные. В третьем – два шкафа напротив друг друга. В них висели костюмы, синие комбинезоны, нижнее белье и туалетные принадлежности, а на единственной вешалке – рыбацкий жилет с соответствующей шляпой, наполненной рыболовными снастями. В двух маленьких спальнях без окон кровати были не заправлены, и, судя по грубой одежде, разбросанной по полу, именно здесь, как и утверждал Слейзнер, проживали двое мужчин.

Но здесь никого не было. Оставив Фариду в комнате управления, она обследовала каждую поверхность тайного пространства за автомастерской. Единственная жизнь, которую она видела, была в тех камерах на мониторах. Там было грязно и сыро. Здесь, напротив, чисто и дорого, со стенами разных оттенков серого и ковровым покрытием на полу.

Сомнения, что, возможно, камеры находились вовсе не здесь, а где-то еще, она старалась, насколько это возможно, приглушить. Вместо этого направила всю свою веру на дверь в другом конце коридора, по которому двигалась быстрым шагом.

Он был последним и, если он не проведет ее дальше, она не знала, что делать. Плана Б не было. Не было и плана А, если уж на то пошло. Единственное, на чем они с Фаридом наконец-то сошлись, – что он останется в комнате управления, пока жесткий диск не закончит копирование, и если она до этого не успеет вернуться, он должен будет уехать оттуда как можно дальше и убедиться, чтобы содержимое попало в нужные руки.

А она должна найти камеры. Сейчас только это имело значение. Найти камеры, и эту Йенни Нильсен. Что будет после – еще не написанная история.

По крайней мере, ей понадобилось лишь нажать на ручку, чтобы дверь открылась, и когда зажглось автоматическое освещение на

другой стороне, она сразу же узнала длинный ход, тянувшийся под Остерброгаде, с первого визита Фарида и Цяна.

Оказавшись в проходе, она увидела, что железная дверь, ведущая на погрузочную площадку, действительно была заперта изнутри. Но ей нужно было не обратно на парковку, а в подвальное помещение, которого на самом деле не существовало.

После преодоления пятидесяти с лишним метров по проходу она ввела код 7895, который все еще работал и здесь, и так же, как это сделали Цян и Фарид, отодвинула в сторону тяжелую занавеску и прошла в тускло освещенную комнату с темными стенами и круглым фиолетовым плюшевым диваном в центре.

Дверь в комнату с жертвенным столом и орудиями пыток была приоткрыта. Но она уже видела это, поэтому решила попробовать другую дверь, которая вела в еще один коридор. Здесь по всей правой стороне располагались двери. Двери с латунными табличками. Амелия, Шарлотта, Эмма. Ей не нужно было их открывать и смотреть, потому что она уже знала, что скрывается внутри, и она поспешила дальше по лабиринту коридоров и пространств, которые навевали мысли о казино, спроектированное таким образом, что, переступив порог, вы никогда не сможете снова найти выход.

После спа, гостиной, серии извилистых коридоров и массажного кабинета она нашла зал, который на контрольной панели назывался «Хрустальный зал». Он был таким же величественным и неподвластным времени, как следовало из названия. Высокие потолки, большие хрустальные люстры, круглые столы с маленькими лампами с красными абажурами и длинная барная стойка с диванами в задней части.

Весь интерьер дышал смесью декаданса и будуара, но, прежде всего, он дышал деньгами. Изобилием денег. Денег, на которые можно купить все что угодно. Но только за тяжелым занавесом, за освещенной сценой она наконец нашла то, что показывало ей – она на правильном пути.

Лифт.

Лифт, который мог доставить ее только вниз.

Потому что именно вниз она и направлялась.

Вниз, туда, где было больше всего.

Как только она вышла из лифта, она попала в другой мир. Хоть он и казался таким же пустынным, как и этаж выше. Но здесь не было тусклого освещения и темных стен с золотым узором. Здесь царила стерильная белизна стен и яркий, всепоглощающий свет от встроенных светильников.

Она вошла в сверкающую чистотой душевую комнату с белым кафелем и пятью вмонтированными в ряд вдоль стены душевыми лейками, а напротив было столько же туалетов. У третьей стены в ряд располагались раковины, а в центре помещения – пять биде.

Она осмотрелась и поняла, что это произошло именно здесь. Именно в этой душевой произошло то, от образов чего она никогда не избавится. Но она не остановилась и продолжила путь мимо мойки высокого давления и каких-то канистр с красными предупреждающими треугольниками на этикетках.

Комната, примыкающая к душевой, также полностью белая, была оснащена большой лампой, прикрепленной к потолку на мощном кронштейне, и металлическим столом на колесиках, на котором десятком длинных узких медицинских инструментов были аккуратно разложены на полотенце рядом с креслом гинеколога.

Далее следовал короткий коридор, ведущий мимо большого окна в комнату с обернутой полиэтиленом кроватью, окруженной видеокамерами на штативах, дальше к другому лифту, который, как и предыдущий, мог увезти ее только в одном направлении.

Вниз.

Насколько далеко вниз, сказать было трудно, но дальше, чем она ожидала. Может, лифт просто ехал очень медленно. Может, не напрямую вниз, а наискосок, в сторону. Тусклый свет не давал разобраться. Но вот наконец, по ощущениям, несколько минут спустя, он остановился, и когда она вышла, плотный спертый воздух с резким запахом сообщил ей, что она попала в нужное место. Что вот его она и искала.

Стены, полы и потолки окружили ее голым бетоном. Конденсат, который стекал и капал, потом высыхал и снова тек. Отложения, после анализа которых у криминалистов начались бы проблемы со сном.

На потолке светили голые лампочки, скудно развешанные в коридоре, узком, как на подводной лодке. По обеим сторонам приоткрытые решетчатые двери в камеры, лишённые жизни.

Достоинства. Всего. Больше коридоров. Больше камер. В углу гора брюк, свитеров и платьев, трусов и носков. Испачканные и порванные. Вокруг ползают черные насекомые, которых она никогда раньше не видела.

Тем не менее, она присела, чтобы поискать зацепки. Все что угодно, что она могла бы идентифицировать. Дать им имя. Но далекие голоса заставили ее снова подняться и продолжить путь по коридору, следуя за резким запахом дальше за угол, а затем в еще один лабиринт проходов, где в конце концов она пошла на звук выстрела.

Там стоял он, в десяти метрах от нее, и на руке у него не было безымянного пальца, одетый в грубые ботинки, камуфляжную одежду и противогаз. В одной руке он держал пятилитровую канистру, содержимое которой выливал в яму площадью несколько квадратных метров в центре потрескавшегося бетонного пола.

Каждая клеточка ее тела была готова броситься туда и накинуться на него. Сделать все что угодно, лишь бы это принесло ему такие же страдания, какие испытал Цян. Но так нельзя. Пока. Сначала ей нужно понять, что происходит.

Но как это сделать?

Как постичь непостижимое?

Помещение было большим, не меньше шестидесяти квадратных метров, и, как и все остальное на этаже, было целиком из бетона. Из большого отверстия в полу доносились ревущие, почти клокочущие звуки, которые, по крайней мере, объясняли невыносимую резкую вонь, заставлявшую каждый вдох ощущаться как шаг ближе к концу.

В нескольких метрах над отверстием висела толстая круглая деревянная крышка на стальном тросе, который соединялся с канатом в потолке, тянувшимся к лебедке, а та, в свою очередь, крепилась к стене по левой стороне от Дуни над длинным рядом канистр с красными предупреждающими треугольниками.

Чуть поодаль стоял второй мужчина, тоже в грубой военной одежде.

При свете фонарика он внимательно изучал одну из молодых женщин, стоявших в ряд без единого клочка одежды, прикованных руками и за шею к длинной цепи, прикрепленной к стене позади них.

Ужас у них в глазах, когда он разглядывал тело женщины, говорил Дуне больше, чем она могла воспринять. То же самое с криками,

которые звучали лишь как приглушенное бормотание из заклеенного скотчем рта, когда он одной рукой ослабил цепь на ее шее и руках.

– Вот еще одна, – сказал мужчина по-английски, кивнув на шрам в форме креста между грудей женщины, и пнул ее к своему коллеге около ямы.

Женщина покачала головой и что-то прокричала под скотчем.

Что-то невнятное на незнакомом языке, но что было понятно всем.

Борьба за свою жизнь. За то, чтобы избежать наказания. Но у нее не было шансов. Против всех этих мускулов. Против выстрела в лоб. Против толчка в яму.

Все закончилось в считанные секунды, и в тот же момент, как из отверстия в полу послышался глухой удар, стоявший около женщины крикнул:

– Вратлов! Сзади!

Но Дуня уже была прямо за мужчиной около дыры, и, крепко ухватившись за его правое предплечье, дернула его за спину с такой силой, что плечо выскочило из сустава и пистолет ударился о бетон.

Мужчина, которого, очевидно, звали Вратлов, закричал из-под противогаза и, несмотря на безжизненно свисавшую руку, попытался повернуться, чтобы одолеть Дуню, но пистолет уже был у нее в руке, а дуло прижато к его виску.

– О'кей, успокойся, – сказала она по-английски, фиксируя его здоровую руку за спиной. – А ты – бросай оружие! – крикнула она другому. – Оружие! На пол!

– Знаменитые последние слова... – мужчина около женщин с улыбкой бросил пистолет на пол. – Просто чтобы ты знала, ты никогда отсюда не выберешься.

– Может быть, – Дуня выстрелила так, что пистолет у ног мужчины отлетел в сторону. – Но давайте по порядку – сначала развяжите их.

Мужчина колебался, то и дело поглядывая на женщин, своего коллегу и Дуню.

– Можешь сколько угодно считать и вычислять. Включить все факторы и заполнить все пробелы, чтобы высчитать наиболее вероятный исход. Или я просто могу сказать тебе – что бы ты ни придумал, терять мне нечего.

Мужчина поразмышлял еще мгновение, затем повернулся и начал ослаблять одну цепь на шее за другой, когда ей вдруг что-то прилетело в затылок. Что-то твердое, от чего треснул череп, или это от того, что она ударилась головой о бетон.

Неизвестно. Ничего, кроме того, что она вдруг оказалась лежащей на спине с раскалывающейся головой и настолько затуманенным взглядом, что мужчина над ней виделся ей лишь размытой тенью.

– Эй, ты там. Как ощущения?

Она попыталась определить источник голоса, но мысли не слушались и путались.

– Тебе повезло, что я использовал только этого маленького мерзавца. – Размытая тень протянула что-то похожее на блестящий мраморный шар и наклонилась достаточно низко, чтобы она разглядела, кто ей улыбается.

Но она не могла поверить своим глазам и инстинктивно покачала головой. Почувствовал как сильно болит затылок. Но ничего не поделаешь. Этого не может быть. Обман зрения – единственное правдоподобное объяснение. Этого быть не должно. Может, поэтому, несмотря на боль, она продолжала качать головой. Словно чтобы убедить себя, что все, что она видит, это ложь. Перевернутый мираж из ее самого страшного кошмара.

– Видела бы ты себя, – рассмеялся Слейзнер и покачал головой, как она. – Выглядишь так, будто смотришь на мертвеца. *Ох, я вижу мертвых людей*^[11].

Но это не ложь. Он жив. Она не могла понять как.

Но этот сукин сын жив. Если только это не она умерла и просто еще не успела это понять. Что вот так выглядели последние секунды перед полным отключением сознания.

– Да, точно! Это всего лишь скромный я, – Слейзнер захлопал в ладоши. – Вот мы и снова увиделись. Приятно, не правда ли? Не знаю, как ты. Я сам никогда не был особенно религиозным. Но когда смотрю на себя в зеркало, то это просто максимально близко к воскрешению. А ты что скажешь?

Она молчала. Ей не хотелось вовлекаться в его игру. Вместо этого она потянулась к его штанине. Хватило бы одного рывка. Он так увлечен собой, что не заметит ее руку. Один небольшой рывок, за которым последует пинок, и он потеряет равновесие и упадет в яму.

– Ай-ай-ай, – он отдернул ногу. – Такое веселье мы не будем...

Это последнее, что она расслышала, перед тем, как он второй раз ударил ей по голове шаром.

Фабриан спешил вперед мимо фасадов зданий вдоль Остерброгаде в поисках чего-то, напоминающего общественную парковку, пока мозг пытался воспроизвести впечатления от квартиры на Исландс Брюгге.

Разговор по домофону, когда Слейзнер принял его за кого-то другого. Кого-то, чьего визита он явно ожидал. Некого Мортена Хейнесена. Вероятно, это был полицейский, прибывший двадцать пять минут спустя. Лифт, который ехал вниз, но не остановился, чтобы высадить кого-нибудь на первом этаже. Открытый шкаф, разбросанная одежда и бутылка водки не на своем месте. Цепь с маленьким слоником бога Ганеши.

И запах.

Особенно тот запах, который он почувствовал в ящике для подушек.

Все указывало на то, что это невозможно. Что это только он сам в полном отчаянии увидел, как кусочки головоломки складываются в единое целое. В единое целое, которого на самом деле не существует. Ведь как на него ни взглянешь, оно противоречило здравому смыслу. Но им завладели подозрения, и несмотря на то, были ли они обоснованными, он обязан был выяснить, как дела обстояли на самом деле, прежде чем мог вернуться домой и начать жить дальше.

Пока мимо него проехали четыре машины. Все такси, из которых одно свернуло и остановилось на велосипедной дорожке, думая, что он хочет на нем проехать, когда он оглянулся через плечо и проследил за ним взглядом.

На этот раз остановиться и обернуться его заставило не такси, но ярко-синее свечение множества мигающих машин экстренной службы. Они были еще слишком далеко, чтобы он мог увидеть, сколько их, но предполагал, что не меньше трех.

За ним не должно было быть охоты. Мобильный телефон он оставил выключенным в гостиничном номере, и в машине скорой помощи за ними не было слежки. Конечно, кто-то мог позвонить и сообщить о случившемся. Кто-то, кто его видел, что в свою очередь означало бы, что датская полиция установила его личность.

К несчастью, он находился посреди открытой площади, где будет на виду, когда мимо проедут машины экстренных служб с мигалками. Поэтому он укрылся за кустом, где обнаружил, что кусты как раз скрывали подъездную дорогу к парковке, которую он искал.

В то же время он услышал приближающиеся машины, и когда он увидел, как они выключили мигалки и повернули налево к площади, он не придумал иного выхода, кроме как спуститься вниз по наклонной бетонной рампе и поспешить к двери для пешеходов рядом с воротами на парковку.

Первый автомобиль он уже однажды видел сверху, с балкона Слейзнера, когда тот затормозил и остановился перед телом на Исландс Брюгге. Значит, это был тот Хейнесен, которого ожидал увидеть Слейзнер, и который позже преследовал его в квартире. В пикапе позади, вероятно, находилась оперативная группа готовых стрелять не раздумывая.

Что дверь на круглосуточную парковку была не заперта и что он без проблем смог попасть внутрь, было плюсом. Но это лишь дало ему максимум выиграть несколько секунд, когда звук визжащих шин уже доносился от машин на рампе снаружи.

Пытаясь выиграть время, он забрался наверх по огнетушителю на стене и оторвал кабели от механизма, открывавшего ворота. Затем побежал к автомастерской, где стояла метла, которую он мог пропихнуть через дверную ручку так, чтобы и дверь нельзя было открыть.

Вскоре послышались недовольные голоса, после чего кто-то начал дергать дверь. Швабра ее удерживала, и Фабиан мог отпрянуть назад, хорошо понимая, что часы тикают.

Так как Дуня упомянула что-то о том, что парковка должна сообщаться с тайным подвалом через подземный ход под Остерброгаде, поиски он начал в этом направлении.

Чуть поодаль стоял грузовик с контейнером. Это само по себе не было ничем необычным, но когда он понял, что двери контейнера широко открыты, он без колебаний достал пистолет и снял его с предохранителя, поднимаясь по стальной лестнице.

Но там никого не было, ни на погрузочной платформе, ни в контейнере, и под грохот полицейских, пытавшихся войти, он

направился к железной двери. Как и ожидалось, она была заперта, поэтому вместо этого он вернулся к контейнеру и шагнул внутрь.

На все вопросы о том, что грузили или будут грузить, ответы были получены в тот же момент, как его глаза привыкли к темноте и он смог увидеть все женские имена, вырезанные на ржавых стенах. Но Слейзнер уже преступил все границы и сделал то, что все считали невозможным.

Так почему бы не сделать и это?

Однако его удивило одно – имя в самом конце в левом углу на высоте около метра от пола. Это было единственное мужское имя, которое он увидел. Более того, это было имя, которое он знал с последнего года работы в Стокгольме.

«Диего Аркас».

Сейчас он сидел в тюрьме Халль, отбывая наказание как один из вдохновителей крупной траффикинговой сети, которую им удалось разоблачить в 2009 году. Но, по-видимому, она по-прежнему была активна, в том числе и при содействии Слейзнера.

Но что означал крест, вырезанный поверх всего имени, он не понимал, да и подумать не успел, когда услышал, как открылась железная дверь на погрузочной платформе позади него. Он развернулся, но при свете в лицо мог видеть лишь очертания идущей ему навстречу женщины с убранными волосами.

– Лежать! На живот! Руки и ноги врозь! – крикнул он, направив пистолет на женщину, которая остановилась прямо перед контейнером. – На пол! – повторил он по-английски, только сейчас заметив два снаряда, которые с длинными спиралевидными металлическими хвостами разрезали воздух, направляясь прямо к нему.

Один вонзил свои шипы в его левую ногу, а другой – в правое бедро. От последовавшего электрического разряда время остановилось, и хотя он и был в полном сознании, когда его ноги подкосились под ним в спазматических конвульсиях, он был не в состоянии сделать что-либо, кроме как беспомощно упасть на пол.

Глаза Фариды покраснели от напряженного всматривания в экран в ожидании, что пульсирующая синяя полоска переключится с девяноста девяти на сто процентов. Ожидание, которое на данный момент стоило ему двадцати пяти с половиной минут и восьмидесяти трех морганий. Двадцать семь минут понадобилось, чтобы полоска выросла с девяноста восьми до девяноста девяти, так что сейчас он должен быть близок к цели. С другой стороны, разные процентные шаги занимали от двух до тридцати трех минут, а это означало, что последний этап вполне мог занять более часа.

Другими словами, он не имел ни малейшего представления о том, сколько времени осталось до завершения копирования, так, чтобы он смог отсоединить жесткий диск, выйти из комнаты управления и вернуться в машину скорой помощи. Единственное, в чем он был уверен, так это в том, что, если сигнал не прозвучит в ближайшее время, его глаза рискуют вытечь из глазниц.

Как будто вдали сработало взрывное устройство, раздался громкий стук, от которого пол под ним задрожал. Но, возможно, просто где-то громко захлопнулась тяжелая дверь. Он надеялся, что это назад возвращается Дуня. В идеальном мире она нашла тех двух мужчин и разобралась с ними, чтобы они смогли покинуть эту богом забытую дыру вместе.

Его расстраивала мысль о том, что они могут быть разделены здесь. По отдельности они и вполтину не были так сильны, как вместе. Достаточно посмотреть на то, что случилось с Цяном, чтобы понять, что это была плохая идея. Но Дуня отказалась слушать, и клялась вернуться до окончания копирования.

Но эти слова были такими же бессмысленными и пустыми, как предвыборные обещания на финальных перед выборами дебатах. Она даже чмокнула его в губы, прежде чем поспешила прочь. Этого никогда не случалось раньше, и не могло быть истолковано иначе, чем прощание. Поэтому он с большим удивлением услышал отдаленные шаги в коридоре снаружи.

Он подошел к дверному проему и высунул голову в коридор. Что-то он слышал. К сожалению, звучало это как шаги более чем одного человека. Сколько их, сказать было трудно, но не меньше двух. Сейчас он даже услышал голоса. Мужские голоса, разговаривающие прерывисто, односложно, как военные, отдающие друг другу приказы.

Электронное пикиканье заставило его снова повернуться к экрану, где мигающая полоска была, наконец, заполнена. Он вырвал кабель из жесткого диска, засунул его в рюкзак вместе со своим ноутбуком, и с рюкзаком через плечо поспешил обратно к двери, но был вынужден развернуться на пороге.

Мужчины находились слишком близко. Он отчетливо их слышал. Они были не более чем в десяти метрах от него. Может быть, даже меньше. Он осмотрелся в маленьком помещении в поисках места, куда мог бы спрятаться. Обычно он не паниковал, а теперь не мог сдвинуться с места. Не говоря уже о том, чтобы в голове возникла хоть одна ясная мысль. Это все Дуня виновата. С тех пор, как она появилась в его жизни, у него не было времени заниматься йогой и медитировать больше одного раза. Теперь он стоял там с активно работающими потовыми железами и, будто бы играя в прятки, он заполз и спрятался под контрольной панелью.

Но это были не прятки. Что это, он не знал.

Знал только то, что, если его найдут, закончится это ножом в горле, поэтому он впихнул свое тело еще немного дальше за стационарный компьютер и кучу отсоединенных кабелей. А может быть, они придумают что-то еще, чтобы его удивить? Возможно, в глазу. Или почему бы и не...

Совсем неосознанно в тот момент, когда он услышал мужчин прямо у двери, он остановил и мысли, и дыхание и сидел, как окаменевший Гудини, который в разгар своего грандиозного финального номера пришел к осознанию того, что это не то, чем он хотел заниматься в жизни.

Только убедившись, что шаги уже преодолели дверь, он осмелился выдохнуть и расслабиться, только чтобы вскоре услышать, как шаги внезапно прекратились и сменились голосами, снова обменялись несколькими короткими фразами.

Вскоре после этого он увидел пару грубых ботинок, остановившихся в центре тесного пространства. Он даже мог слышать

дыхание мужчины и как тот почесывает щетину. Сам он снова задержал дыхание, проверил каждый мускул своего тела, чтобы тот не касался ничего, что может издать звук.

Молчание было похоже на игру в «цыплячьи бега», где тот из них, кто первым издаст звук, проиграет. Гонка, которую он выиграл, когда раздались два громких щелчка.

Что на самом деле он проиграл, он понял, когда его осенило, что слышал он колени мужчины. Но тогда уже было слишком поздно. Мужчина сидел на корточках и смотрел ему прямо в глаза.

Фабиан успел увидеть только очередную дорожную люстру над головой, прежде чем погрузился во тьму. Когда он снова смог открыть веки, блондинка, идущая впереди и державшаяся рукой за веревку у него между ног, утащила его еще дальше в темный лабиринт коридоров ночного клуба. Затем все снова потемнело, как будто внутри него перегорел контакт.

Каждый раз он также терял контроль над мышцами от пояса и ниже. Как будто находился в эпицентре одного долгого эпилептического припадка, когда тело заклинивает в судорогах, диктуемых пульсирующим током между двумя металлическими шипами, снабженными стальным тросом.

– Послушай, – послышался голос высокой блондинки перед ним, говорящей через гарнитуру. – Я просто готовилась к транспортировке, о'кей? И тут увидела его внутри контейнера.

Но что-то изменилось. Возможно, это было связано с тем, что тело привыкало к разрядам. Или, может быть, тазер начал разряжаться после долгих минут в активном режиме, чтобы держать его в тонусе.

– Да хрен его знает, – продолжала женщина, – он просто был открыт.

Но с каждым разом он все слабее и слабее чувствовал разряд, и, очнувшись после очередного приступа, смог даже двигать правой рукой.

– Нет, у него не было ни водительских прав, ни чего-либо еще. Но я думаю, что это он, шведский полицейский Риск.

Если бы он только мог согнуться и приподняться, то смог бы вырвать снаряды и вернуть себе контроль. Но это было невозможно, мышцы во всем его туловище жили своей жизнью.

– Откуда, черт возьми, мне знать? Это не моя ответственность. Я отнесу его в прачечную, а вы им там займетесь, о'кей?

Однако ему удалось, несмотря на то, что перед глазами снова потемнело, схватиться за одну из занавесок и крепко за нее держаться достаточно долго, чтобы наконец услышать, как она падает вниз вместе с карнизом и всем остальным.

– Черт... Слушай, мне надо прерваться. – Женщина впереди него остановилась и повернулась к нему с усталым вздохом, совершенно неподготовленная к удару карнизом.

Удар пришелся ей сбоку, по уху.

– Какого хрена? – он оказался не очень сильным, но достаточным для того, чтобы она больше занялась своим кровоточащим ухом, чем парированием следующего удара, при котором, преодолевая боль в простреленной руке, он обеими руками и со всей силы ударил ей прямо в лицо. Она тихо застонала, потом качнулась и рухнула на пол.

– Понятия не имею. Доверяю это дело вам... Хорошо... Максимум еще пятнадцать минут. Больше мне не нужно.

Он был всего в нескольких метрах от нее.

– Да, если не получите от меня никаких известий через пятнадцать минут, можете спуститься. Но не раньше. Все понятно?

Голос, восставший из мертвых.

– Нет, она все еще в отключке, так что действуйте по плану.

Голос, который должен был навсегда замолчать.

– Мне плевать, что он сказал или не сказал. Здесь я главный, и прямо сейчас я решаю, что заниматься ею буду я. Своими методами. О'кей?

Она лежала на боку, с закованными за спиной руками, и чем-то холодным и твердым на шее. Резкий запах свидетельствовал о том, что она находилась рядом с тем отверстием в полу. О том, чтобы попытаться выбраться оттуда, не могло быть и речи. Малейшим движением она рисковала привлечь его внимание.

– Это ваши проблемы. Вы должны с этим разобраться. Мне нужно пятнадцать минут наедине с ней здесь.

Она попыталась открыть глаза, но не знала, удалось ли. Она ничего не видела. Только серые размытые поля. Как будто она смотрела прямо в собственный мозг.

– Слушай сюда.

Но боль, она была там. Где-то. Как далекий шторм. Но почему она не была острее, учитывая, как сильно он ее ударил? Неужели она потеряла чувствительность? Вот поэтому? Может ли она вообще двигаться?

– Нет, теперь ты меня послушай. Я никуда не уйду, пока не закончу дела здесь, а я не закончу, пока она не очнется и не сможет смотреть мне в глаза, когда я...

Голос прервался, сменившись шагами по бетонному полу.

– Ничего себе! – Голос был уже ближе. – Неужели спящая красавица наконец-то пробудилась от своего маленького красивого сна. – Гораздо ближе. Дуня повернула голову и почувствовала, как

двигается холодная цепь у нее вокруг шеи. Почувствовала, как она спускается по ее спине и блокирует ей руки и ноги. Почувствовала его дыхание.

– На самом деле неважно, насколько сильно я тебя ненавижу, потому что каждый раз, когда я вижу тебя, я не могу не думать о том, как бы хорошо нам с тобой могло бы быть вместе, – продолжал он, и она услышала, как он встал и сделал шаг в сторону от нее.

Она моргнула, поняла, что смотрит, и снова моргнула. Серые поля стали более четкими в своих очертаниях, и вскоре она смогла разглядеть его не только как размытую фигуру. Потный лоб, сухие губы и улыбка. Эта знаменитая, исполненная собственного превосходства, улыбка. Он переполнялся радостью от того, что должно было произойти.

– Но это я уже заявлял, и нет ничего хуже, чем люди, которые повторяются. Так что я справлюсь. А вот тебе будет несладко.

– Ты себя убил, – сказала она, пока он вешал пиджак на ручку лебедки на стене позади.

– Да, это так, – он поднял противогаз, лежавший рядом с выстроившимися в ряд пластиковыми канистрами с плавиковой кислотой и проверил его, прежде чем повернуться к ней лицом. – Ты разве от себя не устаешь? Знаешь, то чувство, что просто едешь по одному и тому же тракторному следу и талдычишь одно и то же, как старый попугай-маразматик. – Он ждал реакции, но она молчала. – Нет, ну, о'кей. Но, по крайней мере, устать могу я, и я бы определенно устал, если бы был на твоём месте.

Здесь больше никого не было. Ни молодых женщин в цепях. Ни мужчин в грубой одежде. Только она и Слейзнер. И улыбка. Эта довольная гребаная улыбка, от которой у любого бы началась изжога.

– Ну, вот эту идею про умереть я давно обдумывал. Как хорошо было бы просто все обнулить и начать сначала, – он расстегнул запонки и закатал рукава рубашки. – Ну, знаешь, сбросить кожу и превратиться в нечто совсем другое. Всего сто лет назад я и так уже был бы мертв в любом случае и похоронен в моем возрасте. Неудивительно, что мы переживаем кризис. Некоторые пытаются решить это с помощью психотерапии. Другие разводятся, меняют профессию и уезжают в деревню, чтобы делать заготовки или запустить какой-нибудь грязный курс гребаной керамики. Я сам,

очевидно, должен был умереть, чтобы воскреснуть. – Он рассмеялся и покачал головой. – И спасибо тебе и Яну Хеску за то, что все части пазла встали на свои места. Правда, немного раньше, чем планировалось. Но какое это имеет значение в общем и целом? А еще тот твой китайский дружок, конечно. Его, ради всех слонов, нам нельзя забывать.

Она пожалела, что спросила. Что подарила ему большое удовольствие возможностью рассказать и попотчевать себя собственной гениальностью. Но ее молчание не помогло бы. Ничто не могло бы помешать ему блистать. В этом была основная причина, почему он был там. Почему она до сих пор жива.

– Как тебе уже известно, в нашем маленьком клубе есть несколько, мягко говоря, громких имен, – продолжил он, открывая бутылка воды.

Он блефовал, или знал, что они с Фаридом нашли видеозаписи?

– Дуня, ну, серьезно. – Слейзнер вздохнул и отпил воды. – Неужели я настолько тебя переоценил? – Он подошел к ней и присел на корточки. – Или это ты меня снова недооценила? Конечно, я прекрасно знаю, какие записи ты со своим индийским дружком смотрела с жесткого диска. Чему тут так удивляться? Думаешь, зачем я расстелил красную дорожку и оставил старые коды для замков? Вот, лучше попей немного.

Он поднес бутылку к ее губам и наклонил ее.

– Нет причин умирать с жаждой.

Большая часть стекла у нее по щеке, но то, что ей удалось проглотить, смыло хотя бы основную пыль в горле.

– Фарид. Вы схватили Фариду?

– Фарид Черукури. Так ведь его зовут? – Слейзнер встал, допил воду и бросил бутылку по дуге вниз в яму. – Или, может, лучше сказать звали.

– Отвечай. Что вы с ним сделали?

Слейзнер снова рассмеялся и вяло три раза хлопнул в ладоши.

– И Оскар вручается... Да ладно тебе. Для кого ты разыгрываешь этот спектакль? Для самой себя? Меня ты не убедишь. Правда в том, если уж говорить начистоту, что тебя это вообще не заботит ни твой хлебающий чай индус, ни тот любитель слонов. Для тебя они были не более чем необходимым злом. Два чемодана без ручки. Так что

предлагаю тебе бросить все это, – он взглянул на экран старой «Нокиа». – Целой ночи у нас нет, так что давайте придерживаться темы. То есть, моей маленькой гибели.

– Ким, забудь, что я сказала. Мне, честно говоря, все равно.

Слейзнер рассмеялся.

– А ты смешная. В общем, чтобы все получилось, мне нужны были две вещи. Тело и правдоподобный сценарий.

Он обошел ее и встал позади.

– В самом теле я никогда проблемы не видел. Это мог быть в принципе кто угодно.

Она слышала, как он расстегнул ширинку и помочился прямо в дыру.

– На этот раз им оказался твой пухленький дружок. Он, конечно, был не в такой хорошей форме, как я, а его кожа была желтее поноса. Но об этих мелочах позаботился Оскар Педерсен. Он всегда был верным членом нашего маленького клуба, и он, кстати, уже позаботился о том, чтобы идентифицировать меня. Кстати, вы разве не вместе работали на твоём первом расследовании?

Она кивнула. Ее несколько не удивило, что Педерсен один из них. В первый раз, когда она с ним встретилась и пожала руку, она чувствовала себя липкой и отвратительной несколько суток после.

– Он попросил меня передать привет, когда позвонил, чтобы сказать, что меня кремировали, и я готов к погребению, – продолжал он, пока выжимал последние капли из мочевого пузыря и застегивал ширинку. – И если тебе интересно, могу подтвердить, что это и близко не было так больно, как твоя маленькая попытка кремации.

– Он жив?

– Кто?

– Фарид.

Слейзнер закатил глаза.

– Вот я только собирался начать рассказывать о том, как мне удалось реализовать правдоподобный сценарий, а ты опять за свое, и начинаешь ныть о...

– Ким, я хочу, чтобы ты ответил. Жив Фарид или нет?

Слейзнер покачал головой.

– Не пытайся обмануть меня, что тебе не все равно его, как бы это сказать, состояние. Единственное, что тебя заводит, – мысль о том, как

бы добраться до меня. Просто признай это.

– Думаешь, что знаешь меня, – сказала она. – Но правда, если уж мы говорим о ней, в том, что ты понятия не имеешь, кто я такая.

Слейзнер разразился смехом и покачал головой.

– Дорогая Дуня, – он встал на одно колено, наклонился и поцеловал ее в щеку. – По правде говоря, я знаю все, что только можно знать, когда дело касается тебя. Возможно, я знаю больше, чем ты сама. И как я это делаю, спросишь ты.

– Нет, не спрошу, – покачала головой она. – Мне это неинтересно. Поэтому давай закончим на этом. Не знаю, что ты запланировал, но давай ты уже приступишь и покончишь с этим.

– Единственное, что мне нужно сделать, чтобы увидеть тебя насквозь, – продолжал он, словно не слыша ее, – это посмотреть в зеркало. Обратись взгляд вовнутрь, как это теперь красиво называется. – Он снова встал и сделал пару шагов назад. – Понимаешь, по сути своей мы с тобой не такие уж разные, как может показаться. Я бы сказал, что мы скорее похожи, чем нет. Возьмем, к примеру, секс. Я становлюсь похотлив и люблю получать удовлетворение, и не вижу в этом ничего постыдного. А ты, – он указал на нее. – У тебя все точно так же. Когда тебе приспичит, ты видишь в этом оправдание того, чтобы в обычный вечер вторника выйти в город и кого-нибудь подцепить. Разница лишь в том, что ты женщина, а я мужчина, а это значит, что ты можешь продолжать вести себя так безнаказанно.

– Никогда не думал, что секс со мной может быть приятнее, чем быть изнасилованной тобой?

– Ну, тогда, на той рождественской вечеринке несколько лет назад, я так и не смог завершить свою маленькую тренировку. Насколько я помню, мы толком даже не успели начать, как пришел Хеск и захотел сыграть в героя. Но если бы не он, ты бы пережила нечто совсем иное, чем все твои жалкие вторничные совокупления. Это я гарантирую.

– Я нисколько в этом не сомневаюсь.

Слейзнер ответил улыбкой и развернулся, чтобы принести другую бутылку воды.

– Так близко к смерти и все равно такая дерзкая. Должно быть, приятно чувствовать себя такой самодовольной и уверенной в том, что находишься на правильной стороне и принадлежишь к хорошим. – Он открутил пробку и отпил.

– Не знаю, хорошая ли я. Но я хотя бы не монстр, как ты.

– Монстр? – Он задумался и, наконец, кивнул. – Да, почему бы и нет? Никогда не считал себя хорошим. Я с готовностью это признаю.

Он снова подошел к ней, присел на корточки и осторожно вылил воды ей в рот.

– Быть добрым как-то всегда мне наскучивало. Добрый. Что это, черт возьми, вообще такое? – Он покачал головой. – Одно это слово раздражает. Думать о других и вставать в конце очереди. Ну чем я лучше. Да ладно! Ты бы так себя описала? Неужели поэтому ты здесь? Чтобы помочь всем слабым. Всем тем, кто не хочет работать и просто сидит на пособии и жиреет так, что перестает влезать в дверной проем? Поэтому ты лежишь здесь, связанная, и думаешь, чего ожидать, когда я толкну тебя за край? Потому что ты такая чертовски добрая. Ну, конечно, ага. – Он встал и допил остатки воды, и выбросил бутылку.

На этот раз она считала секунды.

– С другой стороны, зло, – продолжил он. – Вот здесь есть о чем разговаривать. Здесь происходит самое интересное.

Пять... Шесть...

– Здесь есть движение вперед.

Семь... пока она не услышала, как приземлилась бутылка.

– Естественный отбор, где побеждает сильнейший. Мы говорим о Чарльзе, мать его, Дарвине. Мы говорим о развитии. Прогрессе. Эволюции. Называй как хочешь. Все это покоится на массивном фундаменте зла. Это его нам нужно за все благодарить. Например, за это. – Слейзнер обвел помещение руками. – Если бы не оно, ничего бы этого не существовало.

– Звучит неплохо, как по мне.

– Дуня, не существовало бы ничего. Ни Копенгагена, ни домов, ни машин, ни телефонов. Даже маленького фаллоимитатора, чтобы засунуть в киску. И что в этом хорошего? Хотя это бы не имело значения, потому что не существовало бы ни тебя, ни меня, и никого другого, если на то пошло, неважно, ни хороших, ни плохих. Ни животных. Ни растений. Ничего. Мир, Вселенная, или как бы мы это ни называли, построены не на доброте. Наоборот. И ты знаешь это не хуже меня. А знаешь почему? – Он сел рядом с ней. – Знаешь, почему все, что я сказал, для тебя не новость? – Он наклонился над ней и

посмотрел ей в глаза. – Потому что, какое бы искаженное самовосприятие у тебя ни было, зло всегда было значительной частью тебя. Если не самой большой. Я увидел это в твоих глазах с первой секунды, как ты зашла ко мне в отдел, и я увидел это несколько часов назад, когда ты подожгла тот подгузник. Как тебе понравилось смотреть на мои страдания, и хоть ты это не планировала, какое удовольствие ты получала – такое, как никогда раньше. От того, что меня переиграла. От того, что наконец смогла отомстить. Не знаю, согласишься ли ты, но думаю, что в тот момент ты была максимально верна себе. И как бы ни было больно, и, видит бог, больно до сих пор, это было прекрасно – видеть, как ты хоть раз приняла и перестала бороться со своей природой. Это была, как бы сказать, полная гармония.

Она хотела возразить. Спорить и выплескивать аргументы прямо ему в лицо. Показать, как он ошибается. Доказать, как далеки они друг от друга. Но все, что она могла, это кивать. Все остальное было бы ложью.

Она получила удовольствие от мести. Его страдания наполнили ее энергией. Без тени вины, она переступала одну границу за другой. Законность или незаконность ее не волновала. До тех пор, пока мораль остается на ее стороне, рассуждала она. До тех пор, пока она поступала правильно.

Но мораль она потеряла в тот момент, когда подожгла его. Именно тогда и там она переступила черту, откуда пути назад не было.

Она стала такой же, как он.

Это никогда не было так очевидно.

Как мужчина, которого она ненавидела больше всего на свете.

– Ведь поэтому мы стали полицейскими в первую очередь. Правда? – Он нежно погладил ее по щеке тыльной стороной ладони. – Не потому что мы хорошие и хотим сделать мир лучше. Точь-в-точь как у военных. Никто из них не хочет мира на земле. Напротив, им он бы так надоел, что вскоре они бы начали стрелять друг в друга. Ты и я, мы точно такие же. Быть на правильной стороне и работать на благо – звучит, может быть, неплохо, и большинство наших коллег говорили и повторяли так много раз, что в конце концов сами начали в это верить. Но правда, если уж мы говорим о ней, заключается в том, что нас всегда влекло зло. Разве не так?

Она снова кивнула, и он наклонился.

– Близость к запретному.

До самого низа.

– Борьба жизни и смерти.

Лицо к лицу.

– Вкус крови и трупный запах.

Дыхание к дыханию.

– Чем ближе, тем лучше.

Она открыла рот, слилась с ним в поцелуе, позволив его языку проникнуть внутрь. Сначала его язык трепетал, как будто не хотел быть слишком настойчивым, как будто не смел поверить, что на этот раз все по-другому. Что ей больше всего хотелось, чтобы он поиграл с ее языком и не боялся занять место. Осмелился ее заполнить. Так что он наконец расслабился и решился. Она ответила и показала сопротивление. Именно то, чего хотел Слейзнер.

Она не могла вспомнить где, но где-то она читала, что челюстная мышца была самой сильной мышцей в человеческом теле. Даже мышцы ног, которые были намного больше, не могли с такой же силой воздействовать на внешний объект. Тем не менее, ее удивил внезапный вкус крови, когда ее зубы впились в него, в его язык.

Такую же реакцию у нее вызвал его неконтролируемый крик. Она была не готова ни к этому, ни к его яростным попыткам вырваться. Но больше всего она была не готова к собственной реакции. Что она не разжала зубы, а все глубже и глубже проникала ими в его плоть. Как без проблем дышала через нос, чтобы глотать его кровь, не захлебываясь.

Он был совершенно прав, успела она подумать, прежде чем сжала зубы в последний раз. Прав в том, как зло делало ее самой собой и позволяло наслаждаться его страданиями.

Она выплюнула кончик языка. Поразительно, насколько маленьким он казался, когда упал на бетонный пол в луже крови. Маленький в сравнении с криками Слейзнера, который стоял на коленях, засунув руки в окровавленный рот, как будто ему нужно было потрогать пальцами, чтобы понять, что произошло. Пронзительные бессловесные крики, которые были настолько наполнены болью, что она распространилась и на нее.

Она перевернулась по полу вокруг оси и сильно пнула его обеими ногами. Все произошло так быстро, что мысли запаздывали. Но он затих, как будто кто-то нажал кнопку «отключить звук», в тот самый момент, как он исчез за краем дыры.

Она снова считала секунды.

Четыре... Пять... Шесть...

Но она не слышала, как он ударился о дно.

Семь... Восемь... Девять...

Вместо гулкого удара она услышала что-то другое. Его дыхание? Неритмичное, с короткими, поверхностными вдохами. Почти одышка. Такая же, как и у нее.

С закованными за спиной руками и ногами, она подползла к дыре в полу. Ей потребовалось время, но когда она заглянула вниз, то в паре метров увидела его, цеплявшегося за полости в стене. Дыра под ним уходила вниз, в бесконечную тьму.

– Пожалуйста... – голос звучал так, словно он был пьян. – Пожалуйста, помоги... невнятно и неразборчиво. – Я сделаю все... Все что угодно, только помоги... Пожалуйста, прошу тебя... – Кровь пузырилась в уголках рта и стекала по шее. – Я не хочу умирать... Вот так... Ты должна мне помочь. Слышишь? Мне нужна твоя помощь...

Ей ничего не оставалось делать, как лежать и ждать. Смотреть, как он изо всех сил старается удержаться. Смотреть, как побелеют его ногти, прежде чем он окончательно разожмет хватку. Это могло занять две минуты или десять. Он был сильнее, чем можно было подумать. Может быть, целый час.

– Ключ... – продолжил он. – В пиджаке... там, за тобой...

Она повернулась, увидела пиджак на рукоятке лебедки и начала ползти по полу. На этот раз все получилось быстрее. Как будто ее плечи, мышцы живота, спина, все ее тело начали привыкать быть связанными. Оказавшись рядом, она перевернулась на спину, подняла пиджак ногами и обыскала карманы с руками за спиной.

Она почти сразу нашла ключ. Всего несколько минут спустя ей удалось просунуть его в висячий замок за спиной и отпереть его. Со всем остальным она справилась быстро, и вскоре смогла встать.

Головная боль дала о себе знать, напомнив ей об ударе по затылку.

Она пощупала его рукой и заключила, что из двух ран, которые уже начали затягиваться, вытекло приличное количество крови.

Вероятно, у нее было легкое сотрясение мозга.

Но не серьезнее, чем то, что потребует пару швов и несколько недель отдыха.

Она вернулась к дыре в полу и посмотрела вниз на Слейзнера, который по-прежнему висел на стене.

– Пожалуйста... – повторил он своим пьяным голосом, глядя на нее. – Ты свободна... можешь делать все, что хочешь... Но помоги мне выбраться. Я согласен на все. Я уже все признал. Ведь ты этого хотела, не так ли? Добиться моего приговора.

Она повернулась и пошла к выходу.

– Нет, Дуня! Не уходи... Вернись. Не уходи. Это не ты. Я знаю, что ты не такая, – закричал он ей в след. – Ты хочешь поступать правильно... Ты всегда этого хотела, и если ты так поступишь, то будешь себя винить... Уверяю... До конца жизни....

Она остановилась у лебедки, схватилась за ручку и начала вращать. С каждым поворотом массивная деревянная крышка, висящая на тросе, опускалась еще на дециметр к отверстию в полу.

– Нет, Дуня... не закрывай... пожалуйста... я не хочу умирать. Слышишь? Я не хочу...

Она пыталась отключить мысли и просто продолжать вращать. Опустить крышку, и пусть он исчезнет навсегда. Он ведь уже был мертв.

Но что это ей давало?

Кто она?

На самом деле.

Не только сейчас. А после всего этого.

Когда все закончится.

В кого она тогда превратится?

Фарид сидел на полу, с руками в наручниках, спиной к стене, и никогда еще ему не было так страшно ошибиться. Малейшее движение могло рассердить мужчину в грубой военной форме, который сидел на корточках напротив него и рылся у него в рюкзаке.

Пока они оба не сказали ни слова, и он не собирался быть тем, кто нарушит молчание. Говорить раньше, чем к тебе обратятся, значило напрашиваться на неприятности. Но если ему зададут вопрос, любой, он намеревался ответить честно и прямо. О том, чтобы пытаться кого-то перехитрить, в его положении не могло быть и речи.

Даже если бы они спросили у него пароль к компьютеру, он бы сообщил его им без колебаний. Это далось бы непросто, и он мог только надеяться, что они не узнают, что он расшифровал их жесткий диск и получил доступ к его содержимому.

Если они узнают, его шансы на выживание будут равны нулю. А он не был готов к смерти. Пока. Они уже забрали Цяна и, возможно, Дуню, и теперь остался только он. Единственным светлым пятном было то, что несмотря ни на что, он все еще был жив. Возможно, они поняли, что он им полезнее живым, чем мертвым. А может, они просто хотели потянуть время, чтобы поиграть с ним. Чтобы, как в случае с Цяном, нанести удар, когда он меньше всего этого ожидал.

Мужчина поднял глаза от рюкзака и посмотрел ему в глаза. Он среагировал слишком поздно, а должен был сразу же опустить глаза в пол. Просто смотреть в ответ, как он это делал сейчас, означало лезть на рожон. Но если он опустит глаза сейчас, то это все равно, что показать мужчине фак.

И теперь он сидел в безмолвной борьбе, которая прервалась только тогда, когда в комнату управления вошел коллега мужчины.

В отличие от первого, он не был одет в грубые сапоги и военную форму, а был в обычных брюках и пиджаке. Ему казалось, что оба были военными, но, возможно, это был совсем не тот второй из двух, которых они видели ранее, а кто-то третий. Возможно, это был их шеф, который теперь будет решать, что им с ним делать.

Как, когда и где.

– Вы работаете на Дуню Хугор? – Мужчина сделал шаг вперед и посмотрел вниз на Фариду, который кивнул. – Как вас зовут?

– Фарид. Фарид Черукури, – сказал он, чувствуя, как от усилий, чтобы сидеть так неподвижно, все его тело дрожало.

Мужчина присел на корточки, внимательно на него посмотрел и с серьезным лицом кивнул.

– Меня зовут Мортен Хейнесен, – сказал он и расстегнул наручники. – Я из полиции Копенгагена.

– Полиции? – Кто это? Как они могли его пропустить? – Вы из полиции? – Фарид не знал, что и думать.

– Так точно, – сказал Хейнесен, кивнув. – Нам о многом нужно поговорить, но сначала я хотел бы, чтобы вы рассказали мне, где находится Дуня.

– Я не знаю, – покачал головой Фарид. – Я понятия не имею. Я даже не знаю, жива ли она. Я все время ей говорил, что ей нельзя уходить. Что это слишком опасно и что мы должны держаться вместе. Но, как обычно, она не слушала. Она никогда не слушает. А потом они все равно убили Цяна, хотя он даже не...

– О'кей, давайте успокоимся и будем разбираться со всем по очереди, – перебил Хейнесен.

– Успокоимся? – Фарид посмотрел на него. – Это последнее, что мы можем сделать. Мы ведь должны ей помочь. Разве вы этого не понимаете?

– И как мы можем это сделать, если не знаем, где она?

– Она где-то здесь. Она должна быть здесь. – Он перевел взгляд на выход. – Она просто вышла отсюда и с тех пор я ее не...

– Фарид, мы обыскали все помещения, и никого, кроме вас, тут нет.

– Значит, вы недостаточно хорошо искали. Потому что они где-то здесь. Я знаю, что они... – Он поднялся на ноги и устремил свой взгляд на один из трех мониторов над контрольной панелью. – Вот он. Видите? Вот один из них. – Он указал на монитор, где был виден контур человека, в полумраке быстро пробиравшегося по одному из мрачных коридоров.

Дуня отпустила лебедку и повернулась к отверстию в полу. Что правильно, а что нет, откуда ей знать? Какое это имеет значение, когда у нее нет выбора? Если она хочет жить в мире с самой собой, ей ничего не остается, кроме как взять цепь, лежавшую на полу, обмотать ее вокруг одной руки по пути к краю, где она опустила другой конец к Слейзнеру, которому каким-то нечеловеческим образом удалось удержаться на стене.

– Ты крепко стоишь? – спросил он своим хитрым голосом, и она кивнула.

– Ты должна крепко стоять и тянуть на себя... Обещай мне, что будешь так делать... Что будешь тянуть... Иначе мы оба упадем.

– Ну же, – сказала она, ставя одну ногу за другой. – Пока я не передумала.

Слейзнер, все тело которого дрожало от напряжения, решил схватиться за цепь, сначала одной рукой, а затем другой, после чего она начала тянуть его вверх. Как будто именно для этого она тягала тяжести на тренировках.

В ней не было ничего, что доверяло бы ему. Ничего что бы говорило, что то, что она делает, – правильно. Она слишком хорошо его знала и понимала, на что он способен, и поэтому старалась держать его на безопасном расстоянии, оставляя цепь в качестве единственного звена между ними. Если он попытается что-то сделать, она сможет просто выпустить ее из рук и дать ему упасть вниз.

Но он ничего не делал. Только судорожно держался за цепь. Уже у самого края он слишком обессилел, чтобы преодолеть последний участок. Она попыталась потянуть сильнее, но это не помогло.

– Я не могу... – сказал он, чуть не плача. – Подойди сюда... Ты должна помочь... Пожалуйста...

Она поймала его умоляющий взгляд и кивнула, хотя существо ее протестовало. Но она не видела другого выхода. Если она ничего не сделает, он вскоре потеряет хватку и упадет.

– Только попробуй что-нибудь сделать, тогда тебе кранты, – сказала она, подходя к нему короткими шажками, не отпуская цепь. –

Сразу же отправишься вниз.

– Пожалуйста, пока я не упал... – кричал он, а изо рта текла кровь. – Я скоро не выдержу...

Поставив левую ногу прямо рядом с ним, она осторожно наклонилась за край, подхватила его под руку и помогла выбраться.

Слейзнер обмяк и, дрожа, рухнул на бетонный пол.

– О, охренеть... Спасибо... Просто охренеть...

– Ким, я хочу, чтобы ты лег на живот, заложив руки за спину, – сказала она, готовя наручные замки на цепи.

– Нет проблем, – сказал он, кивнув. – Мне только нужно... – Он с трудом поднялся на четвереньки. – Мой язык... Тот кусочек, который ты откусила...

Его тело дрожало и раскачивалось взад и вперед, как раненое животное.

– Мне нужно его найти, прежде чем мы... Прежде чем мы... Где он? Ну, кончик языка? Может, они смогут пришить его. Как думаешь? А? Смогут ли они пришить его обратно? Конечно, они должны иметь такую возможность? Если бы мы его нашли...

– Я займусь этим, – сказала она, кивнув. – Ляг, а я позабочусь об этом. – Она достала из кармана платок и подошла к луже крови на полу на небольшом расстоянии.

Не было никаких сомнений в том, что это за шуршащий звук, который она слышала позади себя, когда наклонилась, чтобы поднять окровавленный кончик языка. Слейзнер был в движении. Пока что это была только попытка, но, вероятно, он собирался встать на ноги.

Ее реакция была чисто инстинктивной. Ни при каких обстоятельствах она не собиралась позволить ему уйти. Но инстинкт ее подвел. И в способе нападения, и в центре тяжести, но прежде всего в направлении. Вместо того, чтобы бежать и устремиться прочь, он бросился с пола прямо на нее, а его правая рука по дуге разрезала воздух всего в нескольких сантиметрах перед ней.

Промах был ее шансом атаковать. Но ничего так и не вышло, когда она увидела изогнутое лезвие, сверкнувшее у него в руке. Боевой нож, которым он угрожал ей при задержании.

Тут она обнаружила разрез на животе.

Сначала в виде тонкой линии.

Вскоре повсюду была кровь.

Но она ничего не чувствовала. Пока не увидела разрез длиной в несколько дециметров, который пробил не только толстовку и футболку, но и кожу, обнажившую большую красную рану до самого желудка и кишок.

Она рухнула на пол, обхватив руками вскрытый живот. Кровь повсюду. Стремящиеся наружу органы. Все более размытый Слейзнер подошел к ней.

– Вау... красиво... – сказал он. – Настоящее кесарево сечение... Жаль, что ты не была беременна. Получилось бы убить двух зайцев одним выстрелом.

Она слышала его смех, как после плохой шутки по телевизору.

– Если бы только ты меня послушала, – продолжал он, присев вниз к ней. – Если бы ты только приняла зло и дала бы ему решать самому.

Она видела, как он приближается. В то же время он становился все более размытым, как будто сливался с серым цветом.

– Но ты не смогла. Ведь так? Хотя ты все понимала, но не могла не протянуть руку.

Она пыталась что-то сказать, но ничего не выходило. Ни намека.

– Несмотря на то, что ты знала, что все так закончится, ты так хотела почествовать свою добродетель и с чистой совестью смотреть на себя в зеркало.

Теперь она больше не могла его видеть, только ощущать его присутствие, хотя едва. Как будто все чувства вытекали из нее, одно за другим.

– Как, например, когда бросаешь монету какому-нибудь бездомному и чувствуешь себя таким хорошим и прекрасным, что чуть не лопаешься. Жалкое зрелище, вот что это такое. Жалкое и такое же блевотно-слащавое, как когда запихнешь в себя два кило конфет.

Смутно она чувствовала, что где-то рядом с ней в флуоресцентном свете поблескивает изогнутое лезвие.

– Так что ты не заслуживаешь ничего, кроме как перестать существовать.

Но как только он опустил руку и прижал холодное лезвие к ее голой шее, она сдалась и потеряла сознание.

– Исчезнуть в небытие. Всеми забытая.

Поэтому она не услышала ни выстрела, ни пули, которая, как чужой, вырвалась из его лба и оставила после себя открытый кратер.

Ни того что, несмотря на дыру, он разразился своим фирменным смехом и продолжал сидеть верхом на ней. Ни того что заходивший в помещение Фабиан произвел еще один выстрел в Слейзнера, который только продолжал смеяться.

Ничего из этого она не увидела.

Как и третий выстрел, который с близкого расстояния разорвал все на своем пути сквозь голову Слейзнера, но все же не смог заставить его замолчать. Как будто мышцы его горла и лица заклинило, и потребовалось еще две пули, прежде чем наконец воцарилась тишина.

Но к тому времени она была уже совсем в другом месте.

После пяти выстрелов он был совершенно опустошен. Вакуум, где все поставлено на паузу. Ходячая оболочка, которой давно пора было успокоиться и сдаться. Но он все еще стоял на ногах, и, несмотря на то, что никогда раньше не делал этого, все шло как по маслу. Как будто все было заранее запрограммировано.

Сигналы от внешнего мира поступали нерегулярно. Периодические вспышки информации, где все отфильтровывалось до абсолютного минимума. Например, как легкое шипение, напоминавшее лекарство в виде порошка в стакане воды. В обычном состоянии тихое и едва слышное. А сейчас будто усиленный шипящий гул от Слейзнера, который растворялся где-то в темноте внизу.

Даже можно было расслышать, как плавиковая кислота разъедает его тело. Или как ядовитые испарения, которые, хотя и были тяжелее воздуха, упрямо находят выход из ямы и проникают сквозь все фильтры противогАЗа. И дальше ему внутрь.

Тем не менее, он опрокинул в яму четвертую канистру.

Чтобы не осталось никаких сомнений.

Чтобы наверняка.

Пиджак он уже снял, убедившись, что Дуня жива. Как и кофту и брюки. Сложил и завязал так туго, как только мог, вокруг ее туловища. Чтобы остановить кровотечение. Чтобы выиграть время.

Итак, он снял противогАЗ, промотал последний метр, чтобы крышка закрыла дыру и поднял Дуню с пола. Хоть сил у него не было, а кровь снова начала течь из пулевого ранения, он вынес ее на руках из комнаты в узкий коридор, сквозь вонь и дальше мимо камер.

Дверь в лифт стояла открытой, как он ее и оставил. Здесь, внутри, он склонился над ней, нажав локтем на верхнюю кнопку. Но не смог нащупать пульс или услышать дыхание. Ничего кроме обмякших, безжизненных мышц. Один длинный продолжительный сигнал какого-то измерительного прибора, который говорил, что было слишком поздно. Что усилия бесполезны.

Он положил ее на пол, пока лифт медленно поднимался вверх.

Слишком медленно. Как будто он на самом деле не хотел этого и делал все, чтобы замедлиться и повернуть назад. Тянул время. Он прижался ртом к ее губам, почувствовал тепло и отбросил мысли о том, что она скоро похолодеет. Что это бесполезно. Наполнил ей легкие и наблюдал, как поднимается грудная клетка. Сначала один раз, потом еще раз. Пытался думать, что это должно сработать, и качал кровь сильными, быстрыми толчками в грудь. Тридцать раз друг за другом.

Это должно сработать.

Это просто обязано сработать.

Видал, как кровь просачивается из-под ее одежды в районе живота. Стекает на пол, образуя маленькую лужу. Все эти лужи потерь. Смерти. Лифт все еще двигался. Едва ощутимые толчки на бесконечном пути вверх. Ему ничего не оставалось, как продолжать снабжать ее кислородом. Продолжать качать. Бороться со временем. С голосами, на перебой твердящими, что уже слишком поздно.

Может, это была вибрация лифта, когда он наконец остановился или ожило ее сердце. Он не знал. Ему не оставалось ничего, только надеяться, пока он пробирался по ярко освещенным, похожим на больничные, коридорам на следующем этаже. Надеяться на невозможное.

Здесь не было больше никого. Только он и Дуня. И вот следующий лифт. Он двигался быстрее. Дверь открылась почти сразу, не оставив ему времени проверить пульс еще раз. Вместо этого он поспешил спуститься со сцены, прошел через большой зал с хрустальными люстрами и дальше по тускло освещенным коридорам.

Чувствовал кровь из огнестрельного ранения. Как она стекала по руке, с каждой срывававшейся с локтя каплей забирая у него энергию. Но это было ничто по сравнению с Дуней. Ему не нужно было даже смотреть вниз, чтобы понять, что речь шла о литрах. Достаточно было чувствовать, как ее тело вот-вот выскользнет у него из рук.

Как и прежде, все вдруг потемнело, а когда он очнулся, то чуть не упал, но сумел восстановить равновесие и продолжить двигаться по лабиринту коридоров. Остановиться – не вариант. Вместо этого он несколько раз моргнул, чтобы оставаться в сознании. Но это не помогло. Зрение становилось все более размытым по краям. То же самое и со слухом, который улавливал только самые низкие частоты.

Длинный коридор был настолько узким, что он был вынужден продвигаться вперед боком, чтобы ее голова не ударялась о стену, а на другой стороне его встретили слепящие мигалки и вооруженные пуленепробиваемые жилеты, которые кричали и вопили, перебивая друг друга. Приказы отпустить ее и лечь на живот с руками на голове. Угрозы, что они будут стрелять, если он этого не сделает. Все те, кто уже за ним охотились и стреляли в него.

Но он не мог ее отпустить. Не сейчас. Он мог только продолжать двигаться под звуки собственного дыхания и все более далекие голоса. К стальной лестнице. Налево, к группе молодых женщин, завернутых в пледы, и напротив к двоим мужчинам в камуфляжной одежде, лежащим на животе с руками в наручниках за спиной вместе с женщиной в спортивной одежде.

Слышал их крики. Не ему. Друг на друга. Он сам попытался крикнуть, чтобы попросить скорую, но не был уверен, что его услышали.

Пришлось остановиться на середине лестницы, которая исчезла под его ногами, когда он качнулся и упал в темноту.

Очнулся от голосов. Кричащих голосов. Лампы дневного света на потолке проплывали мимо. Попытался встать, но ремни удерживали его на носилках, которые везли его задом наперед по неровной поверхности.

Смог только повернуть голову.

Мигающие полицейские машины и полицейские в форме, оцепляющие территорию с одной стороны. С другой стороны Дуня, окруженная медработниками, которые на ходу настраивали капельницы и приборы, от которых ее тело изгибалось дугой, когда между контактами пробегал электрический заряд.

Он почувствовал вибрацию двигателя скорой, когда она завелась, а двери закрылись. Тогда впервые, когда он уже покидал парковку, вверх по пандусу и навстречу рассвету, впервые тогда пришло то, чего он так долго ждал. То, к чему он все это время пытался прийти. Во что погрузиться.

Тихая и неподвижный, едва уловимая для постороннего взгляда.

Одна-единственная слезинка, такая маленькая, что она давно успела высохнуть перед следующей.

Но процесс был запущен, остановить его было нельзя, и когда скорая помощь набрала скорость и на Остерброгаде включила сирены, он заплакал.

О том, что было, и о том, что будет. Обо всех его попытках, которые так и не были доведены до конца. О неудачах, которые так много разрушили по пути. О понимании того, что ничего нельзя изменить. Плакал о Матильде, которая все это время была права, и о том, что, что бы он ни делал, какие бы решения ни принимал, все закончилось именно так.

И о Теодоре.

Его любимом Теодоре.

Наконец-то он мог о нем плакать.

Эпилог

Последующие часы были отмечены эффективным спокойствием, когда подозреваемых арестовывали, помещения обыскивали, а группе молодых женщин предоставляли помощь. Некоторые из них были истощены, а другие глубоко травмированы. Но все они получили необходимую помощь.

Хотя присутствие полиции росло в течение всего утра по мере распространения по всем подразделениям и инстанциям новости об операции, под руководством Мортена Хейнесена все точно знали, что им делать. Это была роль, в которой он никогда раньше не выступал, и тогда впервые понял, что как будто создан для нее.

Угроза увольнения от комиссара Национальной полиции ни к чему не привела. Вместо этого Хейнесена назначили руководить последующим расследованием вместе с Берн сторфф и Хеммером, и по мере того, как все материалы, собранные Фаридом, были обнародованы и проанализированы, можно было всерьез приступить к арестам.

После ничто не было прежним. Первыми арестовали Якоба Санда и генерального прокурора Мадса Йенсена, рядом за ними последовал Оскар Педерсен, глава отделения судмедэкспертизы. Затем настала очередь Риана Фреллесена, исполнительного директора «Данске Банк», директора концерна Стига Паулсена из «TDC» и Кая Мосендаля, генерального директора Датского налогового агентства.

Аресты продолжились вплоть до правительственного уровня – министра иностранных дел Мортена Стейнбахера, одного из наиболее активных членов клуба. Все это вылилось в скандал, который не только втянул датскую полицию в глубочайший кризис доверия, он также охватил большую часть властной элиты Дании и ее институтов с такой силой, что все дело стало известно как Копенгагенская кровавая бойня.

По мере того как молодых женщина идентифицировали и допросили, оказалось, что эта схема включала все, начиная от торговли людьми, взяточничества, финансовых преступлений и налогового мошенничества, и заканчивая убийствами и пособничеством убийству.

Она тянулась и за пределы Дании, в том числе в Стокгольм, к расследованию, над которым работала Малин Ренберг. Но это совершенно другая история.

После нескольких бессонных ночей и дней бесконечных допросов, с Фабиана и Фариды сняли все подозрения и освободили. И это несмотря на то, что все еще оставались некоторые неясности по поводу смерти Кима Слейзнера, поскольку его тело так и не было найдено.

Однако с помощью образцов, взятых со стен до самого дна ямы, было установлено, что он действительно там был. Но дальше все его следы исчезали, так как оказалось, яма вела напрямую в канализационную систему Копенгагена.

Куда отправился Фарид, в настоящее время неизвестно.

То же самое касается и урны с прахом Цяна, которая в ожидании погребения внезапно исчезла.

Один из многочисленных слухов гласит, что Фарид находится на Шри Ланке, где, помимо того, что развеял прах Цяна в заповеднике для слонов-сирот, возглавил чайную плантацию. По другим слухам он ушел в подполье, чтобы основать международную хакерскую сеть «Коварный слон». Некоторые же говорят, что он сам создает о себе слухи.

Единственное действующее лицо, которое на момент написания этой книги не могло давать показания, – Дуня, которая после многочисленных сложных операций до сих пор находится на аппарате искусственной вентиляции легких в отделении интенсивной терапии больницы Риксхоспиталет, где за ней постоянно наблюдают. Не только медицинский персонал, но и Микаэль Реннинг, навещающий ее не менее трех раз в неделю.

Каждый раз он тратит примерно два часа на выполнение одной и той же процедуры. Сначала выбрасывает цветы на ее прикроватной тумбочке, ставит новый букет и меняет воду. Затем садится на край кровати, берет ее руку и рассказывает ей обо всем, начиная от последних поворотов в расследовании и заканчивая тем, чьи руководящие головы недавно слетели, до того, с кем он сейчас встречается, убежденный в том, что где-то внутри она слышит каждое слово и скоро встанет на ноги.

Когда Фабиан вернулся домой в таунхаус на Полшегатан, 17 в Хельсингборге, кровать в комнате для гостей была запровлена. Там он проспал почти целые сутки, прежде чем был готов встать и поужинать вместе с Соней и Матильдой.

Никто из них не спросил его о событиях в Копенгагене.

Возможно, потому, что они уже так много места занимали в новостном шуме. Вместо этого они говорили о подготовке к похоронам. Каковы их пожелания, и чего, по их мнению, хотел бы Теодор. Впервые за долгое время, они могли общаться без ссор, и следующие две недели помогали друг другу, чтобы все было настолько красиво, насколько возможно.

Было ли это началом чего-то нового в их отношениях, пока говорить слишком рано. Может быть, это было просто немного более хороший финал.

В начале сентября Фабиан решил освоить «Макси 108», парусную лодку, которая, если у него появилось бы желание, могла бы справиться с достаточно сильными ветрами для кругосветной гонки. Соня сдалась уже после пары попыток, так как ее укачивало. Матильда, напротив, проявила природную склонность к мореплаванию, и большую часть осени они проводили выходные вместе на лодке, которую совместно решили назвать Тео.

В остальном не проходило ни дня, чтобы он не посетил могилу на кладбище Польше. Часто он ловил себя на том, что сидит там часами. Среди могил и часовен было что-то, что помогало ему обрести покой. Внутреннюю гармонию, к которой он раньше никогда не мог приблизиться.

Там не было ничего, что тянуло бы его прочь. Ничего, что жаждало бы его внимания и хотело увести отсюда. Впервые он испытал некую форму контакта. С Теодором ли или с самим собой – сказать было невозможно.

Но точно с чем-то.

С чем-то благодатным.

Спасибо

Большую часть этой книги я написал в годы пандемии, в 2020-м и 2021-м. На Фабиана Риска она никак не повлияла, поскольку события книги происходят в 2012 году. Однако пандемия повлияла на меня и на мой процесс письма, хотя мне пока удалось избежать заражения, и я все еще жду вакцину.

Обычно хаос царит у меня в произведениях. Именно там, в вымышленном мире, все переворачивается вверх дном и наизнанку, и моя работа в основном состоит в том, чтобы попытаться решить проблемы и создать чистоту и порядок. Чтобы это сделать, мне нужна хотя бы иллюзия того, что в окружающем мире есть структура.

Мне кажется, что еще никогда так, как в прошедшем году, не было ясно, насколько реальность регулярно переигрывает вымысел. Если я хоть раз начинал в этом сомневаться, мне стоило только переключиться с рукописи на первую попавшуюся новость, чтобы все это стало ясно как день – это, если процитировать Эрику из пролога, действовало как криптонит на мое письмо.

Кроме того, мне по-настоящему трудно давалось не иметь возможности никуда ездить – ни к моим взрослым детям в Стокгольм, ни к маме в Хельсингборг (хотя она живет всего лишь по другую сторону пролива), ни к друзьям в Испанию, где я имел обыкновение жить в самые интенсивные периоды работы. То, что я не мог встретиться со всеми вами, читателями, тоже усложняло ситуацию.

И все-таки книга получилась. Не просто книга, а еще и предмет моей гордости, и за это я, в первую очередь, хочу поблагодарить моих близких, которые (не спрашивайте как) смогли выдерживать и меня, и, прежде всего, мои приступы тревоги, поддерживая меня в процессе написания.

Без вас я бы никогда не справился.

Ми, ты не просто всегда рядом, помогаешь и поддерживаешь. Ты читаешь, делишься мыслями, обсуждаешь со мной сюжет, и даже если иногда наши мнения не совпадают, то в конце концов всегда оказывается, что ты была права.

Сандер, спасибо, что так часто спрашивал, как идут дела, и обещал прочитать все книги, когда вырастешь.

Нуми, спасибо за то, что давала мне передышку в письме, когда заходила с новым рисунком или поделкой, которую я могу добавить к коллекции сказочных персонажей на окне. Каждый раз, когда я на них смотрю, я чувствую, что все возможно.

Филиппа, в этом году мы в основном общались только по телефону, и хотя наши разговоры всегда наполняют меня энергией, я жду не дождусь, когда мы снова увидимся вживую.

Каспер, спасибо, что всегда готов помочь, когда мне нужна дополнительная поддержка. Когда я жалуюсь на то, как плохо все идет, и что сюжет не получается таким, как я задумал, а ты напоминаешь, что так у меня происходит всегда.

Хочу также поблагодарить мою команду из издательства «Форум» и моего издателя Адама Далина во главе. Вы все делаете фантастическую работу. Андреас, редактор всех моих книг, ты всегда был глыбой, но в этот раз превзошел сам себя.

Также огромная благодарность Тору, Юлии и Мари из агентства «Саломонссон» за то, что так сильно заботитесь о том, чтобы книги о Риске вышли в свет, и внимательно относитесь ко всему – от деталей обложки до часов, которые носит Слейзнер.

В конце я хочу поблагодарить всех вас, читателей, которые в прошедший год со всей ясностью продемонстрировали, что несмотря ни на что в хорошей истории потребность есть всегда.

Стефан Анхем

Копенгаген, март 2021

notes

СНОСКИ

1

Крупнейший рынок уличной еды на полуострове Рефсхалееэн в Копенгагене.

2

Прием постановки перевернувшегося легкого плавсредства (каяк, байдарка, пакрафт) на ровный киль при помощи рывка бедрами или опоры на весло.

3

Служба полицейской разведки Дании.

Немецкая группа, основана в 2004 г. в Гамбурге Йенсом Мелле и Измаилом Тюфекджи. Играют в основном клубную, электронную музыку.

Немецкий музыкальный коллектив, основан в 1968 г. в Дюссельдорфе Флорианом Шнайдером и Ральфом Хюттером. Играют преимущественно электронную музыку.

6

Американский певец и автор песен, родился в 1949 г. Работает в жанрах экспериментального рока, блюза и джаза.

7

Британская рок-группа направления «прогрессивный рок»,
создана в 1968 г.

8

Так что выкладывай, я к твоим услугам (*англ.*).

Полиция? Кшиштоф! *(польск.)*

10

Австралийская рок-группа, образована в Сиднее в 1971 г.

Цитата из филма «Шестое чувство» 1999 г.